

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

Ноябрь — Декабрь

1984

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

О. И. Шкаратан (Москва). О принципах изучения функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности	3
О. А. Ганцкая (Москва). Семья: структура, функции, типы	16
Р. Я. Денисова (Рига). Опыт реконструкции структуры общества (по данным могильника эпохи бронзы)	29
Б. В. Соколов (Москва). Иммигрантское население Южно-Африканской Республики	41

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций» (В. А. Александров, Л. В. Маркова, С. Б. Рождественская, Л. А. Тульцева, Я. В. Чеснов)	51
--	----

Из истории науки

В. П. Алексеев (Москва). М. Г. Левин — антрополог, этнограф и организатор науки (К 80-летию со дня рождения)	65
--	----

Сообщения

М. О. Османов (Махачкала). О формах и типах скотоводства (По материалам Дагестана. XIX в.)	77
В. Б. Ковалевская (Москва). Древние традиции в домостроительстве горцев Северного Кавказа	88
Б. А. Калоев (Москва). Поездка к венгерским ясам	98
А. Букари (Ниамей, Нигер). О творческом использовании социально-культурных традиций в Нигере	107

Поиски, факты, гипотезы

С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков (Москва). Седло и стремя	114
--	-----

Научная жизнь

А. Н. Жилина, А. Е. Пахутов (Москва). Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг.	131
Г. М. Афанасьева (Москва). Читения, посвященные памяти Б. О. Долгих	138

И. А. Осницкая (Ленинград). Симпозиум «Проблемы этнической специфики языка культуры»	140
Коротко об экспедициях	142
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
М. В. Крюков (Москва). Китайские ученые о проблемах теории этноса	144
Общая этнография	
Г. С. Киселев (Москва). <i>Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе</i> /Под ред. Бромляя Ю. В., Куббеля Л. Е., Першица А. И.	153
Народы СССР	
Б. Х. Кармышева, З. П. Соколова (Москва). <i>Н. А. Томилов. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX в.</i>	155
Г. С. Маслова (Москва). <i>Две книги о народном искусстве</i>	157
Д. М. Бацер, Н. М. Владыкина-Бачинская (Москва). <i>Былины. Русский музыкальный эпос</i> /Сост. Добровольский Б. М., Коргузалов В. В.	158
Д. А. Мачинский (Ленинград). <i>И. В. Дубов. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки)</i>	160
Народы Зарубежной Европы	
Н. В. Шлыгина (Москва). <i>Bo Lönnqvist. Suomenruotsalaiset. Kansatieteellinen tutkielma kieliryhmästä</i>	163
Народы Америки	
В. Г. Стельмах (Москва). <i>L. Carlson. Indians, Bureaucrats and Land. The Dawes Act and the Decline of Indian Farming</i>	164
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1984 году	169

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корреспондент АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, **И. Л. Андреев**, **С. А. Арутюнов**,
С. И. Брук, **Н. Г. Волкова** (зам. главн. редактора), **Л. М. Дробижева**,
Т. А. Жданко, **А. А. Зубов**, **Р. Н. Исмагилова**, **Р. Ф. Итс**, **Л. Е. Куббель**
(зам. главн. редактора), **А. А. Леонтьев**, **Б.-Р. Логашова**, **Г. Е. Марков**,
А. И. Першиц, **Н. С. Полищук** (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

телефон 126-94-91

Зав. редакцией *Е. А. Эшлиман*

О. И. Шкаратан

О ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИЙ, СОДЕРЖАНИЯ И СТРУКТУРЫ ВНЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цель статьи состоит в раскрытии функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности как сферы образа жизни. В связи с целью исследования рассматривается характер связи категорий «внепроизводственная деятельность» — «образ жизни» — «культура». Классификация функций внепроизводственной деятельности осуществляется в связи с ее местом в системе социально-демографического воспроизводства первичной территориальной общности. Содержание и структура внепроизводственной деятельности описываются на основе критерия «мера разнообразия». Отбор видов деятельности (занятий) для последующего анализа производится на базе принципа выделения существенных черт этой деятельности, отражающих типическое в образе жизни исследуемого объекта. Информация, адекватная изложенным методологическим принципам, состоит из данных о мере дифференциации занятий населения в сфере внепроизводственной деятельности. Исходя из идеи растущего разнообразия внепроизводственной деятельности, помощью математического моделирования строится типология характера этой деятельности.

Автор надеется, что предложенный подход будет содействовать дальнейшему изучению общего и национально-специфического в социальном образе жизни этносов и этносоциальных групп.

* * *

Категория «внепроизводственная деятельность» в философской и социологической литературе последних лет отождествляется с категорией «быт». Так, в «Рабочей книге социолога» сказано: «Сущность социологического подхода к исследованию проблем быта заключается в том, что эти проблемы рассматриваются через анализ складывающихся форм внепроизводственной деятельности»¹. В «Философском энциклопедическом словаре» дано следующее определение: «Быт — сфера внепроизводственной социальной жизни, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ»².

Однако в этнографической литературе длительное время преобладала иная трактовка категории «быт». Так Л. А. Анохина, В. Ю. Крулянская, М. Н. Шмелева отмечали, что «быт может быть определен как повседневный образ жизни людей, основывающийся на привычном распорядке, традициях... С этой точки зрения вполне закономерно говорить о быте общественном, производственном и домашнем (или, что шире, семейном)»³.

¹ Рабочая книга социолога. 2-е изд. М.: Наука, 1983, с. 56.

² Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983, с. 69.

³ Анохина Л. А., Крулянская В. Ю., Шмелева М. Н. Быт и его преобразования в период построения социализма. — Сов. этнография (далее СЭ), 1965, № 4, с. 16. См. также: Крулянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура быта горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977, и др.

Все же чаще быт рассматривается более узко, как внепроизводственная сфера жизни, функция которой состоит в повседневном удовлетворении материальных и культурных потребностей человека⁴. Об трактовке категории «быт» в научной литературе был в свое время сделан И. П. Труфановым⁵.

В связи с отсутствием единого содержания, вкладываемого в мин «быт», плодотворным представляется следующее суждение Ю. В. Бромлей: «...сферу непосредственного потребления, повседневного удовлетворения материальных и духовных потребностей людей советской научной литературе принято обозначать термином «быт». Соответственно относящиеся к этой сфере человеческой деятельности компоненты культуры могут быть названы по-русски «бытовой культурой». Однако, как известно, для русского слова «быт» в западноевропейских языках нет адекватного термина. В этой связи для передачи его смысла на других языках нами недавно было предложено использовать формулу «внепроизводственная культура»⁶.

Отсюда следует, что общенаучные термины «внепроизводственная сфера жизни», «внепроизводственная деятельность», по всей видимости, становятся все более органичными для понятийного аппарата этнографической науки.

Категория «деятельность» и ее производные, в частности «внепроизводственная деятельность», являются основополагающими при построении концепций социальной структуры общества, образа жизни культуры и др. И это вполне понятно, поскольку она является главной структурообразующей категорией в системе марксистско-ленинской социологии⁷.

В связи с задачами нашего исследования необходимо установить характер связи категорий «деятельность» — «внепроизводственная деятельность» — «образ жизни»; наметить разграничение категорий «образ жизни» и «культура» применительно к задаче эмпирического исследования внепроизводственной деятельности. Начнем с рассмотрения концепции образа жизни. Здесь мы можем опереться на изысканные повседневные этнографами и социологами.

Журнал «Советская этнография» неоднократно публиковал статьи, раскрывающие соотношение общего и национально-особенного в социалистическом образе жизни⁸. Этнографические и этносоциологические исследования образа жизни у народов СССР являются весомым вкладом в отечественное обществознание. Демонстрируя важность учета в практике управления и планирования этнической (национальной) специфики социалистического образа жизни советских людей⁹, они в то же время показывают необходимость новых углубленных изысканий в этом направлении и дальнейшего развития междисциплинарных связей¹⁰.

В основу дефиниции «образ жизни» все исследователи кладут категорию «деятельность»; сам образ жизни рассматривается как способ

⁴ Синицын В. Г. Быт эпохи строительства коммунизма (О путях строительства коммунистического быта в СССР). Челябинск, 1960, с. 13; *его же*. Формирование коммунистического быта. — Коммунист, 1963, № 11; Харчев А. Г. Быт и семья при социализме. — Вопр. философии, 1967, № 3; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972, и др.

⁵ Труфанов И. П. Проблемы быта городского населения СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973, с. 23—26.

⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 106.

⁷ Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М.: Прогресс, 1984, с. 25—27.

⁸ См., например, Марков Г. Е. Советский образ жизни и проблемы этнографии. — СЭ, 1976, № 2; Арутюнян Ю. В., Дробижнева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — СЭ, 1976, № 3; Дробижнева Л. М. Международный симпозиум «Этнографические аспекты изучения социалистического образа жизни». — СЭ 1978, № 6.

⁹ Помимо уже упомянутых работ см.: Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980, и др.

¹⁰ См. совместную публикацию культурологов и этнографов «Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (по материалам армянской сельской культуры)»/Авторский коллектив: Маркарян Э. С. (руководитель), Арутюнов С. А., Барсеян И. А. и др. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.

рой совокупной деятельности, взятой в единстве с определяющими ее условиями.

В то же время исследователи по-разному трактуют это понятие; в 1980 г. И. В. Бестужев-Лада насчитал 19 вариантов определений образа жизни¹¹.

Наиболее остро вплоть до сегодняшнего дня дебатруется вопрос: входят ли условия жизни непосредственно в образ жизни. Нам представляется оправданной позиция авторов, которые рассматривают условия жизни как фактор и результат, но не элемент образа жизни как такового¹². Сторонники включения условий жизни в состав рассматриваемого понятия не учитывают относительной самостоятельности, например, уровня и образа жизни¹³. Кроме того, нужно принять во внимание, что в систему условий (факторов) образа жизни наряду с таким — характером общественного строя входят также естественно-географические и социально-бытовые условия жизни людей, их ценностные установки и т. д.¹⁴.

Важное значение для развития концепции образа жизни имело обобщение проблемы типических форм деятельности, составляющих образ жизни¹⁵. М. Н. Руткевич отметил, что в понятии «образ жизни» должны фиксироваться не какие-либо случайные, поверхностные черты жизнедеятельности людей в данных исторических условиях, но черты существенные, закономерные. Эти существенные черты — общее в образе жизни народа, класса, социальной группы или слоя, населения рода или деревни и т. д. в условиях данного способа производства¹⁶. Идея выделения существенных черт жизнедеятельности людей послужила отправной методологической посылкой нашего исследования воспроизводственной деятельности.

Мы уже отмечали, что большинство авторов связывают категорию «образ жизни» не просто с деятельностью, а со способом деятельности. Специалисты по проблемам культуры подчеркивают, что культура — также способ деятельности. Мы здесь не касаемся тех расхождений в определении понятия «культура», вследствие которых в него включают или не включают, например, результаты деятельности и т. д.¹⁷.

Авторы, заботящиеся о логической непротиворечивости используемого ими категориального аппарата, не могли не обратить внимание на взаимное «наложение» понятий «образ жизни» и «культура». Но ответы на возникающие при этом вопросы они дали диаметрально противоположные. Так, А. И. Арнольдов соотнес культуру и образ жизни как родовое (культура) и родовое (образ жизни) понятия¹⁸. Э. С. Маркарян, напротив, рассматривает образ жизни как одну из составных частей культуры. По его мнению, образ жизни является «лично-

¹¹ Социальные показатели образа жизни советского общества. Методологические проблемы. М.: Наука, 1980, с. 21—28.

¹² Социалистический образ жизни. Вып. 2. М.: Прогресс, 1979, с. 6, 8.

¹³ См. Руткевич М. Н. Социалистический образ жизни: качественная и количественная определенность. — Социол. исслед., 1983, № 4, с. 9—16.

¹⁴ Социалистический образ жизни. Вып. 1. М.: Прогресс, 1979, с. 13.

¹⁵ Гордон Л. А., Клопов Э. В.: К изучению социалистического образа жизни: разделение быта советских рабочих (в ретроспективе и перспективе). — Рабочий класс и мир, 1976, № 2, с. 25.

¹⁶ Руткевич М. Н. Социалистический образ жизни и его развитие. — Вопр. философии, 1975, № 11, с. 47—48.

¹⁷ См. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983; философия и культура. Тезисы к XVII Всемирному философскому конгрессу (Монпелье, 1983). М.: Философ. о-во СССР, 1983); Коржева Э. М. Задачи и параметры исследования проблем культуры. — В кн.: Социологические аспекты глобального моделирования. Сб. трудов ВНИИ Системных исследований. Вып. 7. М., 1979; Ковальзон Я. К вопросу о месте понятия «культура» в системе категорий исторического материализма. — Культура, история, современность. Круглый стол «Вопросов философии», — Ф. философии, 1978, № 1, и др.

¹⁸ Арнольдов А. И. Социалистический образ жизни и культура. М.: Мысль, 1976, см. также Толстых В. Социалистический образ жизни и культурный рост личности. — Коммунист, 1979, № 1, с. 72.

практической характеристикой усвоенной культуры», он связан с цинально привитыми типовыми свойствами поведения индивидов»¹⁹.

И. В. Бестужев-Лада, пытаясь выделить образ жизни как явление общественного бытия, трактует способ деятельности в контексте понятия «образ жизни» как «совокупность конкретных видов и недеятельности, типичных для данного общества и образующих целостную систему»²⁰. В таком случае предложение некоторых авторов считать, что культура «отвечает на два вопроса: «что» является результатом деятельности и «как» он получается»²¹, дает возможность маркировать культуру и образ жизни.

Однако возможны и иные пути разграничения культуры и образа жизни, строящиеся на идее о том, что образ жизни и культура различаются разными аспектами деятельности как внебиологической активности человека. Здесь принципиально важно следующее суждение Ю. В. Бромлея: «... представляется объективной реальностью существование в социальных системах особого явления, отличающегося только от биологического субстрата их основных элементов, но и структурных связей между последними, т. е. социальных отношений узким смысле слова. Ясно, что этот общественный (надбиологический) субстрат — результат деятельности людей, воплощенный в их духовных свойствах, в самой этой деятельности, а также в опредмеченных формах... данное явление в общих чертах совпадает с... широкими определениями культуры...». По мнению Ю. В. Бромлея, в целом общественное бытие предстает «как дуалистическое единство структуры и субстрата, принятие во внимание такого единства открывает... один из возможных путей к размежеванию собственно социальных и культурных явлений»²².

В недавно вышедшей книге по методологическим проблемам различения образа жизни мысль авторов пошла аналогичным путем: к разному отношению к таким аспектам деятельности, которые характеризуют ее как проявление природы социального строя в конкретных действиях и поведении людей («как в повседневной жизни реализуют возможности этого строя») ²³.

Таким образом, теоретическим критерием различения связи образа жизни и культуры с базовым для них понятием «деятельность» служит характер опосредования отражаемых ими явлений со способом производства и непосредственной жизненной обстановкой²⁴. В системе этих категорий, раскрывающих различные стороны деятельности, образ жизни охватывает те характеристики последней, которые более непосредственно обусловлены способом производства и в этом смысле имеют иные циклы воспроизводства, обновления, более зависимы от активности субъекта деятельности. Отсюда следует, что внепроизводственная деятельность может быть соотнесена и со сферой образа жизни, и со сферой культуры. Все зависит от направленности и содержания проводимого анализа.

Наконец, есть еще одна чрезвычайно важная сторона специфики изучения деятельности в рамках концепции образа жизни. Как известно, необходимо четко различать деятельность отдельного индивида, деятельность этносов, социумов. Диалектика социального и индивидуального в системно-структурном анализе деятельности, в развитии всеобщей и совокупной структур разработана Л. Николовым²⁵. Углубление анализа социальной деятельности, на котором объектом изучен

¹⁹ Маркарян Э. С. Указ. раб. с. 219—220.

²⁰ Социальные показатели образа жизни советского общества, с. 28.

²¹ Коржева Э. М. Указ. раб., с. 62.

²² Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 100.

²³ Образ жизни в условиях социализма. Теоретико-методологическое исследование. М.: Наука, 1984, с. 10.

²⁴ Близкий подход развит В. Н. Пименовой. См. Автореф. ее докт. дис.: «Методологические проблемы исследования свободного времени в развитом социалистическом обществе». М.: Ин-т философии АН СССР, 1983.

²⁵ Николов Л. Указ. раб., с. 23-45.

становится жизнь человека с ее личностной определенностью, задается категорией «образ жизни». Именно на этом уровне анализа появляется возможность показать, каким образом общественное производство и все остальные функции социальной системы осуществляются посредством конкретных видов деятельности индивидов: «...глубинные истоки проблемы образа жизни лежат в диалектике социального и индивидуального, во взаимозависимости бытия социально-экономических структур и жизни отдельных людей... Таким образом, основная познавательная особенность понятия «образ жизни» состоит в том, что субъектом жизнедеятельности выступает человек как конкретно-исторический индивид, как представитель той или иной социальной группы, класса, народности»²⁶.

Наше исследование является эмпирическим, т. е. предполагает качественно-количественную определенность в описании и анализе образа жизни. В связи с этим одной из важных задач является выделение типов деятельности. Основания для таких членений разнообразны. Так, типы деятельности могут быть выделены по характеру затрачиваемой энергии (мускульной, умственной или психической); другим основанием может служить выделение типов по составу деятельности — вещественная, информационная и т. п.; и наконец, основанием для выделения типов может быть разделение по сферам деятельности (производство материальных благ, производство знаний, производство самих людей и т. д.). Выделяют также типы деятельности по ее характеру (производство в широком смысле слова, потребление, включая потребление знаний, духовных ценностей)²⁷.

Последнее из оснований наиболее фундаментально. Оно традиционно для экономической науки, а в последнее время получает все более широкое распространение и в других областях общественнознания²⁸. Ю. В. Бромлей предлагает положить в основу моделирования внутреннего строения культуры деление деятельности «на сферу производства и потребления»²⁹. По мнению Л. Николова, индивидуальная деятельность («с учетом места индивида в структуре социального обмена») разделяется на две основные категории: 1) участие в производстве продуктов (условия жизни) и 2) участие в индивидуальном усвоении и пользовании созданными продуктами³⁰.

Итак, мы видим, что теоретически возможны разнообразные классификации деятельности. Но с точки зрения изучения образа жизни в том концептуальном ключе, который предложен в статье, оправданным является деление деятельности людей на два основных типа — производственную и внепроизводственную.

Как известно, К. Маркс рассматривал деятельность человека в производстве как процесс «производственного потребления». О внепроизводственной деятельности как индивидуальном потреблении К. Маркс писал, что «в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума... Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель...»³¹.

Изучение внепроизводственной деятельности в системе эмпирического знания об образе жизни предполагает ответ по крайней мере на следующие вопросы: 1) дели этой деятельности в обществе, в процессе производства — воспроизводства непосредственной жизни; 2) установление тенденций развития внепроизводственной деятельности на основе теоретически обоснованного и эмпирически верифицируемого критерия; 3) раскрытие внутренней структуры внепроизводственной деятель-

²⁶ Образ жизни в условиях социализма, с. 31.

²⁷ Грушин Б. А. Социалистический образ жизни: понятие и возможные направления эмпирического исследования. — *Вопр. философии*, 1977, № 2, с. 29—31.

²⁸ Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкаратан О. И. Город. М.: Наука, 1975, с. 77—79.

²⁹ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 105.

³⁰ Николов Л. Указ. раб., с. 152.

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 195.

ности и построение ее типологии исходя из вышеназванного критерия развития.

Методологической посылкой, объясняющей сущность и функции в производственной деятельности, ее функциональную необходимость социальное пространство ее осуществления, является теория социального воспроизводства в целом, и прежде всего его составной части — социально-демографического воспроизводства первичной территориальной общности.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса проблемы социального производства — воспроизводства получили глубокое и всестороннее освещение. За последние годы появились работы советских ученых, систематизирующие суждения основоположников марксизма по этому вопросу³², а также работы, в которых динамика социального развития как воспроизводства нашла отражение в системе эмпирических данных и математико-статистических моделях реальных социальных процессов³³.

Социальное воспроизводство — это процесс эволюционного развития системы социальных отношений и групп в пределах общественно-экономической формации в форме их циклического воспроизведения; оно воплощает тенденции изменения социальной структуры, присущие данной формации. Социальное воспроизводство в условиях социализма — это процесс гомогенизации общества, т. е. сближения социальных групп, стирания социально-классовых различий как от поколения к поколению, так и в пределах одного и того же поколения.

Социальное воспроизводство включает в себя как воссоздание ранее существовавших элементов социальной структуры и отношений между ними, так и возникновение и расширенное воспроизводство новых элементов и отношений. В ходе этого процесса формируется изменяющийся и развивающийся индивид.

Если классы, социальные группы и слои, как и отношения между ними, воспроизводятся — функционируют и развиваются — в масштабах всего общества, то процесс воспроизводства индивида протекает непосредственно в первичных территориальных общностях³⁴, которые обеспечивают воссоздание его как живого носителя свойств, характеристик класса, группы, слоя.

Такие первичные ячейки общества, как производственный коллектив, семья, равно как и различные «отраслевые» социальные институты просвещения, здравоохранения и др. осуществляют лишь частичные функции воспроизводства индивида. Специфика функций территориальных общностей состоит в том, что, интегрируя деятельность социальных институтов, они обеспечивают удовлетворение основных потребностей индивида и тем самым его воспроизведение.

В эмпирическом смысле социальное воспроизводство индивида выступает как социальное воспроизводство населения, проживающего на определенной территории. Оно неотделимо от процесса демографиче-

³² Борцевский М. В., Успенский С. В., Шкарата О. И. Указ. раб., с. 73—78; Социально-политические проблемы НТР и идеологическая борьба. Киев: Политиздат Украины, 1978, с. 42—69.

³³ Бляхман Л. С., Шкарата О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М.: Политиздат, 1973, с. 137—187; Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М.: Наука, 1978; Лукина В. И., Нехорошков С. Б. Динамика социальной структуры населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1982.

³⁴ Первичная территориальная общность — исторически конкретное социально-пространственное образование. Ее основное свойство состоит в том, что она может функционировать как относительно самостоятельное гомеостатическое социальное образование. Она также обладает свойством целостности и неделимости по функциональному назначению. Другими словами, ее составные части не могут выполнять те специфические функции, которые присущи данной социально-пространственной единице. Системообразующей функцией первой территориальной общности является функция устойчивого социально-демографического воспроизводства населения. Последнее обеспечивается повседневным обменом основными видами деятельности людей, а тем самым — удовлетворением их сущностных потребностей. В современном советском обществе к этому типу общностей можно относить население городских агломераций. Жители малых городов, дисперсно размещенных сельских поселений не образуют первичных территориальных общностей.

кого воспроизводства и принимает форму социально-демографического воспроизводства, которое обеспечивает подготовку новых поколений к выполнению общественно необходимых экономических, политических и иных функций. Поэтому в нем могут быть выделены такие составляющие, как демографическое, профессионально-квалификационное, этнокультурное и т. п. воспроизводства.

Процесс социально-демографического воспроизводства многогранен. Он включает в себя как сознательное, целенаправленное воздействие (обучение, воспитание, социальный контроль и т. д.), так и стихийное. При этом индивид выступает не только объектом, но и субъектом воспроизводства (труд, познание).

Социально-демографическое воспроизводство не сводится к физическому воспроизводству численности людского контингента. Это — также воспроизведение совокупности определенных социальных и этнокультурных качеств, необходимых для нормального участия населения в функционировании и развитии общества. Таким образом, в процессе воспроизводства могут быть выделены два аспекта: количественный (собственно воспроизводство индивидов) и качественный (формирование — воспитание, воссоздание социальных и этнокультурных свойств).

В социальном воспроизводстве производственная и внепроизводственная деятельности находятся в тесной взаимосвязи. При этом производственная играет определяющую роль. Она является источником материальных ресурсов для жизнедеятельности людей, а также обеспечивает воспроизводство социально-экономически дифференцированных работников, включение индивидов в конкретные трудовые коллективы с их нормами, ценностями, образцами поведения, что приводит к формированию общих социальных потребностей и интересов у людей, выполняющих сходные трудовые функции в сходных социальных условиях труда. Можно считать производственную деятельность исходным пунктом социального воспроизводства в целом.

В процессе же внепроизводственной деятельности осуществляется прежде всего психофизиологическое воспроизводство (питание, отдых, сон и т. п.) работающих членов общества. Кроме того, в ее состав входят и репродуктивная деятельность, уход за детьми, их воспитание. Внепроизводственной деятельности можно отнести и воспроизводство квалификации в тех учащающихся случаях, когда выполняемый труд по своей сложности требует дополнительных занятий дома, в библиотеке и т. п. Еще одной составной частью этой деятельности являются развитие и удовлетворение эстетических потребностей и творческих способностей людей, их социальной активности. Наконец, в процессе внепроизводственной деятельности удовлетворяются многие общечеловеческие потребности — в общении с людьми и природой, в развлечениях и т. д.

Иначе говоря, внепроизводственная деятельность обеспечивает социально-демографическое воспроизводство индивидов, а тем самым демографическое воспроизводство социальных групп.

Целью внепроизводственной деятельности в социалистическом обществе является удовлетворение потребностей социалистического общества: а) в воспроизводстве индивидов, способных к возобновляемому выполнению социально неоднородных, различающихся по характеру трудовых функций; б) в воспроизводстве все более развитых личностей (эта функция является доминирующей по отношению к первой); в) в воспроизводстве этнической культуры населения, что обеспечивает на данном историческом этапе реализацию первой и второй функций в их диалектическом единстве.

Обратимся теперь ко второму из поставленных нами вопросов — теоретическому объяснению тенденций развития внепроизводственной сферы образа жизни. В основу такого объяснения мы кладем концепцию возрастающего разнообразия деятельности людей.

Известно, что каждый отдельно взятый человек ограничен в своих возможностях хранить объем знаний, навыков, умений, а также в своих

физических и творческих силах. Совсем иначе в этом отношении выглядят сообщения людей, человечество, его конкретные социальные организмы. Человеческое общество благодаря способности разделять функции, специализировать и в то же время объединять своих членов может целесообразно сберегать и знания, и накопленные материальные ресурсы. Поэтому, как отмечал В. П. Кузьмин, «накопление человеческих знаний о мире, опыта производства и опыта социальной жизни достижений культуры, материальных ценностей — словом, накопление любых долгосрочных материальных и духовных богатств — в этом состоит главный секрет прогресса человеческой цивилизации»³⁵. Но это также означает, что прогресс общества есть путь движения к все более сложным структурам. Именно так оценивал К. Маркс естественно-исторический процесс: «...ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»³⁶.

Следовательно, есть достаточные основания для того, чтобы исходить из принципа, что прогрессивное общественное развитие состоит в усложнении деятельности, росте ее разнообразия. Последнее является объективным свойством материальных систем. Разнообразие можно считать характеристикой совокупности различий, т. е. понятие различия кажется более простым, нежели разнообразие. Кроме того, различие — характеристика внешнего отношения объектов, которые сравниваются; разнообразие же выступает как нечто внутреннее по отношению к объекту, это как бы некоторое отношение объекта к самому себе³⁷.

Подходя с этих позиций к внепроизводственной деятельности, мы рассматриваем меру ее разнообразия как важнейший критерий уровня социального и культурного развития населения, его социальных и этнических групп.

Третьим принципом (предпосылкой) исследования было выделение существенных черт внепроизводственной деятельности, отражающих типическое в образе жизни исследуемого объекта. В повседневной жизни мы наблюдали многообразные акты поведения людей, за которыми скрыты виды деятельности (занятия). Последние — это относительно обособленные, получившие постоянное место в воспроизводственном цикле жизнедеятельности человека (суточном, недельном, месячном, сезонном, годовом) «атомы» человеческой деятельности.

Внешняя сторона (феноменологический уровень) представлена разнообразными эквивалентными, взаимозаменяемыми формами реализации видов деятельности в индивидуальном поведении. Внутренняя сторона (сущность первого порядка) отражает устойчивые в конкретной исторической обстановке черты внепроизводственной деятельности.

Представляется, что признаками — критериями обнаружения за актами поведения видов деятельности как сущности первого порядка могут служить: 1) массовость их проявления; 2) устойчивость во времени и пространстве (за нижнюю границу времени принимается продолжительность смены технологий в современную эпоху (7—10 лет), а за пространство — первичная территориальная общность); 3) инвариантность в специфических условиях исследуемого этноса (или социума). Таким образом, виды деятельности — это повседневные занятия, сплоск которых создается исследователем на основе собственных наблюдений.

Наше исследование показало, что многие родственные по характеру занятия высоко коррелируют между собой. Поэтому можно ограничиваться представительством определенных видов деятельности, учитывая при сжатии «списка» занятий их социально дифференцирующую силу, т. е. исключая из анализа, как правило, те виды деятельности,

³⁵ Кузьмин В. П. Системные обоснования и структуры в методологии К. Маркса. — В кн.: Системные исследования, 1978. М.: Наука, 1978, с. 33.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1, с. 39.

³⁷ См. Урсул А. Д. Информация. М.: Наука, 1971, с. 82—89.

в которые в равной степени вовлечены представители всех социальных и этнокультурных групп.

Четвертый принцип состоит в измерении разнообразия деятельности людей дифференциацией их занятий. Известно, что введенный нами критерий разнообразия в данном контексте является экспликацией меры дифференцированности и сложности самой деятельности. Но здесь возникает важный для эмпирического изыскания вопрос о соотношении мер сложности и дифференцированности. Ответ на него содержится в принципе соответствия между сложностью и дифференцированностью функций.

Объясним это на примере. Конкретный человек может быть глубоко увлечен своей работой или воспитанием детей (усложнение функций). И это совсем не всегда сопровождается ростом вовлеченности этого индивида в увеличивающиеся число занятия (досуговые, общение и т. д.), т. е. из усложнения функций при исполнении определенного круга занятий данным человеком совсем не следуют растущее многообразие, увеличивающаяся дифференцированность его деятельности. Связь здесь может быть прямой и обратной. Однако когда речь идет о группах, общностях разного ранга, то все исследования демонстрируют тесную взаимосвязь между возрастанием сложности, функционального богатства конкретных видов деятельности и возрастанием дифференциации (числа видов) деятельности. Это в исторической ретроспективе и перспективе — однонаправленные процессы. Достаточно вспомнить, как со времен раннеклассового общества и до наших дней человечество увеличило число профессий с нескольких десятков до примерно 60 тысяч, как обособлялись, институционализировались разнообразные занятия людей вне сферы производства.

Это означает, что при исследовании образа жизни этносов, этносоциальных групп, социальных слоев и т. д. информация о функциональной сложности занятий и дифференциации деятельности взаимозаменяема. Другими словами, данные о том, что именно читают люди, с какой глубиной воспринимают просмотренные фильмы и т. д., раскрывают ту же сущность, что и сведения о количестве книг в домашней библиотеке или числе реальных занятий во вне рабочее время. Конечно, количественные характеристики, названные нами, ничего не скажут о типах личности, но скажут самое главное о развитии исследуемой общности и ее внутренней дифференцированности, в том числе и о сущностных чертах образа жизни.

Отсюда и наш метод сбора информации. Вместо применяемых обычно обследований объектов времени мы использовали в качестве базовых сведения о «пространстве» развивающейся деятельности, т. е. учитывали данные о длине «списка» занятий во внепроизводственной сфере.

Таковы методологические и методические предпосылки изучения функций и содержания внепроизводственной деятельности. Однако необходимо разобраться и в ее структуре. Это даст возможность выделить основные типы внепроизводственной деятельности по ее характеру. Построение такой типологии предполагает постепенный переход в познании внепроизводственной деятельности от сущности первого порядка (виды деятельности) к сущности второго порядка (теоретически конструированные роды деятельности) и, наконец, к сущности третьего порядка (типы деятельности). Тем самым, раскрывая внутреннее строение исследуемого феномена, мы решаем и задачу структурной многомерной классификации, т. е. эмпирико-теоретической типологии.

Таким образом, данный этап решения задачи требует раскрытия состава внепроизводственной деятельности. В зависимости от целей исследования применяют разные классификации, например «бытовая» и «досуговая» деятельность; «бытовая», «культурная», «общественно-политическая»; «социальная», «духовная», «материальная». Мы берем за основу классификации главные функции этой деятельности, направленные на естественное и социальное воспроизводство. Другими

словами, наша логика выявления основных родов внепроизводственной деятельности диктуется естественными предпосылками поддержания и развития жизнедеятельности людей. движением от фундаментальных форм ее, связанных с необходимым потреблением, к развивающим, обеспечивающим все большую разносторонность личности. Поэтому все занятия по воспроизводству типического индивида были сгруппированы в «блоки» — роды деятельности (сущность второго порядка). Род деятельности выступает как исследовательское обобщение, призванное расчленить поток повседневных занятий по блокам с учетом функциональной близости их. Были выделены следующие роды деятельности: 1) репродуктивная деятельность, 2) психофизиологическое обеспечение, 3) деятельность по воспитанию и обучению детей, 4) общественно-политическая и профессионально-трудовая деятельность во вне рабочее время, 5) культурно-познавательная деятельность, 6) общение.

Здесь мы вводим понятие родовидового разнообразия, помогающее нам в описании и объяснении системы внепроизводственной деятельности. Если строить континуум последней, то видовое разнообразие внутри рода выступает как отношение частного к общему, единичного к особенному. Видимо, несколько упрощая, можно сказать, что разнообразие внепроизводственной деятельности определяется прежде всего участием людей в разных родах ее.

Отбор из всех учтенных нами многочисленных занятий тех, что послужили эмпирическими индикаторами основных родов деятельности, дал следующие результаты.

1. Репродуктивная деятельность в эмпирическом смысле представлена фактом наличия или отсутствия детей у респондентов (информаторов).

2. Психофизиологическое обеспечение (т. е. деятельность по восстановлению физических сил индивида для выполнения им производственной деятельности и нормальной жизнедеятельности в целом). Сюда отнесены лишь социально дифференцирующие занятия, т. е. не включены носящие всеобщий характер (типа «сон», «питание» и т. д., где исследование возможно лишь на основе качественных показателей). В данный блок вошли следующие занятия: загородный отдых, работа на садово-огородном участке, характер проведения отпуска, заболеваемость (продолжительность в течение года).

3. Деятельность по воспитанию и обучению детей охватывает те виды занятий взрослых членов семьи, которые связаны с социализацией подрастающего поколения, помощью детям в овладении навыками практической деятельности, освоением всей совокупности социальных функций, ролей, норм, прав и обязанностей. Сюда вошли прогулки, чтение, любительский труд совместно с детьми, проверка домашних заданий, специальные занятия с ребенком и для ребенка (музыкальные, иностранным языком, рисованием и т. п.).

4. Общественно-политическая и профессионально-трудовая деятельность связана с усвоением целого комплекса общественных и профессиональных знаний. Она выводит индивида за рамки непреложных занятий, хотя зачастую и является как бы продолжением производственных функций во вне рабочее время. Сюда мы включили повышение квалификации путем самообразования, на профессиональных курсах, в заочной аспирантуре (ординатуре), в институте повышения квалификации и т. д., общественную работу, учебу в вечерней школе, вечернем (заочном) вузе (техникуме), занятия рационализацией, изобретательством, научной или творческой работой во вне рабочее время; чтение литературы по специальности (дома или в библиотеке во вне рабочее время).

5. Культурно-познавательная деятельность — неотъемлемая часть духовной жизни общества. В процессе этой деятельности формируются мировоззрение, взгляды, установки, ценностные ориентации, нормы межличностных взаимоотношений. Она направлена на функциональное

обобщение досуга и рост культурного уровня индивида. Сюда вошли следующие занятия: чтение художественной литературы и газет, просмотр телепередач, слушание музыки (пластинок, магнитофонных записей и т. п.), посещение кинотеатров, театров, концертов, посещение музеев, выставок, занятия в кружках, студиях художественной самодеятельности, на курсах, самостоятельное художественное творчество (рисование, лепка, игра на музыкальных инструментах и т. п.), любительский труд (различные виды рукоделия, резьба по дереву, моделирование и т. д.), а также занятия фотографией и киносъемкой.

6. Общение — это необходимое условие формирования и развития человека. Характер общения является значимым показателем жизнедеятельности социальной группы. Общение как обмен информацией — неперенный атрибут любой человеческой деятельности. В данном случае мы выделяем ту сторону общения, которая связана с прямыми межличностными контактами. Здесь отобраны занятия, где общение выступает как самоцель и самооценность общественного человека. В этот род деятельности вошли встречи с родственниками, живущими отдельно, встречи с друзьями и знакомыми, игры в домино и карты, игры в шахматы и шашки, посещение спортивных зрелищ, посещение танцев, а также кафе и ресторанов.

Заключительный этап — построение типологии внепроизводственной деятельности путем «свертывания», объединения родов этой деятельности, т. е. построения интегральной шкалы характера внепроизводственной деятельности (сущность третьего порядка).

Таким образом, перед нами встала задача объединения (агрегирования) видовых характеристик в родовые, а родовых — в типовые, т. е. задача классификационная. Каковы возможные способы такого обобщения исходных показателей? В современной практике применения математических методов и ЭВМ в гуманитарных дисциплинах развиваются три основных направления: эвристические методы, обобщение на основе матрицы корреляций и различные способы автоматической классификации³⁸.

К эвристическому моделированию относятся широко применяемые гуманитариями способы группировки исходных характеристик на основе содержательных критериев, сформулированных исследователем, без использования каких-либо формальных критериев типа минимума дисперсии, максимума коэффициента корреляции. Форма выражения агрегированного показателя, функционально зависящего от исходных признаков, может быть как аналитической, так и алгоритмически заданной. Отличительной особенностью этого способа агрегирования является априорное задание всех параметров связи обобщающей и первичных характеристик. Бесспорным достоинством эвристического моделирования можно считать возможность выбирать конкретные приемы обобщения на основе своего видения содержательной стороны проблемы. В то же время широта этого выбора форм, приемов, «технологий» обобщения (различные виды алгоритмов) затрудняет однозначную интерпретацию результатов. Особенно часто описываемый метод применяется для построения некоего индекса, значения которого получают по порядковой шкале. Применяя этот метод, исследователь исходит из предположения, что два объекта относятся к одному и тому же типу, если им приписывается одно и то же значение индекса. Далее мы на своем примере покажем возможности такого способа обобщения первичных, собранных наблюдателем данных, способа, доступного гуманитариям, не владеющему математическими методами.

³⁸ См.: Типология и классификация в социологических исследованиях. М.: Наука, 1982; Клизгер С. А., Косолапов М. С., Толстова Ю. Н. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978; Айвазян С. А., Бежаева З. И., Староверов О. В. Классификация многомерных наблюдений. М.: Статистика, 1978; Жуковская В. М., Мучник И. Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М.: Статистика, 1976.

Обобщение информации на основе корреляционной матрицы в последние годы чаще реализуется с помощью методов факторного и компонентного анализов. Характерной чертой этих методов является линейный вид зависимости интегральной переменной от первичных признаков. Эта черта не может безусловно рассматриваться как недостаток метода, однако опыт показывает, что в задачах историко-этнографических и социологических преобладает нелинейная зависимость обобщающего и первичных показателей. Именно поэтому мы не использовали методы типа факторного анализа.

В настоящее время в гуманитарных исследованиях сравнительно широкое применение стали получать различного рода методы многомерной (автоматической) классификации, с помощью которых осуществляется разбиение первоначального множества объектов на классы, каждый из которых может рассматриваться как значение новой интегральной переменной. К этой группе процедур относятся кластер-анализ, распознавание образов, таксономия и т. д. Большинство процедур многомерной классификации предполагает наличие «сгустков» объектов, рассматриваемых как точки в исходном признаковом пространстве. При реализации многомерной классификации объекты, расстояние между которыми не превышает некоторого порога (величина его задается априори или определяется из опыта), попадают в один класс. Недостатком этих методов является известная затрудненность содержательной интерпретации результатов проведенного обобщения.

В итоге мы остановились на сочетании легко объяснимого на всех своих этапах метода эвристического моделирования с только что созданной В. Т. Перекрестом качественно новой процедурой автоматической классификации, о которой речь пойдет несколько ниже.

Изложим способ эвристического моделирования, примененный нами для построения типологии внепроизводственной деятельности.

1-й шаг: формирование блоков признаков (т. е. отдельных конкретных занятий людей), соответствующих отдельным родам деятельности.

2-й шаг: преобразование шкал видовых признаков в двухпунктовые (дихотомные) шкалы (по принципу «участие» — «неучастие»). Преобразование шкалы осуществлялось индивидуально для каждого занятия. При этом мы учитывали как реальное частотное распределение по исходной шкале³⁹, так и содержательный характер конкретного занятия. В итоге, например, граница дихотомизации между читающими и не читающими регулярно газеты прошла между первым и вторым пунктами исходной шкалы (т. е. к читающим отнесены лишь те, кто читают газеты «каждый день»); граница дихотомизации посещающих и не посещающих театр и концерты пролегла между пунктами шкалы «не реже 1 раза в 3 месяца» и «не реже 1 раза в полгода» и т. д.

Такое упрощение, т. е. сведение к дихотомной шкале, было необходимо для унификации исходной информации. Это дало также возможность избежать чрезмерного числа группировок видовой деятельности, промежуточных с точки зрения построения шкалы родовой деятельности.

3-й шаг: построение родовых индексов внепроизводственной деятельности. Все разнообразие в пределах родов деятельности было выражено трехпунктовыми шкалами: «высшая» степень разнообразия, «средняя», «низшая». Причины, побудившие пойти на такое упрощение, аналогичны тем, по которым были применены двухпунктовые шкалы при операционализации видовой деятельности.

Рассмотрим на примере культурно-познавательной деятельности, каков был алгоритм отнесения индивида по мере участия в конкретном роде деятельности к одному из трех пунктов шкалы. К первому пункту («высшая») относимы были те респонденты (информаторы), у которых

³⁹ Регулярность участия в конкретном занятии при обследовании регистрировалась по следующей шкале: «каждый день», «не реже 1 раза в неделю», «не реже 1 раза в 2 недели», «не реже 1 раза в месяц», «не реже 1 раза в 3 месяца», «не реже 1 раза в полгода», «реже 1 раза в полгода», «никогда», «нет ответа».

по сумме положительных ответов («да», т. е. участие в конкретных видах занятий, относимых к данному роду деятельности) набиралось от 12 до 8 положительных ответов при отрицательных, не превышающих 4. Ко второму пункту шкалы были отнесены те, кто набирал от 7 до 5 «да» при 5—7 «нет»; к третьему пункту шкалы — те, кто набирал от 4 до 0 «да» и от 8 до 12 «нет».

4-й шаг: построение комплексного показателя внепроизводственной деятельности (индекса характера внепроизводственной деятельности — ИХВД). Этот индекс был получен: а) сложением частных индексов отдельных родов внепроизводственной деятельности; б) умножением их.

По поводу описываемой процедуры хотелось бы отметить, что у нас нет оснований расценивать тот или иной род (а также вид внепроизводственной деятельности) как более или менее значимый. Для нас, например, «поездка за город» и «просто пассивный отдых, ничегонеделание» — равноценные характеристики соответствующего рода деятельности.

Представляется, что осуществляемые многими авторами такого рода измерения независимо от применяемых методов носят ситуативный характер: их надежность строго ограничена временем и местом проведения измерения, а также моделью, в рамках которой они, т. е. измерительные процедуры, корректны⁴⁰.

Обобщенная шкала, следовательно, явилась заключительным шагом в построении индекса характера внепроизводственной деятельности по основанию родовидового разнообразия.

Использование эвристических методов продемонстрировало практическую ценность принципа родовидового разнообразия. Процедура могла быть (и была) содержательно интерпретирована, каждый этап моделирования был доступен проверке по соответствию с наблюдениями за действительностью и историей. Однако применение эвристического метода задало линейный характер модели, не позволило с достаточной степенью детальности изучить структуру внепроизводственной деятельности, установить характер связи родовых и родовых показателей.

Поэтому нами и был употреблен новый, только что созданный метод автоматической классификации (метрическое инвариантное шкалирование), экспериментально проверенный на данных нашего обследования, а также одновременно — на массивах данных, собранных новосибирскими социологами под руководством Т. И. Заславской⁴¹. Этот метод позволил не только в полной мере отразить принцип родовидового разнообразия в полученной типологии, но и дал возможность обеспечить математическую и содержательную интерпретируемость результатов (в частности, раскрытие характера связи между исходными и агрегированными переменными), адекватность модельного представления объекта его реальной структуре, вычислительную реализуемость на значительных по размеру массивах информации (в силу простоты и экономичности вычислительных процедур).

В связи с характером данной статьи сравнительный анализ достоинств и недостатков использованных методов не приводится. Замечу лишь, что эти способы были применены на всем массиве данных, и полученные результаты во всех случаях соответствовали содержательным представлениям и не противоречили друг другу. Эти итоги расчетов (1982—1983 гг.) привели автора статьи к убеждению, что усилиями советской математической школы, наконец, успешно решены казавшиеся ранее неразрешимыми проблемы интерпретации результатов и высокой вычислительной трудоемкости методов классификации социальных объектов. С помощью разработанных методов типологиче-

⁴⁰ Таганов И. Н. Об экстремальном принципе измерения в социологии. — Социол. исслед., 1975, № 3, с. 85—90; Осипов Г. В., Андреев Э. П. Методы измерения в социологии. М.: Наука, 1977.

⁴¹ См. Перекрест В. Т. Нелинейный типологический анализ социально-экономической информации (Математические и вычислительные методы). Л.: Наука, 1983.

ского анализа можно уверенно проводить системные исследования сложно структурированной информации, строить типологические и дели изучаемых гуманитарными процессами (явлений) на информационной базе, включающей преимущественно качественные показатели.

В результате применения перечисленных выше процедур была получена типология индивидов (респондентов) по характеру их внепроектной деятельности. Выделено девять основных типов⁴². Исследование структурных характеристик образа жизни вполне может вестись на основе данной типологии, хотя, видимо, могут быть результаты и иные подходы⁴³.

Возможности применения изложенного метода к анализу общего национально-особенного в социалистическом образе жизни, надеются будут продемонстрированы в специальной публикации.

⁴² Задача решалась на материалах второго этапа массового повторного обследования городского населения Татарской АССР, проведенного в Казани, Альметьевске, Мензелинске в 1967, 1974—1975, 1983 гг. (руководитель — автор). Первые результаты проведенного изыскания см.: *Шкаратан О. И., Еремичева Г. В., Каныгин Г. В., Рябова И. В.* Характер внепроизводственной деятельности и социальная дифференциация горожан.— Социол. исслед., 1979, № 4; *Шкаратан О. И.* Социальная структура населения города.— В кн.: *Город. Проблемы социального развития.* Л.: Наука, 1982.

⁴³ Наша попытка раскрыть внепроизводственную деятельность социальных групп и этносов через статистическое изучение поведения индивидов находит подкрепление в подходе А. Моля к измерению культуры: «...множество индивидуальных культур, сплавляясь между собой, образует культуру соответствующей социальной группы, которая по объему, как правило, превосходит культуру индивидуума, но уступает ей по богатству „творческих ассоциаций“». Ясно в то же время, что культура индивидуума представляет собой субъективно „смещенную“ выборку из совокупности знаний и идей тех социальных групп, членом которых он является» (*Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973, с. 53).

О. А. Ганцкая

СЕМЬЯ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, ТИПЫ

В статье сделана попытка дать общие представления о семье как системе с присущими ей функциями (выполнением определенных задач) и структурой, а также построить по структурным признакам разные виды классификаций и типологизаций, не исключая тех, что приняты в советской этнографии. Основой для этого послужили исследования по общей теории систем, системному анализу и системному подходу наряду с этнографическими, социологическими, демографическими и другими исследованиями, посвященными именно проблемам семьи. Надо сказать, что при выполнении поставленной задачи возникали значительные трудности из-за некоторых расхождений ученых в определенных системах вообще и связанных с ней понятий, проецируемых на семью как на предмет изучения. При этом всегда имелось в виду, что философской основой системных исследований является материалистическая диалектика¹.

Насколько нам известно, в советской науке не было еще специальных исследований семьи как социальной системы, хотя такое ее понимание так или иначе учитывалось в трудах ученых разных специальностей — философов, социологов, демографов и др. Непосредственно о семье в ряду других социальных систем говорится, например, в статье

¹ *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973; *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974; *Афонькин В. Г.* О целостных системах.— *Вопр. философии*, 1980, № 6, с. 62—78; *его же.* Моделирование как метод исследования социальных систем.— В кн.: *Системные исследования. Методологические проблемы.* Ежегодник. М.: Наука, 1982; *Гвишиани Д. М.* Материалистическая диалектика — философская основа системных исследований.— В кн.: *Системные исследования...*, 1979; *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981; *Хмельев А. М.* Система, систематика, системный подход.— В кн.: *Типы в культуре.* Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 12—21, и др.

Г. Афанасьева о целостных системах. Утверждая, что социальные системы — реальная действительность, Афанасьев называет семью «самую, пожалуй, элементарную систему социального порядка, социально-экономическую ячейку общества». «Человеческий разум,— пишет он далее,— способен и волен препарировать семью в самых различных ракурсах... В этом смысле семья как система есть плод нашей абстракции. Но она существует независимо от наших разумений, наших чуждых зрений о том, что есть семья... И никакая сила абстракции не в состоянии отменить объективное, независимое от наших абстракций существование семьи как системы»².

В этнографии семья как социальная общность рассматривается В. Бромлеем в качестве примера целостной системы в «Очерках теории этноса». Системообразующими для семьи называются брачно-семейные отношения, но отмечается роль, которую могут играть также «средовые» связи — поселенческие, языковые, идеологические и др.³

В этнографических трудах, посвященных проблемам изучения семьи, термин «система» упоминается редко, но почти всегда рассматриваются структура, типы, а зачастую также и функции. Можно заметить при этом, что в определениях структуры, типов и функций семьи авторами этих трудов есть и совпадения, и различия.

Как известно, семья является одним из главных предметов этнографического изучения. Этнография выявляет этническую специфику и интрарегиональные особенности семьи, анализирует распространенные в народе понятия о родстве, родственные, соседские и — шире — локальные связи, взаимоотношения семьи и общества, личности и семьи, семейные обычаи и обряды, а также другие проблемы в ракурсе общего и особенного, интернационального и национального.

Разработка многих актуальных проблем современной семьи требует, как правило, комплексных исследований этнографов и социологов, философов, историков, демографов, представителей иных наук, как общественных, так и естественных (медицина, психология и пр.). К таким проблемам относится, например, создание моделей системы «семья» по разным параметрам ее реального существования⁴.

Семья — социальная система с определенной, характерной для нее структурой разных типологических вариантов, с главными функциями производства человека, воспроизводства этносов в моно- и полиэтнических средах, удовлетворения потребности супругов в длительной интимной совместной жизни, функций экономической и экспрессивно-рекреационной.

Семья отличается от других систем и подсистем общества брачно-родственными основами своего возникновения и своей структурой: организацией связей, взаимоотношениями входящих в нее людей. Еще Энгельс писал, что «...отношение, с самого начала включающееся в историческое развитие, заключается в том, что люди, ежедневно ново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться; это — отношение между мужем и женой, родителями и детьми, семья... Итак, производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения...»⁵. Формы заключения брака бывают разными, но суть его едина, а именно: брак — это супружеский союз, узаконенный обычаем или признанный законом, социальной и этнической средой⁶. Бесспорно, брак (официальный или неофициальный) продолжает оставаться основой современной семьи, но, и это надо подчеркнуть, не всякой, а только супружеской. Та-

² Афанасьев В. Г. О целостных системах, с. 65.

³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., Наука, 1983, с. 27.

⁴ См., например: Афанасьев В. Г. Моделирование как метод исследования социальных систем.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 3, с. 27—28.

⁶ Определения разных форм брака см. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974.

ким образом, уже сам факт наличия брака или его отсутствия при образовании семьи является одной из определяющих ее структуры в различных вариантах.

Что же представляет собой структура семьи в целом?

По определению советских социологов, структура семьи — прежде всего способ и организация связей между ее элементами (члены семьи: родители, дети, супруги и т. п.), характер их взаимоотношений в процессе социально-значимой деятельности, их поведения и сознания. По мнению социологов, «в понятие структуры семьи нужно включить внутрисемейные отношения вплоть до характера семейной власти».

В определениях структуры семьи советскими социологами учтен по существу все основные виды структурных связей и взаимоотношений в том числе и многие из рассматриваемых в зарубежной литературе. Важной особенностью этих определений советскими учеными является указание на зависимость структуры семьи от общественных отношений, социально-экономических условий жизни людей, их местожительства.

В демографии к структуре семьи обычно относятся ее состав, который определяется по таким конкретным показателям, как ее общая численность, число поколений и брачных пар, детность, члены семьи по степени и характеру родства и свойства (прямое и боковое родство, усыновление и удочерение, любое принятие в семью), члены семьи по национальной принадлежности (одной национальности, разных национальностей в смешанных семьях) и др. Структура семьи включает организационные отношения, которые принято считать демографическими¹⁰.

Структура семьи имеет социальные определители, к которым относятся социальная принадлежность семьи, социальная однородность или неоднородность ее членов, их образование и профессии (одной категории разные) и т. п. Структура семьи имеет и конкретные этнические определители, значение которых выявляется во взаимоотношениях между супругами одной или разных национальностей, между ними и их детьми (воспроизводство этноса, этническое смешение, национальное самоопределение детей), между поколениями (передача культурного наследия, в том числе этнокультурного, интернациональных элементов), а также во внешних контактах членов семьи с людьми той же или иной национальности, семьи в целом с национальным большинством и меньшинством окружающего населения. Нужно сказать, однако, что ни этническая, ни социальная принадлежность семьи и ее членов сама по себе не может считаться самостоятельным структурным компонентом. По своей сущности это качественные определители семьи и ее элементов (ее членов, поколений и т. п.), независимые переменные, которые влияют на организацию и характер внутрисемейных отношений, на ценностные ориентации семьи и отдельных ее членов, на выполнение семьей основных функций.

Структуре семьи присущи естественные связи «в отношениях по детопроизводству»¹¹, которые выступают одновременно и как отношения демографические, социальные, этнические. Здесь уместно еще раз сослаться на Ф. Энгельса, который считал, что производство жизни проявляется сразу в качестве двойного отношения: естественного и общественного¹².

Изучение структуры семьи в разных аспектах имеет первостепенное значение для ее классификации и типологизации. Все выделенные до сих пор формы и типы семьи так или иначе связаны с признаками — определителями ее структуры или с совокупностью признаков, или с факторами,

⁷ Янкова З. А. Городская семья. М., 1979, с. 24, 25.

⁸ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1964, с. 55.

⁹ См., например: Nimkoff M. F. Comparative Family System. Boston, 1965, p. 13; Blood R. O., Wolfe D. M. Husband and Wives. Glencoe, 1960, p. 10.

¹⁰ О демографической системе и демографических отношениях см., например: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982, с. 7—9, 36, 37.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149, 150.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 27, 28.

млияющими на структуру. Вместе с тем наблюдаются некоторые расхождения в понимании форм и типов семьи, в выборе критериев их определения. Более того, термин «форма» по отношению к семье употребляется неоправданно редко; обычно все группы семей, выделенные из их множества по разным признакам (все равно — по одному или нескольким), называются типами.

В данной работе нами приняты известные правила классификации объекта по его основанию — одному признаку или совокупности признаков, которые выбираются в зависимости от целей группировки материалов. Выделенные таким образом «классы» должны исключать друг друга. Последовательные классификации по каждому из признаков объекта дают разветвленную древовидную классификацию¹³.

Одним из главных признаков структуры семьи являются состав и характер супружеских союзов (стабильность, исключительность и т. п.). По этому признаку множество объекта «семья» разделяется на классы ярных, моногамных и полигамных семей. Деление это общеизвестно¹⁴; новое здесь лишь в названии совокупностей таких семей классами, подобно тому, как это делается в классификациях объектов в иных науках.

Другой структурный признак — число брачных союзов — разделяет семьи на классы простых и сложных форм. К простым относятся семьи с одним брачным союзом в основе образования каждой из них. Такая семья называется нуклеарной, малой, простой, индивидуальной. К неполным простым относятся семьи вдовых и разведенных людей, не вступавших в брак матерей с детьми. В класс сложных форм входят моногамные семьи с двумя или более брачными парами (полные семьи), с брачной парой или парами и вдовым супругом или супругой (неполные семьи) и полигамные семьи, состоящие из нескольких брачных союзов каждая.

Классификация семей только по числу поколений выявляет формы одно-, двух-, трех- и многопоколенных семей. Взятый за основу классификации такой существенный признак структуры семьи, как детность, разделяет семьи на бездетные, однодетные, двухдетные, трехдетные и многодетные. Но если для нуклеарных семей этот вид классификации дает однозначное деление по детности для семей и брачных пар, то для расширенных это деление многозначно, т. е. одно — для семьи в целом, другое — для каждой ее брачной пары, третье — для супругов разных поколений и т. п. Таким образом, многодетные нуклеарные и многодетные сложные семьи объединяются в одном классе только формально, только в одном совпадающем значении определителя — по числу детей в семью в целом.

До сих пор приводились примеры классификации семьи по некоторым из основных элементов ее состава. Несколько иного порядка классификации по признакам-определителям взаимоотношений между ее элементами. К признакам классификаций этого рода относится, например, характер взаимоотношений между членами семьи, которые занимают в ней разные позиции и играют разные роли. По такому признаку выделяются два класса семей: авторитарные и эгалитарные.

В отличие от упомянутых выше выделяются классификации по определителям позиций членов семьи, в конкретном случае, например, главенства кого-либо из них. Так, например, авторитарные семьи могут классифицироваться по признаку главенства отца-мужа, матери-жены, обоих супругов, одного из братьев и др. К этой же разновидности относится классификация по социальной принадлежности членов семьи, что дает общее деление на классы социально однородных и социально смешанных семей с дальнейшим конкретным определением, каких именно в каждом классе (деление на подклассы или виды). Подобного же рода классификация по национальной принадлежности членов семьи, разделяющая семьи на однонациональные и национально смешанные, опять-таки с последующей конкретизацией видов.

¹³ Тульчинский Г. Л., Светлов В. А. Логико-семантические основания классификации. — В кн.: Типы в культуре. Л., 1979, с. 22.

¹⁴ См., например: Семенов Ю. И. Указ. раб., с. 26, 54, 55, 58 и др.

Множественность признака объекта «семья» порождает потенциальную множественность классификаций по этим признакам, принятым в их основаниях. Однако число этих классификаций, как и целесообразность каждой из них, определяется задачами конкретных наук.

Приведенные примеры — это лишь часть тех классификаций, которые необходимы для всестороннего изучения семьи. Нам они представляются особенно важными для этнографического исследования семьи, так же как и для ее изучения в социальном и демографическом аспектах (наряду с другими).

Как правило, каждая классификация семьи может служить единичным (частным) и общим целям, а именно: 1) отвечать потребности конкретного исследования, разделять по выбранному признаку множественность семьи на классы; 2) создавать основу определения типологических вариантов по совокупности находящихся в стабильной взаимосвязи классификационных признаков или по одному из них, если он, как совокупность, содержит существенные разделительные характеристики семьи. По мнению Г. Л. Тульчинского и В. А. Светлова, например, целью типизации в отличие от классификации «является выработка представлений об органическом единстве набора существенных признаков, образующих сущность вещи»¹⁵.

Примером совпадения основания классификации и типологизации семьи является признак авторитарности или эгалитарности взаимоотношений ее членов. В согласии с классификационными принципами авторитарные и эгалитарные семьи — это два разных класса семей. Вместе с тем этот признак включает также разделительные характеристики основных взаимоотношений в семейной структуре, таких, как муж — жена, родители — дети, в расширенных семьях — еще и свекровь — невестка, свекор — невестка, теща — зять и др. По этому признаку выделяются два типа семей — авторитарный и эгалитарный.

Сочетание авторитарности или эгалитарности с другими структурными определителями дает множественность конкретизированных подтипов с характеристиками по разным логически заданным параметрам исследования. Так, например, по сочетанию этого признака с определителями главенства, формы семьи, национальной и социальной однородности или неоднородности можно выделить: 1) подтип авторитарной простой семьи с главенством мужа-отца, национально однородной (как вариант — русской), социально смешанной (например, рабоче-крестьянской); 2) подтип эгалитарной расширенной семьи, национально смешанной (например, украинско-белорусской), социально однородной (крестьянской или иной социальной принадлежности); 3) подтип эгалитарной нуклеарной семьи, национально смешанной (например, литовско-русской) и социально смешанной (например, муж-отец — рабочий, жена-мать — служащая, сын — военный и др.) и т. д. Легко заметить, что здесь в построении вариантного ряда авторитарных и эгалитарных семей этот признак выступает как основной, но в разных вариантах сочетаний с другими разделительно-объединительными признаками, выбор и число которых определяются конкретными задачами изучения семьи.

Для того чтобы выделить варианты национально однородных или национально смешанных типов семей, за основной взят именно этот признак, но в сочетании с другими, например с авторитарностью или эгалитарностью, формами семьи, социальной однородностью или неоднородностью. Таким путем выделяются: 1) подтип национально однородной (например, узбекской), нуклеарной, социально однородной (например, интеллигенции) эгалитарной семьи; 2) подтип национально смешанной (например, украинско-молдавской), расширенной, социально смешанной (например, рабоче-крестьянской) авторитарной семьи; 3) подтип национально однородной (например, грузинской), расширенной, социально однородной (крестьянской или иной) эгалитарной семьи. Возможны и другие сочетания взятых вариантных признаков с признаком, принятым

¹⁵ Тульчинский Г. Л., Светлов В. А. Указ. раб., с. 26.

на основной, — национальной однородностью или национальной смешанностью. Попутно заметим, что если при том же наборе признаков ставится цель построить иной вариантный типологический ряд, то в зависимости от конкретной цели исследования из их числа выдвигается иной признак в значении основного типологического определителя данного ряда. Так, в заданных выше параметрах кроме упомянутого могут быть построены типологические ряды вариантов авторитарных и эгалитарных семей (в отличие от приведенного выше без определителя главенства), нуклеарных и расширенных, социально однородных и социально смешанных. В каждом из рядов находятся варианты, одинаковые по сочетаниям признаков, но различающиеся по главным смысловым определителям этих рядов.

Типологизация такого рода может рассматриваться скорее всего как метод познания семьи путем построения нескольких рядов ее моделей по заданным (в зависимости от целей исследования) характеристикам с ведущей, главной для каждого из этих рядов.

Типологизация иного рода может быть осуществлена по комплексам стабильно сочетающихся равнозначных и обязательных признаков. К примеру, как уже говорилось, в классификации по числу супружеских союзов выделены два класса семей — простых и сложных форм. Их типологизация особенно необходима для исследования многих проблем семьи.

Среди простых форм семьи по сочетанию таких признаков, как моногамный брак, наличие только одного супружеского союза, одного (муж, жена) или двух (родители, дети) поколений, по характеру собственности (частной, индивидуальной, общей) и внутрисемейных взаимоотношений выделяется тип авторитарной или эгалитарной простой малой семьи, которая в настоящее время обычно называется нуклеарной. К простым формам относятся также неполные малые семьи из одного родителя и детей (следствие развода или вдовства, рождения ребенка вне брака), братьев и сестер, оставшихся без родителей и др.

К классу сложных форм относятся разные типы полигамных и моногамных семей. Среди полигамных различаются два типа. Тип первый характеризуется полигинийным браком: в семье один мужчина находится одновременно в супружеских союзах с двумя или несколькими женщинами; тип второй: семья основана на полиандрическом браке: одна женщина имеет несколько супругов. Внутрисемейные взаимоотношения отличаются большой разветвленностью. Это, например, взаимоотношения мужа с каждой из жен или жены с каждым из мужей, между несколькими женами или между несколькими мужьями, взаимоотношения каждой из жен с детьми единокровными и сводными или каждого из мужей с детьми (определение родства), между детьми, между двумя поколениями — родителей и детей (понятие «поколение» здесь еще более условно, чем в моногамных семьях), между лицами одного и разного пола, одного и разного возраста и т. п. В классовом обществе полигамная семья (полигиния) — авторитарная с главенством мужа-отца.

Среди моногамных семей сложных форм по принятым критериям различаются четыре типа. Первый из них — сложный однолинейный: это расширенная (естественно разросшаяся) семья с прямой линией родства брачных пар¹⁶. Такая семья состоит из родителей или одного из них (в случаях вдовства или развода), сына с женой или дочери с мужем с их потомством или бездетных. Кроме того, если у старших супругов есть еще неженатые и незамужние дети, то они также живут в такой родительской семье, если не учатся или не работают на стороне. В социологии и этнографии принято называть эти семьи трехпоколенными. В настоящее время у народов Европы, например, их существование нередко бывает временным, нестабильным, связанным с жизненными обстоя-

¹⁶ По мнению ряда исследователей, это разновидность малой семьи, называемая сложной семьей. См., например: *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX—XX в.). М.: Наука, 1983, с. 29.

тельствами (отсутствие отдельного жилища для молодоженов, их экономическая несамостоятельность и т. п.). Во многих современных семьях этого типа на первом месте стоит обеспечение благополучия супругов второго поколения и их детей. В прошлом преобладали авторитарные трехпоколенные семьи, в настоящее время эти семьи характеризуются обычно равноправным положением их взрослых членов, но встречаются среди них и авторитарные (в несколько ограниченном значении этого понятия).

В результате разделов таких семей возникают семьи нуклеарные и отчасти как следствие этого процесса растет число одиноких людей. Не случайно, по-видимому, нередко происходит вторичное образование расширенных семей тогда, когда в семьях детей поселяются их престарелые, нуждающиеся в опеке родители или чаще всего один из них, потерявший жизненную опору после смерти другого.

Второй тип многогамных семей сложных форм — многолинейная отцовская семья с прямым и боковым родством брачных пар. Вместе с родителями в ней живут их сыновья с женами и потомством, незамужние дочери и неженатые сыновья. Каждая сыновья брачная пара находится в прямом родстве с родительской и в боковом — друг с другом. В семье обычно не бывает менее трех поколений, главенствуют отец или один из сыновей.

Третий тип — братская многолинейная двухпоколенная семья, объединяющая братьев с женами и детьми. Поколений может быть временно одно, но как исключительный случай (при почти одновременной женитьбе братьев или их бездетности или смерти детей).

Четвертый тип — братская семья с боковым многолинейным родством братских супружеских пар и прямым однолинейным родством каждой из них с женатым сыном (или сыновьями) и его детьми. Семья трехпоколенная или многопоколенная¹⁷.

В семьях третьего и четвертого типов главенствует или старший брат, или тот, кто наиболее инициативен. Конкретные этнографические материалы свидетельствуют также о поочередном главенстве каждого из мужчин (с ежегодной их сменой), имевшем место в традиционных больших семьях-задругах Славонии¹⁸.

Для приведенной типологии сложной многогамной семьи был использован типологический принцип, выдвинутый Ю. В. Бромлеем и М. С. Кашубой. В своих исследованиях они приняли за основу вариантных подтипов сложных семей критерии форм родственных связей (с учетом иных признаков). Соответственно выделены два подтипа: «многолинейный» и «однолинейный». Для первого определяющим является боковое родство двух или более брачных пар одного или разных поколений, для второго — только прямое родство брачных пар разных поколений (не более одной на поколение)¹⁹. Выдвинутый критерий применен к типологизации семей народов Югославии, но по своей сущности он универсален и может применяться в исследованиях по другим странам и народам.

Учен также опыт типологизации семьи зарубежными учеными. В англо-американской социологии известно, например, деление расширенных (extended families) семей на два подтипа по характеру связей: а) с горизонтальными, б) с вертикальными связями²⁰. Эти подтипы соответствуют братским и отцовским сложным семьям нашей типологизации. Опять-таки и этот принцип типологизации универсален.

¹⁷ Типы сложных семей рассматриваются в кн.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории этноса). М.: Наука, 1981, с. 192—194, 202—206; см. также: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Першиц А. И. Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки.— *Вопр. истории*, 1967, № 2; Семенов Ю. И. Указ. раб., и др.

¹⁸ Приведено по работе: Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Историко-этнографическая характеристика современной семьи у народов Югославии.— *Сов. этнография*, 1981, № 6, с. 30.

¹⁹ Они же. Брак и семья у народов Югославии. Опыт историко-этнографического исследования. М.: Наука, 1982, с. 83.

²⁰ Encyclopedia of Anthropology/Ed. by David E. Hunter and Phillip Whitten. New York-Hagerston-San Francisco-London, 1976, p. 165.

Впрочем, надо сказать, что, сколь точным ни было бы следование или иным принципам типологизации семьи, границы между некоторыми ее типами и подтипами остаются условными. Их определение нередко требует привлечения дополнительных конкретных данных о специфике хозяйства, праве собственности, наследовании, о стабильности семьи и т. п.

В советской этнографии довольно широко распространился термин «неразделенная семья» для определения ее сложных типов, формально в той или иной мере сходных с традиционной большой семьей (например, по составу родственников, числу брачных пар, поколений и т. п.), но отличающихся от нее тенденцией развития, характером интерсвязей, социальной значимостью²¹. В исторической науке неразделенная семья выделяется как особый тип²². Не отрицая возможности применения этого термина в конкретных типологических сопоставлениях, отметим, что при этом каждый раз требуется точность в определении места неразделенной семьи в общем процессе развития форм и типов семьи.

Общезвестно традиционное для этнографии деление семьи на два типа — большую и малую семью. Однако принципы этого деления бывают различными, в связи с чем вопрос об отнесении тех или иных семей к первому или второму типу решается неодинаково. Также в зависимости от принципов типологизации по-разному выделяются исторические типы большой семьи²³. В предложенной нами типологии (см. выше) большей семье могут соответствовать варианты второго, третьего и четвертого типов семей сложных форм, обладающие присущими ей социально-экономическими особенностями (прежде всего характер собственности).

Семья в любом своем типологическом варианте выступает как социальная система, выполняющая определенные функции, т. е. в действительности. Во все исторические эпохи остается неизменным функциональное предназначение семьи, а именно наличие задач, поставленных перед ней обществом, ею самой, отдельными личностями, и наличие реальных действий, направленных на решение этих задач всей семьей и каждым из ее членов. Ослабление и потеря функциональных связей ведет к ослаблению и гибели семьи.

Функциональные детерминанты семьи раскрываются в конкретном содержании каждой из ее функций, в динамике их значимости в разные исторические эпохи. Рассмотрим в качестве наиболее близкого нам примера основные функции современной семьи.

1. Важнейшая функция современной семьи как социальной системы — производство человека — включает: а) поддержание биологической непрерывности общества (деторождение, кормление и уход за детьми); б) социализацию и инкультурацию поколений путем воспитания, передачи детям культурного наследия, идеологических взглядов, выработки ценностных ориентаций, понятий о нравственности, помощи им в достижении определенного социального положения и т. п. В социализации детей семья тесно связана со школой, с общественными организациями. Это единый процесс, в котором семье принадлежит важная роль.

Прокреативная функция призвана удовлетворять потребности семьи и ближайших родственников в продолжении своего рода, эмоциональные потребности супругов в отцовстве и материнстве и в то же время репродуктивную потребность общества.

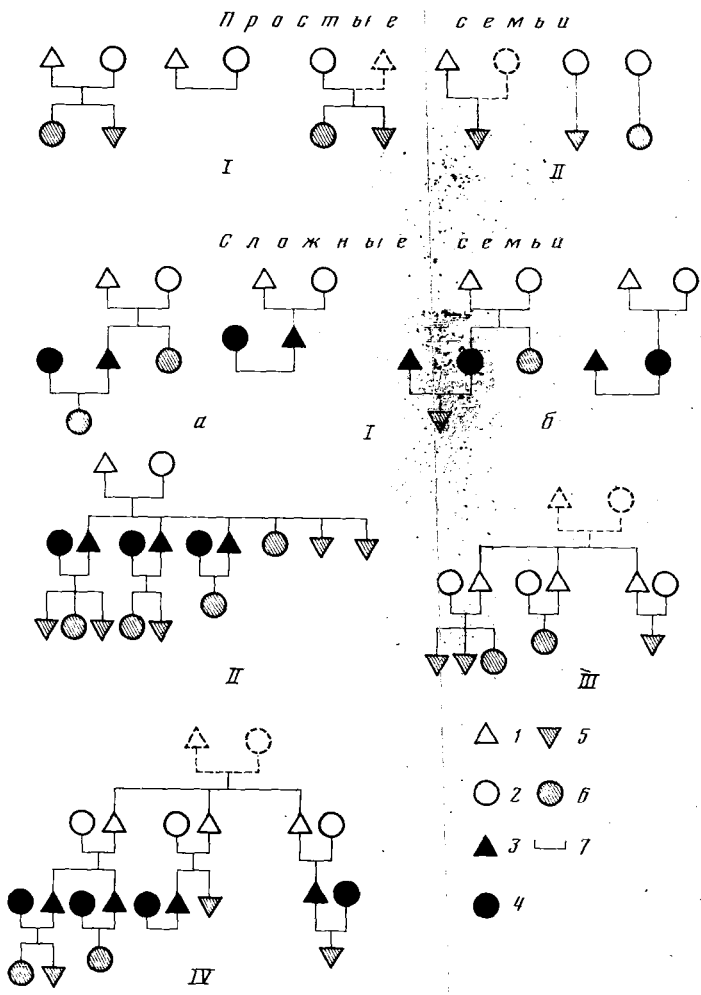
2. Функция удовлетворения потребности супругов в длительной совместной интимной жизни (сексуально-эмоциональная) имеет разную

²¹ Сухарева О. А., Бикжацова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, с. 173—175; Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958, с. 75—80; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964, с. 169—181.

²² Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма.— История СССР, 1981, № 3, с. 78—96; Свердлов М. Б. Семья и община в Древней Руси.— Там же, с. 97—108, и др.

²³ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследование и материалы. М., 1961, с. 102—103; Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин.— В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975, с. 15 и др.; Смирнова Я. С. Указ. раб., с. 108, 109.

Типы семей

Простые семьи: I — нуклеарная семья; II — неполная семья.

Сложные семьи: I — семья расширенного типа с однолинейным родством двух брачных пар: *а* — родителей с женатым сыном и невесткой, *б* — родителей с замужней дочерью и зятем; II — отцовская многолинейная семья; III — братская многолинейная семья с брачными парами из родных братьев с их женами; IV — братская многолинейная семья с брачными парами из родных и двоюродных братьев с их женами.

В таблице: 1) число детей дано произвольное, 2) из сложных семей представлены только моногамные, 3) неполные сложные семьи не выделены.

Условные обозначения: 1 — отец, дед, свекор, тесть; 2 — мать, бабушка, свекровь, теща; 3 — женатый сын, зять; 4 — замужняя дочь, невестка; 5 — мальчик, юноша; 6 — девочка, девушка; 7 — брак. Прерывистой линией показаны умершие или находящиеся в разводе члены семьи

значимость для семьи в зависимости от мотивов брака (по любви, взаимной склонности, расчету), степени соответствия ожидаемого от брака с действительностью, личностных свойств супругов, их жизненных установок и взглядов на семью и брак.

3. Экономическая функция семьи направлена на создание и воспроизведение ее материальных основ. Она осуществляется прежде всего трудом членов семьи, из заработков которых складывается семейный бюджет. Экономическая функция разделяется на две подфункции: производственную и потребительско-организационную. Первая сохраняется в индивидуальном сельском хозяйстве семьи в странах, где есть частная собственность на землю, в личном подсобном хозяйстве крестьян, частных семейных предприятиях (ремесленные мастерские, мелкие предприятия сферы услуг), отчасти в домашнем труде с его половоз-

растным разделением. Потребительско-организационная подфункция проявляется в учете всех доходов семьи, в определении доли денежных вкладов каждого взрослого члена семьи в общий бюджет и части заработка, которая оставляется каждому на личные нужды, в распределении расходов из общей кассы на повседневную жизнь (питание, квартирная плата, общественная сфера услуг и т. п.), проведение досуга, праздники и семейные торжества, приобретение одежды, мебели, предметов быта и т. п. (часть этих вещей члены семьи могут покупать на личные сбережения). Потребительским целям отчасти служат установленный домашний распорядок, режим питания и т. п.

4. Экспрессивно-рекреационная функция — это создание эмоционально-психологического микроклимата семьи, способствующего в случае необходимости снятию напряженности внутрисемейных отношений, преодолению стрессовых состояний у членов семьи; это гарантирование им моральной и практической взаимной поддержки в трудных ситуациях, организация повседневного и праздничного отдыха, развлечения, семейных торжеств.

5. Функция воспроизводства этносов включает формирование этнического самосознания детей в семье. Этот процесс идет как в однонациональных семьях, которых большинство, так и в семьях национально-смешанных (супруги разных национальностей). Относящееся к этой функции формирование этнического самосознания детей в семье в первом случае идет однозначно, в однонациональном русле внутрисемейных общений, во втором — двузначно, но обычно с некоторым перевесом влияния этноса или отца, или матери, что зависит от многих объективных и субъективных факторов (этническое окружение, преобладающие традиции и предубеждения, тенденции межпоколенной трансмиссии культуры в семье, особенности характера родителей и т. п.).

Можно предположить, что для современной семьи все основные ее функции по своей сути универсальны, но обладают некоторыми региональными, классовыми, социальными, этническими, конфессиональными и многими другими различиями в своем проявлении.

Насколько известно, в советских и зарубежных исследованиях семьи в тех или иных вариантах подробно рассматриваются все ее главные функции, кроме функции воспроизводства этносов, которой неделено должного внимания. Однако по существу эта функция в советской этнографии давно уже изучается на уровне этнических процессов микросреде «семья»²⁴.

Надо сказать, что далеко не все рассмотренные функции в равной степени осуществляются современной семьей. Даже функция деторождения, возложенная обществом на семью как социальный институт, части народов европейских стран некоторыми семьями сознательно не выполняется, а многими выполняется сознательно ограниченно. Наоборот, в Китае, например, где многодетность преследуется государством как фактор, обуславливающий неудержимый рост перенаселенности страны, во многих семьях функции деторождения ограничиваются принудительно.

У большинства современных народов функция деторождения и социализации детей в нуклеарной семье осуществляется в первые 20—25 лет супружеской жизни. С отделением выросших детей непосредственные обязанности семьи по их социализации считаются выполненными. В расширенной семье из трех поколений в социализации детей принимают участие не только их родители, но также бабушка и дед, старшие братья и сестры. Во многих таких семьях для старшего поколения выполнение обязанностей воспитания детей фактически не прерывается, а меняет направленность — от детей к внукам.

В тех случаях, когда молодые супруги поддерживают тесные связи со своими родительскими семьями (со стороны обоих супругов), которые живут отдельно от них, но в том же или ближайшем населенном

²⁴ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, гл. X, с. 433—484.

пункте, бабки и деды нередко принимают весьма активное участие и в уходе за внуками, и в их воспитании. Но это их участие, как правило, ограничено во времени (несколько дней в неделю, несколько часов в день, очередность и т. п.), особенно если родители молодых супругов еще не старые и продолжают работать.

В разные периоды жизни семьи на первый план выступают функции, особенно важные для каждого из этих периодов, но две остаются неизменно необходимыми: экономическая и экспрессивно-рекреационная. Про супругов или супругов и их взрослых детей, переставших вести общее хозяйство и иметь общий бюджет, говорят в народе (например, у русских, белорусов и др.), что они разделились, хотя юридически это нередко остается неоформленным. Такую группу близкородственных людей, живущих в одном доме, в одной квартире, т. е. «под одной крышей» (это является одним из принятых в социологии определителей семьи), ни сами они, ни их окружение обычно единой семьей не считают, если только такой раздел окончателен, а не повторяется время от времени в конфликтных ситуациях. Бывает и так, что супруги расторгли брак юридически и фактически перестали быть мужем и женой, но живут вместе с детьми, имеют общий бюджет из части их заработков (в том числе алиментов на детей), совместно ведут домашнее хозяйство, т. е. выполняют в известной степени присущую семье экономическую функцию. При наличии других объединительных факторов (выполнение обязательств взаимной моральной поддержки, помощи в случае болезни и т. п.) разведенные супруги и их дети в обыденной жизни и особенно в экстремальных ситуациях зачастую выступают как единая семья. Впрочем, такое положение не возникает или резко меняется с появлением у кого-нибудь из супругов (или обоих) новой семьи.

Как уже отмечалось, на всех стадиях семейного жизненного цикла сохраняет свое значение экспрессивно-рекреационная функция. Уменьшение возможностей реализации этой важнейшей функции отрицательно сказывается на взаимоотношениях членов семьи, что может привести к ее дезинтеграции. Так бывает, например, если проявившийся у супругов вскоре после заключения брака эмоционально-психологический диссонанс со временем углубляется и под влиянием определенных факторов (измена, неоправдавшиеся ожидания и др.) получает свое выражение в конфликтах. Но в этом случае семья распадается далеко не всегда в силу разных причин, из которых главные (родительский долг, сохранившаяся взаимная привязанность супругов) — причины опять-таки эмоционально-психологического характера, объединяющие семью через внутрисемейные связи и личные отношения между супругами, между родителями и детьми.

Выполняя свои функции, семья выступает как социальный институт и как малая социально-психологическая группа. Так, функции производства человека и воспроизводства этносов относятся прежде всего к семье — социальному институту, другие к семье — малой социально-психологической группе, хотя в известной мере служат выполнению двух первых, приобретая тем самым институциональный характер. Следует сразу же оговориться, что эта дихотомия семьи — лишь абстракция, необходимая, например, для анализа ее функций. В реальной жизненной обстановке каждая семья является одновременно и социальным институтом, и малой группой.

Сущность семьи как социального института раскрывают советские социологи. По их мнению, ее определяет именно то обстоятельство, что семья выполняет жизненно важные функции, удовлетворяющие потребности всего общества, в которое она входит как особая его подсистема. Существование и деятельность института семьи, его стабильности определяются законодательством, нормами обычного права, социальными нормами, традициями, ценностными ориентациями, характерными для того или иного народа. Семья как малая группа выполняет функции семейно-личностного порядка, отвечающие ценностям ориента

членов семьи, и выступает в аспекте личностных взаимоотношений членов, занимающих определенные позиции с присущими им ролями (супругов, родителей, детей).

Взаимоотношения членов семьи как один из определителей ее структуры требуют при исследовании этой структуры самого внимательного рассмотрения в разных ракурсах и в зависимости от целого ряда факторов.

Как уже говорилось, по характеру этих взаимоотношений определяются типы семьи — авторитарный и эгалитарный²⁵. Говорилось также, что на эти взаимоотношения влияет социальная и этническая однородность или неоднородность семьи. По первому из этих качественных определителей выделяются семьи социально однородные и социально смешанные, т. е. с разной социальной принадлежностью супругов, супругов и взрослых детей, с несколько отличными от социально однородных семей внутрисемейными взаимоотношениями. В социально смешанных семьях на эти взаимоотношения оказывают в основном влияние некоторые расхождения во взглядах, в ценностных ориентациях и т. п., что обычно не ведет к конфликтам и не влияет на близость по родству.

По второму определителю в этническом аспекте выделяются однонациональные и национально смешанные семьи. В однонациональных семьях на внутрисемейных взаимоотношениях сказываются традиции одного этноса. Это особенно заметно, например, в связях между поколениями, направленных на передачу культурного наследства, социализацию молодежи, формирование ее национального самосознания. В национально смешанных семьях в этих взаимоотношениях проявляется взаимодействие двух этносов в процессе передачи традиций этих этносов, интеграции на уровне микросреды, национального самоопределения подростков.

Личностные взаимоотношения в семье имеют, как правило, этническую специфику. Конкретно это находит выражение у народов или группы народов в этикете, в традиционных для них нормах поведения, в отношении младших к старшим, детей к родителям (и наоборот), к женщине, старикам и т. п. Чтобы представить себе общность и различия во всем этом, достаточно вспомнить хотя бы о современном семейном этикете народов Кавказа, предписывающем поведение, специально подчеркивающее уважение к старикам, сдержанность отца в проявлении любви к детям в присутствии посторонних, сложный и длительный ритуал праздничных семейных трапез и др. Если в качестве сравнения взять, например, семейный этикет русских, украинцев, белорусов, то можно заметить, что в нем нет таких, как на Кавказе, строгих правил поведения при общении молодых со стариками, отцов с детьми при посторонних людях и т. п. Ритуал праздничных семейных трапез также иной, чем на Кавказе. Этнографические наблюдения семейного быта в разных этнических средах позволяют утверждать, что в нем есть еще немало примеров возникших когда-то и лишь частично нивелированных поведенческих отличий. Думается, учитывая эти отличия, можно считать семью не только социально-психологической малой группой, но шире — социоэтнопсихологической.

Взаимоотношения членов семьи определяются в известной мере психическим складом каждого из них. Так, например, эти взаимоотношения по-иному складываются в семьях супругов со сходными чертами характера и в семьях супругов с разным характером. Однако эти свойства характеров решающего влияния на стабильность семьи обычно не оказывают, кроме случаев полной несовместимости. Небезразличны для внутрисемейных связей и врожденные свойства характера детей, что в процессе целенаправленной их социализации в микросреде «семья» требует к себе самого пристального внимания.

²⁵ См. об этом: Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. Социально-демографическое исследование. М.: Статистика, 1978; Янкова З. А. Указ. раб., с. 20, 25.

Разумеется, воздействие всех перечисленных факторов на формирование взаимоотношений в семье разворачивается на социально-экономических и идеологических основах, присущих каждой из исторических формаций. Именно это определяет в конечном счете специфику семьи в значении малой группы или института в докапиталистическую эпоху, при капитализме и в социалистическом обществе.

Условием существования семьи как системы, выполняющей присущие ей функции, кроме внутренних связей являются организация и реализация ее связей с социальной и естественной средой, т. е. с обществом и природой. При изучении связей «семья — общество» нужно иметь в виду, что это не только связи двух систем, но в то же время и терсвязи системы «общество», в которую входит подсистема «семья»: взаимодействующая с другими подсистемами.

Вне зависимости от рассмотрения семьи в разных ракурсах, от представлений о ней на разных уровнях абстракции семья была и есть реальная система социального типа, обладающая объективно существующими системными свойствами²⁶.

Изучение структуры и функций семьи, разработка ее классификаций и типологий имеют не только научное, но в известной мере и практическое значение. Все чаще в наши дни звучит вопрос о том, способна ли современная семья выполнять свои основные функции, обладая той или иной структурной спецификой. Выделение определенных типов семьи позволяет подойти к этому вопросу дифференцированно, поставить его конкретно по отношению именно к этим типам. Об этом отчасти уже говорилось там, где рассматривались функции семьи. Однако оптимальное решение этого вопроса требует дальнейших специальных исследований (этнографических, социологических, психологических, демографических и др.). Достигнутый ныне уровень знаний о современной семье позволяет высказывать по этому вопросу только те или иные суждения и предположения без достаточной их аргументации. Одно из них, например, — о противоречии между тенденцией к образованию нуклеарных семей, приведшей к их широкому распространению или даже преобладанию, и трудностями, возникающими в этих семьях с рождением детей (если мать профессионально занята), а также тогда, когда необходима опека над старыми родителями. По-видимому, в какой-то мере под влиянием этих трудностей некоторые люди проходят путь от начала супружеской жизни в расширенной семье, с родителями мужа или жены через образование и длительное существование своей нуклеарной семьи к объединению с нуждающимися в опеке родителями во вторичной расширенной семье. Однако благополучие такой семьи зависит от ряда факторов, в том числе от возможностей адаптации всех членов семьи к изменившимся условиям их домашнего быта, а следовательно, в значительной степени от свойств и состояния психики каждого из них и от традиций, в том числе и этнических. Поэтому образование вторичной расширенной семьи — далеко не всегда и не для всех подходящий вариант решения важнейших жизненных проблем. Не случайно многие молодожены и их родители предпочитают жить отдельно своими семьями, но недалеко друг от друга. Этот вариант обеспечивает возможность частых родственных контактов и взаимной помощи родителей и взрослых детей на протяжении всей их жизни и в любых трудных ситуациях.

Будущее покажет, какие из типов семьи способны наилучшим образом решать насущные семейные проблемы разных поколений. Задача исследователя — выявить тенденции их развития для активного участия в создании благоприятствующих условий осуществления наиболее прогрессивных решений этих проблем в разных этносоциальных средах.

²⁶ См. об этом: Афанасьев В. Г. О целостных системах, с. 65.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

(по данным могильника эпохи бронзы)

В последние годы в советской этнографической литературе большое внимание уделяется реконструкции истории первобытного общества, структуры его социальных институтов и их эволюции. Эти исследования, основанные на огромном этнографическом материале самых разных племен и народов, отличаются высоким теоретическим уровнем. Дискуссии, посвященные широкому кругу вопросов социальной истории первобытного общества, получившие отражение на страницах журнала «Советская этнография», в значительной мере активизировали дальнейшие исследования в этой области. Появился ряд серьезных публикаций, посвященных реконструкции хозяйственного уклада и социальной структуры древних племен на археологическом материале¹. Антропологический же материал в подобных исследованиях практически не привлекался, хотя он, несомненно, содержит определенную долю информации, которая вместе с палеодемографическими и археологическими данными позволяет раскрыть многие стороны социальной структуры древних обществ, чего нельзя сделать на одном лишь археологическом материале.

Наша попытка реконструкции основана именно на таком комплексном подходе с использованием всех возможных антропологических и археологических данных полностью исследованного Кивуткалнского могильника эпохи бронзы.

Эпоха бронзы на территории Латвии связывается с окончательным переходом к производящей форме хозяйства и дальнейшему ее развитию в условиях лесной зоны. В этот период население на изучаемой территории занималось земледелием и скотоводством, а также рыболовством и охотой. Это та модель хозяйственной деятельности, которая была характерна для периода смены присваивающего хозяйства производящим у населения всей лесной зоны Европейской части СССР.

Кивуткалнский могильник, датируемый последней четвертью II тысячелетия до н. э. расположен в низовье Даугавы. Две крупные реки — Даугава и Лиелуле — вместе с Рижским заливом, куда они впадают, по-видимому, являлись древними водными путями, по которым завязывались контакты и шло переселение различных по происхождению племен, обусловившее неоднородный этнический и антропологический состав населения на этой территории.

Археологическими раскопками на Кивуткалнском грунтовом могильнике вскрыто 238 погребений с труположением². Нами учтено еще 10 разрушенных погребений, в результате чего общее число погребенных, для которых определены пол и возраст, составляет 240 индивидуумов, среди которых 134 взрослых в возрасте от 18 до 60 лет (55,8%), 106 — подростки и дети (44,2%). Среди взрослых индивидуумов преобладают мужчины — 92 погребения (68,7%), 42 погребения — женские (31,3%). Возраст подавляющего большинства детей — до 7 лет, что по отношению к общему числу детей (до 14 лет) составляет 82,5%. Из всех 134 погребений взрослых индивидуумов краниологический материал сохранился в 79 могилах, что в целом составляет 60% и является доста-

¹ Отметим некоторые из опубликованных работ: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М.: Наука, 1968; Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976; *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). — Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1977, с. 211—228; Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980; История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983.

² Помимо труположений в 20 случаях выявлены погребения с трупосожжением разных частях могильника, которые нами здесь не анализируются.

точно представительной выборкой, позволяющей судить об антропологическом составе кивуткалнской популяции.

Для анализа структуры общества, оставившего Кивуткалнский могильник, мы привлекли половозрастные данные о погребенных, сведения о микротопографии могильника, краниологический материал, а также некоторые археологические данные о погребальном обряде.

Коротко остановимся на погребальном обряде. В Кивуткалнском могильнике умерших хоронили в дубовых колодах, в подавляющем большинстве в вытянутом положении на спине, чаще головой на восток, иногда на запад, с вытянутыми вдоль туловища, реже согнутыми в локтях руками. Нередко в могильной яме, по бокам дубовой колоды или на концах ее находились камни. В некоторых погребениях у изголовья или в ногах имеются каменные выкладки, которые только в редких случаях покрывают полностью дубовые колоды. На дне могильной ямы во многих погребениях обнаружена подсыпка из белого песка. Погребения весьма бедны сопровождающим инвентарем. Только в отдельных могилах лежали черепки сосудов, фрагменты бронзовых изделий, немногочисленные янтарные украшения, кости домашних животных. Единственная находка, которая сравнительно часто встречалась в женских и мужских погребениях, — костяная булавка, по-видимому, скреплявшая одежду преимущественно на плече, реже на груди.

Обратимся вначале к антропологическим данным. Кивуткалнская краниологическая серия, суммарный анализ которой был уже предпринят ранее³, обратила на себя внимание по двум причинам. Во-первых, суммарно мужская и суммарно женская серии черепов различались по своим антропологическим особенностям; во-вторых, у мужского населения, представленного погребениями могильника, был выявлен несвойственный предшествующим по времени неолитическим племенам Латвии узколицый антропологический тип. Дальнейший внутригрупповой анализ кивуткалнской краниологической серии в свою очередь показал неоднородный антропологический состав в мужской и женской частях серии.

В силу ограниченного объема статьи мы вынуждены опустить подробный статистический анализ, который был предпринят нами для оценки антропологического состава кивуткалнской популяции; отметим лишь, что был использован факторный анализ⁴. Особенности размещения характеристик мужских и женских черепов в двухфакторном пространстве позволили как у одних, так и у других выявить отдельные группы черепов, различающиеся по антропологическим особенностям. Дальнейший анализ этих групп показал их связь с определенными элементами погребального комплекса. Так, часть мужских черепов обнаружена в погребениях, где на дне могильной ямы обязательно присутствует в качестве подсыпки белый песок. Есть две группы таких погребений — с восточной и с западной ориентировкой погребенных, локализованные на двух разных территориях могильника. Третья группа мужских черепов связана с погребениями, где отсутствуют камни, белый песок и костяные булавки. Четвертая группа найдена в погребениях, в могильной яме которых часто встречаются камни.

Три группы женских черепов связаны соответственно с погребениями, где обнаружены камни, или костяные булавки, или только белый песок.

Иногда в погребениях присутствуют все названные элементы одновременно (белый песок, камни, костяные булавки); чаще все же они представлены попарно (камни и белый песок, белый песок и костяные булавки, значительно реже костяные булавки и камни). Но нередко встречаются погребения, где представлен только один из упомянутых элементов погребального комплекса. На первый взгляд сочетание эле-

³ Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975, с. 123—148.

⁴ См. об этом: Дерябин В. Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983, с. 67—105.

ентов погребального комплекса имеет достаточно мозаичный характер. Однако рассчитанные нами коэффициенты встречаемости⁵ элементов погребального комплекса показали определенную закономерность в их сочетании, имеющую в мужских и женских погребениях противоположную направленность. Антропологические типы в женских погребениях обнаруживают практически полное соответствие отдельным элементам погребального комплекса — наличию в погребениях костяных булавок, или камней, или только белого песка. Таким образом, названным элементам можно четко дифференцировать антропологическую принадлежность женщин; другими словами, каждый антропологический тип женщин соответствует «своему» элементу погребального комплекса. В мужских же погребениях подобное соответствие между антропологическими особенностями погребенных и наличием в них основных элементов погребального комплекса выявляется не столь отчетливо и не всегда. Среди них довольно часто встречаются могилы с одновременным наличием трех или двух компонентов, а антропологические особенности погребенных указывают скорее на метисационный процесс.

Предпринятая попытка выявить на территории могильника локализацию погребенных по антропологическим признакам в связи с определенными особенностями погребального комплекса дала положительный результат. В пределах каждой группы был проведен также анализ положения рук и скелета погребенных. Все это в совокупности позволило выявить следующие группы.

Одна группа мужских могил, в которых ни камни, ни белый песок, ни костяные булавки не обнаружены, локализована в юго-восточной части могильника (X, XIII раскопы — см. рис. 1, на котором показаны общий вид и топография кивуткалнского могильника). У погребенных здесь мужчин руки согнуты в локтях (92%), ноги или туловище спеленуты, а костяк скорчен (40%). Они обладают удивительным антропологическим единообразием: массивным черепом, крайне большим продольным диаметром (197 мм), гипердолихокранией (черепной указатель — 68,3), очень узким (126 мм) и резко профилированным в горизонтальном сечении лицом. Выявляющаяся здесь незначительная внутригрупповая вариация значений основных измерительных признаков и повторяющиеся сходные морфологические признаки в группе позволяют предполагать родственные связи между погребенными в этой части могильника.

Вторая группа мужских погребений локализована на северо-востоке могильника (преимущественно в IX, XII раскопах). Погребения ориентированы на запад (рис. 1). Здесь ни разу не встретились костяные булавки и отсутствуют камни, но достаточно часто встречается белый песок, руки нередко согнуты в локте (73%).

Третья группа мужских погребений, в которых обнаружен только белый песок, имеет восточную ориентировку и занимает преимущественно западную часть могильника (рис. 1)⁶. Здесь преобладает вытянутое положение рук (67%) и скелета (72%). Антропологический тип мужчин, представленный двумя последними группами погребений, имеет много общего и характеризуется грацильным строением черепа, средней величиной продольного диаметра (190 мм), долихокранией и узким лицом (128—129 мм).

Четвертая группа мужских погребений характеризуется наличием в могильной яме камней и в подавляющем большинстве случаев белого

⁵ Расчет сделан по работе: Федоров-Давыдов Г. А. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков в археологических комплексах. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.

⁶ В определении основной территории погребений с белым песком нами не учитываются более поздние аналогичные погребения на территории «детского кладбища», а также те погребения с белым песком, которые выявлены в компактной группе, очевидно, одновременных захоронений на границе IX и X раскопов.

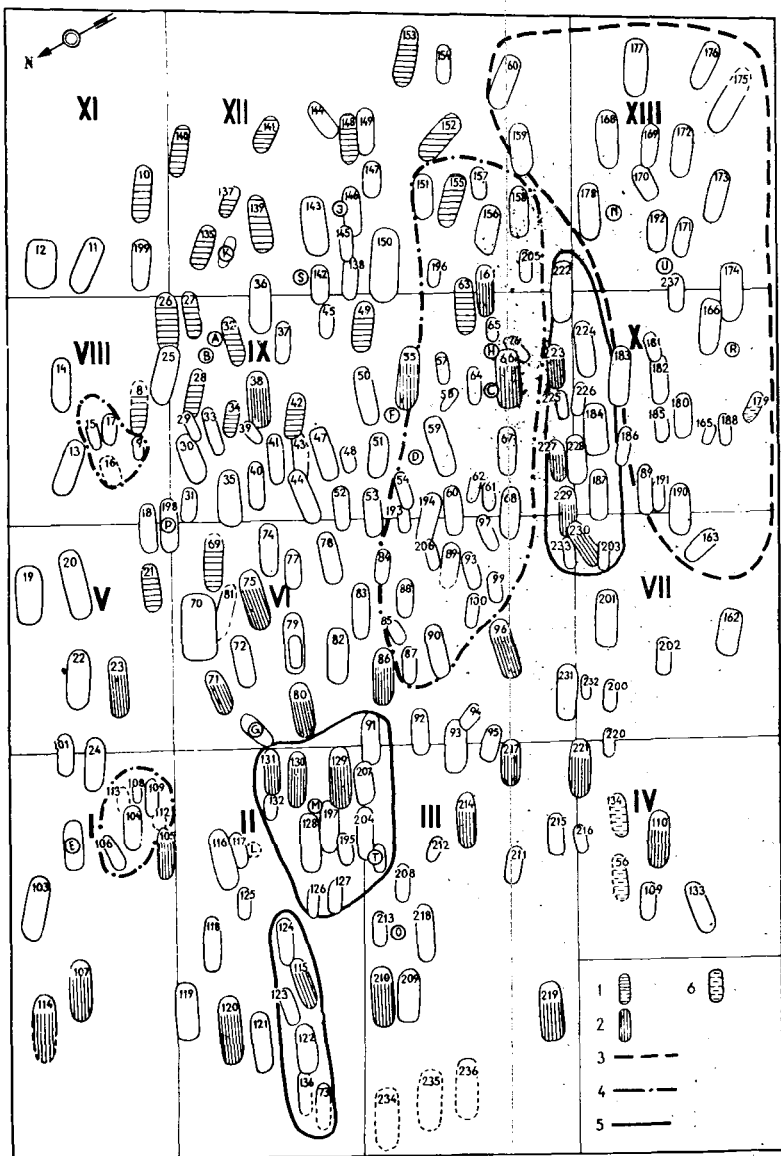

Рис. 1. Кивуткальский могильник: I—XIII — порядковые номера раскопов; А—U — погребения с трупосождением; 1 — погребения с западной ориентацией; 2 — погребения с подсыпкой из белого песка на дне могилы (но без камней и костяных булавок); 3 — юго-восточная группа погребений; 4 — компактные группы детских погребений; 5 — компактные группы мужских, женских и детских погребений; б — пол и возраст погребенного не определен; цифры 1—236 (в контуре) обозначают номер погребения

песка. Эта группа не имеет строгой локализации на территории могильника. Погребения расположены преимущественно в центральной и западной его части. Все погребенные в отличие от предыдущих групп имеют только вытянутое положение костяка, руки в большинстве случаев вытянуты вдоль туловища (83%). Антропологическое своеобразие мужчин, представленных этой группой погребений, заключается в выявляющейся у них неоднородности типа. На это, очевидно, указывает и наличие в их погребениях наряду с камнями и белого песка. Узколицый грацильный антропологический тип выявлен у мужчин из погребений с наличием только белого песка. Второй же тип характеризуется массивным строением черепа, крупными его размерами и широким лицом (136 мм).

Этот второй тип отчетливо представлен у женщин, в погребениях которых обязательно присутствуют камни. Как уже отмечалось, в пре-

дах женских погребений выявляется полное соответствие каждого пропологического типа «своему» элементу погребального комплекса.

Группа женщин, в могильной яме которых всегда присутствуют мни, а нередко и белый песок, характеризуется очень крупным прольным диаметром черепа (184 мм), умеренной долихокранией, очень широким (128 мм) и профилированным в горизонтальном сечении лицом. Вторая группа женщин, в погребениях которых всегда обнаруживаются костяные булавки, принадлежит к совсем иному антропологическому типу: небольшой продольный диаметр (179 мм), мезоклиная форма черепа, тоже широкое (126 мм), но уплощенное в горизонтальном сечении лицо. Ближайшие аналогии антропологическим типам этих двух женских групп имеются в местном неолитическом наслении Латвии — у племен нарвской культуры и племен культуры гребнчато-ямочной керамики, с которыми они, вероятно, связаны генетически. Эти две группы погребений не имеют определенной локализации, а рассредоточены по всей территории могильника.

Третья группа женских могил представлена погребениями, в которых обнаружен только белый песок. Антропологический тип этой группы женщин сходен с антропологическим типом мужчин из аналогичных погребений (только с белым песком) и характеризуется в отличие от предыдущих двух женских групп узким лицом и грацильным строением черепа.

Перейдем теперь к рассмотрению организации общества населения, ставившего Кивуткалнский могильник.

Мужские группы погребенных (различающиеся антропологически, характерными чертами погребального обряда, присущими каждой группе, и расположенные на определенной территории могильника), по-видимому, являются представителями отдельных родовых общин. Единый антропологический тип в пределах каждой группы, возможно, указывает на определенное родство внутри групп, позволяющее рассматривать их как локализованные части отдельных родов. Такое предположение кажется наиболее вероятным по отношению к юго-восточной группе погребенных.

Значительные различия в антропологическом типе мужчин и женщин Кивуткалнской популяции указывают на принадлежность мужа и жены разным родовым общинам, т. е. на наличие экзогамии.

Отсутствие среди женских погребений строгой локализации соответственно их антропологическому типу или погребальному обряду, а также наблюдаемая среди них четкая антропологическая дифференциация без видимых следов метисации свидетельствуют о том, что женщины здесь пришлые и представлены в первом поколении. Это в свою очередь указывает на патрилокальное брачное поселение. Выявляющаяся у части мужского населения метисация, очевидно, свидетельствует о том, что эти — мальчики от смешанных экзогамных браков оставались в своих родовых общинах, куда впоследствии и приводили своих жен.

По-видимому, родовые общины жили отдельными поселениями неподалеку друг от друга, что облегчало брачные связи. Можно также предположить, что общины были разной этнической принадлежности.

Экзогамия представляет особый интерес для понимания этнических процессов, изучаемых на краниологическом материале отдельных могильников. Если экзогамные брачные связи происходят в однородной антропологической и этнической среде, то физический состав и этническая принадлежность населения остаются неизменными. Однако на территориях, где граничат этносы, различающиеся по своему антропологическому составу, экзогамные браки являются фактором смешения, способствующим образованию метисных антропологических типов. Основываясь на этом, мы вправе ожидать в смежных областях расселения различных этносов (часто различающихся и антропологически) неоднородный антропологический состав у мужчин и женщин, погребенных в одном могильнике.

Кивуткалнский могильник как раз и указывает на существование в

низовье Даугавы в эпоху бронзы весьма неоднородного этнического состава населения, где экзогамные брачные связи были основным фактором смешения, способствуя ассимиляции одного этноса другим и оговору в пределах отдельных родовых общин метисных антропологических типов. Именно так можно объяснить антропологическую неоднородность в пределах одного этноса или, наоборот; появление единичных антропологических составов у смежных популяций, различающихся антропологически и этнически в результате метисации.

Смешение, которое отчетливо прослеживается на примере Кивуткальского могильника, по-видимому, не происходило между аборигенным населением — племенами, «этническими символами» которых являлись в одном случае камни, в другом — костяные булавки. Скорее можно предположить брачные связи и тех и других с пришлым узколицим населением. Полностью выявить картину брачного партнерства по имеющимся в нашем распоряжении данным не представляется возможным. Но достаточно отчетливо выявляется брачная связь между членами общины «этническими символами» которых были камни и белый песок и тем «символом» которых были костяные булавки (потомки племен культуры гребенчато-ямочной керамики), и с общинами, погребальной традицией которых являлось пеленание ног и туловища. В целом же пришлое узколицие население, по-видимому, выступало в качестве этнически объединяющего фактора, так как белый песок, употреблявшийся в качестве подсыпки на дне могильной ямы, является доминирующим «этническим символом» в погребениях могильника.

Можно предположить, что Кивуткальский могильник закладывался в период, когда между пришлым узколицим населением (белый песок) и аборигенными племенами (камни) установились прочные брачные связи, т. е. во втором или третьем поколении, так как в группе погребений с белым песком и камнями в могильной яме (свидетельствующим о процессе этнической интеграции), обнаружен метисированный антропологический тип, составляющие компоненты которого вычленить крайне трудно.

Анализ расположения погребений на территории могильника позволил выявить одну весьма важную закономерность в их топографии — раздельное захоронение мужчин и женщин. Отдельные площади могильника содержат только мужские или только женские захоронения. Случаи расположения рядом мужского и женского погребений, которые можно было бы рассматривать как захоронения супружеской пары, встречаются крайне редко. Они обнаружены только в двух компактных группах погребений (II и IX, X раскопы), которые, очевидно, являются одновременными захоронениями или погребениями с небольшими временными интервалами (рис. 2). На первый взгляд это не согласуется с той картиной раздельного захоронения мужчин и женщин, которая отчетливо прослеживается на других участках могильника. Однако, если внимательно присмотреться к расположению мужских и женских погребений, то можно увидеть нерегулярные ряды мужских и женских погребений, ориентированные как бы с северо-востока на юго-запад таким образом, что восточная часть IX раскопа заполнена мужскими погребениями, западная — женскими. Можно предполагать, что IX раскоп представляет собой наиболее древнюю часть могильника. Здесь отчетливо прослеживается раздельное захоронение мужчин и женщин. Позже, с расширением могильника, женщин стали хоронить в южной и западной его части.

Основываясь на том, что для могильника не характерны парные разновременные, а также семейные группы разнополых и разнопоколенных захоронений (выявлены только могилы с раздельным погребением мужчин и женщин), можно предположить, что семья в изучаемых нами родовых общинах характеризовалась слабыми внутренними связями.

Исследователи первобытного общества обычно соотносят слабые внутрисемейные связи с парной семьей⁷. Изучение на большом этногра-

⁷ См., например: *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя. В кн.: *Первобытное общество. Основные проблемы развития.* М.: Наука, 1975, с. 71, 78

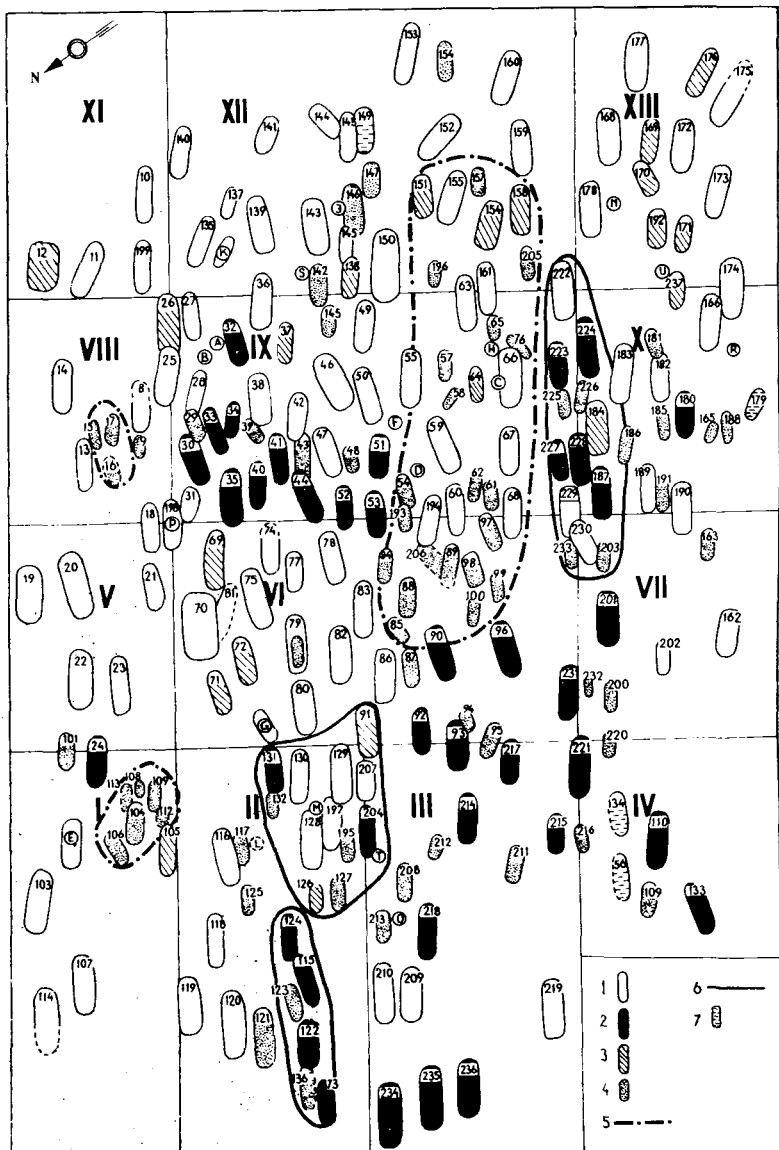

Рис. 2. Кивуткальский могильник: I—XIII — порядковые номера раскопок; А—U — погребения с трупосожжением; 1 — мужские погребения; 2 — женские погребения; 3 — погребения подростков; 4 — детские погребения; 5 — компактные группы детских погребений; 6 — компактные группы мужских, женских и детских погребений; 7 — пол и возраст погребенного не определен; цифры 1—236 — (в контуре) обозначают номер погребения

фическом материале семьи в обществе ранних земледельцев позволило раскрыть взаимоотношения в парной семье на фоне противоречий между родом и семьей и тем самым лучше понять закономерности социальных связей в обществе ранних земледельцев⁸.

В родовых общинах ранних земледельцев брачные узы были слабее кровнородственных связей. Основной задачей постоянной части родовой общины (в нашем случае мужчин) являлось жизнеобеспечение общины — коллективный труд (без которого ее существование было невозможно), защита земли, соблюдение религиозно-обрядовых норм. Все это укрепляло кровнородственные связи в ущерб семейным. Основной же

Бутинов Н. А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинеи и Северо-Западной Меланезии). — В кн.: Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980, с. 110—143.

⁸ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 143.

функцией парной семьи являлось воспроизведение потомства, а в конечном итоге — поддержание численности родовой общины. Однако дети, которые обычно цементируют семьи, с парной семьей были связаны только в раннем детстве. Мальчики-подростки в период инициаций отчуждались от матерей и женщин вообще, обретали новый социальный статус и вступали в общество мужчин, вливались в свой род⁹. Девочки же нередко уже в подростковом возрасте вступали в брак¹⁰.

Из всего сказанного понятно, насколько слабыми были семейные узы в парной семье. По нашему мнению, последовательно соблюдаемая традиция раздельного погребения мужчин и женщин коллективами, хоронившими своих близких на Кивуткалнском могильнике, указывает на существование в изучаемом обществе именно парной семьи. По-видимому, на доминирование у них родовых связей над семейными узами указывает и локализация отдельных групп погребений мужчин, представляющих локализованные части отдельных родов.

Нами был предпринят также анализ истории формирования могильника. Коснемся некоторых фактов, выявленных в ходе этого анализа. Как мы уже отмечали, самой древней частью могильника, очевидно, является IX раскоп. Тут могилы расположены наиболее плотно; восточную часть раскопа занимают мужские, а западную женские, что, очевидно, при первых захоронениях мыслилось как раздельное погребение. В центральном раскопе преобладают мужские погребения с восточной ориентировкой; но в крайней северо-восточной его части имеются мужские погребения и с западной ориентировкой, непосредственно примыкающие к соседнему, XII раскопу, где преобладают мужские погребения с той же ориентировкой. Логично предположить, что расширение могильника в восточном направлении (XII и XI (?) раскопы) шло преимущественно за счет тех, которые соблюдали традицию западной ориентировки (рис. 1). Но в таком случае естественно предположить, что та часть населения, близкие которых погребены головой на восток в центральной части могильника, продолжала хоронить своих сородичей на площади VI (и V?) раскопов, где представлены мужские погребения только с восточной ориентировкой. Отсюда возможен вывод, что на площади IX и смежных с ним XII (и XI) и VI (и V) раскопов похоронены люди двух последовательно сменяющихся поколений.

Анализ возрастного состава погребенных на отдельных раскопах показал, что в древней части могильника (раскопы VIII, IX) возраст мужчин к моменту смерти составлял в среднем 37 лет, тогда как у погребенных к востоку (XI, XII раскопы) и западу (V, VI раскопы) от древней части могильника средняя продолжительность жизни была значительно ниже и равнялась 27 и 31 году соответственно.

По-видимому, такая небольшая продолжительность жизни у второго поколения людей, оставивших Кивуткалнский могильник, была вызвана какими-то неестественными причинами смерти. В этой связи представляет интерес индекс маскулинизации, который равняется 2,3. Иными словами, число погребенных мужчин в целом на могильнике более чем вдвое превышает число женщин. В этой связи следует отметить, что индивидуальные детские захоронения обнаружены на разных площадях могильника, в том числе и в центральной части. Напротив, на территории V и VI раскопов их нет. На площади XII раскопа детские могилы обнаружены только в непосредственной близости от погребений двух мужчин (или между ними). Эти два погребения выделяются тщательной каменной выкладкой могильных ям (погр. 143, 150), что указывает, очевидно, на особое социальное положение похороненных в них людей. Весьма вероятно, что здесь погребены военные вожди и их дети. Отсутствие детских погребений на площади V и VI, а также XI и XII раскопов (за

⁹ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 136—137; Крюков М. В. Дает ли система брачных классов ключ к разгадке «австралийской контroversы». — Сов. этнография, 1974, № 3, с. 69.

¹⁰ Соколова З. П. Брачный возраст у хантов и манси в XVIII—XIX вв. — Сов. этнография, 1982, № 2, с. 67—71.

ключением тех, которые, возможно, связаны родством с военными (ждями) может свидетельствовать о погребении здесь воинов. В пользу этого предположения говорит и то, что на площади XII раскопа обнаружен кенотаф и захоронение в обычной могильной яме только головы. Это же объясняет низкую продолжительность жизни похороненных здесь мужчин.

Следовательно, есть достаточные причины низкую продолжительность жизни у погребенных на площади V, VI и XI, XII раскопов считать следствием военных столкновений, которые здесь имели место при жизни того поколения основателей могильника. Возможно, юноши, достигшие возраста воинов (18—30 лет), не вступали в брак и оставались холостыми. Это в свою очередь могло явиться одной из причин значительного преобладания мужских погребений над женскими.

Причины военных столкновений могли быть обусловлены географическим положением и выгодными экологическими условиями, в которых находились родовые общины, обитавшие в низовье Даугавы. Эта река служила удобным путем для передвижений и являлась богатым источником пищевых ресурсов. Сочетание подсечно-огневого земледелия с рыболовством, вероятно, обеспечивало проживающим здесь родовым общинам продолжительную оседлость¹¹. Следует учесть, что родовые общины, оставившие Кивуткалнский могильник, по-видимому, являлись местными жителями всего лишь в третьем или четвертом поколении. Таким образом, их предки были иммигрантами, потеснившими аборигенов (возможно, охотников и рыболовов), которые время от времени могли страивать военные набеги с целью грабежа или захвата территории, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные¹².

Значительный интерес представляет микротопография детских погребений. В целом они размещены по всей территории могильника и редко связаны с погребениями взрослых. В этом отношении исключение составляют только некоторые детские погребения «в ногах» или еще реже рядом с погребением взрослого, что, возможно, указывает на близкое родство (дети и родители). Помимо детских погребений, «разбросанных» по всей территории могильника, имеется несколько «гнезд», где погребены только дети. Среди последних выявляется раздельное захоронение детей первого и второго периода детства, что указывает на соблюдение в обществе, оставившем могильник, традиции деления детей на два класса.

Одно «гнездо» детских могил, погребенных в возрасте до года, выявлено на площади I раскопа. Второе скопление детских погребений, содержащих останки детей до 3 лет, вскрыто на площади VIII раскопа (рис. 2). Обособленная территория детских погребений («детское кладбище») расположена в центре могильника; по количеству погребенных и занимаемой площади она превосходит две предыдущие. Здесь (в юго-западной части VI и южной части IX и XII раскопов) детские погребения размещены широкой полосой, тянущейся с запада на восток. Эта часть могильника, отведенная, по-видимому, специально для детских погребений при закладке могильника, визуально выявляется не сразу по той причине, что здесь среди детских могил расположены и погребения взрослых, которые, однако, следует считать более поздними, так как ими частично перекрыты детские захоронения.

Западная часть «детского кладбища» наиболее древняя. Здесь расположена половина детских могил, вскрытых на нем, и содержащих останки детей в возрасте до 3 лет, реже до 7—8 лет. Захоронения детей 9—10 лет и старше обнаружены в четырех погребениях IX и XII раскопов (погр. 64, 151, 156, 158), расположенных неподалеку одно от другого (рис. 2).

¹¹ Карнейро Р. Л. Переход от охоты к земледелию.— Сов. этнография, 1969, № 5, с. 72—76.

¹² Шнирельман В. А. Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству (по материалам Африки и Азии).— Сов. этнография, 1982, № 2, с. 29, 38; Карнейро Р. Л. Указ. раб., с. 75—76.

Одна группа детей-подростков в возрасте от 8—9 лет погребена на территории XIII раскопа (погр. 161—171, 192, 237). Группа подростков в возрасте 10—16 лет найдена в погребениях северной части VI раскопа (погр. 69, 71, 72).

Поскольку на площади VI и XIII раскопов среди захоронений взрослых обнаружены только мужские, можно предположить, что и погребенные здесь подростки — мальчики (на это указывает и выраженная массивность ключицы и длинных костей у некоторых подростков).

Судя по возрасту детей, погребенных компактными группами, есть основания считать, что родовые коллективы соблюдали деление детей на возрастные группы. Возрастной рубеж, очевидно, проходил между 7—8 и 8—9 годами. По-видимому, подростки после 8 лет переходили в следующую за первым детством возрастную категорию, но в социальном плане они не считались взрослыми, так как их погребения еще образуют отдельные группы, которые иногда окружены захоронениями взрослых (XIII раскоп).

Основываясь на этнографических свидетельствах, можно предполагать, что этот переходный период длился несколько лет, после чего подростки становились совершеннолетними — полноправными членами общества и воинами. По данным топографии могил детей и подростков можно считать, что период инициации мальчиков у родовых общин кивуткалнского населения длился несколько лет. На это указывает то обстоятельство, что подростки в возрасте от 8 до 14 лет погребались вместе на обособленной площади могильника изолированно от детей, не достигших 7—8 лет. Погребения же юношей (с 16 лет и старше) чаще расположены рядом с погребениями взрослых мужчин. По-видимому, юноши в возрасте 16 лет (а возможно, и раньше — после 14 лет) уже имели статус взрослого мужчины. Точно определить ту возрастную грань, переступив которую юноша становился в социальном смысле взрослым, не удается, так как в большинстве случаев возраст нами определялся с точностью до 2—3 лет. Так, некоторые подростки, возраст которых определен в пределах 14—15 лет, погребены отдельно от взрослых, но имеются 14-летние подростки (где возраст выявлен с точностью до 1 года), одиночные могилы которых расположены среди взрослых (погр. 12).

Данные этнографии свидетельствуют, что у одних племен мальчики подвергаются инициациям начиная с 8-летнего возраста, у других — на 11-м или 12-м году жизни, у третьих — в возрасте 9—16 лет¹³.

Обряды инициации были обязательными для всех подростков и проходили у мальчиков и девочек раздельно. В период инициаций осуществлялось отчуждение подростка от матери, означавшее переход в род. Н. А. Бутинов пишет: «Носителем семейного начала является женщина, а родового — мужчина. Поэтому переход из семьи в род мыслится как отчуждение подростка от женщины и приобщение его к миру мужчин»¹⁴. Погребение мальчиков-подростков в той части могильника, где хоронили только мужчин, по-видимому, достаточно убедительно указывает на происходившее в изучаемом нами обществе социальное отчуждение мальчиков-подростков от женщин и приобщение к миру мужчин.

Как известно, у охотников и рыболовов существовала традиция погребения детей отдельно от взрослых, иногда даже в специальных детских могильниках¹⁵. У них был также распространен обычай умерщвления какой-то части детей младенческого возраста, поскольку в условиях кочевого образа жизни женщина не могла нести на руках более одного ребенка.

Судя по тому, что в Кивуткалнском могильнике погребения детей в возрасте первого детства можно встретить не только на специально отведенной для этого площади, но и по всему могильнику, можно предположить, что общество, хоронившее своих близких в Кивуткалнском мо-

¹³ Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Наука, 1964, с. 232—234.

¹⁴ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 136.

¹⁵ Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн. Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972, с. 36.

льнике, изживало старые внутриобщинные социальные связи по отношению к детям и переходило на новую ступень стабилизации общественных отношений внутри родовых общин.

В этой связи представляет интерес количественное соотношение женских и детских погребений изучаемого могильника, которое характеризуется индексом 2,3, что указывает на такое положение, при котором у каждой женщины из всех родившихся детей умирало по крайней мере двое. В этом случае для поддержания существовавшей численности популяции каждая женщина должна была родить не менее 4—5 детей, что согласуется с этнографическими данными.

Основываясь на естественном соотношении численности женщин и детей, погребенных в могильнике, можно считать изжитыми обычай мерщвлять детей или хоронить их за пределами кладбища взрослых членов коллектива. Наоборот, в изучаемом обществе были уже достаточно прочными социальные связи взрослых и детей. Эволюцию взглядов на положение детей в обществе ранних земледельцев, по-видимому, следует объяснить складывавшимися производственными отношениями внутри родовых коллективов и новым образом жизни. С возникновением производящего хозяйства расширилась сфера приложения детского труда. Дети могли работать в огороде, пасти скот и выполнять многие другие обязанности, что способствовало изменению социального положения детей в родовых общинах. Это вместе с оседлостью и появлением более постоянных источников продуктов питания у ранних земледельцев, очевидно, и привело к перестройке внутриобщинных социальных связей и отношения к детям.

Таким образом, выявленная связь половозрастных данных с топографией погребений позволяет считать характерной для изучаемого нами общества возрастную градацию с восьмилетним интервалом. Это достаточно отчетливо прослеживается для первых двух возрастных классов — детей и подростков. Весьма вероятно, что интервал той же продолжительности был характерен и для последующих возрастных групп. На территории XI—XII раскопов возраст погребенных (по нашему мнению, воинов) колеблется в пределах 19—28 лет, что в целом соответствует третьей возрастной группе (17—24 года). В этом случае четвертая возрастная группа должна была бы включать индивидуумов в интервале 25—32 лет. Если учесть, что средняя продолжительность жизни взрослого мужского населения кивуткальской популяции равнялась приблизительно 35 годам, предполагаемая нами восьмилетняя градация (5×8) возрастных групп изучаемого общества не лишена основания, тем более что такому делению имеются аналогии и в этнографическом материале¹⁶.

Продолжая анализ топографии детских погребений, следует остановиться еще на одном весьма существенном вопросе, касающемся отношений родства. Как уже отмечалось, многие могилы, содержащие останки детей в возрасте до 7—8 лет, рассредоточены по всему могильнику. Большинство одиночных погребений детей никак не связано с близлежащими погребениями взрослых индивидуумов. Однако в некоторых случаях все же прослеживается достаточно определенная связь с могилами взрослых индивидуумов. В первую очередь это относится к двойному и, по-видимому, одновременному захоронению мужчины с ребенком на площади VI раскопа (погр. 79). Могила взрослого мужчины 28 лет имеет глиняную обмазку, поверх которой погребен ребенок в возрасте трех лет. На площади XII раскопа находятся недалеко одна от другой две могилы взрослых мужчин, которые выделяются среди всех остальных погребений могильника. Здесь мужчины в возрасте 25—30 и 33 лет погребены в дубовых колодах, а могильные ямы полностью выложены валунами небольших размеров. Поверх дубовых колод также имелась кладка из камней. Вблизи этих могил, а также и между ними расположено несколько погребений детей в возрасте 7—8 лет и только в

¹⁶ Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М.: Наука, 1976, с. 37—43.

одном случае — 14 лет. По-видимому, тщательная каменная выкладка могильной ямы в двух упомянутых мужских погребениях указывает на особое социальное положение погребенных. Не исключено, что это погребения вождей. Расположенные возле них детские погребения, возможно, указывают на кровное родство. Как свидетельствуют этнографические данные, кровное родство по отношению к детям осознавалось и соответственным образом реализовывалось в первую очередь среди вождей.

Другую категорию детских погребений составляют те, которые вплотную примыкают к погребениям взрослых (могилы детей находятся непосредственно «в ногах» захоронений взрослых или рядом с ними). Во всех этих случаях детские погребения связываются с мужскими. Исключение составляют три группы компактно расположенных могил: (II и IX/X раскопы), где детские погребения примыкают как к мужским так и к женским. Но эти погребения образуют обособленные группы, возможно, это связано с одновременными захоронениями, и поэтому их в данном случае нельзя принимать в расчет.

Основываясь на топографии погребений, можно выявить определенную зависимость между некоторыми захоронениями мужчин и детей, указывающую, вероятно, на существовавшую между ними родственную связь (поколения отцов—детей). Установленная нами связь между мужскими и детскими погребениями позволяет предполагать, что у родовых общин, оставивших Кивуткалнский могильник, был патрилинейный счет родства.

Возникновение патрилинейного счета родства иногда связывается с переходом от материнского рода к патриархальному: «... материнский род прекращал свое существование с появлением патрилокальных и патрилинейных семей, которые, разрастаясь и объединяясь друг с другом, образовывали основы патриархального рода»¹⁷. Патриархальный род был представлен большими патриархальными семьями и патронимиями. Ентрисемейные связи в патриархальных семьях являлись более тесными и многообразными, чем в парных семьях, что, по нашему мнению, должно было получить отражение и в микротопографии погребений. В нашем же случае, характер расположения мужских, женских и детских погребений не дает никаких оснований для реконструкции сколько-нибудь тесных семейных связей, так как подавляющее большинство погребений на Кивуткалнском могильнике индивидуальные — мужчины и женщины, похоронены раздельно. К тому же возникновение патриархального рода связывается с накоплением частных богатств и с имущественным расслоением, что ведет к имущественному и социальному вычленению отдельных семей, а это в свою очередь должно было бы отразиться в погребальном обряде и расположении мужских, женских и детских погребений (как это отчетливо прослеживается на изучаемой территории в более поздних могильниках). Характер же погребального обряда и скудный набор предметов, сопровождающих погребения Кивуткалнского могильника, не дают оснований говорить о сколько-нибудь существенном имущественном расслоении изучаемого нами общества. Исходя из данных Кивуткалнского могильника, есть основание предполагать лишь обычную для родовых общин социальную стратификацию — выделение старейшин и вождей.

Таким образом, выявленный нами патрилинейный счет родства у общества, оставившего Кивуткалнский могильник, по-видимому, связан не с патриархальным, а с отцовским родом. Переход же к патриархальному роду на рассматриваемой территории, очевидно, следует соотносить с более поздним временем — с эпохой железа и, возможно, с переходом к плужному земледелию.

Более сложным представляется вопрос о времени появления на изучаемой территории отцовского рода. Фактические данные по этому вопросу в нашем источнике, естественно, отсутствуют. Однако здесь следу-

¹⁷ Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975, с. 99.

ет учесть то обстоятельство, что части рода, представленные мужскими погребениями, локализованными на отдельных участках могильника, были из пришлого населения, мигрировавшего в низовье Даугавы в эпоху бронзы. По-видимому, это были ранние земледельцы, и для них, очевидно, и был характерен отцовский род. Поэтому вопрос о древности отцовского рода на изучаемой территории следует соотносить с местным населением, которое в нашем случае представлено женскими погребениями, генетически связанными с местными неолитическими племенами. К сожалению, на этот вопрос нельзя дать прямого ответа. Данные Кивуткалнского могильника свидетельствуют лишь о том, что для местных женщин было характерно патрилокальное брачное поселение. Было ли это для них давним явлением или же они пережили определенную перестройку в семейно-брачных отношениях, остается неизвестным. Можно лишь сослаться на мезолитические погребения в Звейниекы, где найдено парное захоронение мужчины с ребенком, возможно, указывающее на существовавшую и в столь отдаленное от нас время традицию счета родства по отцовской линии.

Итак, для реконструируемого нами общества были характерны отцовско-родовые общины с патрилинейным счетом родства, патрилокальным брачным поселением и парной семьей.

Б. В. Соколов

ИММИГРАНТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ *

Южно-Африканская Республика (ЮАР, до 1961 г. — Южно-Африканский Союз) — единственное государство в мире, где политика апартеида («раздельного развития» рас) официально проводится государством. Белое население страны господствует над небелым большинством, лишенным элементарных политических прав и подвергающимся дискриминации.

Иммиграция играла главную роль в формировании неафриканского населения страны вплоть до начала XX в. Затем ее роль несколько упала. Однако за 1960—1980 гг. положительное сальдо миграций населения составило 455 тыс. чел. После 1960 г. в ЮАР въехало много европейцев из бывших колоний империалистических государств в Африке¹. Эмиграция превышала иммиграцию только в 1977—1978 гг. вследствие оттока белого населения в связи с кровавыми событиями в Соуэто и усилением борьбы африканского населения против режима апартеида.

Иммиграционная политика и предоставление гражданства Южно-Африканской Республики определяются законами 1937, 1949 и 1978 гг. С 1961 г. проводится политика поощрения иммиграции, распространяющаяся только на белых. После второй мировой войны был практически запрещен въезд в страну выходцев из Азии (в 1946—1971 гг. их прибыло лишь 7 тыс.)². Для получения гражданства иммигрант должен прожить в ЮАР пять лет, овладеть одним из двух государственных языков (английским или африкаанс) и обладать «хорошим характером».

Остановимся на этнических группах иммигрантского населения ЮАР.

Африканеры. Современные африканеры — это народ, образовавшийся из потомков голландских поселенцев и ассимилированных ими вы-

* В статье мы рассматриваем группы выходцев из Европы и Азии, переселившиеся в Южную Африку в XVII—XX вв., а также их потомков.

¹ South Africa 1979.— Official Yearbook of the Republic of South Africa. Johannesburg, 1979, p. 294, tab. 2; Южно-Африканская Республика. Экономический справочник. М.: Наука, 1982, с. 250 (табл. 3).

² South Africa 1979, p. 27, 285.

ходцев из Франции, Германии, Великобритании и ряда других европейских стран. Голландцы высадились на м. Доброй Надежды в 1652 г. В 1657 г. Голландская Ост-Индская компания предоставила участки земли первым «свободным бюргерам». В 1658 г. был произведен массовый ввоз рабов из Юго-Восточной Азии в основанную голландцами Капскую колонию. Хотя смешанные браки поселенцев с небелыми были запрещены в 1685 г., внебрачные связи и в последующие годы были весьма распространены. После отмены Нантского эдикта (1685 г.) из Франции прибыли гугеноты. Они расселились среди голландцев и быстро ассимилировались голландскими поселенцами, как и выходцы из Германии, Дании и Великобритании (до перехода Капской колонии во владение Британской империи).

Одно из наиболее ранних употреблений слова «африканер» в качестве этнонима относится к 1706 г., когда некий колонист в споре с местной администрацией заявил: «Я африканер»³. К концу XVIII в. этот этноним получил широкое распространение. Образовалась африканерская народность, в которой растворились группы европейских поселенцев. Во многих европейских странах африканеры стали известны под названием буры. «Слово „бур“ в голландском языке означает „земледелец“ и употребляется в Южной Африке для наименования всех лиц европейского происхождения, обычно говорящих на испорченном голландском языке этой страны», — отмечал английский историк Дж. М. Тил в конце XIX в.⁴ Язык буров (африкаанс) возник на основе голландского с заимствованиями из готтентотского, языков банту, французского, английского и др. В период «Великого трека» (переселения потомков голландских поселенцев из Капской колонии на север), начатого в 1836 г., африкаанс начал развиваться и в качестве литературного языка. Один из вождей треккеров П. Ретиф подчеркивал стремление буров «сохранить надлежащие отношения между хозяевами и слугами», «вести еще более тихую, спокойную жизнь, чем... до прихода англичан», найти землю, где можно было бы жить в мире и дружеских отношениях с местными племенами⁵. В действительности треккеры вовсе не стремились поддерживать «дружеские» отношения с местными зулусскими (бантуязычными) племенами. Они захватывали земли зулусов, а их самих обращали в рабство.

К концу Англо-бурской войны африканеры уже окончательно сложились как нация со своими национальными традициями и даже своеобразной религией, основанной на догматах голландской реформатской церкви и имеющей своих мучеников и священные места (памятники борьбы буров за независимость)⁶. Приверженность кальвинистскому учению о божественном предопределении отразилась в государственном гимне ЮАР, где говорится, что южноафриканцы «подчинены только Богу, а свободны перед всем миром»⁷.

Большую роль в формировании национального сознания африканеров сыграло движение за равноправие языка африкаанс с английским языком. В 1879 г. был основан «Африканербонд» (Африканерский союз), целью которого, как указывалось в его программе, было «объединение Южной Африки под африканерским флагом»⁸.

Один из лидеров африканеров Я. Смэтс писал в 1902 г., что его идеалом является «объединенная Южная Африка с максимально возможной свободой (для белых.— Б. С.), но в которой влияние Даунинг-стрит будет постепенно устранено... и не будет также „голландского“ (африканерского.— Б. С.) господства или преобладания над англоафриканцами!

³ South Africa 1979, p. 77.

⁴ Theal G. M. History of the Boers in South Africa... L., 1887, p. XXIII.

⁵ Ibid., p. XXIII, 60—61.

⁶ Moodie T. D. The Rise of Afrikanerdom. Power, Apartheid and the Africaner Civil Religion. Berkeley — Los-Angeles — L., 1975.

⁷ South Africa 1979, p. 116—117.

⁸ Вигушин И. В. Национально-политическая консолидация африканеров. Дис. на соиск. уч. степени канд. истор. наук. М., Ин-т Африки АН СССР, 1971, с. 102.

English Africans)». Оппонент Смэтса Дж. Герцог выступал за господство африканеров, но не отрицал необходимости единства южноафриканских белых. Он подчеркивал наличие двух культурных потоков среди этого населения и указывал, что «трения существуют не между говорящими по-голландски колонистами и живущими в колонии англичанами, между колонистом в Африке и англичанином на родине». Дж. Герцог и его сторонники опасались, что проводимая премьер-министром Л. Бойей политика примирения с англичанами может привести к исчезновению африканерского народа. Но они готовы были считать южноафриканцами тех англоязычных белых поселенцев, которые родились в Южной Африке. Лишь по отношению к недавно прибывшим англичанам африканерские националисты проявляли враждебность и даже поговаривались об их возможной высылке из страны⁹.

Большинство африканерских политиков ныне осознает необходимость тесного сотрудничества с англоязычным населением для сохранения господства белых. Они все более отходят от антианглийской пропаганды времен победы Малана в 1948 г. и референдума 1960 г. о провозглашении республики. Теперь их идеал — «гармоничное сочетание» ультр африканеров и англоафриканцев без последующего слияния этих групп населения в единую нацию, а с сохранением присущей им национальной специфики¹⁰. Руководящая роль африканеров в обществе при этом не ставится под сомнение. В то же время крайние африканерские националисты часто провоцируют столкновения с англоафриканцами, особенно студентами, среди которых усиливаются выступления против апартеида за предоставление равных прав небелому населению страны¹¹.

Наиболее известная африканерская националистическая организация «Брудербонд» (Братство) создана в 1919 г. Первоначальной ее целью было объединение националистически настроенных молодых африканеров. Влияние «Брудербонда» усилилось после присоединения к нему большого числа школьных учителей. Членами «Брудербонда» являются многие видные африканерские политики — сторонники системы апартеида. В 1948 г. было основано Южно-Африканское бюро по изучению расовых отношений (САБРА). Оно выдвигает проекты развития системы апартеида в соответствии с идеями «Брудербонда». Федерация африканерских культурных ассоциаций (ФАК) проповедует расистские идеи в области культуры¹². В противоположность этому демократические организации были запрещены и преследуются.

Некоторые южноафриканские исследователи высказывают мнение, что оптимальным решением расовой проблемы в ЮАР в будущем явится массовый выезд белого населения из страны¹³. Однако, как выяснилось, белые не намерены покидать Южную Африку. В 1974 г. был проведен опрос двух групп белого населения — африканеров (641 чел.) и англоафриканцев (659 чел.). Подробнее об этом опросе мы скажем ниже, а здесь отметим, что большая часть африканеров (66%) заявила о своем нежелании уезжать из ЮАР при сохранении системы апартеида, даже если бы резко уменьшились доходы белых за счет перераспределения их среди других расовых групп. 12% африканеров ответили, что возможно останутся, и лишь 4% заявили о своем желании уехать. На вопрос, как африканеры поступили бы в случае непосредственной угрозы прихода к власти черного большинства, 43% ответили, что намерены остаться, 12% — что возможно останутся и 19% высказались за отъезд. Высокий процент не желающих покинуть страну объясняется, помимо боязни потерять материальные преимущества господствующего меньшинства, еще и тем, что многие африканеры уже утратили связь с теми

⁹ Moodie T. D. Op. cit., p. 73—77.

¹⁰ South Africa 1979, p. 82.

¹¹ The Liberal Dilemma in South Africa/Ed. by Van den Berghe P. L. L., 1979, p. 145—146.

¹² Moodie T. D. Op. cit., p. 50—51; Апартеид. Его последствия для образования, науки, культуры и информации. М.: Международные отношения, 1969, с. 171—172.

¹³ The Liberal Dilemma in South Africa, p. 62.

европейскими странами, откуда они приехали в Южную Африку, а некоторые — даже память об этих странах. Как свидетельствуют данные того же опроса, 17% африканеров не смогли назвать страну происхождения, 36 назвали Голландию, 28 — Францию, 24 — Германию и 12% — Великобританию. 58% англоафриканцев назвали страной происхождения Великобританию, 16 — Германию, 12 — Голландию, 10 — Францию 9% — Ирландию¹⁴.

Рождаемость у африканеров существенно выше, чем у англоафриканцев. Их доля среди белого населения возрастает, хотя большинство белых иммигрантов из европейских стран, Северной Америки, Австралии и Африки ассимилируется англоафриканцами.

В 1970 г. только 12% африканеров жили в сельской местности, тогда как в 1900 г. только 10% их были горожанами¹⁵. С 1936 г. по 1977 г. процент африканеров, занятых в сельском хозяйстве, снизился с 41,2 до 8,1. За этот же период доля работников несельскохозяйственного физического труда упала с 31,3 до 26,7%, а доля тех, кого статистика ЮАР квалифицирует как работников умственного труда, возросла с 27,5 до 65,2%¹⁶.

К 1976 г. произошло выравнивание доходов африканеров и англоафриканцев¹⁷, тогда как в 1946 г. доход на душу населения у англоафриканцев был в 1,5 раза выше, чем у африканеров. Белое население по уровню доходов занимает одно из первых мест в капиталистическом мире¹⁸.

Численность африканеров в 1980 г. можно оценить в 2455 тыс. чел., соотнеся официальную оценку числа белых, говорящих на африкаанс, с общей численностью белого населения по переписи 1980 г.¹⁹

Англоафриканцы. В 1620 г. двое англичан подняли английский флаг на м. Доброй Надежды. Реальных последствий это не имело, и первая община немногочисленных английских поселенцев появилась в Капской колонии лишь в 1795 г.²⁰ До этого выходцы из Великобритании в Южной Африке ассимилировались потомками голландских поселенцев. В 1820 г., когда в Капскую колонию прибыли 5 тыс. новых поселенцев из Англии и Шотландии, здесь проживало более 4 тыс. англичан. Вплоть до середины XIX в. поощряемая британским правительством иммиграция оставалась незначительной. После открытия золотых и алмазных месторождений в Южной Африке иммиграция резко возросла. Англоязычное население увеличилось с 60 тыс. в 1860 г. до 250 тыс. в 1891 г. и 506 тыс. в 1916 г. — 40,7% белого населения страны²¹. Англичане в бурских республиках работали главным образом в горнодобывающей промышленности. Из-за низкой рождаемости и сокращения в последующие годы иммиграции доля англоязычных лиц в белом населении ЮАР упала до 37,2% в 1970 г.²²

Вопрос о национальном самосознании англоафриканцев (кем осознают они себя — британскими колонистами или подлинными южноафриканцами) давно интересовал ученых²³. В 1974 г. ему была посвящена специальная конференция, организованная «Фондом поселенцев 1820 г.» — крупнейшей англоафриканской культурной организацией, созданной в 1920 г. Конференция провела уже упоминавшийся нами опрос, давший ценную информацию. Конференция пришла к выводу, что англоязычное белое население ЮАР к настоящему времени утратило британ-

¹⁴ English-Speaking South Africa Today.—Proceedings of the National Conference July 1974/Ed. by Villiers A. De. Cape Town, 1976, p. 118—119, tab. 13; p. 76, tab. 14, p. 44.

¹⁵ Gann L. H., Duignan P. Why South Africa will Survive. L., 1981, p. 18.

¹⁶ Adam H., Giliomee H. Ethnic Power Mobilized, Can South Africa Change? New Haven — London, 1979, p. 169, tab. 2.

¹⁷ Adam H., Giliomee H. Op. cit., p. 172—174, tab. 4—7.

¹⁸ Gann L. H., Duignan P. Op. cit., p. 17.

¹⁹ South Africa 1982, p. 80, tab. 2, p. 26, tab. 1.

²⁰ South Africa 1979, p. 105—106.

²¹ English-Speaking South Africa Today, p. 42—43, tab. 2; p. 48.

²² South Africa 1979, p. 32, tab. 10.

²³ South Africa Digest, 2.VII. 1982, p. 6—8.

кое (английское) этническое самосознание и сознает себя южноафриканцами, хотя и представляет менее сплоченную в политическом и культурном плане общность, чем африканеры²⁴. Для формирования подобных потребовалось около 300 лет, а предки англоафриканцев появились в Южной Африке только в начале XIX в. «Южноафриканское» самосознание этой группы белых складывалось уже среди англичан Трансваала в конце XIX в. Они мечтали о создании «Южно-Африканских Соединенных Штатов» и дорожили своей новой родиной, где ум и энергия значили куда больше, чем родословная²⁵.

После второй мировой войны в результате победы на выборах 1948 г. африканерских националистов связи англоафриканцев с Великобританией и странами Содружества наций были ослаблены. Англоафриканец осознал, что «хотя он остался на клочке суши, не омываемом более имперским приливом, он не любит „родную страну“ достаточно глубоко, чтобы вернуться в нее, оставив страну своего рождения. Он изменился. Кем бы он ни стал, он больше не был англичанином (а Britisher)»²⁶. Участники конференции констатировали появление нового этнического сознания, формирование нации англоязычных южноафриканцев в конце 40-х — начале 50-х годов. Опрос белых, говорящих на английском языке и африкаанс, дает представление и об этническом самосознании белого населения. Выяснилось, что 79% говорящих на английском и 96% говорящих на африкаанс признали важным или очень важным сохранение группового самосознания, традиций и языка.

Среди англоязычных белых 40% отнесли себя к англоговорящим южноафриканцам, 28 — просто к южноафриканцам, 12 — к белым южноафриканцам, 8 — к англичанам (британцам), 5 — к европейцам и 3% — к прочим. Кроме того, 5% назвали себя говорящими на африкаанс южноафриканцами. Для сравнения: среди белых, говорящих на африкаанс, 12% назвали себя африканерами, 51 — говорящими на африкаанс южноафриканцами, 15 — просто южноафриканцами и 21% — белыми южноафриканцами; 1% оказался в категории прочие.

Данные опроса показывают, что большинство англоговорящих белых осознает себя англоговорящими южноафриканцами, а доля осознающих себя южноафриканцами достигает 85%. Если учесть при этом, что среди опрошенных англоговорящих лица, рожденные вне ЮАР, составляли 15%, станет очевидным, что никто из англоговорящих уроженцев Южной Африки не осознает себя англичанином, и определения «англичанин (британцы)» и «европейцы» практически целиком падают на иммигрантов. Опрос выявил также культурные и мировоззренческие представления англоговорящих. Оказалось, что своей культурой 46% опрошенных считают особую южноафриканскую культуру, 20 — культуру англоязычного мира в целом, 6 — собственно британскую или британскую и американскую, 19 — культуру современного западного мира, 6% — европейскую культуру²⁷. Иными словами, все англоговорящие белые (кроме иммигрантов) считают свою культуру южноафриканской.

Следует подчеркнуть, что только 12% говорящих на африкаанс назвали себя «африканерами», в то время как африканерская национальность подавляющего большинства говорящих на африкаанс не вызывает сомнения. Это свидетельствует об относительности в данном случае какого признака этноса, как наличие устойчивого этнонима. Определение «южноафриканец» означает национальную принадлежность, и подобно тому, как лица, говорящие на африкаанс и отнесенные к «южноафриканцам», «белым южноафриканцам» и «южноафриканцам, говорящим на африкаанс», безусловно, африканеры, лица, говорящие на английском и отнесенные к аналогичным категориям, безусловно англоаф-

²⁴ English-Speaking South Africa Today, p. V—VI.

²⁵ К-ий С. Буры. Краткий очерк их быта, нравов и политического строя Трансваала. М.—Спб., 1899, с. 45—47.

²⁶ English-Speaking South Africa Today, p. 12.

²⁷ Ibid., p. 101, tab. 2; p. 99, 111.

риканцы. Правильнее были бы термины «англоюжноафриканцы» и «англоговорящие южноафриканцы», но вследствие их громоздкости установившейся в советской литературе традиции²⁸ мы их не употребляем. Использование термина англоафриканцы оправдано и тем, что значительную часть белого англоязычного населения ЮАР составляют выходцы из бывших британских колоний в Африке. Тот факт, что 5% англоговорящих относят себя к группе южноафриканцев, говорящих на африкаанс, свидетельствует, вероятно, об ассимиляции африканерами части англоговорящих белых. Эти лица составляют переходную группу англоафриканеров, приобретших африканерское самосознание, но еще не утративших память об английском как о родном языке. Число жителей ЮАР, подобным двойственным самосознанием можно оценить, учитывая данные 1980 г. о числе англоговорящих белых, в 90 тыс. Случаи ассимиляции африканеров англоафриканцами, судя по отсутствию африканероотносших себя к англоговорящим южноафриканцам, наблюдаются реже. Это скорее всего следствие выявленного опросом более сильного чувства групповой (национальной) принадлежности у африканеров. Однако сведения о том, что предки или родственники 52% англоафриканцев — африканеры, позволяют предположить, по крайней мере, в прошлом, частые случаи ассимиляции последних англоговорящим белым населением. 58% англоафриканцев свободно владеют африкаанс. То обстоятельство, что 5% англоязычных белых оказались в группе европейцев, свидетельствует об ассимиляции англоафриканцами значительной части иммигрантов.

Англоафриканцы в основном жители городов. В начале 1970-х гг. только 5% англоафриканцев жили в сельской местности (африканеров — 12%), 20% — в городах с числом жителей от 2 до 20 тыс.²⁹

Английский язык англоафриканцев вследствие заимствований из африкаанс, французского, языков банту и др. превратился в южноафриканский диалект (South African English)³⁰. Мы уже говорили, что часть англоафриканцев считает своей англоязычную или британскую культуру в широком смысле слова. Как свидетельствует один из старейших англоафриканских либералов, известный писатель А. Пейтон, у англоязычных поселенцев Натала — выходцев из Англии и Шотландии и их потомков еще в начале XX в. преобладало британское этническое самосознание; оно стало исчезать только с конца 40-х годов. Вероятно, большинство англоафриканцев имеет какие-то черты британского метаэтнического самосознания, однако в неменьшей степени это присуще англоавстралийцам и англоновозеландцам. В чистом же виде «британский» (отличным от английского) национальным самосознанием обладают в настоящий момент, вероятно, только жители Фолклендских (Мальвинских) островов³¹.

Англоафриканские политики выдвигают идею посредничества англоафриканцев в диалоге африканеров с небелым, прежде всего африканским населением. Но речь идет практически лишь о придании респектабельности системе апартеида. Предложить же мало-мальски приемлемое для африканского большинства решение расовой проблемы англоафриканские политические лидеры не в состоянии³².

По данным 1980 г., в ЮАР насчитывается 1285 тыс. англоафриканцев (использована официальная оценка языкового состава белого населения в 1980 г.: из числа говорящих на английском языке уроженцев ЮАР вычтено число англоязычных евреев)³³.

²⁸ См.: Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 687.

²⁹ English-Speaking South Africa Today, p. 78, 79, 51—52.

³⁰ Ibid., p. 297—316; South Africa 1979, p. 105—106.

³¹ См.: Paton A. The Africaners and the English.— Optima, Johannesburg, 1981, v. 30, № 2, p. 93; см. также: Соколов Б. В. Население Фолклендских (Мальвинских) островов.— Сов. этнография, 1982, № 6.

³² English-Speaking South Africa Today, p. 352, 359, 217—239.

³³ South Africa 1982, p. 26, tab. 1; p. 80, tab. 2; English-Speaking South Africa Today, p. 100, tab. 1; p. 102, tab. 3.

Другие группы выходцев из Европы. Численность выходцев из Великобритании мы установили, вычтя число англоафриканцев из общего числа англоязычных белых. Если предположить, что шотландцы, англичане, уэльсцы и ольстерцы представлены среди выходцев из Великобритании в той же пропорции, что и в самой Великобритании, то в 1980 г. в ЮАР проживало 230 тыс. англичан, 25 тыс. шотландцев, 5 тыс. англо-и шотландоирландцев и 4 тыс. уэльсцев³⁴. Все они прибыли в страну в послевоенные годы, главным образом после 1960 г., вместе с незначительным числом ирландцев.

Уроженцы Британских островов, как показывает упоминавшийся выше опрос, отличаются от англоафриканцев прежде всего тем, что вместо южноафриканского у них отмечается английское, шотландское, уэльское, ольстерское и, возможно, британское самосознание (осознание своей принадлежности к Соединенному Королевству). Англичане и другие выходцы из Великобритании ассимилируются англоафриканцами, как свидетельствуют данные опроса, уже во втором поколении.

В ЮАР имеется влиятельная еврейская община. Она объединяла в конце 70-х годов 135 тыс. чел.³⁵. Евреи переселились в ЮАР из Германии (середина XIX в.), Литвы и Белоруссии (конец XIX в.). В 1898 г. была основана Южноафриканская сионистская федерация. В 1921—1945 гг. еврейская община ЮАР занимала второе место (уступая лишь еврейской общине США) в финансировании сионистского движения в Палестине³⁶. Почти все евреи ЮАР считают родным языком английский. Можно говорить о наличии у части евреев ЮАР двойственного этнического самосознания: значительная часть их (42% опрошенных) признает свою принадлежность и к англоговорящим южноафриканцам³⁷.

За период с 1946 по 1970 г. процент евреев в общей численности белого населения уменьшился с 4,4 до 3,1. Это объясняется как отсутствием иммиграции и низкой рождаемостью, так и ассимиляцией части евреев южноафриканцами³⁸.

Из других групп европейского населения следует отметить немцев и голландцев. Используя официальную оценку числа говорящих на соответствующих языках, численность голландцев и немцев в ЮАР можно определить в 12 и 40 тыс. чел.³⁹. Голландцы ассимилируются в основном африканерами, а немцы — англоафриканцами. В ЮАР живут также итальянцы, французы и португальцы. Большинство последних — выходцы из бывших португальских колоний в Южной Африке. Численность этих групп на середину 1980 г. оценивалась соответственно в 25, 10 и 50 тыс. чел.⁴⁰

В конце 70-х годов в стране насчитывалось около 5 тыс. поляков. В 1943 г. в Дурбан прибыла первая большая группа поляков — 500 детей-сирот. Поляки в ЮАР объединяются в Южноафриканскую польскую федерацию. Многие из них заняты в горнодобывающей промышленности. Основная часть поляков живет в Йоханнесбурге. В ЮАР имеется незначительное число венгров, чехов и словаков, приехавших в страну после второй мировой войны⁴¹. Проживающие в стране греки (25 тыс. по данным 1980 г.)⁴² принадлежат к греческой православной церкви. В ЮАР есть также небольшое число русских⁴³.

Выходцы из Азии. Первые индийцы и пакистанцы были введены в Южную Африку в 1860 г. для работы на сахарных плантациях

³⁴ South Africa 1982, p. 80, tab. 2; English-Speaking South Africa Today, p. 100, tab. 1; Брук С. И. Указ. раб., с. 276, табл.

³⁵ Шпажников Г. А. Религии стран Африки. Справочник. М.: Наука, 1981, с. 284.

³⁶ Shimoni G. Jews and Zionism; The South African Experience (1910—1967). Cape Town, 1980, p. 25, 35—36.

³⁷ English-Speaking South Africa Today, p. 102, tab. 3.

³⁸ Shimoni G. Op. cit., p. 364.

³⁹ South Africa 1982, p. 80, tab. 2; p. 26, tab. 1.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ South African Panorama, May 1982, p. 34—37. Здесь же указано, что в начале 80-х годов еще 1 тыс. поляков получила разрешение на постоянное жительство в ЮАР.

⁴² South Africa 1982, p. 26, tab. 1; p. 80, tab. 2.

⁴³ Шпажников Г. А. Указ. раб., с. 282.

Наталя. За период с 1860 по 1911 г. число индийцев достигло 142 тыс. Из них более 60% — законтрактованные рабочие. Индийцы селили также в Капской колонии и Трансваале. В Оранжевой республике проживание запрещено законом 1891 г. Опасаясь конкуренции индийских торговцев, белая буржуазия приняла ряд антииндийских законов.

В конце 60-х годов 60% индийцев жило ниже официального «уровня бедности», 25 — около этого уровня, 12% — в «умеренно благоприятных условиях. Только узкая прослойка их преуспевает в ЮАР⁴⁵. Это главным образом крупная буржуазия — оптовые торговцы, владельцы предприятий легкой промышленности. В системе апартеида индийцы стоят ниже белых и цветных, по доходам они занимают второе место среди расовых групп. Основная масса индийского населения представлена мелкими торговцами, ремесленниками, работниками сферы обслуживания, рабочими обрабатывающей промышленности.

Большинство индийцев концентрируются в провинции Наталь, прежде всего в Дурбане. В этой провинции в 1980 г. было сосредоточено 85% индийского населения ЮАР. Расовому угнетению индийцы подвергаются прежде всего со стороны англоафриканской буржуазии, так как англоафриканцы составляют около 70% белого населения Наталя. Согласно данным переписи 1970 г., 28% индийцев назвали родным языком английский, 24,4 — тамильский, 18,5 — хинди, 7,3 — гуджарати, 6,2 — урду и 4,9% — телугу. Число говорящих на других индийских языках и африкаанс невелико⁴⁶.

У индийцев ЮАР произошла ломка кастового деления. Значительная часть их, особенно молодежь, перешла на английский язык и утратила принадлежность к той или иной индийской народности. Для индийцев ЮАР характерно растущее чувство принадлежности к единой индийской (или пакистанской) общине, чему способствует их совместная борьба против апартеида⁴⁷.

Численность собственно индийцев и пакистанцев мы определяем по данным о религиозной принадлежности, считая мусульман пакистанцами, а индусов, последователей христианских церквей и немногочисленных парсов и джайнов — индийцами. Это несколько завышает численность пакистанцев, так как часть мусульман называет себя индийцами. Численность индийцев и пакистанцев в ЮАР в 1980 г. можно оценить соответственно в 645 и 155 тыс. чел.⁴⁸.

В ЮАР проживает около 9 тыс. китайцев. Первые китайцы появились в Южной Африке в 1904 г. в качестве рабочих на золотодобывающих рудниках по контракту с британскими властями. Все они (50 тыс.) вернулись в Китай в 1908 г. в связи с широким привлечением к труду в рудниках африканцев. Вторая волна китайской иммиграции приходится на период гражданских войн в Китае (1920—1940 гг.). Тогда в Южную Африку прибывали в основном представители состоятельных слоев населения. В 1970 г. менее 4 тыс. выходцев из Азии назвали своим родным языком китайский. Большинство китайцев перешло на другие языки, прежде всего английский. Часть китайцев конфуцианцы, часть — католики и буддисты. Живут они главным образом в Йоханнесбурге, небольшие общины есть в Претории, Кимберли и Порт-Элизабет.

Японцев система апартеида относит к белому населению. Число их невелико.

В ЮАР имеется также группа цветных (метисов) — потомков от внебрачных связей европейцев и выходцев из Индонезии, Малайзии,

⁴⁴ Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М.: Наука, 1978, с. 94—95.

⁴⁵ Tinker H. The Banyan Tree. Overseas Emigrants from India, Pakistan and Bangladesh. N. Y.—Delhi—Karachi, 1977, p. 33.

⁴⁶ South Africa 1982, p. 80; South Africa 1979, p. 35, tab. 15; p. 27; p. 32, tab. 10.

⁴⁷ South Africa 1979, p. 97; Дридзо В. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М. Указ. раб., с. 110—113.

⁴⁸ Шпажников Г. А. Указ. раб., с. 283; South Africa 1982, p. 26, tab. 1; p. 80, tab. 2.

Мадагаскара, Индии с африканским населением. Среди цветных выделяются потомки выходцев из Индонезии и Малайзии — капские малайцы, живущие в особом квартале Кейптауна. Для них характерны эндогамия и приверженность исламу. Численность капских малайцев на 1980 г. можно оценить в 150 тыс. чел.⁴⁹, а остальных цветных — в 2,4 млн. чел.⁵⁰. Следует оговориться, что живущие в ЮАР цветные неоднородны в этническом отношении, хотя у них постепенно формируются элементы общего самосознания.

* * *

В середине 70-х годов борьба небелого населения ЮАР за свои права усилилась. 16 июня 1976 г. была расстреляна демонстрация 10 тыс. африканцев в пригороде Йоханнесбурга Соуэто. Это вызвало бурные волнения африканцев, переросшие по сути дела в восстание, подавленное расистами. Выступления солидарности с жертвами Соуэто прошли и у других расовых групп.

В условиях роста забастовочного движения африканцев и застоя экономики премьер-министр П. Бота 30 июля 1982 г. объявил о намерении создать трехпалатный парламент, представляющий белых, цветных и выходцев из Азии, и передать функции премьер-министра президенту, избираемому коллегией выборщиков из всех палат парламента. Создаваемый при президенте Кабинет министров будет обладать всей полнотой власти в вопросах, обших для трех расовых групп. Законодательные и консультативные функции будет выполнять Президентский совет из 20 белых, 10 цветных, 5 выходцев из Азии, избранных палатами, и 25 лиц, назначенных президентом. Африканское население не затрагивается реформами под тем предлогом, что оно в политическом отношении связано со своими бантустанами.

Коренное население страны не является предметом нашего рассмотрения. Укажем лишь, что его численность — 20,6 млн. чел. (72,5% всех жителей ЮАР) и оно относится к бантуязычным народам (кроме них здесь живут немногочисленные группы готтентотов и бушменов). Наиболее крупные этносы — зулу (5,6 млн. чел.), коса (5,5 млн.), тсвана (2,4 млн.), педи (2,2 млн.), суто (2,0 млн.), тсонго, или шангаан (1,05 млн.) и др.⁵¹. Большая часть их загнана в так называемые бантустаны (шесть из предполагаемых десяти бантустанов получили из рук расистского режима ЮАР фиктивную независимость). Каждое из таких «государств» состоит из многих территориально разобщенных кусков, и их формирование преследует, как пишет С. И. Брук, «две главные цели: создать видимость самоуправления для коренного населения и обеспечить резервы „иностранный“ и потому бесправной рабочей силы»⁵².

Согласно данным опроса населения (1982 г.), 55% белых поддерживают предложения правительства, а 53% выходцев из Азии и 57% цветных отвергают их. 46% белых, 85% выходцев из Азии и 86% цветных высказались за участие черного населения в управлении страной. Тем не менее П. Бота подтвердил намерение реализовать свой план до конца 1984 г.⁵³. В случае осуществления «реформ» доступ к власти получит верхушка цветного и азиатского населения, сотрудничающая с расистами, но большинство в правительственных органах страны составляют белые. Исключение из новой системы управления черного населения и подчиненное положение в ней цветных и азиатов делают эту систему крайне неустойчивой. Апартеид в ЮАР сохраняется, несмотря на отмену в конце 70-х годов ряда наиболее одиозных запретов на транспорте и в сфере услуг.

В программе Южно-Африканской компартии, образованной еще в 1921 г. и действующей в подполье, ставится цель создания (в результате

⁴⁹ South Africa. Public Policy Perspectives/Ed. Schrire R. Cape Town, 1982, p. 141.

⁵⁰ South Africa 1982, p. 26 (tab. 1).

⁵¹ Брук С. И. Указ. раб., с. 685 (табл.).

⁵² Там же, с. 686.

⁵³ South African Digest, 20.VIII.1982, p. 3; 17.IX.1982, p. 3.

национально-демократической революции) государства, которое должно «крепить единство африканского народа и поддерживать стремление к единству всех южноафриканцев», поощряя «развитие здорового, неантагонистического национального сознания и законной национальной гордости различных национальностей Южной Африки», подъем национальной культуры, искусства и литературы. При этом гарантируются «права национальных меньшинств — европейцев, цветных, индийцев, китайцев и всех прочих национальных групп»⁵⁴.

Массовая организация Африканский национальный конгресс Южной Африки — АНК (основана в 1912 г.), также действующая в подполье, в своем программном документе — Хартии свободы, высказывается за демократическое решение национального вопроса в ЮАР. В Хартии подчеркивается, что «каждый, чей дом находится на земле африканцев, является полноправным жителем этой страны, при единственном условии, что он полностью и последовательно признает равенство и свободу для всех»⁵⁵.

Среди части цветного населения, сотрудничающей с расистами, наблюдается стремление считать себя «цветными африканерами» (Brown Africans)⁵⁶. Конституционная реформа расистов как раз и направлена на привлечение на свою сторону цветной и азиатской (в основном индийской) буржуазии, на противопоставление цветных и индийцев черному населению. Однако подавляющее большинство цветных и выходцев из Азии, в первую очередь молодежь, отвергает сделку с расистами, бойкотировать выборы в марионеточные органы «самоуправления» и объединяется с африканцами для борьбы с режимом апартеида. У них появляется осознание общности с черным большинством населения (Black consciousness)⁵⁷. Этот факт с тревогой отмечают представители белого меньшинства⁵⁸, видя в нем угрозу своему господству. 2 ноября 1983 г. проведен референдум среди белых, на котором две трети голосовавших одобрили конституционную реформу⁵⁹. Опасаясь, что аналогичные референдумы среди цветных и индийцев окончатся провалом, правительство решило сразу провести выборы цветных и индийских депутатов в трехпалатный парламент в августе 1984 г.⁶⁰. Конституционная реформа вызывает протесты всех угнетенных расовых групп страны и прогрессивно настроенной части белых. Более 80% избирателей цветных и индийцев бойкотировали выборы, что по сути дела означает крах расистской «реформы».

⁵⁴ Говорят коммунисты Африки. М.: Наука, 1971, с. 168.

⁵⁵ Правда о расизме в Южной Африке. М.: Прогресс, 1975.

⁵⁶ Gann L. H., Duignan P. Op. cit., p. 33, 38.

⁵⁷ Southern Africa. The Continuing Crisis/Ed. by Carter G. M. and O'Meaza P. Bloomington (Ind.), 1982, p. 122—123; Harsch E. South Africa: White Rule, Black Revolt. N. Y., 1980, p. 78—79.

⁵⁸ Survey of Race Relations in South Africa 1979/Ed. by Gordon L. Johannesburg, 1980, p. 29.

⁵⁹ The Star. Johannesburg, 3.XI.1983.

⁶⁰ The Star. Johannesburg, 15.II.1984.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ М. М. ГРОМЫКО «МЕСТО СЕЛЬСКОЙ (ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ, СОСЕДСКОЙ) ОБЩИНЫ В СОЦИАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ» *

В. А. Александров

В своей заслуживающей безусловного внимания статье М. М. Громыко поставила основную задачу — рассмотреть роль крестьянской семьи (особенно сельской общины) в вековом поддержании и передаче последующим поколениям традиционных взглядов на ведение хозяйства и поведение каждого члена общины в общественном и семейном быту. Основной мотив статьи — проблема сохранения традиций и в меньшей степени — их изменения. На мой взгляд, М. М. Громыко совершенно справедливо полагает, что в русской деревне феодального и в известной степени уже капиталистического времени традиция имела основополагающее значение в воспроизводстве устоявшихся элементов материальной и духовной культуры, причем механизм этого воспроизводства, во-первых, мел социальный (или социально-психологический) характер, а во-вторых, функционировал в процессе всей повседневной жизни крестьянина деятельности сельской общины. М. М. Громыко уделяет большое внимание этому механизму, успешно доказывая, что само сельское производство было невозможно без закрепления и передачи опыта традицией.

Таким образом, роль сельской общины и крестьянской семьи приобретает теоретическое значение в исследовании всего традиционного опыта с учетом его социального и этнического аспектов. В этой связи заслуживают особого внимания поставленные М. М. Громыко и сохраняющие непреходящую актуальность вопросы, а именно значение традиций в процессе адаптации населения, переселившегося на новые территории, а также влияние общественного мнения, опирающегося на нормы морали, на поведение людей. М. М. Громыко, пожалуй, исчерпывающе очертила весь спектр проявления общественного мнения, способствовавшего сохранности и преемственности унаследованных от предков воззрений и определявшего на основе трудовых навыков и поведения в сельском общении, повседневном и праздничном, индивидуальную и сельскую репутацию.

Статья М. М. Громыко не только дополняет и развивает уже имеющуюся современную литературу, посвященную истории сельской общины. Поднятый в ней комплекс вопросов имеет существенное значение для дальнейшего исследования огромной и далеко еще не исчерпанной проблемы духовной культуры крестьянства, в которой традиции всегда играли очень существенную роль. М. М. Громыко вовсе не рассматривает традиции как явления застывшие, но коль скоро их изменимость, судя по контексту статьи, занимает соподчиненное положение, на этом вопросе следует остановиться подробнее.

Само собой разумеется, что при всей застойности хозяйственного и общественного быта, особенно в феодальной деревне, ее духовная культура не оставалась статичной, а потому и традиционные воззрения были подвержены изменениям. Общинное крестьянство, стойко придержива-

* См.: Сов. этнография, 1984, № 5; в откликах ссылки на эту статью даются в тексте с указанием лишь соответствующих страниц.

ясы унаследованного опыта, конечно, опасалось новшеств, которые могли отрицательно сказаться на его хозяйственном быте, и стремилось не изменять сложившегося общественного и производственного распорядка жизни. Этому же способствовала и социальная действительность, во власти которой находилась феодальная деревня. И тем не менее под давлением этой же социальной действительности традиции не оставались в неизменном состоянии. Сколь бы сельская община не стереотипизировала культуру деревни, взаимосвязь между социально-экономическими условиями ее жизни и традициями постепенно могла нарушиться. Под давлением извне (феодального государства и феодальных владетелей), прежде всего социальным и тягловым, сельская община или утрачивала те или иные ранее ей принадлежавшие функции, или во имя своего самосохранения, приспосабливаясь к изменяющимся условиям действительности, трансформировала их. При этом неизбежно видоизменялись и традиции, коль скоро, как справедливо отмечает М. М. Громыко, их аккумуляция и воспроизводство осуществлялись в повседневном процессе выполнения сельской общиной своих функций.

Таким образом, изучение традиций органически связано с исследованием функций сельской общины. В частности, в настоящее время создается возможность довольно точно выяснить трансформацию традиций, прослеживая изменения функциональных прав сельской общины в отношении сельского землеустройства, а также обычно-правовых имущественных норм, существовавших в феодальной деревне. Традиции крестьянского землевладения и землепользования имели разную судьбу в среде различных разрядов феодального крестьянства. Приблизительно в XVII в. повсеместно русское крестьянство хозяйствовало в рамках сельской общины на подворно-наследственном обычном праве. Этот порядок сохранился вплоть до XX в. в среде государственного северорусского и сибирского крестьянства; лишь постепенно, по мере сокращения удобных для хлебопашества земель и под влиянием демографической обстановки сельская община там переходила к регламентации земельного хозяйства.

Иная ситуация складывалась в крепостной деревне. На позднефеодальном этапе в процессе роста помещичьего землевладения общинное землепользование замыкалось в пределах отдельных феодальных владений и сельская община вынуждена была приспособлять свое земельное хозяйство ко все более тяжелым для нее условиям тяглого существования. При сохранявшихся нормах обычного права, по которым дуалистически сочеталось деревенское держание «своего» поля с представлениями о подворном «владении», общинная земельная регламентация осуществлялась по-разному.

В барщинных имениях, где помещики экспроприировали для своего хозяйства деревенские поля, а крестьянам отводили окраинные, удаленные от селений, малоудобные земли, общинное регулирование их использования вело к систематическому перераспределению между дворами пашенных участков и быстрее определялся переход к передельному землепользованию в прямом значении этого понятия.

В оброчных же имениях, когда за общинами сохранялась возможность использовать все имеющиеся угодья, традиции по поддержанию подворного землепользования поддерживались более стойко, но в результате даже условно-временного перераспределения тяглых земель между отдельными землевладельцами также создавалась обычно-правовая предпосылка к развитию передельных тенденций.

И в том и в другом случае сельская община, заинтересованная в поддержании тяглоспособности каждой семьи, под давлением тягла, но по своей инициативе все более подчиняла себе земельные права двора, что неизбежно влекло в большей или меньшей степени трансформацию традиций крестьянского хозяйствования.

Иным путем изменялись обычно-правовые традиции, связанные с наследованием имущества в крестьянской семье. До конца XVIII — начал XIX в. в русской деревне повсеместно по обычному праву лица женского

ола как нетяглые члены общины помимо приданого не могли претендовать лично в свою пользу на долю, тем более фиксированную, имущества, оставшегося после смерти их ближайших родственников; в случае выдела из семьи лишь одинокие женщины обеспечивались родственниками минимальными средствами к существованию (жилье, корова, зерно, иногда часть огорода), причем по обычному праву эти средства заранее точно не предопределялись. По всей вероятности, под влиянием пходников, особенно разбогатевших вне общины, с начала XIX в. в сельскую среду стали проникать нормы законодательного (гражданского) права, согласно которым женщины также обладали правом фиксированного наследования. Эти нормы, внесенные отдельными лицами, к середине XIX в. получили распространение и принимались исследователями порой половины века уже как традиционные.

Наконец, нельзя пройти мимо дисциплинарного влияния, оказываемого на сельский и семейный быт властью помещиков, их инструкциями «кодексами» по поддержанию в интересах владельцев хозяйственной общественной жизни деревни. В крепостной деревне они создавали, по словам В. И. Ленина, «придавленность личности» крестьянина¹, что не могло не воздействовать на сельские традиции, тогда как в государственной, в частности сибирской, деревне крестьянин был «несравненно самостоятельнее „российского“ и к работе из-под палки мало приучен»².

Разумеется, функционирование традиций как элемента культуры проявлялось значительно шире; оно охватывало весь комплекс социальных, общественных, хозяйственных, семейных отношений общинного крестьянства, идеологических и культурных представлений, отражалось в его равосознании и классовой борьбе, имело как этническое, так и социальное (внутрисословное) содержание. Эта проблема при всем ее многообразии представляет большую исследовательскую значимость, и нельзя не приветствовать инициативу М. М. Громыко в ее разработке.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 434.

² Там же. Т. 5, с. 89.

Л. В. Маркова

В последнее время появился ряд теоретических работ о процессе стереотипизации, закрепления и передачи культурного опыта. В конкретных же исследованиях чаще всего обращается внимание на трансмиссию культурной традиции в семье. Но для раскрытия этнокультурных процессов в социальной микросреде этого недостаточно: даже самые мелкие локальные варианты культуры складываются за пределами семьи. Поэтому выбор сельской общины как среды и субъекта воспроизводства традиций представляется вполне закономерным. Правильно отметив недостаточную изученность этностабилизирующей роли этого института, М. М. Громыко поставила задачу выяснить также его роль и в формировании, и в наследовании традиций.

Важность изучения традиции в сельской общине определяется, на мой взгляд, тремя обстоятельствами. Во-первых, сельская община является основной формой социальной организации крестьянства в феодальный период, а при капитализме в сельской общности сохраняются общинные пережитки, нередко значительные. Во-вторых, это — этносоциальная микрогруппа, обладающая свойством самодостаточного развития¹. Наконец, сельская община — это сфера непосредственного включения индивида в общество, среда контактного способа обмена информацией, поэтому механизм трансмиссии культуры здесь наиболее обнажен. Третье качество сельской общины сближает ее с малыми группами более позднего происхождения, вплоть до современных, в пределах которых моделируются некоторые процессы функционирования культуры, обусловленные общечеловеческими особенностями общения в микросреде. Тем самым проблематика обсуждаемой работы может быть расширена.

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 47.

Выводы М. М. Громыко, основанные главным образом на восточнославянских материалах, в целом приложимы к соответствующей сфере жизнедеятельности многих других народов, находящихся на той же стадии исторического развития и сходного хозяйственно-культурного типа. Таким образом, описанные способы и средства формирования, хранения и передачи традиции имеют типологическую значимость. Подмеченный автором особенностью аудиовизуальной трансмиссии культурного опыта в русской общине XVIII—XIX вв. обнаруживаются, в частности, в болгарской деревне того же периода. Поэтому я позволю себе развить и дополнить выводы обсуждаемой статьи, опираясь главным образом на болгарский материал и оттеняя его особенности, многие из которых, впрочем, характерны не для одних болгар.

В процессе формирования, закрепления и передачи традиции в русской сельской общине, как следует из обсуждаемой статьи, этнический компонент заложен скорее имплицитно, проявляется непреднамеренно. У болгар же в условиях османского владычества и национально-освободительной борьбы в механизм трансмиссии культуры был включен этнический фактор в его осознанном, субъективном проявлении. Мало того, он выдвигался на первый план и задавал тон развитию народной культуры, которое в целом происходило достаточно обособленно от внешних влияний. Те же формы культуры, которые заимствовались у соседей, подвергались известной модификации и осмысливались как свои, болгарские. Таков, например, комплекс мужской одежды населения Восточной Болгарии, в основе сходный с одеждой ряда других балканских народов.

Этническое осмысление народной культуры поддерживалось внутри болгарской сельской общины в процессе жизненной практики, постоянно создававшей ситуации противостояния традициям завоевателей, однако не менее важна в этом отношении была и обстановка в стране, отличная от ситуации в России. Можно говорить о существенном значении воздействия на общинную традицию внешних импульсов, которые М. М. Громыко, впрочем, элиминирует в данной работе чисто условно (с. 70). Очевидно, это необходимый аспект дальнейших исследований проблемы.

В обсуждаемой статье механизм традиции раскрывается главным образом со стороны его обусловленности социальным строем сельской общины. Автор исследует преимущественно влияние архаического слоя социальной стратификации — половозрастной и поколенной — на воспроизводство и трансмиссию традиций и лишь вскользь говорит о необходимости учета социального и имущественного расслоения (с. 71). На болгарском материале выявляется значимость для функционирования традиции еще одной формы дифференциации населения поздней общины — обособления групп, специализировавшихся в различных отраслях хозяйства, что в известной мере ослабляло единство интересов жителей села. Это отражалось в первую очередь на характере передачи и хранения хозяйственно-трудовых традиций. Старые традиции постепенно слабели и складывались новые. Но бывало, что отживающие обычаи искусственно поддерживали те группы и лица, которые были в них специально заинтересованы. Так, в некоторых южных болгарских районах, где в XIX в. получили большое развитие товарное овцеводство, ремесла и отхожие промыслы, шла борьба между скотоводами, с одной стороны и ремесленниками и отходниками — с другой, по поводу покупки новых пастбищ. Под силу их было купить только всем селом, но не всем жителям села они уже были нужны. В борьбе мнений побеждали более сильные экономически или обремененные социальным престижем группы и их вожаки, однако расширение пастбищных угодий (по форме оставшихся общинными) они обосновывали «всеобщим благом», апеллировали к моральным нормам коллективизма, завещанным предками. Если побеждала «партия» скотоводов, сбор денег производился принудительно и поровну со всех дворов. Неимущих вынуждали брать ссуды. Традиция консервировалась уже не в процессе неотчужденного труда на базе коллективного землевладения, а средствами экономического и идеологиче-

кого давления². В процессе трансмиссии традиции в условиях имущественной и социально-профессиональной дифференциации появился момент напряженности или открытой борьбы как следствие разной оценки опыта прошлого. Тем не менее механизм действия традиции в этих условиях скорее деформировался, чем изменился кардинально, что говорит о большой его устойчивости: образцы поведения в пределах групп остались стереотипными, обоснованием решений служил опыт прошлого, лишь по-разному истолкованный. Поздний слой социальной стратификации как бы встал в старый, авторитет богатства поддерживался авторитетом старшинства.

М. М. Громыко в целом права, сосредоточив внимание на половозрастной иерархии сельской общины как основе сети коммуникативных связей в ней. Эти связи оставались действенными особенно в сфере бытовой материальной и духовной культуры, большей части обычно-правовых норм. В Болгарии типологическая однородность народной культуры отмечалась не только в деревне, но и в малых городах, что в значительной степени объяснялось ее этническими функциями, о которых говорилось выше.

Ритуальные формы общественного контроля, о которых говорится в обсуждаемой статье, существовали и у болгар (величальные песни, похоронные причитания и др.), но встречались и другие. Например, раз в году, во время масленичного обряда *Кукеры*, тайно совершенные поступки могли быть оглашены; односельчане оценивали их с точки зрения соответствия традиции. Делалось это в типичной для обряда *Кукеры* комористической форме³. Еще одно оригинальное средство воздействия общины — сочинение песен по поводу событий и поступков, привлечших внимание деревенского общества, с оценочной их характеристикой⁴.

Общинной организации соответствует, как известно, особый тип культуры — так называемая фольклорная, или народная. Ее отличают контактные формы передачи; хранится она лишь в человеческой памяти, в предметах быта и предметах-символах; в пределах отдельных сел эта культура стереотипна, а в рамках этноса для нее характерно локально-региональное разнообразие. Ее отличительными чертами являются демократизм идеологии и анонимность творчества в соответствии с приматом коллективного над индивидуальным в общине.

Рассматривая механизмы действия традиции, очевидно, нельзя обойтись без изучения влияния самого объекта передачи на этот процесс. Данному вопросу М. М. Громыко уделяет меньше внимания и привлекает преимущественно материал из сферы трудовых традиций. Здесь раскрыто немало интересного и типичного для многих народов. Следует подчеркнуть, однако, что в области духовной культуры механизмы традиции обладают некоторыми особенностями. Прежде всего сказанное касается передачи стереотипов культурного опыта в их вариантах. М. М. Громыко объясняет это тем, что в общине допускается личная инициатива, укладывающаяся «в традиционные нормы поведения, на страже которых стояла община» (с. 80). Думается, это верно лишь отчасти. Вариативность — существенная черта народной культуры, обусловленная контактным способом ее передачи⁵, которая зависит как от личностных качеств человека (его природных способностей, психологического состояния, сохранности памяти и пр.), так и от его положения в обществе, а также от реакции человека на сообщение. Член сельской общины не имел еще настоящей потребности проявлять свою индивидуальность, престижно было делать «так, как люди». Вариации обрядов, песен, танцевальных

² Канев К. Миналото на село Момчиловци, Смолянско. Принос към историята на Средните Родопи. София, 1975, с. 375—379, 384—386; Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — АИЭ), Материалы научной командировки в Болгарию (далее — МНКБ). 1966 г. Полевые записи Л. В. Марковой, тетр. II, лл. 5—7, 50—52.

³ АИЭ, МНКБ, 1967 г., Полевые записи Л. В. Марковой, тетр. III, лл. 86—87; тетр. IV, лл. 45—46, 63—64.

⁴ АИЭ, МНКБ, 1969 г., Полевые записи Л. В. Марковой, тетр. I, л. 115.

⁵ Подробнее см. Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации. — Вопр. философии, 1972, № 6.

па возникали прежде всего в процессе приспособления исполнителей к вкусам, сиюминутному настрою аудитории. Исследователи подчеркивают трюничность коммуникативного акта в обряде: исполнители — те, к кому он обращен, — все население села⁶. Здесь все — соучастники одного процесса. Референтную группу в сельской общине составляют старшие возрасты. Соответственно вмешательство аудитории в исполнение обряда, песни и пр. (путем громкого комментирования, возгласов, высмеивания или восхищения, наконец, включения в исполнение) направлено на коррекцию отклонений от традиции⁷.

Типичным средством передачи традиции народной культуры являются повторы действий, слов, обрядовых комплексов, их символики и направленности на определенные группы и лица. М. М. Громыко отмечает наличие этого механизма в хозяйственно-трудовой практике, но он гораздо ярче проявляется в области духовной культуры. Повторы обусловлены тем, что закрепить информацию можно лишь в памяти людей, а также требованием усвоения ее в достаточно унифицированной форме. Сказанное убедительно подтверждается свадебным ритуалом любого народа: одни и те же идеи, связанные с этим событием, повторяются в течение многодневного ритуала на разные лады, в разных его элементах с использованием образных средств, типичных для культуры данного народа. Повторы вошли в эстетику фольклорных произведений.

Импульсы, воздействующие на механизм традиций, заключены в некоторых внутренних свойствах народной культуры. Наиболее сильный из них — морально-этический. В сознании крестьян этот смысловой компонент культуры не отделялся от ее рационального начала и играл основополагающую роль в обосновании наследования опыта предков. Постепенно нравственные императивы, первоначально привязанные к определенным формам жизнедеятельности, могли войти в более обобщенном виде в моральный кодекс народа, его этническое сознание, способствуя трансформации форм социальной и культурной жизни. Таковы, например, обычаи гостеприимства, уважения старших в семье и др., со временем меняющие свое содержание⁸.

Консервации традиции помогали еще такие характерные черты культуры сельской общины, как нерасчлененность предметно-практической и художественной деятельности, одухотворение утилитарных вещей. Полевые работы сопровождалась специальными песнями, предметы домашнего и хозяйственного быта ornamentировались, связывались с поверьями и приметам, обычаями и обрядами. Духовно-эстетическая сторона культуры как наиболее консервативная поддерживала традицию, которая наследовалась комплексно. Так, традиционная эстетика домашней обстановки, одухотворение очага нередко задерживали изменение традиционного интерьера сельского жилища, когда он уже перестал соответствовать потребностям комфорта и изменившимся семейным отношениям.

Полагая, что традиция в сельской общине сравнительно стабильна, но отнюдь не неподвижна, М. М. Громыко в своей работе не исследует, однако, механизмы, преобразующие устоявшиеся стереотипы. Очевидно, это специальная тема. Здесь мы выходим на проблему диалектической связи двух сторон этнической культуры — ее постоянства и изменчивости, т. е. принципа существования самого этноса. Тема эта связывает изучение прошлого и современности. Работы, подобные обсуждаемой, могут служить отправной точкой для таких исследований.

Раскрытие механизма традиции в прошлом проливает свет на некоторые закономерности функционирования культуры непосредственных

⁶ Живков Т. Ив. Народ и песен. София, 1977, с. 68—69.

⁷ Ангелова-Георгиева Р. Исполнитель и зритель в болгарския фолклор.— В кн.: Фолклор и общество. София, 1977, с. 82—91.

⁸ Иванова Ю. В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа.— В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976.

днтактов и в настоящее время. Поясним это на нескольких примерах из жизни современного болгарского села. В селах НРБ бытуют яркие формы семейной обрядности, целый ряд календарных обычаев преобразован в самобытные общественные праздники, частично сохраняющие словесные и ритуальные элементы традиционных, обогащенные новым содержанием. В повседневном поведении, в системе ценностей сохраняются некоторые нормы и обычаи, унаследованные от прошлого, их символика с соответствующими нашему времени модификациями и т. д. Правда, механизм современной традиции существенно изменился: она ориентирована в основном на новации, ее референтные группы состоят из людей молодого и среднего возраста; она коротка по времени своего воспроизводства; среди импульсов ее развития преобладают внешние акторы. Но все же остается сфера, где продолжают действовать — пусть и в более слабой степени — способы и средства передачи и хранения традиции, характерные для прошлого. У сельского населения НРБ наблюдаются две, казалось бы, противоположные культурные ориентации — на новации и на широкую их стереотипизацию, роль стереотипизации еще велика в регулировании бытовой культуры и поведения, в формировании ценностных установок. Общественные организации в своей пропагандистской работе успешно используют это свойство.

Структура традиционных обрядов все еще служит для современных форм народного творчества, выражаясь словами А. Н. Веселовского, кадрами, в которых привыкла работать мысль». В нее вплетаются не только новые элементы, но целые инородные комплексы. Так, во время празднования 100-летия освобождения Болгарии от османского владычества в марте 1978 г. театрализованные сцены, изображавшие события русско-турецкой войны 1877—1878 гг., которые были поставлены в некоторых селах на открытом воздухе, вплетались в ткань ритуала весеннего карнавального праздника Кукеры, значительно переосмысленного, но сохраняющего традиционную форму. В ритуал Дня родильной помощи, созданный на основе праздника в честь бабок-повитух (*Бабин ден*), вставлен отчет акушерки перед общественностью села, который начинается с традиционного омовения ее рук и одаривания. В некоторых районах основными действующими лицами праздника стали бабушки (при сохранении роли акушерки), которые в этот день принимают дань уважения за воспитание внуков и отдаются бурному веселью в форме личного маскарадного шествия. Публика же пытается их испугать (дело происходит в январе), как, бывало, купали бабок-повитух⁹.

Таким образом, в наши дни традиция бесписьменного народного творчества жива, она черпает образные средства и идеи и из современной действительности, и из резервуара традиционной культуры. В современной традиции моделируются некоторые закономерности функционирования традиций прошлого, в том числе и сформировавшихся в условиях сельской общины.

⁹ АИЭ, МНКБ, 1971 г., Полевые записи Л. В. Марковой, тетр. V, лл. 6 об., 7 об., 56 об., 85—85 об.

С. Б. Рождественская

В обсуждаемой статье М. М. Громыко поставлен вопрос о механизме передачи традиций в отдельных малых социальных общностях, и в первую очередь в общине и семье. Трансмиссия этнической культуры при неизбежности ее трансформации в отдельные исторические периоды рассматривается в определенном аспекте. Перед этнографами выдвигаются как бы две задачи: исследование социальных общностей, в рамках которых протекает процесс передачи традиций с выяснением того, какие именно общности на различных этапах общественного развития могут служить основными носителями традиций, и выявление путей и способов хранения и развития этнических традиций для «системного постиже-

ния механизма аккумуляции, трансформации и трансмиссии социального опыта человеческих общностей»¹.

В связи с тем что задачи изучения путей и способов формирования, сохранения и передачи традиций в наше время стали столь актуальными, представляется важным сосредоточить внимание не на спорных вопросах, касающихся общины как социального института, не на определении понятия «культура» или специфических черт малых социальных общностей, а непосредственно на механизме передачи традиций, и в частности путей (методов) его изучения. Для этого, очевидно, целесообразно сравнительное изучение развития отдельных традиций, различающихся по способам формирования, сохранения и передачи. Соответственно должны применяться и разные методы их изучения, хотя нельзя забывать, что в реальности традиции как бы «взаимопроникают». В статье М. М. Громыко указаны пути передачи социального опыта внутри общины и других малых социальных общностей как через общественное мнение, так и через принудительные меры, санкционированные общиной.

Очевидно, следует дополнительно исследовать и такой способ передачи традиции, как обучение: направленное (для подростков) и имитационное через наблюдение и подражание (для детей) при естественном «наложении» первого на второй при переходе из одной возрастной группы в другую.

Обе задачи, выдвинутые в статье М. М. Громыко, должны решаться как бы параллельно (и, естественно, будут решаться в комплексе).

Условия сохранения и передачи различных традиций внутри общины весьма различны. Например, взаимоотношения общинников между собой в сфере внутриобщинной охраны порядка в значительной мере зависели в свое время от взаимоотношений общины с государством. В то же время, например, традиции художественной культуры или игровой деятельности (как взрослых, так и тем более детей) оставались вне сферы внимания государства, которое редко прямо (например, борьба с язычеством, скоморохами и т. п.), обычно лишь косвенно — через усиление системы внеэкономического (а позже — экономического) принуждения, оказывая давление на общину, влияло на судьбы этих, как и других этнических традиций.

Четверть статей Правды Ярослава, зафиксировавшей традицию обычного права Киевской Руси (с 1-й по 10-ю) — о наказаниях за преступления в общине — членовредительство, убийство, угрозу избияния и убийства² — весьма отличается от соответствующих статей Правды Ярославичей, посвященных охране порядка в общине. Две редакции Правды, разделенные во времени почти столетием, отражают как бы два этапа развития права Киевской Руси, изменения, даже «слома» его традиций. Если сравнить права общины, зафиксированные Краткой (первой и древнейшей) редакцией Правды и права общины Пространной Правды, то легко прослеживаются глубокие изменения внутриобщинных отношений и взаимоотношений общин с государством. Краткая Правда, содержащая живые следы родового строя (достаточно вспомнить статью о кровной мести в случаях убийства), зафиксировала самостоятельность общины в ведении судебных дел. Пространная Правда как бы свидетельствует о переходе от одних отношений к другим, и формировании иных традиций. В ней узаконены пережитки родового строя и зафиксировано замещение традиционно сохранявшихся правовых функций общины княжеской юрисдикцией.

¹ Маркарян Э. С. О значении междисциплинарного обсуждения проблем культурной традиции. — Сов. этнография, 1981 г., № 3, с. 66.

² Правда Русская. Т. II. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1947; Статья 1-я (за убийство), с. 15; ст. 2-я (за избияние до крови и сняжков), с. 58; ст. 3-я (за удар палкой или другим предметом), с. 80; ст. 4-я (за удар мечом в ножнах или рукоятью меча), с. 70; ст. 5-я (за повреждение руки), с. 71; ст. 6-я (за повреждение ноги), с. 73; ст. 7-я (за повреждение пальца), с. 77; ст. 8-я (за повреждение усов и бороды), с. 78; ст. 9-я (за угрозу оружием), с. 80; ст. 10-я (за отталкивание или привлечение рывком к себе), с. 82.

Непосредственно об изменении отношений общины с княжеской властью говорят статьи, фиксирующие внедрение, расширение системы штрафов в Пространной Правде по сравнению с Краткой. Сравнительное изучение прав древнерусской общины по разным хронологическим слоям» Правды позволяет проследить, как государство борется (и успешно) за власть над общиной, как община утрачивает ряд своих правовых функций, переходящих к государству.

Изменение соотношения норм обычного права и княжеского законодательства, зафиксированное разными по времени создания редакциями Правды,— это прямое отражение процесса последовательного отторжения от общины ее функций вновь созданными другими социальными институтами. Одновременно у общины появляются новые функции, связанные с усложнением всех форм социальной жизни по мере развития общества. Статьи Пространной Правды об уничтожении межевых знаков (например, статья № 72 о наказании за распашку межи в поле³, перенесении межи в бортовых угодьях⁴ или нарушении перегораживанием садебной межи, ограждающей территорию двора⁵, как и статья № 69-70 о наказаниях за нарушение правил охоты, говорят об этом. Государство непосредственно корректирует развитие традиции «юридического творчества» народа не только в древности, но (и еще активнее) в последующие столетия развития феодализма.

Если же обратиться к искусству Киевской Руси и народному творчеству в последующие исторические периоды, то развитие художественных традиций внутри общины идет как бы иными путями, при иных условиях. Главный путь развития традиции — это интуитивное (с младенчества) усвоение информации о единой всеохватывающей художественной культуре этноса, о единых художественных критериях.

Скрепленные традициями коллективизма в сфере сельскохозяйственного производства, профессиональной однородностью общинников, общественным бытом, единством в противостоянии государству при постоянном непосредственном общении в труде и быту, общинники, естественно, вырабатывали и единство мировоззрения, отражавшееся в искусстве, а также общие представления об эстетическом идеале в рамках общины и этноса в целом. Единство художественных критериев внутри общины воплощалось и в обучении производству художественных изделий: одновременно техническим приемам и образно-сюжетному колористическому строю, присущим каждому из видов народного искусства. Например, образы солнца, растений, общие для всей художественной культуры, воспроизводимые в устно-поэтическом творчестве, танце, театральном действии, должны были в каждом из видов домашних или кустарных промыслов и в ремесле воспроизводиться лишь определенным образом (что было «подсказано» издревле поколениям мастеров особенностями материала и инструментария при поисках оптимальных художественных решений). В качестве примера можно привести воплощение образа солнца в дереве, ткани, кости и т. д.

Можно детально исследовать приемы обучения художественным традициям, а также рассмотреть пути не прямого, а лишь опосредованного воздействия государства на развитие народных художественных традиций на разных исторических этапах.

В сфере игровой деятельности, бесспорно, отражались изменения в окружающей действительности, но, как и в искусстве, сохранялись архаические слои традиции. Интересны для этнографов, в частности, новые методы изучения этнических традиций в игровой деятельности детей через подготовленный детский коллектив, которые применяет в Академии педагогических наук В. М. Григорьев и ряд других педагогов в центрах организации внешкольной работы с детьми.

Если ряд традиций, прямо связанных с меняющимися социально-экономическими условиями (обычное право), не мог или в минимальной

³ Правда Русская. Т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1947, с. 132.

⁴ Там же, с. 557.

⁵ Там же, с. 549.

степени мог сохранить архаические черты, то в сфере культуры, и в первую очередь художественной, архаические пласты органически включены в более поздние.

Очевидно, при изучении механизма формирования, сохранения и передачи традиций будет уделяться особое внимание исследованию условий, благоприятно или отрицательно влияющих на судьбы традиций.

Л. А. Тульцева

Хотелось бы развить высказанное М. М. Громько положение о том, что в этнографическом изучении иерархии социальных общностей особое внимание должно быть уделено малым социальным группам — семье, территориальным и конфессиональным общинам, внутриобщинным родственным, соседским и половозрастным группам. В этом направлении особенно плодотворной представляется мысль о том, что «рассмотрение процесса аккумуляции и трансляции традиций в связи с деятельностью малых общностей означает познание системы включения человека в непосредственно окружающую его социальную среду» (с. 70). Такой подход к предмету изучения позволяет обратить внимание на многие социокультурные и этнопсихологические аспекты в функционировании структурных переменных общины и особенности их бытования на поздних этапах развития данной социальной общности. В частности, в восточнославянской этнографии все еще остается недостаточно изученным вопрос о половозрастных объединениях. Между тем в мировой этнографической науке вопросы организации общества на основе возрастных классов входят в число наиболее важных. На неизученность этого круга проблем на материалах восточных славян впервые было указано 90 лет назад известным этнографом прошлого века М. В. Довнар-Запольским¹. Тогда он выразил сомнение, что проблема половозрастных группировок у восточных славян может быть решена. Вопрос о характере артелей колядовщиков был поставлен и В. Я. Проппом². Хотя М. В. Довнар-Запольский и В. Я. Пропп справедливо отмечали, что в устройстве объединений колядовщиков и волочечных братств прослеживаются следы половозрастной регламентации, этими замечаниями по существу дела постановка вопроса исчерпывалась.

Не ставя целью в своей заметке особо рассматривать историографию вопроса, ограничусь изложенными суждениями. Приходится констатировать, что сейчас, спустя 90 лет после впервые (на восточнославянском материале) заявленной проблемы, когда уже у восточных славян, как и у многих других европейских народов, речь могла идти только о позднейших, пережиточных формах системы возрастных классов, их изучение на живом этнографическом материале представляется затруднительным. Тем не менее при исследовании, например, духовной культуры восточных славян и особенно аграрной обрядности на базе уже имеющегося материала довольно четко прослеживаются следы половозрастного деления внутри общины. До XX в. вся система восточнославянской аграрной обрядности имела общинный характер, поскольку она функционировала и воспроизводилась из поколения в поколение не отдельными лицами, а за счет того, что каждый из ее структурных комплексов должен был исполняться вполне определенным сообществом сверстников. Общение внутри этой возрастной группы, связанное с исполнением тех или иных обрядово-праздничных установлений, можно назвать ритуальным. Примечательно в этом случае, что общественное мнение крестьян и в XIX в. определяло характер поведения сообщества сверстников как сакральный. В свое время мне приходилось писать об особой роли возрастных сообществ холостой молодежи, подростков и женатых во «вьюнишних» обрядах³. Их состав, время выхода на улицу, песни, которые исполнялись

¹ Живая старина, 1893, вып. II, с. 283.

² Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963, с. 54.

³ Подробнее см.: Тульцева Л. А. Вьюнишники.— В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука 1978.

ими для «вьюна» и «вьюницы», поведение молодоженов, строго определенные угощения по полу и возрасту, заключительные пиршества и гулянья также с соблюдением принципа половозрастного разделения — все это было регламентировано обычаем и наполнено своим обрядово-хозяйственным смыслом. Напомним, что во всех аграрных обрядах, в которых действовали половозрастные сообщества сверстников, обрядово-правовой статус последних был очень высок. Это была исконная традиция. Она регулировала общественное поведение членов общины и являлась составной частью системы ценностей народной традиционной культуры.

Ритуальный, или, вернее, обрядово-правовой (т. е. относящийся к пространственно-временным границам обряда), тип поведения — это один из исторически сложившихся типов общения людей, который является социально ориентированным, так как обряды и праздники общины являются неотъемлемым компонентом ее общественной и хозяйственно-трудовой деятельности и рассматриваются общиной как жизненно важные. Участвуя в том или ином обрядовом или обрядово-праздничном действии (например, дети или подростки — в новогодних обрядах, девушки — в закличках весны, дружки — в свадебных обрядах, женщины — в обрядах вызывания дождя, старухи — в обрядах опахивания), группы сверстников одновременно как бы включались в общий контекст функционирования общины как социального организма, как социального целого.

В итоге в ритуальном общении сверстников внутри половозрастных группировок интернализировались социально значимые формы общения, которые были соотнесены со всеми другими «этажами» общественной и производственной деятельности общины. Соответственно через такую малую социальную группу, как половозрастное сообщество, шли включение каждого ее члена в окружающую его социальную среду, приобщение к установившимся образцам поведения в труде, семье, на праздниках и т. д. Таким образом, из поколения в поколение наследовались фольклор, в целом обрядово-праздничная культура народа, шла передача традиций и опыта жизни предшествующих поколений, стариков, предков.

Я. В. Чеснов

Обсуждаемая статья вносит определенный вклад в разработку проблемы трансляции культуры в соседской общине, которую автор представляет не только как производственную единицу, но и как особый социально-бытовой организм, создающий и хранящий традиции. Наиболее полно в статье М. М. Громько освещены механизмы передачи хозяйственного опыта и некоторых поведенческих стереотипов, связанных с ролевыми функциями членов крестьянских коллективов. Обратившись к ряду житейских и мировоззренческих ценностей, автор смог показать функционирование общины как бы изнутри, с позиций ее членов.

Отдавая должное такой постановке вопроса, нельзя не отметить, что автор создает как бы несколько идеализированную картину общины и общественного быта. Хорошо известно, что крестьянская соседская община в социально-экономическом отношении двойственна во все исторические эпохи. Симбиоз отдельных семей в ней всегда сочетается с их скрытыми, а иногда открытыми антагонизмами, в основе которых лежат частнособственнические интересы. Сельская община — носитель не только экофильного отношения к среде, но и прямо противоположных тенденций, и часто выступает в роли тормоза в развитии земледелия.

Такой же противоречивостью отличалась соционормативная культура общины. Идеологическое обоснование поведенческих норм в ней строилось не только рационалистически, но и на основе мифологических воззрений, унаследованных от прошлого и заимствованных извне. В этом синкретическом мировосприятии довлеет бинарно-классификационная логика, резко разделявшая всех на «своих» и «чужих». Эта логика не может не вести к постоянным колебаниям от стремления к порядку, с одной стороны, к его нарушениям, бунтарству и насилию — с другой.

«На разных этапах истории встречается среди крестьянства упорядочение мира при помощи канонических схем и эмпирических приспособлений к нему, догматического мышления и интерес к парадоксальности, принятие господствующей модели социальных отношений и оспаривание ее какой-либо мифологемой»¹.

Сосуществование этих двух начал имеет непосредственное отношение к жизнедеятельности общины и способам передачи традиций. Так, жизненные блага в системе крестьянского мировоззрения мыслятся в виде некоего фонда, ресурсы которого не могут быть неравномерно распределены. Последнее считается неэтичным, что, однако, не мешает постоянно возникновению стремлений к нарушению равновесия. Показательно, что при такой системе взглядов болезнь не ликвидируется лечением окончательно, а на кого-то переводится, иногда на животных, иногда на людей. Врачеватели поэтому дают не только благо, но и опасное. Характерно, что опасными считаются также все члены общины, имеющие даже самые необходимые специализации: кузнец, мельник, пастух даже дружка на свадьбе, о котором говорится в обсуждаемой статье.

М. М. Громыко показывает, что опыт передается в общине персонально, от личности к личности. Такая трансляция велась преимущественно визуальным путем, показом («делай, как я»). Большую роль при этом играли внушение, эмоциональное заражение². «Делай, как я» пожалуй, лучше выражает способ передачи традиций, чем принятое в науке выражение «устная трансляция» и другие подобные определения. Ближе к сущности стоит также выражение *face-to-face*, употребляемое в англоязычной литературе. На материале устного фольклора Б. Н. Путиловым было также показано, что суть явления не сводится к передаче устным путем³.

Ограниченность способов трансляции традиций в крестьянской среде безусловно накладывает отпечаток на всю соционормативную культуру общины, частную по сравнению с общенациональной культурой. В этом случае также справедливы соответствующие дефиниции «малой» и «большой» традиций.

Здесь уместно высказать мнение о том, что традиция как таковая многообразна, и поэтому общее определение этого явления и недифференцированное рассмотрение его малосодержательны. Даже если абстрагироваться от использования термина «традиция» в смежных с этнографией отраслях знания, остается еще целое поле значений этого термина. Это выявилось в дискуссии, проводившейся на страницах «Советской этнографии» в 1981 г.⁴ Первостепенное значение традиции для этноса раскрыто в работах Ю. В. Бромлея⁵. В данном случае нас интересует традиция на микроуровне. К сожалению, этот вопрос обойден в обсуждаемой статье.

Сам материал статьи М. М. Громыко показывает, что: 1) в общине представлены различные виды преемственности, отличающиеся по сфере приложения и механизмам трансляции; 2) эти виды преемственности представляют собой одновременно и формы жизнедеятельности членов общины. Отсюда вытекает, что общинные традиции, обеспечивающие само существование этого института, не могут быть противопоставлены инновациям, обеспечивающим ее адаптивность и устойчивость. Нужно учитывать, что возведение традиций к прошлому, к опыту предков в системе взглядов самих носителей традиций имеет идеологический характер. Исследователи же говорят о целом комплексе не только диахронных, но и синхронных преемственно-подражательных действий, в своем

¹ Гордон А. Восприятие мира в традиционном крестьянском сознании. Некоторые общие замечания по материалам Тайланда.— Азия и Африка сегодня, 1980, № 3, с. 35.

² Салтыков Г. Ф. Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае.— В кн.: Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972, с. 9—12.

³ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора Л.: Наука, 1976, с. 191—192.

⁴ Сов. этнография, 1981, № 2, 3.

⁵ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 81—175; его же. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 221—225, 361—362.

чтении определяющих устойчивое существование коллектива. Таким образом, традиции на микроуровне — это особая форма коммуникативного процесса, в котором осуществляется жизнедеятельность коллектива и обеспеченной трансляции культурного ядра — инварианта из прошлого в будущее. В неясности, неопределенности представлений о прошлом заключена принципиальная необходимость, позволяющая людям строить гибкие модели поведения при сохранении социальной и культурной общности.

Существенная черта традиций на микроуровне в отличие от традиций макроуровне — то, что первые действуют как в бытовой, так и в производственной сферах. Генеральный принцип «делай, как я» в идеологическом плане сосуществует с сакральным образцом, которому подчиняются все нормы поведения, включая отношения человека к природе. Последние особенно важны в крестьянских соседских общинах и хорошо иллюстрированы М. М. Громыко. Подчеркнем только, что труд в такой общине в идеологическом плане имеет двойственный характер: во-первых, это труд, удовлетворяющий частные потребности, во-вторых, труд по реализации общего для всех членов сакрального образца, исполнение «крестьянской правды» в результате контакта с «землей-кормицей». Отсюда представления о святости крестьянского труда, идеология бережного отношения к земле и природе, что, однако, не мешает в реальной жизни совершенно обратным действиям. Наличие сакрального образца, или идеала, восполняет потребность во всеобщности в условиях решения отдельных задач производственного процесса, частного самого себе по сравнению с всеобщностью жизни. Статья М. М. Громыко хорошо показывает, как строго следила община за соблюдением равновесия между частностью труда и всеобщностью жизни на примере празднования и запретных дней.

Наряду с представлением о святости крестьянского труда, появившееся, скорее всего, уже в классовом обществе, существует другая позиция — греховность труда, в том числе и крестьянского. Сошлюсь здесь на древние мифы многих народов, согласно которым земледелие возмужало благодаря какому-то убийству, грехопадению, вроде инцеста между братом и сестрой. О том же говорит объяснение запрета на работы армянских крестьян: «Пока ваш покойник в церкви, не работай, а то лишится рая»⁶.

В целом производственный труд, занимающий главное место в жизни крестьян, оказывается сферой, создающей напряженность, которая снимается обрядами, праздниками, запретными днями, представлениями о «оле», реализованными в фольклоре.

Но вся эта система покоится на производственном фундаменте общины и прямо с ним соотнесена. Общинно-поселенческая культура — необходимый элемент антропогеоценоза⁷, и она закономерно отражает локальность и замкнутость крестьянского образа жизни. Традиции в этом плане выступают в роли средств обеспечения изоляционизма, способствующего локальности особенностей культуры.

С производственным характером общинно-поселенческой культуры, идеологически оформленным принципом «делай, как я» и его трансформацией «как у людей» связаны идеалы равенства и общности. Характерная особенность крестьянских агрокультур — возделывание ведущих в полеводстве растения, дополняемого весьма скудным набором других растений. Эта черта свойственна крестьянским общинам во все периоды их существования. Такая «монокультура» обеспечивает реализацию идеала равенства: при всех колебаниях количества пища в принципе одна. Бытуют также единообразные типы дома, утвари, одежды, принимающиеся как извечные и нормативные. Таким образом, производственные основы крестьянской культуры и наличие сакрального

⁶ Чурсин Г. Ф. Очерки этнографии Кавказа. Тифлис, 1913, с. 186.

⁷ Алексеев В. П. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика. — Природа, 1982, № 7; Чеснов Я. В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов. — Ил.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 115—118.

образца делают эту культуру типичной, сообщая ее элементам локально-ареальный характер. Существенная черта общинных традиций — их ареальная очерченность, в масштабах всего этноса выражающаяся в отмеченной К. В. Чистовым вариативности⁸.

Как представляется, все изложенное позволяет теперь подойти к важнейшему моменту в статье М. М. Громыко — вопросу о соотношении общинных традиций с общеэтническими. В статье этот аспект по существу лишь упомянут. Нет места для его подробного освещения и в данном выступлении. Но в качестве предварительного условия, обеспечивающего подход к поставленной проблеме, следует подчеркнуть, что возможности трансляции локальной крестьянской культуры как «малой» традиции ограничены по сравнению с «большой» традицией всего этноса. Действуют обе традиции в разных планах: «малая» — главным образом в синхронном и ориентирована на производство материальных благ «большая» — в диахронном и ориентирована на производство духовных ценностей. Поэтому традиционные явления в области материального быта получают часто характеристику «этнографизмов», тогда как духовные традиции, даже локальные, вроде северно-русских былин, воспринимаются как общеэтническое наследие. Очевидно, правомерно развести понятия этнографической и этнической культуры, причем последняя, обладающая мощными возможностями, сопряженными с крупными социальными организмами (проблема эсо и этникоса, поставлена Ю. В. Бромлеем), оказывает на первую в особые периоды определенно «этнизирующее» воздействие. Но это уже особый вопрос, связанный этнознаковыми функциями культуры в целом.

---

⁸ Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста. — В кн.: История культуры, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1983.

В. П. Алексеев

**МАКСИМ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛЕВИН — АНТРОПОЛОГ, ЭТНОГРАФ
И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ**

[К 80-летию со дня рождения]

Оценка масштаба деятельности того или иного ученого не бывает постоянной, и часто история вносит коррективы в прижизненные характеристики. Крупный ученый, производивший впечатление яркостью личности, широтой знаний, всесторонним охватом предмета, иногда как бы гускнеет, ссылки на его работы становятся все более и более редкими, в конце концов его имя переходит в обширный исторический архив, который есть в любой науке.

Нередки и противоположные случаи. Работы, представлявшие рядовыми, через известный промежуток времени начинают привлекать внимание, цитироваться, изложенные в них идеи разрабатываются и открывают новые перспективы исследований, автор с годами как бы «растет».

Максим Григорьевич Левин (1904—1963) как личность в науке не подходит ни под одну из этих двух категорий. И при жизни авторитет его был велик: и коллеги, и ученики воспринимали его как крупную научную величину. Его многочисленные статьи и книги, посвященные разнообразной тематике, отличались постановкой важнейших проблем и тщательной их разработкой, охватом огромного числа данных, и, кроме того, прекрасным литературным стилем¹. Но после смерти Максима Григорьевича влияние его на развитие нашей науки не ослабло, а, наоборот, усилилось. Этот яркий ученый с течением времени воспринимается все крупнее и масштабнее. В 1963 г. его книга по антропологии и этногенезу народов Сибири и Дальнего Востока была издана в США, ссылки на нее постоянно встречаются в литературе, и она давно стала классическим произведением, демонстрирующим лучшие стороны морфологического подхода к решению генетических вопросов расоведения и географического метода в анализе вариаций отдельных признаков. В 1971 г. вышла в свет книга по антропологии Японии, показавшая Левина как тонкого аналитика в интерпретации количественно очень обширных и поэтому трудных для систематизации данных. Многие темы, лишь скользь затронутые или намеченные в кратких формулировках, послужили предметом дальнейших разработок². Привлекают внимание и отдельные эпизоды научной деятельности Максима Григорьевича Левина³. Таким образом, он остается живой фигурой в современном развитии антропологии и этнографии, и рассмотрение исключительно многообразных аспектов его творческой деятельности имеет актуальное значение.

¹ Список основных работ М. Г. Левина см. в статье «Памяти Максима Григорьевича Левина». — Сов. этнография (далее — СЭ), 1963, № 4.

² См., например: Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина). — СЭ, 1970, № 6.

³ Вайнштейн С. И. Первая советская этнографо-антропологическая экспедиция в Туву. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 110. М.: Наука, 1982.

Левин прожил короткую жизнь и ушел от нас в возрасте 58 лет. Он родился в 1904 г. Московский университет окончил уже в советское время, когда кафедру и Институт антропологии МГУ возглавлял В. В. Бунак. Под руководством Бунака, еще студентом, он осуществил и первую свою значительную экспедиционную поездку в Туву для изучения антропологии и этнографии тувинцев. Может быть, именно тогда зародилась у Максима Григорьевича любовь к сибирским просторам, которую он пронес через всю жизнь.

После окончания университета Левин — в Музее народоведения и потом на далекой сибирской фактории, на Дальнем Востоке. Через два года он возвращается в Москву, и после этого его жизнь постоянно связана со столичными учреждениями — сначала с Институтом антропологии МГУ, затем с Институтом этнографии АН СССР. В Институте антропологии он — ученый секретарь, в Институте этнографии — заместитель директора по научной части (с 1944 г.) и заведующий отделом антропологии (с 1949 г. до конца своих дней). Параллельно с организационной работой М. Г. Левин уделял много времени и сил научно-исследовательской деятельности, был ответственным редактором «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР» (вышло 38 выпусков), постоянным членом редколлегии журнала «Советская этнография», возглавлял редколлегии многих крупных коллективных изданий, из которых в первую очередь следует назвать том «Народы Сибири» в многотомной серии «Народы мира», переведенный на английский язык и изданный в США, и огромный уникальный по обобщенным в нем материалам «Историко-этнографический атлас Сибири».

Может быть, загруженностью организационными делами, а может быть, и какими-то внутренними причинами — требовательностью к себе или недостатком времени для оформления результатов исследований в крупной итоговой форме — объясняется то на первый взгляд парадоксальное обстоятельство, что М. Г. Левин поздно, лишь в 1957 г., защитил докторскую диссертацию. Для нас, окружавших его молодых сотрудников, в этом было что-то странное: многие защитили кандидатские диссертации после аспирантуры в 26—30 лет, и он имел ту же степень! Однако то, что казалось странным молодежи, совершенно не заботило его коллег, все относились к нему с особенным уважением и, я бы даже не побоялся сказать, пиететом, всегда обращались к нему как к арбитру в решении самых сложных научных вопросов, и он нес приятное, но в то же время и очень обязывающее бремя всеобщего уважения с исключительным блеском и эрудицией. Насколько я могу теперь понять, его мало заботило официальное признание его места в науке. Известность и авторитет его как профессионала высокого класса были прочны и непререкаемы, не зависели ни от каких званий, и он не мог не сознавать этого!

Большая организаторская работа счастливым образом сочеталась у Левина с интенсивной экспедиционной деятельностью и активным участием в научных сессиях, конгрессах и симпозиумах. Он умел и любил делать доклады, блестяще руководил научными дискуссиями, как бы остры они ни были, с успехом читал популярные лекции о кардинальных проблемах антропологии и этнографии. Разрабатываемая им тематика нашла превосходное отражение в его докладах на ряде международных симпозиумов и конгрессов.

Но, бесспорно, главным содержанием жизни Максима Григорьевича была постоянная ежедневная научная работа. Кто-то сказал, что основные вехи этнографии ученого — книги. Мы очень часто встречали Левина в хранилищах фондов научных коллекций, видели его в библиотеках, ставали в тесном помещении Отдела антропологии, когда он, пристроившись где-нибудь в углу, быстро набрасывал своим характерным стремительным почерком текст очередной статьи или заметки. Так прошла насыщенная трудом и творчеством жизнь, оставившая яркий след в истории советской антропологии и этнографии.

Начало творческого пути далеко не всегда предопределяет его дальнейшее развитие, но оно всегда интересно как точка отсчета, как материал для сопоставления с характером последующего творчества. Многие темы, намеченные в начале пути, развиваются и реализуются всю жизнь — так бывает часто. Но нередко бывает и наоборот: первые работы оказываются случайными по теме, и дальнейшее развитие мысли ученого идет новыми путями.

В ранних работах М. Г. Левина четко прослеживается одна особенность, свойственная ему как личности в науке и впоследствии — исключительная жажда знания и огромный диапазон разрабатываемых проблем. Будучи глубоким и очень сильным профессионалом в антропологии и этнографии, он прекрасно знал конкретную археологию, внес неценный вклад в изучение археологии северо-востока Азии, но археологом себя не считал, да и вообще археология занимала среди его интересов место после антропологии и этнографии. Но уже в первых работах заметен интерес к разнообразным научным темам, лежащим в рамках различных наук, видно, как молодой ученый стремится реализовать в своей деятельности энциклопедизм времен Анучина. Биология человека и его культура рассматриваются как единая динамическая система, как ромадный макрокосм, в основе жизни и развития которого лежат единые закономерности.

В антропологии Левин начал как краниолог. 20—30-е годы были годами значительного внимания к разработке методики антропологического изучения живого человека. В связи с этим были предложены и активно обсуждались разные методические приемы преодоления известной субъективности, свойственной таким исследованиям, — субъективности, не до конца преодоленной до сих пор. При меньшей информативности краниологии по сравнению с соматологией она дает вполне объективные результаты, и, может быть, этим объясняется тяга к ней молодого специалиста.

Он обрабатывает краниологические коллекции, хранящиеся в фондах Музея антропологии и этнографии АН СССР и Музея антропологии при МГУ. В результате появляются статьи о краниологическом типе ульчей, калмыков, хантов. Краниологические особенности этих народов были известны ранее, и поэтому все эти статьи ввели в науку новую чрезвычайно важную информацию. Но молодой автор не ограничивается этим: в заметке о хантах, например, на основании рассмотрения краниологических вариаций была высказана мысль о формировании их антропологического облика в процессе смешения европеоидного и монголоидного компонентов. Она оказалась чрезвычайно плодотворной, породила многочисленные разработки и дискуссию, которая во многих своих аспектах продолжает оставаться актуальной и в настоящее время.

Совместно с А. М. Золотаревым была написана статья о происхождении оленеводства. Она была опубликована в сборнике, включившем материалы специального совещания, организованного в 1934 г. Н. И. Вавиловым и посвященного обсуждению проблемы происхождения домашних животных и, в частности, установлению центров их domestikации. Авторы были единственными этнографами, выступившими на страницах этого сборника, и привели чрезвычайно разнообразную и очень убедительную этнографическую аргументацию в пользу алтае-саянского центра одомашнивания северного оленя. На карте центров domestikации животных, составленной под руководством Н. И. Вавилова и опубликованной в том же сборнике в статье С. Н. Боголюбского, район одомашнивания северного оленя приурочен к Алтае-Саянскому нагорью в значительной мере под влиянием статьи Левина и Золотарева, и при всех дальнейших разработках этой темы исследователи исходили из идеи алтае-саянской прародины оленеводства⁴.

⁴ В качестве примера см.: *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии (I. Саянский очаг одомашнивания оленя). — СЭ, 1970, № 6; см. также

Наконец, статья об этнографических параллелях находкам изорыбленного рыб из неолитических погребений в районе Байкала ввела в науку обширный новый материал, показавший распространение образа рыб во многих поздних сибирских культурах и в недавнем искусстве современных сибирских народов. Это позволило автору говорить о широких культурно-исторических связях позднего населения Сибири с древними т. е. впервые подойти к вопросу, рассмотрение которого в полном объеме он осуществил в своей докторской диссертации, опубликованной в 1958 и составившей упомянутую выше книгу об антропологии и происхождении народов Сибири и Дальнего Востока.

Итак, уже в ранних работах М. Г. Левина видна редкая исследовательская широта — качество, получившее дальнейшее развитие во все его последующем научном творчестве.

Региональные антропологические исследования

Никакое фундаментальное обобщение невозможно без объемного охвата фактических данных. В преобладающем числе случаев антрополог добывает эти данные в экспедициях. М. Г. Левин почти каждое лето уезжал в экспедиции, планомерно охватывая в Сибири регион за регионом. После Тувы и Алтая он работал у эвенков на Байкале и у эвенов Охотского побережья. Собранные им в этих экспедициях антропологические материалы были опубликованы лишь в 1947 г.

Во время Великой Отечественной войны Максим Григорьевич был эвакуирован в Средней Азии, где столкнулся с новым для себя этнографическим и антропологическим миром. Несмотря на тяжелые условия жизни, он пристально вглядывается в этот мир и, как всегда, обращает внимание на самые серьезные проблемы, волновавшие науку того времени. В довоенные годы Е. В. Жиров, изучавший разные формы искусственной деформации головы; утверждал, что эта деформация связана с использованием для детей специальной колыбели — бешика. Левин произвел измерение обширного контингента туркмен и убедительно доказал, что долихоцефалия является стойкой отличительной особенностью антропологического типа разных групп туркменского народа, что она генетически предопределена, а не образуется искусственно вследствие использования колыбели. Последующие исследования подтвердили этот вывод ученого⁵.

В первые послевоенные годы М. Г. Левин продолжил сбор антропометрических данных среди тунгусо-манчжурских народов Сибири, в частности в бассейне Амура. Им были охвачены все тунгусоязычные этнические группы, проживающие в бассейне Нижнего Амура, а также нивхи Нижнего Амура и Сахалина. Это было первое антропологическое обследование коренного населения южной части Дальнего Востока, проведенное на уровне современной антропологической методики и поэтому полностью сохранившее свое значение до настоящего времени.

Параллельно с изучением территориальных вариаций антропологического типа тунгусо-манчжурских народов Левин вел антропологические исследования и других народов Сибири. Он был первым советским антропологом, начавшим работать на территории Якутии и собравшим антропометрические данные по основным территориальным группам якутского народа. Представленная им картина локальных вариаций антропологического типа якутов и выводы об отсутствии закономерных типологических различий между определенными территориальными группами также получили полное подтверждение в ходе дальнейших исследований⁶. Работал Максим Григорьевич и в южных областях Си-

Шлыгина Н. В., Чистов К. В. V Международный финно-угорский конгресс в Туркмен-СЭ, 1963, № 4.

⁵ *Дунаевская Т. Н.* Влияние искусственной деформации на форму головы у туркмен. — *Вопр. антропологии*, 1963, вып. 15.

⁶ *Золотарева И. М.* Территориальные варианты антропологического типа якутов в связи с проблемой их происхождения. — В кн.: *Этногенез и этническая история народов Севера*. М.: Наука, 1975.

ри, где им были повторно, вслед за А. И. Ярхо, изучены тувинцы, плочая и тувинцев-тоджинцев, и отдельные территориальные группы грят.

В 50-е годы экспедиционные интересы Левина все более перемещаются на северо-восток Азии. Еще не выезжая на Чукотку, он опубликовал два фундаментальных исследования. Первое было посвящено характеристике краниологического типа чукчей и эскимосов (по коллекциям естественных музеев); в нем помимо ценной антропологической информации содержалась убедительная и первая в антропологической литературе критика гипотезы «эскимосского клина», предложенной в свое время Ф. Боасом и В. Г. Богоразом. Второе исследование представляет обзор динамики признаков во времени в пределах эскимосского ареала, играющий на сопоставление опубликованных преимущественно Хрдличкой данных о сериях древних и близких к современности эскимосских черепов. Аргументируя генетическую преемственность древних и современных групп эскимосов, Левин доказал проявление и в данном случае процесса брахицефализации, столь широко распространенного по ойкумене. Это позволило отказаться от гипотезы смены населения в промежутке времени между рубежом нашей эры и современностью следовательно, значительно удревнить истоки генезиса антропологического типа и культуры эскимосов.

Начав полевые экспедиционные исследования на Чукотском полуострове, ученый уже располагал результатами соматологического обследования чукчей и эскимосов, осуществленного Г. Ф. Дебецом. Поэтому Левин считал необходимым расширить программу сбора данных и включить в нее генетические маркеры и микроморфологические признаки. Собрать информацию о группах крови АВО и MN было в те годы трудным делом — сказался длительный перерыв в соответствующих исследованиях, не благоприятствовал и сложившийся в те годы в биологии психологический климат, но Левина это не остановило. В результате были собраны популяционно-генетические данные не только по чукчам и эскимосам, но и по эвнам Охотского побережья. Это было началом очень югосторонних и широких по географическим масштабам работ по изучению групповых факторов крови у населения СССР, которые были продолжены другими исследователями и нашли свое первое отражение уже в докладах советской делегации на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 г. в Москве. Опубликованная М. Г. Левиным совместно с Т. Д. Гладковой статья впервые ввела в науку данные по дерматоглифике народов северо-востока Азии.

Предыдущий обзор показывает, что в экспедиционных исследованиях, охвативших все узловые в этническом отношении районы Сибири и Дальнего Востока, М. Г. Левин проявил себя как универсал, владевший практически всеми доступными в его время методиками полевого сбора данных и их обработки.

Палеоантропология Сибири

Работы Левина по антропологии древнего населения Сибири неразрывно связаны с изучением неолитического населения трансбайкальской области и проблемой его генезиса. Промежуточное по многим признакам положение неолитических черепных серий из Прибайкалья между европеоидными и монголоидными сериями, обратившее на себя внимание уже первых палеоантропологических работ, было истолковано как свидетельство смешанного происхождения неолитических популяций. В 1951 г. Г. Ф. Дебец после повторной обработки материалов по палеоантропологии Прибайкалья неожиданно отказался от этой им же аргументированной точки зрения и выступил с гипотезой недифференцированного прохождения неолитического населения Прибайкалья. Две наиболее фундаментальные работы Левина по времени последовали за этой «ревизией» прибайкальских неолитических материалов.

Парадоксально на первый взгляд, что одна из этих работ посвящена единичной находке. Речь идет о черепе из Шилкинской пещеры, раскопанной А. П. Окладниковым и давшей богатое погребение глазковского времени. При всей условности определения расового типа индивидуума череп из этого погребения отличался столь сильно выраженными монголоидными особенностями, что в принадлежности его представителю байкальской расы не могло быть сомнения. На основании морфологических особенностей этой находки, а также антропологического типа населения, оставившего Фофановский могильник в Забайкалье, был сформулирован аргумент против гипотезы недифференцированности антропологического состава неолитического населения Прибайкалья, который и сейчас остается одним из важнейших, — монголоидные особенности выражены за Байкалом сильнее, чем в Прибайкалье, что легко объяснимо с позиции распространения европеоидного населения с запада на восток, но не находит удовлетворительного истолкования в рамках гипотезы недифференцированности.

Вторая из этих работ — скрупулезное описание скелетов из Верхоленского неолитического могильника, давшего хронологически разновозрастные погребения и поэтому во многом ключевое для установления относительной хронологии неолитических памятников Прибайкалья¹. Максим Григорьевич сумел выделить формы с отчетливо выраженной европеоидной комбинацией признаков и этим морфологически доказать проявление в популяции, оставившей могильник, механического смешения и наличие европеоидной примеси. Хотя вопрос о наличии европеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья все еще остается предметом дискуссии, аргументы, выдвинутые Левиным, играют чрезвычайно важную роль.

Классификация и генезис азиатских монголоидов

Уже первая формулировка гипотезы смешанного происхождения уральской расы и палеоантропологические доказательства наличия европеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья сохраняют имя Левина в истории разработки антропологической классификации сибирских монголоидов. Большой знаток истории вопроса, он опубликовал и первый подробный обзор изучения антропологии Северной Азии, а также интересный и содержательный очерк последовательного изменения взглядов на классификацию азиатских монголоидов в мировой антропологической науке в зависимости от состояния фактических знаний в ту или иную эпоху и теоретических взглядов того или другого исследователя.

Известную роль в утверждении смешанного происхождения южных монголоидов и значительной примеси в их составе негро-австралоидных элементов сыграло и опубликованное М. Г. Левиным в соавторстве Н. Н. Чебоксаровым первое на русском языке изложение результатов антропологических исследований в странах Юго-Восточной Азии. Однако основная заслуга М. Г. Левина в разработке проблем антропологической систематики лежит в выделении особого комплекса признаков в составе коренных народов Дальнего Востока, обосновании его высокого таксономического положения и выяснении его генезиса. Речь идет об амурской сахалинской расе, представленной в составе нивхов. Их морфологическое своеобразие — усиление роста бороды по сравнению с тунгусо-маньчжурскими народами Амура, потемнение пигментации, ослабление развития монголоидных особенностей глазной области — можно было бы попытаться объяснить в рамках метисационной гипотезы или изолированным географическим положением, и любой другой менее квалифицированный исследователь так бы и поступил. Но свойственные Левину широта кругозора и тонкая морфологическая интуиция позволили ему сразу же увидеть в данном случае реликт древних расогенетически

¹ Окладников А. П. Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.

процессов, самостоятельный очаг расообразования наряду с байкальским, центральноазиатским и арктическим. В таксономической системе азиатских монголоидов амуро-сахалинская раса образует, как и байкальская, центральноазиатская и арктическая, самостоятельное подразделение, и ее таксономическая самостоятельность была подтверждена также генетическими и микроморфологическими наблюдениями⁸.

Установление генезиса любой морфологической комбинации признаков, особенно при отсутствии палеоантропологических данных, требует от исследователя большого такта и широкого взгляда на предмет исследования, в какой-то мере и отказа от традиционных норм господствующих концепций. Исходя не только из морфологического своеобразия нивхов, но и из бесспорного факта наличия южной примеси в антропологическом составе арктических монголоидов, Левин аргументировал точку зрения, которая и сейчас стимулирует дальнейший исследовательский поиск. Согласно ей, все азиатское побережье Тихого океана (и прежде всего южная его часть) представляло собой арену контактов древних формаций континентальной и тихоокеанской ветвей монголоидной расы, вследствие которых и сложились морфологические особенности нивхов. Таким образом, эти особенности доносят до нас представление об очень ранних донеолитических стадиях расообразования.

Методические вопросы

По характеру своих интересов Максим Григорьевич не уделял большого внимания методическим вопросам антропологического анализа, но отчетливо понимал их значение и при необходимости касался их в своих работах. В результате и в этой области антропологии ему удалось сказать веское слово.

В упомянутой выше статье об антропологических особенностях черепа из Шилкинской пещеры был предложен в качестве стандартного набор краниологических признаков с соответствующими цифровыми и буквенными обозначениями. В тех случаях, когда размер не имел традиционного буквенного или цифрового обозначения, он был показан в соответствии с опорой на буквенные обозначения точек, восходящие к английской биометрической шкале. Этот стандартный набор признаков лег в основу краниологического бланка, которым мы с небольшими модификациями пользуемся до сих пор.

Помимо упорядочения техники краниологических измерений Левин посвятил и специальную работу узкометодическому вопросу, имеющему тем не менее большое значение, а именно вопросу о диагностической оценке формы скуловой вырезки в качестве краниологического признака, дифференцирующего монголоидов и европеоидов. Способы измерения вариаций формы, им самим разработанные, и измерение с их помощью черепов монголов и теленгетов как представителей монголоидной расы и черепов осетин и армян как представителей европеоидных популяций, убедительно продемонстрировали, что глубина скуловой вырезки является чувствительным разграничительным признаком и может использоваться в дифференциации монголоидных групп с не меньшим успехом, чем углы горизонтального и вертикального профиля лицевого скелета. При этом важно отметить, что углы можно измерять лишь на полностью или почти полностью сохранившихся черепках, тогда как измерение формы скуловой вырезки осуществимо и тогда, когда в руки краниолога попадает дефектный материал.

История антропологической науки

В нашу эпоху, когда исключительно развит интерес к истории науки, над разработкой которой трудятся большие научные коллективы, трудно понять, что еще три-четыре десятилетия тому назад этим занимались

⁸ Бахолдина В. Ю. Антропология и популяционная генетика нивхов: Автореф. канд. днс. на соиск. уч. ст. канд. биол. наук. М.: МГУ, 1982.

лишь отдельные энтузиасты. Левин принадлежал к их числу, и ему мы обязаны тем, что антропологическая наука (особенно русская антропология) стала осознаваться как самостоятельная и очень важная область знания. Должен специально подчеркнуть, что ему как историку науки был присущ свой стиль, не вполне традиционный. Скажем, такие выдающиеся знатоки истории биологии, как Б. Е. Райков и С. М. Соболев уделяли огромное внимание архивным изысканиям и ввели в науку громадное количество не публиковавшихся ранее архивных документов. Левин не работал в архивах, но очень внимательно и исчерпывающе изучал публикации не только антропологов и этнографов, но и всех писавших о человеке, его культуре и истории. Энтузиаст антропологии и этнографии находил в этих работах много замечательных мыслей, по-новому освещавших историю разработки антропологической проблематики.

Любимым жанром Левина была научная биография того или иного крупного деятеля науки или культуры, т. е. не изложение событий его личной судьбы, а характеристика его научных исследований и идей на фоне состояния развития науки определенной эпохи. Так нарисованы портреты Бэра и Богданова, так написаны статьи об антропологических взглядах русских революционных демократов и Герцена. Автор показал широкий общественный резонанс их научных публикаций о человеке, а также большой интерес к ним передовых слоев общества, немедленное включение результатов антропологических изысканий в трактаты по общим вопросам философии и истории культуры.

Однако эти частные работы не исчерпывают заслуг Максима Григорьевича в области истории антропологии. Его перу принадлежит первый очерк истории антропологической науки в России и СССР, начиная с самых истоков антропологических знаний в петровскую эпоху и кончая 50-ми годами нашего столетия. Создание общей панорамы движения мысли в какой-либо отрасли знания требует большой дополнительной работы по сравнению с характеристиками отдельных творцов науки, а очерк Левина читается плавно, в него введено много второстепенных имен с изложением и оценкой содержания их работ; при сравнительно небольшом объеме книга эта — последовательное повествование, вскрывающее логику развития самой науки и содержащее обоснование его периодизации. Поэтому, несмотря на появление многих новых исследований отдельных проблем истории антропологии, очерк Левина и сейчас остается основным сочинением, дающим обзор истории антропологической науки в России и СССР в целом.

Археология северо-востока Азии

Полевые работы ученого на Чукотском полуострове не ограничились сбором только антропологической информации — Левин выступил как археолог, внесший неопределимый вклад в познание древнейших этапов развития культуры на северо-востоке азиатского материка. Он начал, как всегда, с очень внимательного и нетривиального прочтения литературы: первой работой, заявившей о нем как о незаурядном знатке древнеэскимосских культур, стала скромная рецензия на книгу С. И. Руденко «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема», вышедшую в 1947 г. Автор книги аргументировал гипотезу об оквикской стадии (стоянка Оквик, открытая эскимосами на одном из Пунукских островов и описанная американским археологом Ф. Рейни) как о древнейшей в истории древнеэскимосской культуры. М. Г. Левин показал недостаточность его аргументации как с узкохронологической, так и с типологической точек зрения и противопоставил ей представление о широком распространении древнеберингоморской стадии, как исходной для последующего развития более поздних древнеэскимосских культур — представление, оказавшееся чрезвычайно плодотворным и ныне разделяемое подавляющим большинством специалистов.

Однако значительно более весомые самостоятельные раскопки М. Г. Левина на Чукотском полуострове. После открытия Д. А. Серге-

вым в 1955 г. Уэленского могильника на горе близ пос. Уэлен М. Г. Левин возглавил работу отряда, проводившего раскопки этого памятника. Богатый инвентарь древнеэскимосских погребений был им опубликован в ряде предварительных сообщений совместно с Сергеевым, было установлено спорадическое использование предками эскимосов на древнеберингоморской стадии орудий из железа. Вместе с результатами палеоантропологического исследования все это серьезнейшим образом обогатило наши знания о древнем прошлом эскимосов, и только преждевременная смерть помешала ему принять участие в написании обобщающего труда, подводящего итог изучению всего комплекса материалов из раскопок этого могильника. Авторы этого труда — С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев посвятили книгу его памяти⁹.

Нельзя не вспомнить и участие Максима Григорьевича в раскопках другого замечательного древнеэскимосского памятника — Эквенского могильника. Могильник был открыт на основании сообщений геологов Д. А. Сергеевым в 1961 г., и поэтому Левин мог участвовать лишь в первом раскопном сезоне 1962 г. Он был уже тяжело болен, но никто не мог отговорить его преодолеть трудный путь (из-за скверных погодных условий в том году он добирался до места раскопок около 20 дней), чтобы ознакомиться с вновь открытым памятником.

Историко-этнографическая типология и проблема этногенеза

В классической работе М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, вышедшей в 1955 г., впервые была предложена четкая граница между тем комплексом культурных явлений, который был назван С. П. Толстовым хозяйственно-культурным типом и который конвергентно образуется в неродственных этнических группах в силу приспособления к географической среде, и историко-этнографическими общностями в собственном смысле слова, т. е. сочетаниями культурных элементов, складывающимися в ходе общих исторических процессов, как писали авторы — «общности исторической судьбы». Объединение народов по сходству культурных элементов занимало большое место в работах этнографов разных школ и научных направлений начиная с конца прошлого века. Такие объединения носили разные наименования — «культурные круги», «культурные ареалы» и т. д., но само содержание, вкладываемое в эти термины, оставалось неопределенным: не было четкого понимания того, какие элементы культуры изменяются в процессе историко-этнических контактов, а какие — в ходе географической адаптации, не было поэтому и ясного представления о том, как ретроспективно реконструировать историческую динамику, опираясь на наблюдаемые в современности этнографические факты. Теоретически оправданная и практически удобная дефиниция, предложенная в рассматриваемой статье, обеспечила ей вечную жизнь, она и сейчас остается одним из наиболее часто цитируемых произведений этнографической литературы на русском языке, хотя в практическом исследовании и не всегда легко реализовать изложенные в ней рекомендации.

Эта работа М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова часто оценивается как наибольший вклад их в историко-этнографическую типологию, но не меньшее значение, на мой взгляд, имеет небольшая заметка М. Г. Левина об историческом соотношении хозяйственно-культурных укладов у народов Сибири, составившая автореферат доклада, прочитанного на заседании ученого совета Института этнографии АН СССР в Ленинграде в 1945 г. Сам он всегда рассматривал эту заметку как конспект книги, для которой было накоплено много материалов (к сожалению, она так и не была написана). Подвергнув убедительной критике взгляды К. Биркет-Смита, В. Г. Богораза и А. М. Золотарева, считавших исходным культурно-хозяйственным комплексом, на основе которого развились все

⁹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969.

остальные, культуру рыболовов, зимой промышлявших рыбу подледным ловом, Левин показал развитую специализацию этой культуры, что явно не соответствует исходному историко-культурному состоянию. В противовес этому им была выдвинута гипотеза комплексной охотничье-рыболовческой культуры в качестве исходной, аргументированная как общекультурными соображениями, так и археологическими данными и позже развитая рядом специалистов. При остающейся неясности многих вопросов хронологического соотношения хозяйственно-культурных типов у древних и современных народов Сибири гипотеза Левина и сейчас составляет основу многих дальнейших разработок благодаря широкому охвату имеющейся информации о всех вариантах хозяйственной деятельности автохтонного населения Сибири в их исторической динамике и непредвзятой объективной трактовке этой информации.

К работам по историко-культурной типологии примыкают исследования по этногенезу. Левин был одним из крупнейших знатоков и исследователей этногенеза конкретных народов уже тогда, когда в советской антропологии и этнографии еще только закладывались основы научного подхода к такому сложному историческому явлению, как этногенез. По сути дела все его публикации по антропологии Сибири имели своей конечной целью решение этногенетических проблем. Накопленный им опыт нашел отражение в первой в мировой литературе статье, содержавшей формулировку методологических и методических принципов использования антропологических данных в этногенетической реконструкции (написана в соавторстве с Г. Ф. Дебецом и Т. А. Трофимовой). В частности, очевидный теперь тезис о том, что появление нового антропологического комплекса всегда есть следствие брачных контактов, тогда как появление нового языка и новых культурных особенностей может иметь место и в результате простого влияния без каких-либо брачных связей, не осознавался до публикации этой статьи. При этом Левин не только разрабатывал проблемы этногенеза, но и популяризировал достижения советской науки в этой области за рубежом. Так, он выступил с блестящим докладом об общих проблемах этногенеза и роли в их решении этнографических и антропологических данных на VI Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1960 г. в Париже.

Критическая оценка буржуазных концепций

Всестороннее знакомство с состоянием мировой науки позволяло Максиму Григорьевичу выступать тонким и вдумчивым критиком теоретических концепций многих буржуазных школ и их отдельных наиболее крупных представителей. При этом он был неизменно корректен, умел увидеть и подчеркнуть рациональное, даже в ошибочной гипотезе и был нетерпим, лишь сталкиваясь с проявлениями расизма. Всем крупным работам Левина предпосланы тщательные историографические обзоры соответствующих проблем, изобилующие детальными наблюдениями над преемственностью идей и литературными ссылками. Он любил говорить, что составить *почти полную* библиографию не сложно, исключительно трудно составить *полную* библиографию, ибо какой-то ничтожный процент статей все-таки остается неучтенным, но сам он всегда стремился исчерпать литературу по исследуемой теме. Поэтому оценить критическую часть литературного творчества М. Г. Левина,— по-видимому, задача специальной работы, и здесь я ограничусь лишь единичными примерами.

В 1943 г. Ф. Вайденайх опубликовал монументальную книгу о строении черепа синантропа, содержащую помимо фактических данных развернутое изложение полицентрической концепции происхождения человека современного вида. При изложении дискуссии между сторонниками полицентрических и моноцентрических взглядов в советской литературе принято критику полицентризма целиком связывать с деятельностью Я. Я. Рогинского, которому действительно принадлежит выдающаяся заслуга в обосновании и развитии моноцентрической точки зрения. Одна-

ко исторически справедливо подчеркнуть, что первая в литературе критическая оценка взглядов Вайденрайха принадлежит Левину, опубликовавшему рецензию на книгу о черепе синантропа. Прежде всего, Левин подробно изложил концепцию Вайденрайха, ознакомив с ней советскую научную общественность. Но он же указал и на слабости этой концепции — известные натяжки в истолковании некоторых морфологических фактов, отсутствие в ряде случаев ощутимой морфологической преемственности между ископаемыми формами и современными расами, наконец, просто отсутствие палеонтологических подтверждений для отдельных постулированных Вайденрайхом линий развития и известную ортогенетическую направленность совокупности его взглядов в целом. Все последующее критическое рассмотрение теоретических позиций Вайденрайха пошло по путям, намеченным в рассматриваемой рецензии.

В написанном совместно с С. А. Токаревым обзоре изданного в Вене в 1953 г. сборника «Культура и язык» дана содержательная оценка венской культурно-исторической школы, показаны ее связи со многими философскими школами идеалистического толка, подвергнуто всестороннему разбору и критике понятие исторического, столь важное в системе взглядов деятелей этой школы и в то же время не имеющее ничего общего с подлинным историзмом. Взгляды представителей культурно-исторической школы претерпели значительную динамику, и авторы обзора в лучших академических традициях демонстрируют эту динамику, обнаруживая осведомленность как в общих, так и в частных вопросах этнографии и сравнительного культуроведения. Но статья в соавторстве с Я. Я. Рогинским, посвященная англо-американскому расизму, написана резко и остро полемично, порой желчно. В ней нет следа обычного для Левина академического стиля — повторяю, он был совершенно нетерпим к любым проявлениям расизма и даже в разговоре отзывался о них с презрением и сарказмом.

Здесь же нужно упомянуть еще одно важное критическое исследование М. Г. Левина — его статью о происхождении расового типа пигмеев. Широко привлечение всей наличной антропологической и этнографической информации позволило ему подвергнуть тщательному разбору старую гипотезу Р. Кольмана — о пигмейском комплексе признаков как исходном для человека современного вида, — принятую и популяризируемую представителями культурно-исторической школы. М. Г. Левин показал, что лежащие в основе этой гипотезы аргументы либо не выдерживают критики с позиций современной науки, либо основаны на случайных и недостоверных фактах.

Преподавание и учебная литература

Добротный материал, облеченный в скучную форму, также скучен для усвоения, как и красивое пустозвонство, не содержащее никаких мыслей. Левин прожил активную творчески напряженную жизнь, все время был на переднем крае научных открытий в антропологии и этнографии и мог поэтому многое сказать студентам. Но он еще и знал, как сказать; будучи превосходным оратором яркого взрывного стиля, говорившим очень легко, красиво и парадно, он умел сделать свои лекции и практические занятия не только насыщенными по содержанию, но и увлекательными по форме. Студенты любили прекрасного педагога, хотя он вел два труднейших предмета, перегруженных деталями, — общую этнографию, включавшую и обзор народов мира по странам и материкам, и большой практикум по морфологии мозга.

Но не только в воспитании многих поколений специалистов заслуга М. Г. Левина перед отечественным просвещением. В 50-е годы им совместно с Я. Я. Рогинским был написан большой учебник «Основы антропологии», впервые вышедший в 1955 г. и затем выдержавший еще два издания. И поныне по нему учатся студенты, частенько заглядывают в него аспиранты и научные сотрудники, — в книге охвачены и глубоко изложены все разделы антропологии, предложена продуманная структура

антропологического знания, весь текст иллюстрирован многими оригинальными картами и графиками, авторы ввели в него результаты своих оригинальных разработок. Поэтому «Антропология» (это название книги получила со второго издания) и по сей день рассматривается не только как пособие, предназначенное для учебных целей, но и как богатая фактами и идеями сводка антропологических знаний.

Организация науки

Занимая почти 20 лет пост заместителя директора Института этнографии АН СССР, Максим Григорьевич как-то легко и незаметно делал всю административную работу, был доступен и прост, с его уст легко слетала шутка и в коридоре института часто слышался беззаботный смех. Глядя на него, можно было подумать, что руководство сложным институтским хозяйством — совсем пустяковое дело, не требующее ни больших затрат времени, ни нервных усилий. Между тем сотрудники института знали, сколько ума, такта, понимания чужой души, заботы о людях, изобретательности, наконец, просто человеческой теплоты он вкладывал в административную работу, как серьезно он относился к организации экспедиций и итогам их работы (на протяжении многих лет на страницах журнала «Советская этнография» ежегодно появлялась его статья с обзором работы институтских экспедиций соответствующего года), сколько труда было вложено в редактирование «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР», выходявших с 1946 по 1963 г.

Работа над редактированием этого издания особенно примечательна. Левин ни на минуту не пускал ее на самотек, неоднократно обращался к сотрудникам института на ученых советах и совещаниях с просьбой писать статьи для «Кратких сообщений», не жалел времени на убеждение тех, у кого, по его мнению, были интересные темы и материалы, самым внимательным образом прочитывал весь редакционный портфель. Именно поэтому в 38 выпусках «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР» опубликовано так много ценных статей, ссылки на которые полны все современные этнографические и антропологические работы.

Широта образования вместе с проникновенным умом и редким душевным тактом делали Левина незаменимым руководителем многих авторских коллективов. Вместе с Л. П. Потаповым он был главным редактором таких монументальных коллективных трудов, как «Историко-этнографический атлас Сибири» и «Народы Сибири» в серии «Народы мира», возглавлял редколлегии многих других этнографических и антропологических сборников и монографий.

Заключение

Предыдущий обзор показывает многообразие исследовательских тем, которыми занимался Максим Григорьевич Левин, глубину их разработки и оригинальность многих выдвинутых идей. Эти темы в полной мере принадлежат двум наукам — антропологии и этнографии, что кажется невероятным в наш век научной специализации. Книги и статьи Левина широко цитируются и используются в современных работах, они органично вплелись в живую ткань науки сегодняшнего дня. Поэтому, уйдя от нас 21 год назад, Максим Григорьевич Левин остается нашим современником.

М. О. Османов

О ФОРМАХ И ТИПАХ СКОТОВОДСТВА

[По материалам Дагестана. XIX в.]

В последние годы в советской этнографической литературе наблюдается оживление интереса к вопросам типологизации форм скотоводства (ФС). Это связано прежде всего, как справедливо отмечалось в проведенной журналом «Советская этнография» дискуссии¹, с подготовкой региональных историко-этнографических атласов². В известной мере усиление интереса к этой проблематике отражает также не совсем благополучное положение как с классификацией, так и с дефинициями и терминологией скотоводческого хозяйства.

При работе над разделом «Скотоводство» для историко-этнографического атласа Дагестана мы убедились в сложности проблемы классификации ФС, вызванной отсутствием сложившихся критериев их выделения и устоявшейся терминологии. Не претендуя ни в коей мере на решение этой важной и весьма дискуссионной проблемы, мы, однако, хотели бы высказать свои соображения, которые, возможно, могут быть приняты в качестве рабочей гипотезы. При этом нам представляется целесообразным использовать уже имеющийся понятийный аппарат и терминологию.

Думается, одним из главных препятствий в создании приемлемой классификации служит стремление отразить в выделяемой ФС весь так называемый годичный цикл, т. е. ведение скотоводческого хозяйства на протяжении всего года. Именно этим скорее всего вызвано замечание Г. Е. Маркова о трудности «четко подразделить» стойловое и подвижное скотоводство, ибо «у одних и тех же групп земледельцев скотоводство может практиковаться как в виде стойлового, так и в виде отгонного»³. Между тем сущность ФС в значительной степени связана с особенностями сезона и определяется ими. В суровую зиму при всем желании и большой надобности невозможно выгнать скот на высокогорные пастбища, его нужно содержать в стойле; но тот же скот летом, когда на горных пастбищах есть хороший корм, никто не захочет держать в стойле, даже если горные пастбища расположены довольно далеко от поселения. В сложившихся названиях ФС отразилась эта сезонная опреде-

¹ См.: Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. — Сов. этнография (далее СЭ), 1981, № 4; Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. — Там же, 1982, № 2; Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа. — Там же, 1982, № 3; Андрианов Б. В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства. — Там же, 1982, № 4; Симаков Г. Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX вв. — Там же; Марков Г. Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам). — Там же.

² См., например: Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья. — В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. (Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу). М.: Наука, 1971, с. 120; Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

³ Марков Г. Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества..., с. 81.

ленность — формы яллагная, стойловая, альпийская и т. п. Необходимо учитывать, что сезонные изменения растительного покрова, особенно в аридной и умеренной зонах, оказывают существенное влияние на хозяйственную деятельность человека, его мобильность⁴. Еще один важный момент: поскольку речь идет о форме содержания скота, следует учитывать, что в разные сезоны скот содержится преимущественно на принципиально разных основах — посредством выпаса и посредством содержания в стойле. Надо принимать во внимание и то обстоятельство, что почти для всех видов скота каждый сезон имеет свою специфику как в биологическом развитии, так и в обеспечении человека продукцией, в тягловом использовании на нужды земледелия, транспорта и пр.

Стремление к всеохватности привело и к неточностям в классификации ФС, разномасштабности выделяемых форм. Так, например, в одном классификационном ряду объединяются формы кочевая, представляющая хозяйство на протяжении всего года, и яллагная, представляющая лишь один из сезонных эпизодов содержания и выпаса скота. В аналогичной ситуации, анализируя разноречивые мнения о соотношении земледелия и скотоводства у адыгов, В. К. Гарданов замечает, что это вызвано «стремлением дать универсальную характеристику основных хозяйственных занятий адыгов без дифференциации по отдельным племенам и районам»⁵. В нашем случае такая дифференциация требуется по сезонам (и отчасти по видам скота). Определенную трудность в разработке классификации представляет и отсутствие четкого определения самого понятия ФС. «Формы содержания и выпаса» — довольно общо, неконкретно. Между тем определение должно служить инструментом вычленения, а для этого нужны очень четкие однозначные, одномасштабные критерии. По справедливому замечанию Л. Н. Гумилева, для выяснения сути явления надлежит установить точный критерий классификации. «Только тогда, когда мы получим определенную шкалу, градуированную любым условным способом; но в одном масштабе, мы сможем получить систему классификации, без которой никакая наука не может существовать»⁶. Надо учитывать и мнение специалистов-животноводов. Этнограф, изучающий скотоводство, следует, как правило, за специалистами в области хозяйства, географии, биологии и пр. Это и понятно, поскольку этнография, предметом которой является «тот слой культуры, который выполняет этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура»⁷, должна принимать и учитывать результаты смежных дисциплин в процессе этнографического исследования того или иного объекта.

Одна из наиболее четких формулировок ФС принадлежит Л. М. Зальцману: «комплекс взаимосвязанных приемов и методов ведения животноводческого хозяйства применительно к тем или иным условиям производства: система кормления и содержания скота зимой и летом, производства зимних и летних кормов, воспроизводства стада и выращивания молодняка, организации труда и др.»⁸. Характерно, что Л. М. Зальцман констатирует различие форм содержания скота по сезонам. Так, например, почти весь Кавказ он относит к районам зимнего стойлового содержания и летних горных пастбищ⁹. Подобный подход с учетом вида скота, сезона, зональности, способа кормления и кормозаготовки, воспроизводства стада и организации труда таит большие возможности для классификации ФС.

Нельзя сказать, что в этнографической литературе при классификации ФС не учитывались все эти критерии. Например, по Ю. И. Мкрту-

⁴ См.: Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978, с. 120.

⁵ Гарданов В. К. Земледелие у адыгов в XVIII — первой половине XIX в.— СЭ, 1965, № 4, с. 67.

⁶ Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени.— В кн.: Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 15. Этнография. Л., 1970, с. 143.

⁷ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 84.

⁸ Зальцман Л. М. Системы ведения скотоводства и их особенности в разных зонах. Союза ССР.— Сов. зоотехния, 1952, № 12, с. 17.

⁹ Там же, с. 19, 21.

мяну, в понятие ФС входят «особенности содержания скота в различное время года, система заготовки кормов и кормления, система организации труда»¹⁰; зону, годичный цикл ухода за скотом, способ выпаса и содержания и т. п. включают в это понятие В. М. Шамиладзе, Г. Н. Симаков и др.¹¹ Однако нередко как бы над этим перечнем критериев — основой классификации — довлеет имеющая более общий характер классификация по образу жизни — кочевому, оседлому и т. п. (Ю. И. Мкртумян), либо ФС выделены на основе разных посылок с приоритетом зонального фактора (В. М. Шамиладзе), либо нет четкого различения систем кормообеспечения и ФС и основного критерия их вычленения (Г. Н. Симаков).

Нам представляется, что при классификации ФС одним из главных критериев является сезонность. Ведь скотоводы каждый раз, когда сменяется сезон (время года), соответственным образом меняют свои действия, обеспечивая наилучшие условия содержания животных в данном наступившем сезоне с использованием зонально-сезонных изменений и особенностей угодий. Под понятием же «наилучшие условия» подразумевается прежде всего обеспечение максимально благоприятных условий для кормления и воспроизводства стада, особенно в период распада и выращивания молодняка. В свете сказанного можно, по-видимому, предложить следующую формулировку: ФС — это совокупность действий держателей скота данного поселения, призванных обеспечить наиболее благоприятные условия кормления и воспроизводства животных в разное время года с учетом сезонных изменений и возможностей выпаса и заготовки кормов в зональных угодьях округа и края.

Таким образом, перегоняется ли скот на яйлаги летом, кышлаги зимой или отводится на хутора (сезонно используемая хозяйственная база с постройками для пастухов и скота), содержится в стойле — каждый раз изменение формы его содержания связано со стремлением сохранить скот, обеспечить кормом и создать наилучшие условия для его воспроизводства. Этот комплекс критериев: кормление, воспроизводство, сезон, угодья — позволяет разграничить ФС и произвести их однозначную классификацию. Но, разумеется, содержание отдельных ФС не сводится к этому комплексу. Есть еще целый ряд критериев, в какой-то степени определяющих, уточняющих, дополняющих отдельные сущностные стороны ФС¹². К ним относятся, например:

а) количество и соотношение угодий поселения (пашня, сенокос, пастбища), традиции и методы заготовки кормов, в зависимости от которых варьируют степень бытования и удельный вес ФС, связанных с содержанием в стойле или отгоном;

б) значение функции обеспечения благоприятных условий для расплода и выращивания молодняка при выборе ФС; в Дагестане, например, сложилась специфическая ФС, призванная обеспечить такие условия (весенний отгон скота из ряда высокогорных районов на равнинные земли)¹³;

в) состав сельского стада, соотношение в нем видов скота, характер и степень их использования (особенно в качестве рабочей силы в земледелии и на транспорте); в горном Дагестане необходимость использования волов на сельскохозяйственных работах породила особую форму комплексного их содержания — попеременного яйлажно-выгонного;

¹⁰ Мкртумян Ю. И. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа. — СЭ, 1972, № 2, с. 67; его же. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья, с. 127—129, 133.

¹¹ Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии, с. 40, 59; Симаков Г. Н. Указ. раб., с. 72—73.

¹² Подробнее о таких дополнительных критериях см.: Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья, с. 119 и др.; Симаков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов. — СЭ, 1978, № 6, с. 14—15.

¹³ Османов М. О. Весенний отгон — своеобразная форма отгонного скотоводства Дагестана. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Ин-та истории, языка и литературы Даг. фил. АН СССР в 1980/81 г. (тезисы докладов). Махачкала, 1982, с. 17—19.

г) традиции видовой направленности скотоводческого хозяйства; так, в горном и горно-долинном Дагестане поселения, практиковавшие внутриальпийское скотоводство, с ростом поголовья традиционного для них вида скота (например овец) иногда вынуждены были переходить на отгонные формы содержания;

д) особенности получения и утилизации животноводческой продукции; в частности, один из видов яйлажной ФС (или яйлажный хутор) в Дагестане — уход на яйлаги женщин с коровами — был вызван необходимостью утилизации молока и заготовки масла и сыра;

е) особенности быта и материальной культуры, обусловленные специфическими чертами разных ФС, на что впервые обратил внимание, кажется, Ю. И. Мкртумян¹⁴;

ж) обеспеченность угодьями и хозяйственные традиции соседних районов; напомним, что развитие в Дагестане горного скотоводства (главным образом овцеводства) во многом обуславливалось возможностью отгона овец на равнинные земли Прикаспия, Азербайджана, Восточной Грузии, где до конца XIX в. было много земель, отведенных под пастбища;

з) с предыдущим связано и значение взаимоотношений с соседями, политической ситуации в крае. Общеизвестно, что с присоединением Дагестана к России в XIX в. и ликвидацией феодальной раздробленности и междоусобиц наблюдались оживление хозяйственной жизни и торгового обмена, дальнейшее развитие региональной хозяйственной специализации. В частности, в скотоводческом хозяйстве Дагестана большие масштабы приобрели ФС, связанные с отгоном скота в горы и на равнину, особенно в сопредельные области. Конечно, дело тут не только в политической ситуации: присоединение к стране с быстро развивающейся капиталистической экономикой означало скачок и в социально-экономическом отношении (капиталистическое хозяйство, рынок, торговые связи, предпринимательство и пр.), и тут мы подходим к последнему (не по значению!) критерию;

и) любые хозяйственные институты, любые формы, даже с очевидными признаками экологической обусловленности, могут реализоваться лишь в рамках и посредством способа производства; их сложение и функционирование будут зависеть от уровня социально-экономического развития народа¹⁵.

Таким образом, в комплексе критериев ФС обнаруживаются как бы два «этажа», два уровня: первый — критерии, определяющие, позволяющие выделить ФС; второй — критерии, уточняющие, дополняющие содержание ФС. При этом в отдельных случаях некоторые критерии второго уровня приобретают решающий, определяющий характер.

Вкратце этот комплекс критериев выглядит следующим образом. Основные, разграничивающие критерии: способы наилучшего обеспечения кормления и воспроизводства скота в определенном сезоне с учетом сезонно-зональных изменений угодий и возможностей выпаса и заготовки кормов. Дополнительные критерии: количество и соотношение угодий, возможности заготовки кормов; значение функции обеспечения условий для расплода; состав стада, соотношение видов скота, характер их использования; традиции видовой направленности скотоводческого хозяйства; особенности утилизации продукции; специфика быта и материальной культуры, обусловленная разными ФС; обеспеченность угодьями и хозяйственные традиции соседних областей; все виды взаимоотношений с соседними народами; политическая ситуация в крае; уровень социально-экономического развития жителей данного и соседних районов.

¹⁴ Мкртумян Ю. И. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа, с. 67.

¹⁵ Об этом вполне определенно высказались в своей работе авторы концепции ХК. См.: Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ, 1955, № 4, с. 4.

Нам представляется, что этот комплекс критериев позволяет выделить ФС в любом регионе при всевозможных вариантах ведения скотоводческого (животноводческого) хозяйства. Недостатком предлагаемой классификации является ее узость, возможность выделения формы содержания только в один сезон, причем нередко лишь для одного вида скота.

Видимо, теперь, имея первичную классификацию, можно приступить ко второму этапу — характеристике (на базе выделенных ФС) скотоводческого хозяйства в целом, т. е. рассмотрению всех бытующих в данном социальном организме (общине) на протяжении года ФС. Иными словами, речь идет о воссоздании по сочетаниям ФС типа скотоводческого хозяйства. Попытки типологизации на основе ФС уже предпринимались этнографами (в частности, Г. Н. Симаковым)¹⁶, но в их построениях типу как сочетанию форм предшествовала классификация по образу жизни (кочевой, оседлый и др.), что отрывало понятие «тип скотоводства» от конкретного материала, придавая ему слишком общий характер. При классификации скотоводческого хозяйства действительно необходимо, как справедливо полагают исследователи, введение понятия «тип скотоводства»¹⁷, однако мы убеждены, что ввести его надо не взамен категории ФС, а на основе ее.

Предлагаемая Б. Х. Кармышевой классификация по образу жизни¹⁸ будет иметь, как справедливо, на наш взгляд, полагает В. М. Шамиладзе, слишком общий характер; она не заменит подразделения на ФС и не прояснит картины классификации последних. Особенно убедительна аргументация В. М. Шамиладзе в приведенном примере определения оседлого типа на основе критериев Б. Х. Кармышевой: при трансюмансе население характеризуется оседлым образом жизни, а скотоводство — подвижное¹⁹.

Если мы говорим, что тип скотоводства — это сочетание ФС, значит надо вначале выявить данные сочетания, а потом уже исследовать связь выделенных типов с определениями образа жизни, т. е. подойти к классификации на более высоком таксономическом уровне.

К сожалению, пользуясь предлагаемым нами методом, нельзя получить годную на все случаи готовую модель ввиду теоретической возможности создания множества комбинаций из выделенных ФС и их сочетаний. Однако подобный метод может быть применен как инструмент для выявления в данном социальном организме или конкретном регионе сочетаний ФС, которые позволят определить дальнейшие возможности классификации на более высоком уровне. При этом можно руководствоваться замечанием (правда, весьма общим) Ю. И. Семенова о том, что «наличие в социальном организме нескольких отраслей хозяйства ни в малейшей степени не исключает возможности общей характеристики его хозяйства как единого целого. Обычно одна из отраслей хозяйства является ведущей, господствующей»²⁰. После выделения типа скотоводства следует подумать, как уже говорилось, о возможности связи его с определениями более высокого таксономического уровня — образом жизни и ХКТ. Здесь, как нам представляется, важны три критерия: а) соотношение скотоводства и земледелия; б) место содержания скота по отношению к селению — жилищу (и, разумеется, наличие этого постоянного селения) и его кормовым угодьям; в) организация труда и быта животноводов, особенно степень участия населения в сезонном, внесельском содержании скота.

Очень интересная мысль об органической связи ФС с ХКТ, их взаимобусловленности была высказана Г. Е. Марковым. Он прямо указы-

¹⁶ Симаков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов, с. 15.

¹⁷ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество, с. 84; Кармышева Б. Х. *Указ. соч.* на кн.: Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. — СЭ, 1982, № 3, с. 167—168.

¹⁸ Кармышева Б. Х. *Указ. раб.*, с. 167.

¹⁹ Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа, с. 73—74.

²⁰ Семенов Ю. И. *Указ. раб.*, с. 52.

вает, что ФС входят в два ХКТ: 1) кочевой с двумя подтипами — кочевой и полукочевой; 2) плужной земледелия с подтипами — подвижное и оседлое скотоводство²¹. Надо, видимо, оговорить, что подвижное скотоводство может относиться и к ХКТ скотоводов-земледельцев (например, к полуседлым скотоводам-земледельцам аридной зоны, подтипы равнинный и горный — 27а и 27б по Б. В. Андрианову и Н. Н. Чебоксарову)²². Идею о связи ФС и ХКТ поддерживает и Б. В. Андрианов²³.

Высший уровень (в отличие от низшего, «технологического») классификации скотоводства — по особенностям социально-экономического общественного строя — предложил Г. Е. Марков²⁴. Правда, он предложил его главным образом для выделения кочевничества, ибо «только у кочевников имеется специфическая общественная организация, и поэтому оно характеризуется «не просто хозяйственными признаками, а в первую очередь признаками-критериями высшего порядка: кочевническим комплексом социально-экономических отношений»²⁵. Мы же высказываемся за универсальную однозначность двучленной формулы «низший — высший уровни», ибо специфичность присуща не только «комплексу социально-экономических отношений кочевничества», но и другим типам скотоводства. Например, у горцев Кавказа «организационно-экономическая специфика в основном горного скотоводства» наложила «отпечаток на характер феодальных отношений», общественный строй горцев²⁶.

Однако выбор критериев для раскрытия этого аспекта довольно затруднителен. Для нашего материала предпочтительным выглядит учет форм земельной собственности, типа и уровня развития общины и союзов общин, их прерогатив, степени централизации феодальной власти. По-видимому, придется прибегнуть к описательному методу (Г. Е. Марков предложил его, например, для раскрытия культурного компонента ХКТ ввиду сложности или, возможно, нецелесообразности подбора критериев)²⁷.

Правда, при всех определениях ФС и типов скотоводства, хотим мы этого или нет, существует еще одна сторона классификации, которая должна быть обозначена. Речь идет о системе кормообеспечения. Еще в XIX в. специалисты указывали, что ФС отличаются друг от друга прежде всего системами кормообеспечения. Так, С. Г. Штеблер отмечал, что в зависимости от того, как удовлетворяется потребность в траве (в скошенном виде или же выпасом на пастбище), различаются «луговое хозяйство со стойловым содержанием» и «пастбищное хозяйство»²⁸. В литературе это принципиальное различие кормообеспечения иногда принимается за ФС. Так, пастбищную и стойловую ФС в одном ряду с отгонной и выгонной (которые суть разновидности или подвиды пастбищной системы) мы встречаем, в частности, у Г. Н. Симакова²⁹. Поскольку это — системы, характеризующие способ, метод кормообеспечения, вряд ли можно также ставить для них какие-то временные (сезонные) обозначения и рамки. Например, у В. П. Курылева пастбищная система — это «круглогодичное содержание основной массы скота на

²¹ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество, с. 92.

²² Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — СЭ, 1972, № 2, карта.

²³ Андрианов Б. В. Указ. раб., с. 76.

²⁴ Значение этого аспекта классификации подчеркивается большинством исследователей. См., например: Андрианов Б. В. Указ. раб., с. 79; Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа, с. 74.

²⁵ Марков Г. Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества, с. 82, 86.

²⁶ См.: Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — СЭ, 1978, № 2, с. 23; Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии, с. 273.

²⁷ Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М.: Изд-во МГУ, 1979, с. 24.

²⁸ Stebler S. G. Alp-und Weidewirtschaft. В., 1903, S. 3.

²⁹ Симаков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов. с. 15—16.

подножном корму»³⁰. По-видимому, правильнее будет рассматривать систему как способ кормообеспечения с различием по указанному выше признаку — пастбищная и стойловая.

Эти системы правомерно, видимо, назвать и иначе: пастбищная — кормодобывающая, стойловая — кормопотребляющая. Любая из них может быть и круглогодичной (как пастбищная в кочевой ФС), и сезонной. На базе этих двух систем складываются (с учетом совокупности критериев) ФС, сочетания ФС образуют типы, которые в свою очередь группируются (по трем другим, уже упоминавшимся критериям) по образу жизни и ХКТ, и, наконец, верхний уровень классификации — социально-экономическая характеристика.

Итак, мы предлагаем путь классификации скотоводческого хозяйства от сезонно-зональных ФС через типы скотоводства к образу жизни и ХКТ, а затем к социальной характеристике. Вкратце это будет выглядеть так:

I. ФС	IV. ХКТ
II. Тип скотоводства	V. Социальная характеристика
III. Образ жизни	

Таковы наши соображения относительно классификации форм и типов скотоводства.

Попытаемся на этой основе провести классификацию форм и типов скотоводства Дагестана в XIX в. Начнем с форм, при которых содержание скота не связано с его передвижениями за пределы выгонов и сельской округи, т. е. стационарных. Наиболее распространены во всех зонах и подзонах Дагестана *выгонная* и *стойловая* формы. Они характерны прежде всего для содержания крупного рогатого скота (КРС), особенно дойного и рабочего. Скот держат зимой преимущественно в стойле, максимально используя для выпаса все представляющиеся возможности (погода, наличие пастухов и др.), а летом — на выгонах и присельских пастбищах.

На равнине и в теплых горных долинах комбинации выгонной и стойловой форм практикуются почти круглый год; в горной же и высокогорной зонах четко разделяются зимой стойловое (на базе заготовленных кормов), летом выгонное содержание скота.

Охарактеризованные ФС можно без колебания назвать, по терминологии Г. Е. Маркова, «вспомогательными», или, по В. М. Шамиладзе, «подсобными» (при земледелии)³¹ для всего Дагестана, кроме высокогорных районов, где преобладало скотоводство.

Другая стационарная ФС — *хуторская* с тремя подвидами. Первый — *выгонный хутор*: скот (преимущественно КРС) выпасается вблизи хутора, на выгонах с заготовленными кормами. Второй подвид — *пастбищный хутор*: животные (главным образом овцы) выпасаются на стыке выгонов и пастбищ, на южных склонах (корм не заготавливают). Оба эти подвида — зимние, летом хутора «закрывались» общиной. Третий подвид — *яйлажный отгон* дойного скота женщинами; в этом случае как бы сочетались обе ФС — хуторская и яйлажный отгон, поэтому этот подвид мы называем «яйлажный хутор».

Следующая большая группа — *подвижные ФС*, в которых содержание скота связано с его перемещениями, в том числе и за пределы зоны и даже области. Подвижное скотоводство понимается исследователями по-разному. Известны как очень расширительные характеристики вплоть до включения равнинного, «подсобного» скотоводства, относящегося, несомненно, к «скотоводству оседлых земледельцев»³², так и полное его отрицание на том основании, что им не могут быть охвачены такие ФС, как равнинное, подсобное, внутриальпийское скотовод-

³⁰ Курылев В. П. Основные типы скотоводческого хозяйства у казахов (конец IX — начало XX в.). — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Наука, 1977, с. 246.

³¹ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество, с. 92; Шамиладзе В. М. о некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа, с. 76.

³² Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество, с. 93.

ство и др., «при которых исключается большая или меньшая подвижность скотоводческого хозяйства»³³. Истина находится, по-видимому, где-то посредине: термин и понятие «подвижное скотоводство», думается, правомерны, если четко различать подвижность скота и подвижность населения и рассматривать последнюю (в отличие от кочевничества) как перемещения только пастухов со стадами.

Самая распространенная среди подвижных ФС — *яйлажная*: отгон скота на летние горные и высокогорные пастбища. Отгоном мы считаем любое перемещение скота на сравнительно отдаленное от поселения пастбище для постоянного содержания на месте под присмотром пастухов в течение некоторого времени, без периодического возврата в селение. Яйлажная ФС также подразделяется на несколько подвидов. Первый (и преобладающий) — отгон мелкого рогатого скота (МРС) на самые дальние яйлаги. Второй — отгон дойных коров на нижние ярусы яйлагов, ближе к поселению (в том случае, если владельцы имели более одной коровы, которая обязательно оставалась при доме); для ухода за животными с ними отправлялись нужное число женщин, дети, иногда старик-пастух (чужих коров выпасают на разных условиях, обычно за часть продукции). Этот подвид близок хуторской ФС, поэтому он отнесен нами к ней и назван «яйлажный хутор». Третий подвид — отгон рабочего скота на лучшие участки в нерабочие для него периоды (попеременно яйлаг и выгон). Четвертый — отгон остальных категорий КРС (бычки, быки, телки) тоже на дальние яйлаги на все лето.

Вторая по распространенности отгонная ФС — *кышлажная*: отгон скота (главным образом МРС) на равнинные зимние пастбища. Делится на три подвиды: осенне-зимний (преобладающий), осенне-зимний с частичным отходом населения и весенний. Основная особенность весеннего отгона — нацеленность на проведение окота и отела (весной отгоняют, особенно из соседних с равниной мест, и КРС). Третий подвид иногда называют полукочевым и даже кочевым, однако ряд факторов (постоянные поселения с фундаментальными постройками, наличие сельской общины, регулирующей скотоводческо-земледельческое хозяйство селения, увод основной массы скота пастухами и отход его владельцев на заработки и т. п.) дает основание не согласиться с этим.

Еще одна форма подвижного скотоводства — *долинный отгон*: животных (обычно МРС, реже КРС) из селений горной и высокогорной зон перегоняли в предгорные долины (для экономии заготовленных кормов).

И наконец, последняя подвижная ФС — *шалашная*, по терминологии В. М. Шамиладзе. Она бытовала на равнине и в нижнем предгорье, где яйлажный отгон развит слабо. Заключалась она в отгоне скота (преимущественно КРС) в пойменные места, овраги, на невысокие склоны и т. п. В отдельных районах скот каждую неделю пригонялся в селение.

Третья группа ФС — кочевые, представлена лишь одной формой, бытующей у ногайцев. Включает: таборно-кибитковый летний подвид (перекочевки по определенным маршрутам, «привязанным» к водным источникам) и циклически-зимниковый (базирование на сменяемых, затем стабилизирующихся зимниках, превращавшихся впоследствии во временные, а потом и постоянные селения).

Таким образом, в Дагестане выделяются следующие ФС.

I. Стационарные: 1) выгонная, 2) стойловая, 3) хуторская с подвидами: а) выгонный хутор, б) пастбищный, в) яйлажный.

II. Подвижные: 1) яйлажная с подвидами: а) отгон МРС, б) отгон КРС (дойных коров), в) отгон рабочего скота, г) отгон других категорий КРС (быки, телки, бычки и др.); 2) кышлажная с подвидами: а) осенне-зимний отгон, б) осенне-зимний с частичным отходом населения, в) весенний; 3) долинная; 4) шалашная.

III. Кочевые: 1) кочевая ФС с подвидами: а) таборно-кибитковый; б) циклически-зимниковый.

³³ Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа, с. 75.

На основе зафиксированных ФС мы попытались выявить основные типы скотоводства и определить их связь с образом жизни, хозяйственно-культурным и социальными типами. Точкой отсчета служили социальные организмы на уровне сельских общин³⁴ по зонам.

На равнине из названных форм были наиболее распространены выгонная и стойловая, а также (для МРС) яйлажная и хуторская. Из 39 типов скотоводства в 18 владениях и союзах обществ равнины 30 были с преобладанием выгонно-стойлового содержания (из них 19 для КРС)³⁵. Для МРС характерными были кроме выгонно-стойлового еще выгонно-стойлово-яйлажный и хуторско-яйлажно-выгонный типы (последовательность расположения отражает уменьшение их бытования). В целом для равнины ведущим был выгонно-стойловый тип. Скотоводство здесь, как уже говорилось, подчинено земледелию, скот преимущественно выпасался пастухами на присельских угодьях и содержался в стойле (привязанность к земледелию), т. е. это хозяйство оседлых земледельцев, занимающихся скотоводством, или же ХКТ оседлых земледельцев-скотоводов.

Следует подчеркнуть, что не всегда стойловое скотоводство является подсобным по отношению к земледелию. В горных областях где достаточно сенокосных угодий, может быть в скотоводческом хозяйстве развитая стойловая ФС. Так, в горной Хевсурети, где, как показал В. М. Шамиладзе, особое внимание уделяется покосам (заготовка корма для длительного стойлового содержания скота), «ведущее место занимало скотоводство»³⁶. В свою очередь подвижные формы, в которых скотоводство чаще бывает «главным, хотя и не единственным занятием»³⁷ (это отмечено, например, для горной Грузии, Северного Кавказа, высокогорного Дагестана и др.³⁸), могут бытовать в районах, где преобладает земледелие. Например, самое большое селение Дагестана — Губден, характеризующееся развитым отгонным овцеводством (по сведениям информаторов, к концу XIX в. здесь было более 100 тыс. овец), являлось одним из крупнейших земледельческих центров региона, одной из его житниц. В этом селении было больше пахотных угодий, чем в любом из горных округов — Даргинском, Аварском, Гунибском, Андийском, Самурском, Казикумухском³⁹.

Следовательно, при подвижном скотоводстве возможно преобладание и скотоводства, и земледелия, а стойловое скотоводство не всегда является подсобным по отношению к земледелию занятием; поэтому для земледельческо-скотоводческого хозяйства правильнее, на наш взгляд, употреблять термин «скотоводство оседлых земледельцев» (а не «стойловое скотоводство»).

Возвращаясь к равнинным типам скотоводства, укажем еще на один — кочевой (характерен скорее для степей). Он сочетает два подвида — таборно-кибитковый и циклически-зимниковый — и представляет единый и ведущий тип хозяйства, т. е., по терминологии Ю. И. Семенова, является «способом хозяйства»⁴⁰. В рамках кочевого типа к концу века складывается полукочевой подтип, признаками которого были за-

³⁴ Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — *Вопр. истории*, 1966, № 8, с. 94—95.

³⁵ Полевые материалы автора. Хранятся в Рукописном фонде Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР.

³⁶ Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии, с. 91.

³⁷ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество, с. 92.

³⁸ Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии, с. 95, 258—266; Хашиев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959, с. 55; *Его же*. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 93; Народы Кавказа (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 106, 244, 349, 530, 538, 547 и др.

³⁹ Эти сведения см.: Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, с. 128, 129, 132, 133, 140, 141, 154, 155, 160, 161, 210, 211.

⁴⁰ Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества, с. 52.

чатки земледелия у зимников, временная оседлость (сезон, часть сезона), частичная оседлость (части населения). Кочевой тип несложно соотносить с образом жизни и ХКТ; поскольку мы имеем дело со «способом хозяйства», т. е. безраздельно господствующей одной отраслью — кочевой, то и образ жизни — кочевой, а ХКТ — кочевников-скотоводов.

В предгорной зоне преобладающим был, как и на равнине, выгонно-стойловый тип, но здесь он выражен слабее. Менее развиты были также шалашная и хуторская формы. Распространены яйлажная (особенно отгон рабочего скота и МРС) и в меньшей степени кышлажная ФС. Последняя в соединении с яйлажной образует трансюманс. Из 41 типа, бытовавшего в 20 владениях и союзах обществ предгорья, 20 типов — выгонно-стойловые. В этих 20 владениях 18 раз отмечен трансюманс (но преобладал он только в двух случаях).

В горной зоне, где скотоводческое хозяйство было хорошо развито, представлены выгонная и стойловая, хуторская и яйлажная формы со всеми подвидами, кышлажная с подвидами осенне-зимним и весенним.

Формы выгонная и стойловая с хуторской и яйлажной образуют внутриальпийский тип, яйлажная и кышлажная — трансюманс. Скотоводство являлось здесь ведущей отраслью экономики, хотя основным занятием населения было земледелие. Поэтому ХКТ горных скотоводов правильнее назвать ХКТ земледельцев и скотоводов.

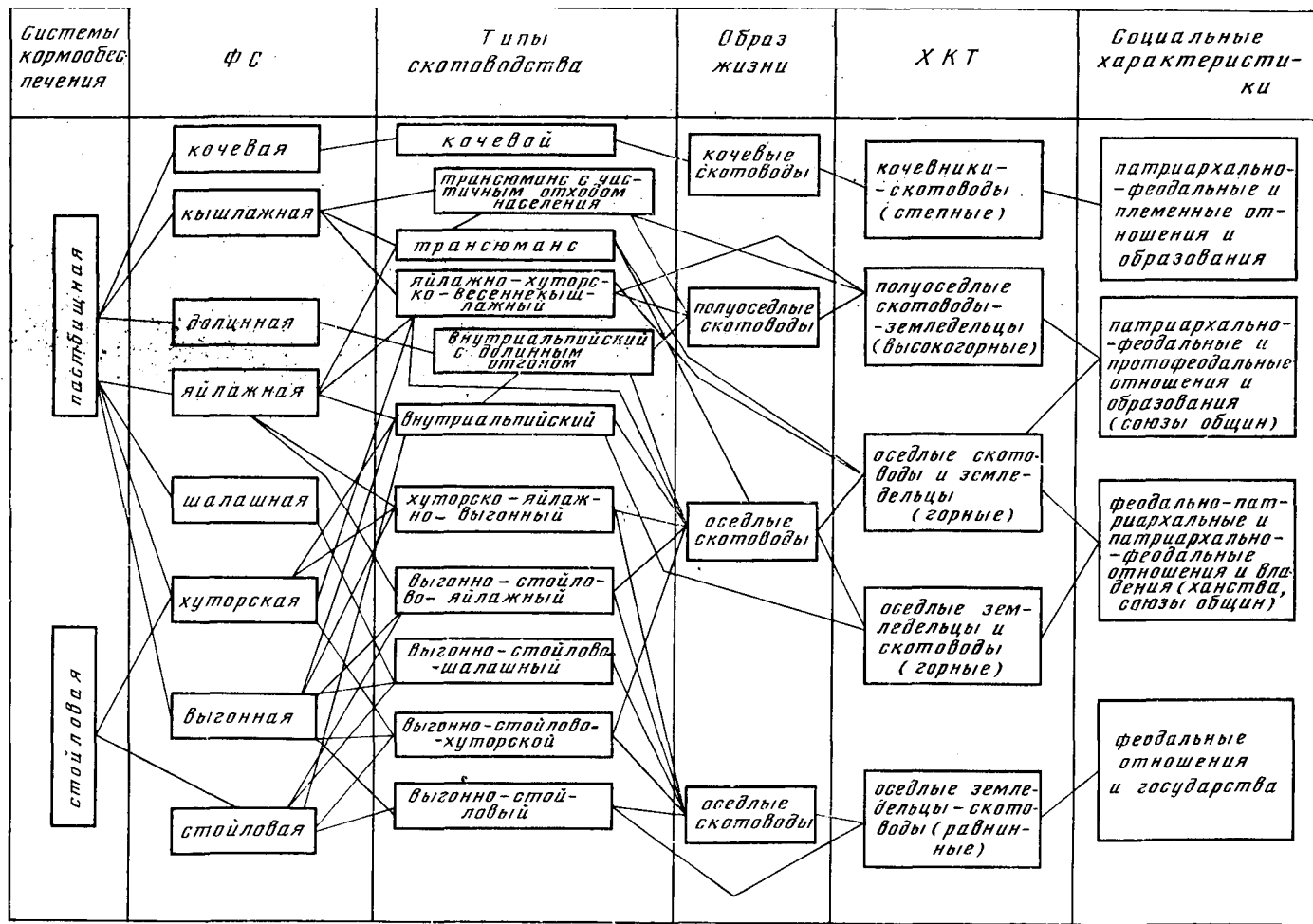
В горно-долинной подзоне земледелие (с садоводством) имело больший удельный вес, чем скотоводство, и соответственно здесь возрастает роль ФС выгонной, стойловой и яйлажного отгона рабочего скота. Меньше распространены отгон дойного скота (яйлажный хутор) и весенне-кышлажный отгон. Стационарность в этой подзоне более выражена. ХКТ следует, на наш взгляд, назвать ХКТ земледельцев-скотоводов. Из 49 типов скотоводства, зафиксированных в 24 владениях и союзах обществ, 19 представляли внутриальпийский тип (в том числе 3 с весенне-кышлажным отгоном КРС и 1 с долинным отгоном), 14 — трансюманс, 11 — яйлажно-хуторско-весенне-кышлажный и 5 — выгонно-стойловый типы.

В высокогорной зоне помимо ФС, бытующих в горной зоне, распространен еще кышлажный отгон с частичным отходом населения. Стойлово-выгонное содержание животных выражено слабо; развита яйлажная форма (особенно МРС и дойного скота), значительное место занимает весенний отгон. В целом преобладают подвижные формы и типы, на первый план выступает трансюманс с отходом населения и внутриальпийский тип (в том числе с долинным отгоном). Соответственно образ жизни характеризуется как оседлый и полуоседлый, а ХКТ — полуоседлых и оседлых скотоводов-земледельцев. Из 90 типов скотоводства, зафиксированных в 40 союзах обществ, 40 составляют внутриальпийский тип (в том числе 5 с долинным отгоном), 25 — трансюманс с частичным отходом населения, 18 — яйлажно-хуторско-весенне-кышлажный, 7 — трансюманс. Преобладающими были трансюманс с отходом населения (в 20 союзах), внутриальпийский (в 16 союзах) и яйлажно-хуторско-весенне-кышлажный тип (в 4 союзах).

Население выделенных зон различалось по уровню социально-экономического развития. Естественно, население, характеризующееся более высоким уровнем развития, оказывало, как правило, значительное влияние на соседей. Г. Е. Марков писал, что общественные отношения скотоводов определяются «социальным строем их соседей-земледельцев»⁴¹. Отметим, что эта «определяемость» носит нередко косвенный, замаскированный характер⁴². Кроме того, у земледельцев может и не быть «соседей-скотоводов», так как оседлое население является земледельческо-

⁴¹ Марков Г. Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства в кочевничестве, с. 86.

⁴² Ср.: Османов М. О. О некоторых видах феодальной эксплуатации, связанных с формами скотоводства. — В кн.: Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Регион. науч. конф. Тез. докл. Махачкала, 1980, с. 50—52.

скотоводческим, и оно само — земледельцы и скотоводы; подвижные же ФС бывают и у земледельцев, которые в этом случае сами оказываются оседлыми земледельцами и подвижными скотоводами.

В заключение попытаемся представить нашу классификацию графически. В схеме слева направо отражено движение от систем и форм к типам скотоводства, от низшего уровня классификации к высшему; сверху вниз — уменьшение подвижности скотоводства от кочевого к стойловому. В сложно-составных определениях последовательность расположения терминов отражает уменьшение бытования обозначенных ими феноменов.

В. Б. Ковалевская

ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ В ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Древние жилища балкарцев и карачаевцев, традиции домостроительства у этих народов в последние годы стали предметом пристального изучения в ряде историко-архитектурных и этнографических работ¹. В результате мы получили представление о типах жилых усадеб, особенностях организации внутреннего пространства жилищ и степени его дифференцированности, плановых и композиционных решениях, тенденциях в развитии жилища в горизонтальной плоскости, от строительных приемах, излюбленных материалах и т. д. Однако предпринятые попытки рассмотрения домостроительных традиций карачаевцев и балкарцев в исторической перспективе были ограничены неполнотой археологических материалов, документирующих различные, и прежде всего ранние исторические периоды.

Раскопки автора в 1977—1980 гг.² в зоне Кисловодского регулирующего водохранилища на Эшкаконе в Малом Карачае, а еще ранее — в окрестностях Кисловодска средневековых поселений заставили пересмотреть вопрос о древних корнях местных домостроительных традиций. Было раскопано древнее поселение эпохи бронзы и раннего железа, занимающее холм конуса выноса и надпойменную террасу при слиянии речки Уллубаганалы с Эшкаконом. В процессе раскопок здесь было открыто несколько археологических памятников, сменивших друг друга. К древнекобанской культуре (IX?) VIII—VII вв. до н. э. относится небольшое (350—400 м²) поселение, состоявшее первоначально из одного большого дома (60—70 м²), после разрушения которого несколько южнее была сооружена усадьба (около 100 м²) из двух жилых домов и двух дворов — крытого и открытого загона. В непосредственной близости от разрушенного временем и оставленного людьми дома-поселка, к западу

¹ Бернштейн Э. Б. Народная архитектура балкарского жилища. — Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик; Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960, с. 186—217; Кобычев В. П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. — Кавказский этнографический сборник (далее КЭС). В. М.: Наука, 1972, с. 157—167; Текеев К. М. Жилища карачаевцев в XIX в. — Вестн. Кабардино-Балк. НИИ. В. В. Нальчик: Эльбрус, 1972, с. 72—90; Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев (вторая половина XIX в. — 40-е годы XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1976; Поляшова-Курянцева О. П. Архитектурная традиция карачаевцев. — Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 121—151; Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

² Ковалевская В. Б. Разведки и раскопки на р. Эшкаконе. — Археологические открытия (далее — АО), 1977. М.: Наука, 1978, с. 122—123; *ее же*. Новейшие раскопки поселения поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкесии. — IX Крупновские чтения (тезисы). Элиста, 1979, с. 25—27; Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. О работах Малокарачевского отряда. — АО, 1978. М. Наука, 1979, с. 128—129; Ковалевская В. Б. О работе Малокарачевского отряда. — АО, 1979. М.: Наука, 1980, с. 111—112.

т него, а частично заходя на его территорию, находился могильник II—VI вв. до н. э. (площадью в 350 м²). К северу, к востоку и югу от могильника располагалось одновременное ему поселение кобанской культуры VII—VI вв. до н. э.³, перекрывавшее поселение VIII—VII вв. до н. э. и занимавшее площадь в несколько тысяч квадратных метров. Судя по найденным вещам и многочисленному керамическому материалу, оба рассматриваемых поселения кобанской культуры резко различаются между собой. Достаточно сказать, что в раннем поселении преобладали только костяные и бронзовые находки (орудия труда, оружие, украшения), а в позднем — железные и костяные. Оба поселения могильник расположены на мысу, там, где ущелье заметно расширяется за счет конуса выноса равного притока Эшкакона, реки Уллубаганалы и защищено с севера горным шпилем с небольшой ровной площадкой наверху, ополнительно по периметру укрепленной каменной кладкой без крепящего раствора. Очевидно, эту «циклопическую» крепость можно считать убежищем для древних кобанцев, живших около реки. Мыс, на котором располагаются оба поселения, находится на высоте 1050 м над уровнем моря. Легкая наклонная поверхность мыса переходит в крутые (40—50°) лесистые склоны, по которым проходит достаточно широкая грунтовая дорога, выводящая из ущелья на альпийские пастбища (перепад высот здесь составляет более 500 м); другая дорога (вдоль Эшкакона) идет вверх по ущелью.

Поселок древнекобанской культуры вначале состоял из одного большого углубленного в землю помещения № 2, для сооружения которого был вырыт котлован, ориентированный примерно по сторонам света, глубиной около полуметра, площадью в 60—70 м². По внутренним краям котлована на материке обнаружены остатки стен из горизонтально положенных, не скрепленных раствором плит известняка и розового гранита. В центре по линии север — юг в материке две ямы от опорных столбов для перекрытий диаметром 0,18—0,20 м. Примерно в 2 м от них к востоку — три менее глубоких и меньшего диаметра столбовые ямы, окруженные вымосткой из речных камней. Возможно, они членили перегородками на несколько небольших отсеков восточную, жилую часть помещения. От первого этапа существования жилища № 2 остался культурный слой, мощностью в 0,15—0,20 м, слабо насыщенный керамикой и не содержащий никаких данных о членении дома ни конструктивно, ни функционально. При дальнейшем усовершенствовании жилища по его периметру вдоль стен были тщательно уложены плотно пригнанные

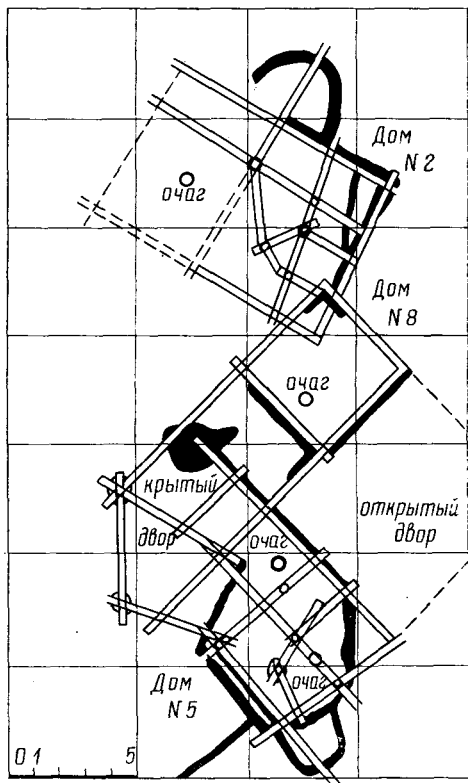

Рис. 1. Схема расположения жилых и хозяйственных помещений древнекобанского поселения Уллубаганалы (заливкой указаны стены помещений, линиями реконструированные балки кровельных перекрытий)

³ Ковалевская В. Б. Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. (Материальная и духовная культура. В. 2). Черкесск, 1983, с. 18—34.

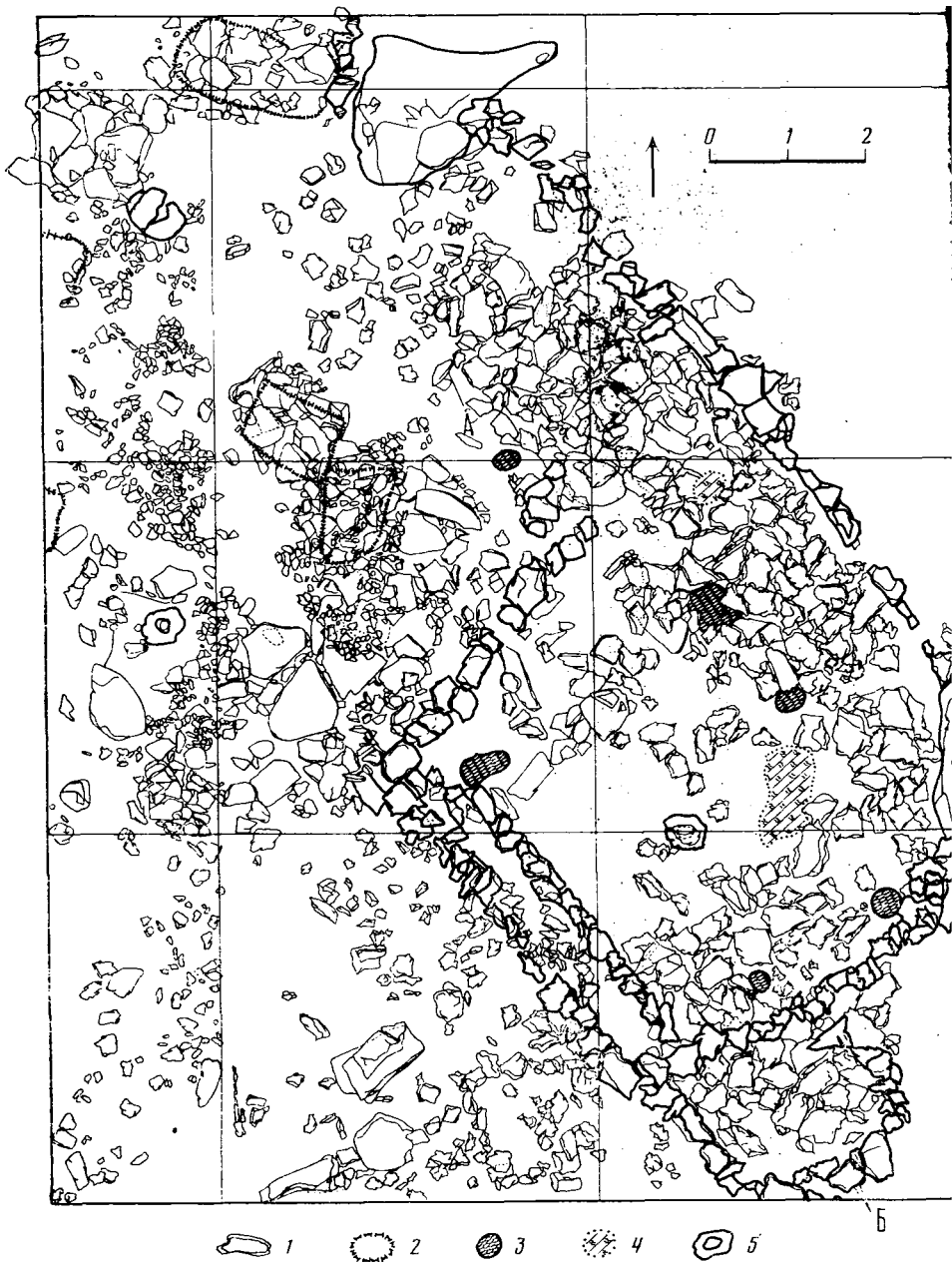

Рис. 2. План помещения № 5 (жилая часть и крытый двор) древнекобанского поселения Уллубаганалы: 1 — камни и скальные обломки, —2— погребения VII—VI вв. до н. э., 3 — столбовые ямы, 4 — очаги, 5 — чашечные камни, АВ — линия разреза

между собой плиты, направление которых совпадает с направлением стен. Их можно трактовать как каменные нары жилой части помещения, имеющие ширину в 1,5—2,0 м. На этих слабо возвышавшихся (на 0,10—0,15 м) каменных нарах могли быть положены шкуры или сено, аналогично тому, как описывал турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби: «на постелях бедняков постлана (сухая) трава. Подушки сделаны из бараньих шкур. Дома, которые принадлежат мирзам, в этой стране украшены чистыми циновками, войлоками и ткаными коврами»⁴. В центральном помещении, в восточной его части, пол был вымощен камнем (жилая зона), в западной — земляной (хозяйственная зона). Здесь находился глинобитный очаг, около которого найдены три целых сосуда

⁴ Челеби Э. Книга путешествия. В. 2. М.: Наука, 1979.

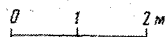
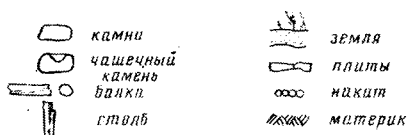
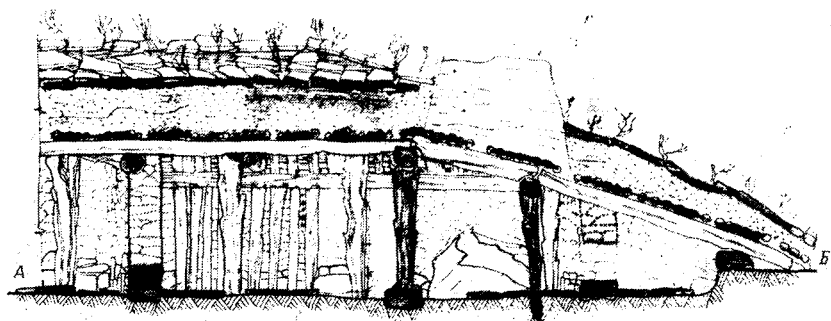

Рис. 3. Разрез и реконструкция помещения № 5

Можно предположить, что три столба, параллельные восточной стене, — это остатки перегородки, отделявшей спальную ($6,6 \times 8 \text{ м}^2$) часть, в свою очередь разделенную перегородками на три небольших камеры (площадью $4,5 \text{ м}^2$, $2,2$ и 4 м^2), от основного помещения. В порядке гипотезы можно предположить, что камеры — это спальные места трех входивших в состав большой семьи супружеских пар. После сооружения вымостки пола был воздвигнут второй ряд кладки у восточной стены, сохранившейся на 2—3 ряда по высоте и состоящей из горизонтально лежащих или поставленных на торец известняковых плит. Интересной конструктивной особенностью дома является наличие хозяйственного помещения, пристроенного к нему с севера. У восточного угла северной стены в кладку вставлен выступающий наружу крупный, грубо обработанный блок известняка. Им начинается каменная кладка подковообразной формы, которая ограничивает небольшую пристройку к дому с наклонным полом, расположенным на 50 см выше, чем пол помещения № 2.

Следующим строительным горизонтом поселения VIII—VII вв. до н. э. надо считать два помещения (№ 5 и 8), первое из которых идентично рассмотренному выше и отстоит от него к югу на 5 м. Жилище углублено в землю на 80 см. Его жилая часть имеет форму квадрата со скошенным юго-восточным углом площадью в $35\text{—}40 \text{ м}^2$, ориентировано оно углами по сторонам света. Как и в помещении № 2 первого строительного горизонта, к южному углу снаружи было пристроено небольшое помещение с полом, выложенным аккуратными крупными плитами. В центральной части жилища пол земляной, местами из мелкой щебенки, по периметру выложен крупными каменными плитами. По расположению столбов можно предполагать, что в восточной части жилища перегородками было выделено несколько камер. В центральной части дома на полу, рядом с открытым очагом, находился чашечный камень. Вполне вероятно, что чашечный камень, вкопанный в землю (вес его около полутонны) в центре помещения, служил опорой для центрального столба⁵. Этим же целям служили расположенные вне жилого помещения два чашечных камня (расстояние между ними 5 м), каждый из которых оказался на одной из линий опорных столбов жилища № 5 (северный на основной, южный — на линии стены и двух столбов второй линии). Эти чашечные камни являлись базой фасадных столбов-ворот крытого

⁵ Центральный столб был священным центром дома. См. Кобычев В. П. Поселения жилище..., с. 140—141.

двора. Пол во дворе земляной, покрыт щебенкой в западной части и аккуратно вымощен крупными плитами вдоль северо-восточной и фасадной, северо-западной стен помещения.

Стены имели различную конструкцию. Особый интерес представляет юго-западная стена, состоящая из двух рядов каменной кладки. От первого, кладка которого начинается со дна основного жилого котлована, сохранилось 2—4 ряда. За ним находится заполненное землей пространство в 40—60 см (здесь найдена керамика VIII—VII вв. до н. э.). Второй ряд состоит из более крупных камней, начинающихся на 20 см выше первого. Общая ширина юго-западной стены составляет 120 см; если вспомнить, что это внешняя стена, можно допустить, что она выполняла определенные оборонительные функции. В культурном слое наряду с многочисленной керамикой (десятки тысяч фрагментов) найдены бронзовые мотыжки, имеющие ближайшие аналогии в комплексах VIII—VII вв. до н. э. из Закавказья⁶ и до этих находок неизвестные на Северном Кавказе.

Помещения № 5 и 8 находятся в одном строительном горизонте и составляют одну усадьбу, которая на северном участке перекрывает разрушенные стены помещения № 2, подтверждая более древний возраст последнего.

Помещение № 8 имеет квадратную форму (42—45 м²), оно незначительно углублено в землю и углами ориентировано строго по сторонам света. Пол помещения — земляной, в южном углу — открытый глинобитный очаг. Культурный слой в жилище насыщен костями и керамикой и датируется теми же VIII—VII вв. до н. э. «Водосток», начинающийся внутри помещения, возможно, свидетельствует в пользу производственного или хозяйственного назначения этого помещения.

Для целей нашего дальнейшего исследования — сопоставления деталей домостроительства VIII—VII вв. до н. э., выявленных нами при раскопках и обобщенных материалов по архаическим жилищам карачаевцев и балкарцев достаточно приведенных выше описаний домов и усадьбы двух строительных горизонтов поселения VIII—VII вв. до н. э., так как именно этот материал послужит нам отправной точкой в наших построениях и реконструкциях.

Ряд сходных черт древнего кобанского и архаического карачаевского и балкарского жилища можно объяснить влиянием окружающей среды («культурная идиоадаптация») и полагать, что они могли возникнуть самостоятельно — выбор места для жилищ на освещенных солнцем склонах ущелий, у родников и скотопрогонных троп, использование камня и дерева. Но, кроме того, в традициях домостроительства прослеживается ряд специфических признаков, ареал которых ограничивается территорией от верховьев Кубани до верховьев Терека, а время — от кобанских древностей до домов карачаевцев, балкарцев и осетин недавнего прошлого, что, безусловно, говорит о культурной преемственности древнего и позднего местного населения.

Перечислим все те общие или частные признаки исследуемого жилища, которые связывают между собой столь отдаленные эпохи. Вспомним, что этой теме — культурной преемственности — были посвящены как специальные работы, так и обобщающие монографии. Исследователи сумели проследить в жилище преемственность элементов культуры от кобанской через средневековую аланскую вплоть до недавнего прошлого стиль зооморфных изображений, использование для захоронения каменных ящиков, грунтовых могил, обложенных и перекрытых камнем, отдельные типы керамики, способы ее орнаментации и оформления внешней поверхности, бронзовые амулеты и т. д.⁷

⁶ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969, табл. XXXVI, 22—26, XXXVII, 2—6.

⁷ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971, с. 96—97.

Рис. 4а, б. Интерьер и внешний вид помещения № 5 (реконструкция автора статьи и арх. А. Петуховой)

В результате исследования «кобанского наследия» в ранне- и позднесредневековой культуре горцев Кавказа В. М. Батчаев пришел к следующему выводу: «В количественном отношении древние формы представлены не отдельными спорадическими элементами, а комплексом элементов, составляющих первооснову раннесредневековой культуры горцев», охватывающих «по существу все структурные компоненты раннесредневековой культуры...»⁸. Но данные по древнекобанским жилищам для предгорной и горной полосы до недавнего времени отсутствовали. В обобщающих работах по жилищу народов Северного Кавказа⁹ в качестве наиболее ранних аналогий могли использоваться лишь позднесредневековые материалы по балкарцам, а также немногочисленные, часто не опубликованные данные из раскопок аланских поселений.

Постараемся заполнить этот пробел. Начнем с выбора места. Замкнутое ущелье с обилием родников, хорошими почвами в долине для занятия земледелием и прекрасными альпийскими пастбищами на плос-

⁸ Батчаев В. М. Элементы кобанской культуры в средневековой материальной культуре Северного Кавказа: Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1973, с. 14—15.

⁹ Кобычев В. П. Поселения и жилище..., с. 7—22.

горьке по водоразделам, прогреваемый солнцем мыс при слиянии Эшкакона и Уллубаганалы, загороженный от ветров, были для древнего населения удобным местом для жизни человеческого коллектива. Подступы к поселению со всех сторон хорошо просматривались. Малый размер поселка (один большой однокамерный дом первого строительного горизонта VIII—VII вв. до н. э.), усадьба с крытым двором в сочетании с однокамерным домом и загоном для скота второго строительного горизонта того же времени и уже относительно большая площадь поселения VII—VI вв. до н. э. находят параллели в этнографических материалах прошлого века из горных и равнинных районов Северного Кавказа¹⁰. Квадратная (помещение № 2,8 VIII—VII вв. до н. э., большинство домов VII—VI вв. до н. э.) и многоугольная (помещение № 5) форма жилища, как наиболее архаичная у балкарцев¹¹ и карачаевцев¹², а также и большие размеры, и однокамерность¹³ присущи композиционно-планировочному построению древнекобанских жилищ. Но их сходство обнаруживается и в другом. Древние жилища VIII—VII вв. до н. э. врезаны в склон или сооружены в углубленном котловане, когда в качестве одной из стен используется скальный монолит, очевидно искусственно подправленный древними мастерами для придания стене вертикальности. Подобное можно видеть и при сооружении балкарских (дом Тану Оттоева)¹⁴ и карачаевских домов¹⁵ XVIII—XIX вв.

Конструкция стен (1—1,2 м толщиной), состоящих из плотно пригнанных необработанных камней, положенных без раствора, частично горизонтально, частично торцом, более крупных в нижних рядах и меньших выше, отражает опять-таки специфику жилищ северокавказских горцев — стены не являются основным несущим элементом конструкции¹⁶.

Наличие центральных опорных столбов (одного или двух на расстоянии 1,5—2,0 м), использование плоских камней, положенных в глубь столбовых ям, — вот те специфические признаки, которые объединяют формы жилищ с временным разрывом в две с половиной тысячи лет¹⁷. Эти аналогии позволяют нам предложить реконструкцию исследованного на Эшкаконе жилища. Кровли на них, очевидно, были пологими, двускатными, опирающимися на центральные и боковые опорные столбы и, в меньшей мере, на стены. Покрытия соорудили из бревенчатого наката и земляного перекрытия (возможно, с применением каменных плит, что прослеживалось при раскопках помещения № 2). Столбы, как свидетельствуют указанные этнографические параллели, могли быть из стволов деревьев, поставленных комлем вверх, с коротко обрубленными ветвями. Высота жилища вряд ли намного превышала человеческий рост¹⁸. Отмеченные выше однокамерность жилища, наличие жилой и хозяйственной зон, разделение жилой зоны на ряд отсеков опять-таки имеют аналогии в архаичных однокамерных домах карачаевцев, балкарцев и других народов Северного Кавказа¹⁹.

В жилищах кобанцев очаг был расположен в центральной части дома между столбами (помещение № 2) или несколько смещен к стене (помещение № 5, 8), что отражает тенденцию расположения очага в карачаевских и балкарских домах XIX — начала XX в. В VIII—VII вв. до н. э. — это открытый очаг на прокаленной глинобитной площадке овальной формы, имеющей поперечник около 0,70—0,80 м. В VII—VI вв. до н. э. очаг обрамляют три аккуратных, поставленных на ребро плиты,

¹⁰ Кобычев В. П. Поселения и жилище..., с. 25.

¹¹ Бернштейн Э. Б. Указ. раб. с. 196.

¹² Текеев К. М. Указ. раб., с. 74—77; Поляшова-Куранцева О. П. Указ. раб., с. 122—123.

¹³ Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 72.

¹⁴ Бернштейн Э. Б. Указ. раб., с. 193, 205.

¹⁵ Поляшова-Куранцева О. П. Указ. раб., с. 132.

¹⁶ Бернштейн Э. Б. Указ. раб., с. 207—208; Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 39.

¹⁷ Текеев К. М. Указ. раб., с. 79; Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 40—70; Поляшова-Куранцева О. П. Указ. раб., с. 135.

¹⁸ Текеев К. М. Указ. раб., с. 80; Кобычев В. П. Типы жилища..., с. 169.

¹⁹ Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 73.

что также хорошо известно в карачевско-балкарском быту²⁰. Иногда в помещении (№ 5) был небольшой второй очаг у входа, служивший для дополнительного обогрева. Земляной пол в хозяйственной зоне дома, каменная вымостка-лежанка по периметру стен, хозяйственный угол (западный, правый от входа угол помещения № 5, отгороженный камнями) дают представление о внутреннем устройстве жилища. Особо интересны небольшие (3,0—4,0 м²) пристройки (северная по отношению к дому № 2 и южная, справа от входа, — к дому № 5), имеющие общую стену с центральным помещением. Пол в этих пристройках находится на том же уровне, что в доме № 5 или выше (дом № 2). В данном случае мы имеем аналогию тому типу карачевского дома, который К. М. Текеев выделяет как «терткюл», состоящий из основного жилого помещения «юй» («улла юй») и кладовой «гъезень»²¹. Очень похожа по размеру, расположению и конфигурации эта пристройка на такую же пристройку в дарбази, экспонируемом в Тбилиси в Музее под открытым небом и трактуемым как помещение для новобрачных. Анализируя соответствующие термины адыгского языка можно придти к выводу, что название с комнаты для новобрачных «лэгъунэ» перенесено на кладовую (а не наоборот ли?)²². При этом дается дополнительная описательная характеристика, подчеркивающая как размеры («маленькая»), так и местоположение по сравнению с основным помещением («конечная») и характер ее («отделение»). Интересно, что все эти характеристики могут быть применены к пристройкам в кобанских домах VIII—VII вв. до н. э. Кладовая — помещение для хозяйственных запасов по этнографическим параллелям находилась в правой (как и в доме № 5), наиболее почетной стороне дома и в непосредственной близости от очага²³. Аналогии найдены также такому конструктивному приему, как последовательность в сооружении кладовой. Сначала это помещение делали в единстве с основным — стена помещения кладовой и пол, аккуратно вымощенный плитами, были непосредственным продолжением пола и стен дома (см. план дома № 5). Лишь после завершения стройки воздвигалась стена, отгораживавшая кладовую²⁴. Необходимость кладовой внутри помещения под общей крышей с домом определялась отсутствием хозяйственных ям, которые были найдены при археологических раскопках поселений кобанской культуры на территории Осетии²⁵ и Чечено-Ингушетии²⁶, а также в слоях VII—VI вв. до н. э. на поселениях Уллубаганалы на Эшкаконе. Только с помощью этнографических данных оказалось возможным понять конфигурацию и назначение северной части помещения № 5 (VIII—VII вв. до н. э.), имевшей каменную вымостку, непосредственно продолжавшую вымостку пола основной части помещения. Это большой крытый двор. Вход в него был оформлен двумя столбами, базами которых служили чашечные камни.

Отдельно расположен небольшой дом (№ 8), находящийся в непосредственной близости, также ориентированный и выявленный в том же строительном горизонте. Он может быть и жилищем выделившейся семьи женатого сына, и специальным помещением для каких-то производственных целей (о чем говорит наличие водостока). К сожалению, худшая сохранность по сравнению с помещением № 5 не позволяет оценить его специфику с необходимой определенностью.

Оба эти дома были объединены в квадратную в плане усадьбу, состоящую из крытого двора, основного жилого помещения (№ 5) с цент-

²⁰ Бернштейн Э. Б. Указ. раб., с. 202.

²¹ Текеев К. М. Указ. раб., с. 76.

²² Калмыков М. Х. О некоторых терминах, характеризующих развитие жилого дома и становление моногамной семьи у адыгейских народов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов). Археолого-этнографический сборник. В. 1. Нальчик: Эльбрус, 1974.

²³ Кобычев В. П. Поселения и жилище..., с. 140, 142.

²⁴ Текеев К. М. Указ. раб., с. 85.

²⁵ Деоник Д. В., Крупнов Е. И. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии.— Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, I. Орджоникидзе, 1961.

²⁶ Козенкова В. И. Кобанская культура (восточный вариант). М.: Наука, 1977, с. 13.

ральным и дополнительным очагами, кладовой в правом заднем углу, открытым двором-загоном и вторым помещением (№ 8).

Обращаясь к материалам эпохи средневековья, мы попытаемся проследить механизм динамики культурной традиции в домостроительстве, поставить вопрос о характере баланса с географической средой, о выработке адаптации к ней, о выборе экологической ниши, о степени устойчивости и жесткости стереотипа, проявляющегося в домостроительстве в различные периоды, способности к модификациям, темпах обновления и закрепления традиций, характере проявления инноваций. Сложность заключается в том, что в нашем распоряжении имеются материалы начального и конечного состояния культурной традиции в домостроительстве, разделенные почти тремя тысячелетиями, и отсутствует непосредственная коммуникативная цепочка, связывающая их²⁷. Правда, для ряда поворотных моментов мы имеем отдельные вехи, но, в отличие от VIII—VII вв. до н. э., материал по эпохе раннего и позднего средневековья у нас гораздо более отрывочный и неполный.

К сожалению, немногочисленность и неполнота фактического материала не позволяют нам применять количественные методы. Нам остается только исходить из того, что за единичными фактами стоят закономерности, поскольку при археологических исследованиях мы сталкиваемся, как правило, с многократным процессом усреднения. При достаточно случайном выборе памятника, а затем расположения раскопок на нем, мы с большей вероятностью попадаем на репрезентативную выборку, получая приближающиеся к средним показатели²⁸. Прежде всего, на основании сравнения жилого домостроительства двух строительных горизонтов VIII—VII вв. до н. э. поселения, рассмотренного нами, можно оценить «коэффициент актуализации»²⁹. К сожалению, мы ничего не можем сказать о том, как долго складывался каждый из приемов домостроительства, нашедший свое воплощение в доме № 2. Но, если по всей сумме признаков, причем не общих, а специфических, мы сопоставим дом № 2 с домом № 5, то должны будем отметить максимальную актуализацию культурного наследия: и в характере организации пространства, в ориентировке жилища, размерах, степени углубления в землю, конструкции, выделении кладового помещения, особенностях сооружения стен, пола, расположения опорных столбов, типов очага и т. д. Репродуцирующее начало настолько сильно, т. е. дома настолько повторяются в своих деталях, что можно было бы применить выражение «абсолютно консервативная культура» (коэффициент актуализации здесь приближается к 1), если б это не несло в себе определенной аксиологической характеристики. Эта стереотипность помогает при недостаточной полноте материала понять некоторые детали, которые иначе не попали бы в поле нашего зрения. Так, например, реконструкция крытого двора (или теневых навесов) в помещении № 5, где естественные скальные обломки и чашечные камни использовались в качестве опор (базы колонн) или деталей стен, позволяет предположить наличие теневого навеса или крытого двора и для помещения № 2 на основании расположения крупных скальных обломков, идущих параллельно оси дома № 2 двумя рядами, в 3—5 м к западу от него. В поселке конца VII—VI в. до н. э. при заметном изменении в ряде компонентов той же кобанской археологической культуры (именно в это время в короткие

²⁷ В этноархеологических параллелях, о которых выше шла речь, мы можем видеть не «прерывающиеся модели», как их называет Р. Гульд (discontinuity models), а continuous models, использующиеся в тех ситуациях, когда живущие этнографические общества, на которых базируются модели, преемственно связаны с доисторическими культурами. Ситуации более редкие, но дающие более высокий уровень вероятности в интерпретациях. См. Gould R. A. Some Current Problems in Ethnoarchaeology in *Experimental Archaeology*, 1977, p. 372.

²⁸ Ковалевская (Деопик) В. Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала.— *Археология и естественные науки*. М.: Наука 1965, с. 291—292.

²⁹ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции.— *СЭ*, 1981, № 2, с. 87.

роки произошел переход от бронзы к железу) в домостроительстве сохраняются ряд культурных традиций, поскольку они ориентируются на устойчивые стабильные свойства среды (характер конструкции стен, юлов). В жилище конца VII—VI в. до н. э. наглядно видны и инновации: появление наземных жилищ, каменных очагов, углубленных в землю хозяйственных ям, исчезновение внутренних кладовых, уменьшение общих размеров жилищ при увеличении их количества в поселении, отсутствие крытых дворов, изменение проксемики и т. д. Правда, сохранность домов этого периода настолько хуже по сравнению с домами III—VII вв. до н. э., что число деталей для сопоставления жилищ двух периодов существования кобанской культуры ограничено. Отсутствие археологических данных по позднекобанскому, сарматскому и аланскому времени не позволяет нам привести какие-либо убедительные материалы по домостроительству вплоть до VI—VII вв. н. э., но следует отметить, что для аланских крепостей этого времени характерна иная строительная традиция, не связанная с традициями древнего домостроительства. Объясняется это прежде всего социально-экономическими причинами — разным уровнем и хозяйственным укладом племен кобанской и аланской культур. Аланы выбирали себе иную экологическую нишу, чем кобанцы³⁰. Они селились не на надпойменных террасах, в долинах, где имелись все условия для занятия земледелием, а занимали скальные выходы на верхних точках плоскогорий, удобных для скотоводства. Не укрепленные кобанские поселки сменялись аланскими крепостями с аменной сплошной застройкой, небольшими прямоугольными помещениями гарнизонного типа с боевыми башнями за крепостными стенами³¹. В VII—VIII вв. часть, а может, и большинство крепостей было захвачено болгарами. Археологические материалы этих поселений свидетельствуют о первом появлении тюркского элемента в предгорьях и горах Карачая и района Кавказских Минеральных Вод: аланская застройка разрушается, и на руинах аланской крепости, за ее высокими каменными стенами, как символ власти над окрестным населением сооружаются небольшие юрты с каменным³², углубленным основанием многоугольной (собственно, этим документируется возникновение такой традиции в домостроительстве карачаевцев, о которой писали исследователи³³) или округлой формы³⁴. Возрождение древней домостроительной традиции, воплотившейся в помещениях кобанской культуры VIII—VII вв. до н. э. (причем механизм этого процесса в настоящее время не документирован), происходит, собственно, только с XII—XIII вв. С этого времени непрерывное существование этой традиции прослеживается вплоть до XVII—XIX вв. Во время наших раскопок на обширном средневековом поселении вблизи Кисловодска³⁵ была выявлена серия очень стереотипных больших однокамерных с мощными каменными стенами домов XII—XIII вв. н. э. с несегментированным внутренним пространством и углубленной в стену печью-камином, типичной для карачаевского и балкарского жилища³⁶. Интересно, что примыкание домов друг к другу без внутренней двери³⁷ в сдвоенной общей стене (хотя и с общим

³⁰ Ковалевская В. Б. Северокавказские древности. Центральное Предкавказье. — Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981, с. 84—85.

³¹ Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии. АО, 1975. Л.: Наука, 1976, с. 125—126.

³² Ковалевская В. Б. О работе Средневекового отряда Ставропольской экспедиции. — АО, 1976. М.: Наука, 1977, с. 102—103.

³³ Федоров Я. А. Указ. раб., с. 224—225.

³⁴ По тем материалам, которые дошли до нас, неясно, имеем ли мы право называть их юртами или правильнее было бы называть их шатрами, полусферическими шаламами или чумами (Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии. — СЭ, 1976, № 4, с. 45—47).

³⁵ Ковалевская В. Б. Северный Кавказ в X—XIII вв. — Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 225, рис. 92.

³⁶ Кобычев В. П. О местоположении камин в традиционном жилище народов Северного Кавказа (к вопросу о методологии изучения народного жилища). — КЭС, VII. Л.: Наука, 1980, с. 84—96.

³⁷ Поляшова-Куранцева О. П. Указ. раб., с. 129.

дымоходом) находит объяснение в этнографии северокавказских горцев и вызвано обычаем «избегания».

В приведенных сопоставлениях я стремилась сохранить условие «единство места», географически ограничив этнографические сопоставления верховьями Кубани, реками Подкумком и Баксаном. Целый комплекс признаков³⁸ и легко сопоставимых черт в системе традиционного домостроительства, объединяющих древнекобанские жилища Эшкакона с балкарско-карачаевскими, позволяет по-новому оценить вклад местных кавказских племен в культуру современных карачаевцев и балкарцев, о чем уже шла речь в антропологических исследованиях³⁹.

Трудно переоценить продуктивность комплексного системного исследования, когда археологические материалы позволяют этнографу понять корни изучаемого им явления и увидеть его в исторической перспективе, а археолог путем сравнительно типологического и ретроспективного анализа сможет с помощью этнографических аналогий хоть частично восполнить неполноту раскопанных материалов. Но нельзя не пожалеть, что в поездках по Карачаю только в нескольких аулах — Учкулане, Хурзуке, Хасауте — мы можем еще увидеть вещественное воплощение тех древних традиций, которые нам удалось углубить на три тысячелетия по материалам раскопок последних лет на Эшкаконе.

³⁸ К сожалению, в этнографии не определилась еще жесткая иерархия признаков домостроительства с приданием веса каждой из их групп. *Османов М.-З. О. К вопросу о принципах классификации жилища.* — Уч. зап. Даг. фил. АН СССР. Т. 19. (Сер. общ. науки). Махачкала, 1969, с. 107—126.

³⁹ *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. — О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960, с. 312—328.

Б. А. Калоев

ПОЕЗДКА К ВЕНГЕРСКИМ ЯСАМ

Весной 1983 г. мне посчастливилось побывать в Венгрии и благодаря содействию венгерских этнографов совершить поездку в область Ясшаг, расположенную в 70 км восточнее Будапешта, на Большой Венгерской низменности. Здесь в 17 больших селах и множестве хуторов живут ясы — потомки переселившихся сюда в XIII в. части алан. Центром их административной, экономической и культурной жизни является г. Ясберень, один из значительных промышленно-аграрных городов Венгрии. Территорию области Ясшаг несколько раз пересекает р. Задьва, приток Тисы, вдоль течения которой располагаются многие яские селения в хутора. Административно Ясшаг входит в Сольнокский округ (центр г. Сольнок). Немало ясов проживает в соседних районах, населенных преимущественно кунами (потомки переселившихся вместе с аланами половцев-куманов) и во многих городах Венгрии. Ясы живут также в Румынии (с ними венгерские ясы до сих пор поддерживают родственные связи).

В настоящее время ясы считают себя венграми (мадьярами), однако они до сих пор помнят о своем происхождении и сохраняют древнее название — *яс*. Переселившись в Венгрию из южно-русских степей и с Северного Кавказа, ясы образовали область Ясшаг. Территория, заселенная пришедшими вместе с ясами кунами, делилась на Большие и Малые Куны. После изгнания турок с территории Малых Кунов (XVII в.) численность населения здесь резко сократилась и опустевшие земли ясы начали использовать под пастбища. Кроме того, в Малых Кунах они основали хутора, в которых жили постоянно. Известные нам

Рис. 1. Село Ясдож. На заднем плане р. Задва

письменные и археологические источники XIII в. характеризуют венгерских ясов (в отличие от кунов) как оседлое население¹.

Мои первые впечатления в Венгрии были связаны с этнографическими и сельскохозяйственными музеями Будапешта. Материалы, представленные в обширных экспозициях этих музеев, отражают самые различные стороны быта и культуры венгерских крестьян, в том числе ясов. Обращает на себя внимание, что многие яские традиционные сельскохозяйственные орудия (тяжелый плуг, бороны, орудия жатвы, молотьбы, веяния и др.), изделия промыслов и ремесел, домашняя утварь аналогичны или очень близки соответствующим предметам быта народов Северного Кавказа, в том числе осетин. Часть этнографических экспонатов в упомянутых музеях приобретена в селах Ясшага. Таков, например, низкий круглый столик на трех ножках, аналогичный осетинскому столику *рынг*. В аннотации к нему отмечено, что на таких столиках подавалась мамалыга. Как свидетельствуют материалы Венгерского историко-этнографического атласа, столики на трех ножках преобладают в Ясшаге, в других же местах Венгрии встречаются изредка.

В нескольких залах Этнографического музея разместились фотографии (их более 12 тыс.) венгерского этнографа Ш. Геняи, сделанные им в 1920—1940-х годах во многих районах страны, и в частности в Ясшаге. Представленные фотоматериалы отражают различные стороны быта венгерского села на протяжении нескольких десятилетий: жилые и хозяйственные постройки, хозяйственные занятия крестьян, одежду и т. п. На этих уникальных фотографиях мы видим обработку шерсти, изготовление войлочных шляп, производство сукна на горизонтальном ткацком станке — процессы, во многом аналогичные таким же у горцев Северного Кавказа. Кроме фотографий, Ш. Геняи сделал 100 короткометражных этнографических фильмов.

¹ В 1979 г. в районе с. Ясдожа были найдены остатки христианской церкви и предметы земледелия, датируемые XIII в. См. *Шелмеци Л.* Могильник ясов в местности Недьсаллаш. — *Communicationes Archeologicae Hungariae*, 1981 (на венгер. яз., резюме на русск. яз.).

Рис. 2. Современный ясский дом в г. Ясберень

Этнографическими экспонатами интересен также Сельскохозяйственный музей, размещенный в замке Вайдахуняд. В одном из залов его экспонируются образцы венгерских пахотных орудий XVI—XX вв., среди которых представлены и орудия народов Кавказа, различные предметы для обработки молочных продуктов (сыр, масло, творог и т. д.), прессы для выжимания сыворотки, деревянные маслобойки северокавказского типа, катки и др. В целом музейные экспозиции дают яркое представление не только о многообразии отраслей хозяйства крестьян Венгрии в прошлом, но и о тех коренных социалистических преобразованиях, которые произошли в них за годы народной власти.

Через несколько дней после осмотра музеев мы выехали из Будапешта сначала в г. Сольнок, а затем в г. Ясберень в сопровождении венгерского этнографа П. Вереша. В Сольноке нас гостеприимно встретил Л. Сабо, один из крупных этнографов Венгрии, много лет отдавший изучению ясов, автор монографии «Ясшаг» и многих других работ по этнографии ясов². Сейчас этот ученый заведует отделом этнографии окружного краеведческого музея. Вместе с ним работают его жена Е. Гуйяш и брат И. Сабо, авторы ряда статей и очерков по верованиям и вопросам социально-экономического развития венгров-ясов. В течение многих лет эти исследователи с большим увлечением изучают этнографию и историю ясов, ежегодно проводят полевые исследования в ясских селах, выявляют новые источники в архивах.

Весьма важны и результаты начавшихся в 1979 г. раскопок на территории расселения ясов, в частности изучение средневекового поселения в районе с. Ясдожа. Такая работа в Ясшаге в отличие от других районов Венгрии проводится впервые. Одним из крупных научных центров Венгрии является музей в г. Сольноке, имеющий свою хорошо налаженную издательскую базу и ведущий большую исследовательскую работу по многим отраслям науки и культуры. Как головное учреждение он координирует работу всех музеев округа, включая и музей г. Ясберень, куда мы переехали из Сольнока. В этой поездке по яским селам нас сопровождал Л. Сабо, благодаря которому мы имели возможность общаться со многими знатоками яского быта — по происхождению ясами — и ос-

² Szabo L. Jasz sag. Gondolat, 1982; A jazs Etnikai Csoport. Szolnok, 1979.

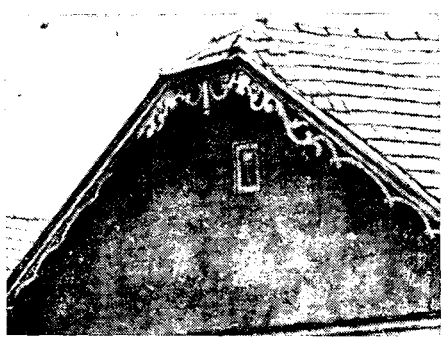
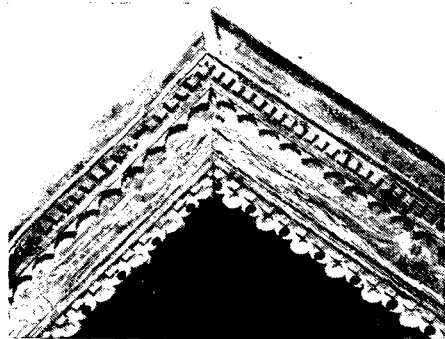

Рис. 3(а, б). Виды орнамента на яском доме

смотреть памятники истории и культуры ясов. В музее г. Ясберень нас очень радушно встретили его сотрудники во главе с директором Я. Тотом — автором ряда монографий и статей, посвященных различным вопросам истории и культуры ясов.

Музей в г. Ясберень — один из крупных очагов культуры и просвещения ясов. В 1970 г. музей отмечал столетие со времени основания. К этому юбилею был издан большой сборник научных статей, брошюры и другие красочно оформленные издания.

Собранный за это время музеем огромный материал ярко отражает разные стороны жизни ясов в прошлом: занятия, материальную и духовную культуру, народное творчество и т. д. В музее представлены различные орудия труда: сельскохозяйственные, для ведения скотоводства, домашних промыслов и ремесел, а также утварь, предметы домашнего обихода, элементы традиционного костюма. Фотоматериалы наглядно показывают формы поселений и жилища. В экспозиции отражены также события второй мировой войны: Ясшаг был освобожден от фашистов войсками под командованием генерала И. Плиева, портрет которого представлен в музее; рядом — газета «Боевая кавалерийская» (№ 171, от 2 дек. 1944 г.), издававшаяся в его корпусе. В экспозиции другого зала, посвященной истории ясов, демонстрируется первая страница из известного «Ясского словника»³, который начинается словами: «Дое бон хорз...» «Добрый день». Когда сотрудники музея спросили меня как по осетински «добрый день» и я ответил им, они были очень удивлены, сказав, что давно знают эти слова из «Словника». Вообще следует отметить, что ясы проявляют огромный интерес к осетинскому языку и к истории Осетии. В библиотеке музея имеются фотокопия трехтомного осетино-русско-немецкого словаря В. Ф. Миллера, книги осетинских авторов. Туда же я передал большую пачку книг, в основном трудов Юго-Осетинского научно-исследовательского института (г. Цхинвали), присланных дирекцией этого института мне для передачи ясам Венгрии.

Большую работу по изучению истории и культуры ясов, их происхождения проводит исторический кружок, организованный при музее из научных работников и учащихся старших классов городских гимназий. Во время поездки по Ясшагу мы не раз замечали, как бережно, с любовью население относится к наследию своего прошлого. Почти в каждом селении имеется сельский музей (во многих и школьные), а в некоторых — музеи под открытым небом, в которых можно увидеть традиционные жилые и хозяйственные постройки, транспортные средства, орудия труда и т. д.

Некоторые сельские музеи по занимаемой площади и богатству экспозиций почти не отличаются от городских. Таков, например, музей Яспати, расположенный в большом одноэтажном доме, в котором

³ Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан/Пер. с нем. и прим. Абеев. И. Орджоникидзе, 1960.

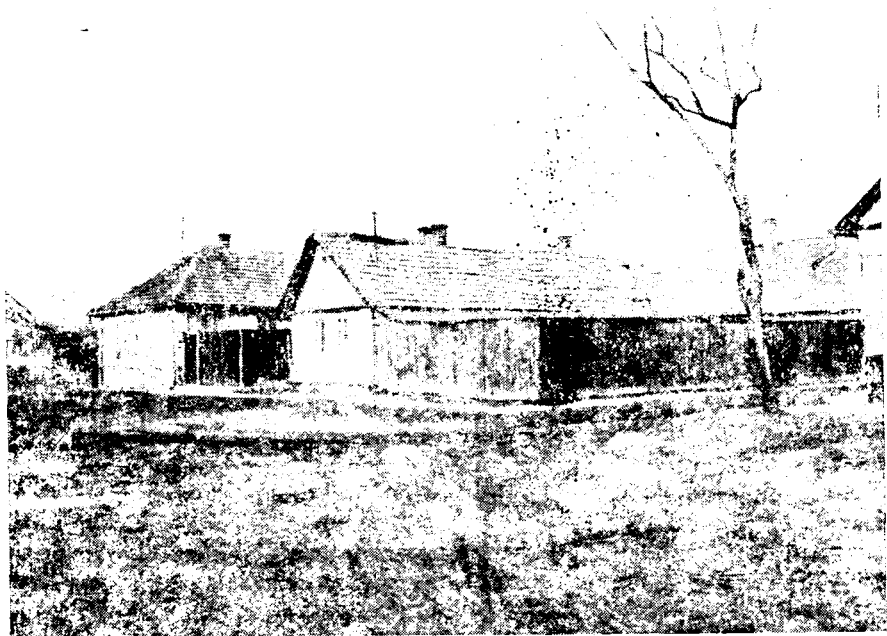

Рис. 4. Вид планировки с. Ясонаты

один из залов занят произведениями известного венгерского (по происхождению яса) художника Ваго Пола.

Наша поездка по Ясшагу завершилась встречей с партийными и общественными руководителями г. Ясберень. В беседе было отмечено, что в настоящее время устанавливаются связи с братским осетинским народом для обмена достижениями в различных областях хозяйства и культуры.

Компактное расселение ясов, их значительная обособленность от окружающей этнической среды позволили им довольно длительное время (видимо до XVII в.) сохранять родной язык. По источникам известно также, что соседние ясам куны официально стали пользоваться венгерским языком лишь в XVI в., до этого сохраняя родной язык в качестве «домашнего». Мы имеем пока единственный памятник на яском языке — упомянутый «Ясский словник», содержащий около 35 осетинских слов и датируемый XV в. Возможно, поиски в архивах Западной Европы откроют новые материалы на яском языке, относящиеся к более позднему периоду, чем «Ясский словник». В настоящее время ясы говорят только по-венгерски. Язык населения этой части Венгрии является северо-восточным диалектом венгерского языка.

В одном из турецких источников XVI в. приведен список традиционных яских фамилий: Багдаса, Гордиса, Комуча, Босонга, Конуча, Сабола, Бексан, Дорган⁴ и т. д. В настоящее время ясы имеют другие имена и фамилии, которые появились у них под влиянием католической церкви. Наиболее распространенные из фамилий следующие: Буди, Балог, Бато, Андрэ, Ярони, Голей, Кис, Берем, Гока и пр.

Как отмечалось, одним из важных доказательств происхождения ясов является сохранение ими этнического самоназвания. Где бы они ни проживали, в Ясшаге или в других районах и городах Венгрии, они называют себя ясами. Есть немало примеров, свидетельствующих о том, как ревностно оберегают они свое историческое самоназвание. Так, в 1967 г., в период создания в Ясшаге новых сел путем объединения хуторов, по просьбе ясов названия местных сел должны были начинаться со

⁴ *Fekete Lajos. A Hatvani szandzsak 1550 Evi Adoosszeirasa jaszbereny, 1968, s. 9.*

Рис. 5. Памятник в честь ясского гусарского полка

слова «яс». Другой такой символ ясской принадлежности — известный «рог Лехеля», изображение которого есть в гербе каждого села.

Как отмечалось, ясы длительное время этнически были обособлены. Они не принимали в свою среду людей неясского происхождения; браки заключались преимущественно между членами ясского общества. Такая этническая обособленность позволила ясам длительное время сохранять не только самоназвание, но и некоторые отличия физического типа.

Обратимся более конкретно к этнографии ясов.

Ясы принесли с собой в Венгрию традиции земледелия, скотоводства, развитых домашних промыслов и ремесел. Основной злаковой культурой был ячмень, который использовался большей частью на приготовление пива. Даже в период повсеместного распространения кукурузы в Венгрии (XVIII в.) и вытеснения ею других хлебных злаков ячмень у ясов преобладал. Многие земледельческие орудия (тяжелые плуги, волокуши, серпы, деревянные грабли, совки и сита для веяния и пр.), которыми переполнены фонды центральных и местных музеев Венгрии, в том числе Ясшага, имеют поразительное сходство с орудиями, известными у горцев Северного Кавказа.

Подобно северокавказским горцам, ясы до начала XX в. не впрягали лошадь в плуг и гужевой транспорт; она служила им только для верховой езды. В качестве тягловой силы ясы использовали преимущественно волов. Наряду с крупным рогатым скотом разводили овец и коз, лошадей. Весь скот содержали на окраинах сел, где для них строили помещения, загоны, хранилища для кормов.

В музейных коллекциях Венгрии имеются орудия различных промыслов — свидетельство их широкого и повсеместного распространения в Ясшаге в прошлом. Некоторые из них (длинные деревянные маслобой-

ки, посуда для приготовления сыра, горизонтальные ткацкие станки, кожемялки и пр.) имеют очень много общего с теми, которые применялись осетинами и некоторыми другими народами Северного Кавказа. Не менее развиты у ясов были обработка металла и дерева. Мастера по обработке дерева наряду с другими предметами изготовляли арбы осетинского типа, пивные бокалы, низкие столики на трех ножках и т. п. Значительное развитие у ясов получило пчеловодство (они использовали ульи в виде колод), рыболовство, охота. Самый древний улей в виде колоды в Венгрии, датируемый 1770 г., хранится в музее г. Ясберень. Научная сотрудница музея Э. Бато посвятила ему специальную статью. Мед и воск имели большое значение в хозяйстве ясов. Мед употребляли в пищу, много его шло на изготовление прохладительных напитков, пива, а также для лечения различных болезней.

Предметом специального изучения у ясов, как и у всех венгров, может стать рыболовство, сохранившее многие древние черты. Это различные способы ловли рыбы и орудия рыболовства. Не обходились яские рыбаки и без своего покровителя, которым являлся христианский святой Иоанн Непомук, во многом схожий по своим действиям с осетинским Донбетыр (или Донбеттыртаэ — владыкой водного царства). Статуи этого святого встречаются повсюду, и особенно по берегам р. Задьвы, весьма своеобразной во время весеннего половодья. Иоанн Непомук, по поверьям, дарит рыбакам богатый улов, оберегает людей от водной стихии. Рыба у венгров, в том числе ясов, всегда служила одним из важных продуктов питания.

Большим разнообразием отличались и транспортные средства ясов, о чем, например, свидетельствуют разнообразные образцы повозок в местных музеях. Характерно, что венгерское название повозок *секер* — иранского происхождения, видимо заимствованное венграми до прихода на Дунай. В некоторых сельских музеях ясов имеется также двухколесная арба, очень напоминающая по виду и конструкции осетинскую арбу.

Весьма своеобразными чертами характеризуются и поселения ясов, имеющие нередко по несколько десятков тысяч жителей и отдаленных друг от друга на значительные расстояния. Так, в с. Ясдоже более 15 тыс. жителей, менее их в селах Ясапати, Ястелек, Яскисер и др. Каждое селение строилось в виде укрепления, обнесенного рвом для защиты от постоянных набегов турок в период их господства в Венгрии (XVI—XVII вв.). Этим же требованиям отвечала и планировка села, по которой дома располагались близко один от другого, а село кольцом окружали просторные хозяйственные дворы. За ними таким же кольцом находились пастбища, далее — пашни. Следы подобной планировки особенно ярко прослеживаются и сейчас в с. Ясдож. Во всех старых яских селах в центре села имеется площадь, от которой расходятся прямые улицы. На этой площади возвышается большая каменная церковь в готическом стиле. Здесь же находятся правление села, школа, магазины и т. д.

Ясы живут не только в селах, но и на хуторах, возникших в XVIII в. сначала на соседних, частично освобожденных землях кунов, а затем в самом Ясшаге. Небольшие хутора, населенные одной-двумя родственными семьями, разбросаны вдали от сел, в степи. Жители их также были заняты обработкой земли, разведением крупного рогатого скота, свиней и овец.

Наиболее древним и распространенным типом жилища ясов был дом с земляными и тростниковыми стенами, густо обмазанными с обеих сторон раствором глины. Многие из таких домов XIX в. сохранились до наших дней.

В настоящее время жилище ясов состоит из комнаты, кухни и кладовой с общим выходом на веранду, которая тянется вдоль всего дома. Крыша части веранды, обращенной во двор, поддерживается пятью — семью деревянными или каменными столбами. Очаг (или печь) находится в кухне. По рассказам, еще недавно он был открытым; в золе очага пекли хлеб, над очагом висел медный котел для приготовления пищи. К дому нередко пристраивали отдельные комнаты для семейных пар с

выходом на общую веранду. Такие длинные дома аналогичны домам, которые строились в XIX в. в равнинной зоне Северного Кавказа.

Из мебели, как указывалось, большое распространение имел низкий круглый столик на трех ножках, часто с отверстием для котла. Почти до начала XX в. помещение освещали преимущественно сухими вишневыми лучинами, которые вставляли в специальные, различной формы подставки.

Размеры яского двора *керт* (ср. с осет. *кэрт*) невелики; хозяйственные постройки располагались, как и в наши дни, вне усадьбы, за селом, в особых «хозяйственных дворах» (*керт*).

В питании ясов, отличающемся разнообразием мясных, молочных и овощных блюд, не сохранилось блюд, характерных для традиционной осетинской кухни, — пирогов с начинкой из сыра (*уэлибах*, *чири*, *хабизджын*), мяса (*фыджын*), листьев свеклы (*цэхæраджын*) и пр. Сходство яской и осетинской пищи проявляется только в некоторых традиционных напитках, в частности пива и араки (палинка — название славянского), имевших у них давние традиции (особенно пиво).

Пиво ясы готовят, подобно осетинам, преимущественно из ячменя, который возделывался специально для этой цели. Во многих яских селах были целые кварталы пивоваров, приготовлявших пиво для собственного употребления и на рынок. В целом Ясшаг славился в Венгрии приготовлением этого напитка высокого качества. Водка (*палинка*) готовится ясами обычно из фруктовых отходов. Ее ставят непременно перед каждым вошедшим в дом гостем.

Традиционный яский костюм, судя по старинным гравюрам, не сохранился, и уже в средневековье ясы носили общевенгерскую одежду. Однако некоторые элементы мужского костюма — широкополые шляпы типа северокавказских и овчинная шуба без рукавов (они широко известны до сих пор в Дагестане), сохранявшиеся длительное время, видимо, следует считать исконно яскими.

Некоторое сходство с осетинским бытом мы находим в общественном и семейном укладе ясов, в их нравах, обычаях, народных верованиях и т. д. Еще в XIX в. ясы жили в основном большими территориальными родственными коллективами — фамилиями, которые занимали в селе отдельные кварталы или хутора. Ближайшие родственники иногда селились в одном дворе, составляя нередко шесть — восемь малых семей. Наряду с малыми семьями у ясов имелись большие семьи, численностью примерно в 60—80 чел. Во главе семьи стоял старший мужчина (отец или старший брат), единолично распоряжавшийся всеми делами семьи. Брак внутри фамилии раньше был запрещен до седьмого колена, в наши дни — до третьего-четвертого колена. Кроме того, ясы вступали в брак только в пределах Ясшага и своих сел. Этот фактор, как говорилось, имел важное значение для сохранения их этнической обособленности и антропологического типа. Очень часто практиковалось примечество: бедный парень входил в богатую семью жены. В прошлом нередко были случаи выдачи замуж девушки без ее согласия, умыкания насильственного и по сговору, выплаты большого выкупа за невесту и т. д. Жених обязан был покупать подарки родным невесты: матери невесты — головной платок, отцу — рубашку, одаривались и другие члены семьи. Во время свадьбы выполнялись различные обряды: съездебному поезду в доме невесты и на улице преграждали путь натянутой веревкой, мать жениха в окружении пожилых женщин, с тарелкой меда в руках и ложкой встречала у порога молодежь. Здесь они угощали друг друга медом в знак того, что будут жить в мире и согласии. Этот обычай соблюдают и в наши дни. Войдя на кухню, молодая притрагивается рукой к плите, что означает приобщение ее к новой семье. В прошлом, когда здесь находился очаг, ясы, как и осетины, трижды обводили невесту вокруг очага. При родах, по яским обычаям, могли присутствовать только женщины: мать мужа и соседки. Имя новорожденному нарекали в церкви.

Этнические особенности ясов сохранялись в их похоронных обрядах. Длительное время в Венгрии выполнялся, например, обряд захоронения

с конем (или с его сбруей). Позднее этот обряд видоизменился. К покойнику подводили его коня в полном снаряжении и отдавали священнику, который, взявшись за узду, трижды обводил его вокруг могилы, а затем уводил домой (конь становился его собственностью). Похороны у ясов отличались широким общественным характером: на них собиралась масса народу. Большую роль в этом играли специальные оповестители (ср. у осетин «печальные вестники» — *хъорганæг*) и сельский глашатай (у осетин *фидиуæг*). Первые оповещали о случившемся всех родственников и знакомых, где бы они ни находились, второй призывал односельчан на похороны сначала колокольным звоном из церкви (по случаю смерти женщины давали один звон, по случаю смерти мужчины — два), затем обходил улицы и громко объявлял имя умершего и время его погребения. У ясов отсутствовал осетинский обычай — шить покойнику новую одежду. Его хоронили в том костюме, который он носил; вместе с ним клали в гроб его шляпу, палку и бутылку с водкой; глаза покойника прикрывали монетами. По умершему строго соблюдали траур члены семьи и близкие родственники, которые обычно в течение года не могли веселиться, петь песни, играть на музыкальных инструментах, устраивать свадьбы и т. д. Все имущество покойника переходило в собственность вдовы.

Христианство (католицизм) оказало огромное влияние на общественный и семейный быт ясов, на всю их духовную жизнь: были утрачены многие традиционные обряды, обычаи, народные воззрения. Некоторые древние обряды (например, связанные с сельскохозяйственным календарем) под влиянием христианства значительно трансформировались. Под Новый год группа парней в масках (изображения разных животных), вооруженная палками, с песнями обходила дома односельчан, желала им в наступающем году обильного урожая и всякого благополучия. Существовал и такой обычай. Наполнив мешочки золой, парни бросали их во двор той семьи, где была старая дева или взрослые дочери, еще не вышедшие замуж. Этот обряд выполнялся также под Новый год и считался традиционно яским.

Весьма интересно яское декоративно-прикладное искусство: обработка кости, изготовление из кожи различных предметов, резьба по дереву и т. д. В отличие от других районов Венгрии в Ясшаге широкое распространение имеет своеобразный растительный орнамент, сочетающийся с геометрическим, которым украшают крыши домов, карнизы окон, дверей, ворот и даже ограды усадьбы. Исследователи считают, что этот орнамент занесен ясами с Востока. Можно лишь отметить, что он аналогичен орнаменту некоторых народов Северного Кавказа.

Богат и многообразен фольклор ясов: предания, легенды, различные песни, сказки и пр. (например, предание о «роге Лехеля») ⁵. Большое место в устном творчестве ясов занимают песни — героические, исторические, любовные, сатирические и пр. Преобладает исполнение хоровых песен. Одну из таких хоровых песен — «Яскунмачи» («Я парень из Яскуна») — с очень приятной мелодией исполняли нам в клубе с. Яссентадраш. Народная музыка венгров в целом, по определению специалистов, восточного происхождения. Народные музыкальные инструменты у ясов общевенгерские: пастушеская свирель (*фурулуа*), цитра — род украинской бандуры, волынка (*дуда*), изготовляемая из шкуры овцы или козы. Более подробно мы познакомимся с народными танцами ясов, в которых осетинский хореограф-профессионал может найти много сходного с осетинскими танцами. Нас пригласили на репетицию популярного в Венгрии музыкального ансамбля из г. Ясберень, побывавшего уже два раза в Москве. Наряду с общевенгерскими танцами у ясов сохраняются традиционные танцы: мужские и женские, групповые, сольные, пастушеские, воинственные и др. Некоторые яские танцы сопровождаются

⁵ Хранится в музее г. Ясберень. Изображение рога, сделанное из слоновой кости и украшенное орнаментом, встречается повсюду на домах, в общественных учреждениях.

песнопением, как у осетин при исполнении танцев «хонгæ кафт» и «чепена».

Без сомнения, культура и быт ясов заслуживают серьезного изучения в сравнительно-историческом плане. Ясский материал даст возможность по-новому взглянуть на решение ряда важных вопросов аланской проблемы и в целом этнографии народов Северного Кавказа.

А. Букари

О ТВОРЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В НИГЕРЕ

После провозглашения национальной независимости Нигера 3 августа 1960 г. к власти пришла группа Аmani Диори, политика которой была продолжением общего курса неокOLONиализма.

Независимость не означала тогда для Нигера коренного изменения положения народных масс. Напротив, в стране еще больше укрепились политическое влияние французского империализма и его экономическое господство. Такая политика отвечала интересам только верхушки группы Аmani Диори, которая с целью маскировки истинного положения дел представляла нигерское общество как «однородное», а его политическую организацию как надклассовую. Это было, по утверждениям сторонников Диори, общество, где нет богатых и бедных. Таким образом, подлинная политика национального развития была принесена в жертву бюрократии и открыла простор для незаконного обогащения отдельных лиц и очень узкого социального слоя бюрократической буржуазии. Но руководители тогдашнего Нигера продолжали заявлять о том, что их идеологическая платформа, стратегия и социально-экономическая политика — общенациональные, отражающие интересы всех социальных групп нигерского общества.

Все эти демагогические декларации были опровергнуты фактами. По признанию самого бывшего президента Аmani Диори от 2 декабря 1968 г., «10 тысячам государственных служащих была выплачена сумма в 4,2 млрд. афр. франков из общего бюджета в 9,6 млрд. афр. франков». В результате подобной политики почти 50% национального бюджета шли на нужды 0,3% населения страны. На долю трудящихся достались лишь различные налоги, которые шли на содержание «баронов» режима.

Проводимая правительством Диори политика привела к тому, что экономика Нигера оказалась в полной зависимости от иностранной помощи. Одно из доказательств краха этой политики — положение крестьян (земледельцев и скотоводов). Земледельцы составляли и составляют преобладающую часть населения, на плечах которой лежит производство материальных благ. Однако модернизация совершенно не коснулась нигерской деревни. Крупных хозяйств современного типа в Нигере нет, и государственная власть не предпринимала попыток их создать. Упор был сделан на интенсификацию производства технических культур. «Лицо Нигера 60-х годов — это лицо третьего производителя арахиса в Западной Африке»¹.

В течение 15-летнего периода независимости были освоены только 3200 га земли, да и те не эксплуатировались в полном объеме. В 1974 г. из общего национального бюджета, составлявшего 14 267 млрд. афр. франков, лишь 341 млн. предназначался для развития сельскохозяйственной экономики.

Скотоводство также было в упадке. Интенсивная эксплуатация ресурсов скотоводства без соответствующего материально-технического

¹ Le Sahel, 1982, № 2519, p. 10.

обеспечения привела к страшным последствиям во время засухи, которая нанесла большой урон кочевникам. «Два миллиона населения Нигера выжили благодаря продовольственной помощи извне»².

Единственное минеральное богатство страны — уран — находилось в руках французского империализма, и до 1974 г. доходы от добычи урана существенно не влияли на бюджет Нигера.

Бедственное положение народа и деградация экономики стали причиной свержения 15 апреля 1974 г. режима Аmani Диори. Тем самым был положен конец «15-летнему режиму несправедливости, коррупции, эгоизма, равнодушия к народу, которому было обещано счастье»³.

Новая власть приняла на себя обязательство покончить с отсталостью страны. Общая ориентация была определена следующим образом: 1) обеспечение независимости экономики Нигера от климатических факторов; 2) формирование «общества развития» — «общества морально чистого и устойчивого, сплоченного, стремящегося к достижению идеала и прогрессу»; 3) обеспечение экономической независимости.

Данная заметка посвящена использованию некоторых культурно-социальных традиций народов Нигера в провозглашенной Высшим Военным Советом стратегии развития страны путем создания в будущем «общества развития», призванного бороться против отсталости, опираясь на национальные институты.

Установление этого «общества развития» рассматривается руководителями Нигера как политическое кредо, как идеал, которого необходимо достичь, как единственный путь осуществления подлинных социально-экономических и культурных преобразований.

На каких основах Высший Военный Совет стремится установить общество развития? Какова будет структура этого общества? Какие людские и материальные ресурсы помогут достичь цели? Какие трудности стоят, и как они будут преодолены? Эти вопросы волнуют всех, кто старается постигнуть нигерский путь социально-экономического преобразования. Нигерские руководители убеждены в том, что «нет универсальной модели развития. Каждый народ должен обдумать, исходя из своих экономических, социальных, культурных и даже конфессиональных реальностей, свой собственный путь развития, который лучше отвечает его интересам»⁴.

Правительство Нигера решило заложить фундамент нового общества; его структуры, по словам президента Сейни Кунче, «помогут нам окончательно воссоединить элементы национальной индивидуальности, которую мы любой ценой стремимся сохранить». Это будет достигнуто усилиями всей нации и при творческом использовании социально-культурных традиций.

При осуществлении новой политики необходимо учитывать такие факты национальной действительности, как: 1) занятость свыше 80% населения в сельском хозяйстве; 2) значительное преобладание молодежи в населении страны; 3) отсталость в области образования; 4) отдаленность страны от моря и проблема засухи.

Разумеется, в Нигере не собираются мгновенно изменить существующее общество. «Своеобразие общества развития, которое мы хотим создать, — пишет газета „Сахель“, — требует осторожности... мы окажемся не понятыми многими наблюдателями, и мы уже знаем, что внутри страны и вне ее некоторые люди, растерянные и удивленные, задают себе с любопытством или заинтересованностью вопросы об окончательных целях этого выбора»⁵.

Национальная комиссия по подготовке и установлению структур общества развития была создана декретом 79—165 Высшего Военного Совета от 29 октября 1979 г. Ее задача заключается в разработке основ новой, динамичной, целостной и гармоничной политики развития Нигера.

² L'Humanité, 16 avr., 1977, p. 2.

³ L'Humanité, 16 avr., 1974.

⁴ Le Sahel, 1982, № 2418, p. 2.

⁵ Ibid., 1980, № 1933, p. 3.

ра. Комиссия 17 марта 1980 г. начала работу по созданию новых институтов, основанных на эффективном участии в национальном строительстве всех социальных групп населения страны.

Лозунгами постепенного установления общества развития стали *консультации, согласованность и участие*. В чем суть этих лозунгов? Руководители Нигера прекрасно осознают, что произошло социальное расслоение нигерского общества. Президент Кунче так охарактеризовал сельское население — ядро развития Нигера: «Народная масса под воздействием происходящих перемен частично утратила свои старые структуры в тот самый момент, когда она призвана осуществить глубокие перемены в социальном плане, должна приспособиться к использованию новой техники»⁶.

Проблема нынешнего Нигера прежде всего экономическая, самый главный вопрос в том, как сельское население будет относиться к переменам и как убедить сельскую молодежь в необходимости остаться в деревне для плодотворной эксплуатации земель и перестать мечтать об иллюзорном благополучии, якобы ожидающем ее в больших городах.

Естественно, мы никоим образом не собираемся утверждать, будто достаточно молодежи остаться в деревне — и все проблемы как по волшебству будут решены. Очень удачно сформулировал это Сейни Кунче: «Я приглашаю всех нигерцев, жаждущих обогащения, роскоши и престижа, совершить путешествие по Нигеру во время каникул, чтобы обнаружить реальности своей родины... Это мучительные картины, которые со страшной правдивостью говорят сами за себя».

Таким образом, творческое использование социально-культурных традиционных институтов призвано способствовать реализации новой политики. Основными традиционными институтами являются самария, коллективное использование земли (кооперативы) и традиционные союзы.

Самария (на языке хауса — «молодежь») — это организация коллективного труда, который базируется на добровольных началах и не имеет целью получение дохода. Самария — структура, перенимающая функции возрастных производственных группирований молодежи, находившихся между семьей и деревней, в рамках которых молодой человек осознавал свою роль в обществе. Деятельность этой молодежной организации заключается в осуществлении некоторых видов общественных работ, строительстве школ, работе на общественных полях и организации культурных мероприятий.

Сейни Кунче сказал о самарии: «Это возрождение наших сельских традиционных институтов, которым мы хотели воздать должное».

Самария широко использовалась политическими партиями в период колониального господства как средство мобилизации самых активных молодых людей на борьбу за политические права. Колониальные власти всячески мешали формированию любого объединения, которое могло сплотить коллектив. Но и после провозглашения национальной независимости самария не была вовлечена в плодотворный труд, направленный на ликвидацию последствий колониализма и строительство новой жизни. Основные принципы самарии — взаимопомощь и готовность пожертвовать собой ради общего дела — были искажены и поставлены на службу самым грязным целям. Самария использовалась даже в качестве карательных отрядов партийной милиции. Сегодня напоминание нигерских властей о молодежном движении «самария» означает призыв не только к возрождению его первоначальных принципов, но и к их совершенствованию. Самария должна стать высшей формой национального объединения молодежи, борющейся за осуществление социально-экономических преобразований.

Новый путь развития, как и всякая новая инициатива, сталкивается со множеством проблем, которые невозможно игнорировать. Бывший директор информационной программы «Теле-Сахель» Махаман Сидику

⁶ Le Sahel, 1980, № 1811, p. 6-7.

говорил об опасностях, угрожающих новорожденной демократии, в частности о наличии людей, «которым участие народных масс в национальных мероприятиях представляется авантюрой». Действительно, эти люди отчаянно борются, чтобы любыми способами притормозить ход истории, если уж невозможно его задержать. Даже высказывания в пользу такого не слишком радикального шага, каким является установление общества развития, вызывает у них ярость.

В движение самарии труднее вовлекаются кочевники, условия жизни которых отличаются от условий жизни оседлого населения. С колониального периода кочевники были сознательно изолированы, и их относили к категории населения, постоянно нуждающейся в помощи. У кочевников нет традиций, подобных самарии, и они отождествляют ее с бывшей партией милицией. Самария как организация учитывает это и проявляет гибкость в отношениях с кочевниками. Так, до сих пор ежегодные встречи кочевников рассматривались только как празднество, сопровождавшееся распределением продовольствия. Во внимание принимались лишь фольклорные аспекты, столь милые сердцу туриста, ищущего экзотики. Нигерское правительство пришло к выводу, что не следует раздавать кочевникам по случаю ежегодных праздников чай или сахар; необходима реальная интеграция их в национальную программу развития. Теперь эти ежегодные встречи используются административными властями и традиционными вождями для объединения кочевников, внушения им идеи нации и пропаганды новых национальных мероприятий.

Движение самарии охватывает всю страну. Оно имеет утвержденный статус и общий национальный орган — Национальный совет самарии. В разных странах Западной Африки, где имеются нигерские колонии, образовались организации самарии, которые тщательно следят за всем, что происходит в стране, и активно участвуют в разных мероприятиях национального характера.

Установление структур самарии проходило в два этапа: 1) создание организаций самарии на уровне деревни, квартала или племени; 2) создание структур координации на уровне округа, коммуны, а затем департамента и нации.

Деятельность самарии очень разнообразна. Особенно выделяются борьба за чистоту, строительство школ и штабов самарии, разъяснительная работа среди людей, уезжающих в другие страны в поисках работы, поощрение культурного обмена между организациями самарии разных городов, кварталов и деревень Нигера. Самария Агадеса (на севере страны), например, взяла на себя инициативу открытия центров по борьбе с неграмотностью.

Главные препятствия, мешающие широкому распространению самарии среди учащейся молодежи, это: 1) отсутствие информации, что ведет к непониманию нужд нации и утрате общественной активности; 2) отсутствие нравственного и гражданского воспитания. Школа практически не дает такого воспитания, поэтому патриотизм и национальные чувства недостаточно развиты. В школьных программах, на страницах газет и журналов, в передачах радио и телевидения, в фильмах ощущается влияние иностранной культуры и т. д. В марте 1976 г. глава государства Сейни Кунче отмечал: «Нигерская молодежь была безответственной и испорченной молодежью. На нее не обращали внимания, и она совсем не была занята полезной деятельностью. Наши традиции и нравы были на грани исчезновения. Все то, что она получала в процессе всего обучения, восприняв некоторые элементы иностранных цивилизаций, в основном противоречило национальным традициям, традициям нашей личности»⁷.

Борьба за подлинную национальную культуру очень важна в этой связи. Она должна затрагивать многие явления, считавшиеся до сих пор незывлемыми. Этой цели стремится достичь форум нигерской молоде-

⁷ Le Sahel, 1980, № 228, p. 13.

жи, т. е. Национальный фестиваль, подготовка и проведение которого сплачивают молодежь страны.

Кооперативы — вторая опора будущего общества развития. «Мы должны для этого, — сказал Кунче, — научить сельское население, жителей каждого дома, каждой деревни ценить землю, понимать, какое огромное богатство представляет каждый участок земли, если его хорошо обрабатывали, следили за ним и любили его».

В период колониализма были попытки создания кооперативов, но они не увенчались успехом: принудительный характер их вызывал страх и подозрительность крестьян.

После провозглашения независимости в Нигере были только два кооператива: в городах Коло (создан в 1956 г.) и Миррия (1957 г.).

В 1962 г. был основан Нигерский аграрно-кредитный союз для поощрения деятельности кооперативов и обществ взаимопомощи (по классической схеме, т. е. при индивидуальном членстве и с паевым взносом).

Кооперативы выполняли функции продажи технических культур (арахис, хлопок) и риса и снабжения своих членов продуктами.

Действительность показала, что в обществе, характеризующемся сильной социальной иерархией, основной структурой после семьи является деревня. При новой системе деревня может вступить в кооператив коллективно.

Созданы структуры кооперативов трех ступеней: 1) деревенское объединение, в которое входят все производители одной деревни; 2) сбытовой кооператив, который образован в рамках рынка, где производится продажа продукции, и объединяет от 5 до 10 деревень; это и есть так называемое взаимное деревенское объединение; 3) местная ассоциация кооперативов, образованная на арахисных рынках и включающая от 5 до 10 кооперативов.

1979 г. останется исторической датой нигерского кооперативного движения в связи с появлением в этом году правовых актов, определяющих статус сельскохозяйственных организаций кооперативного характера. В дальнейшем планируется: 1) распространение кооперативного движения по всей национальной территории; 2) оживление имеющихся структур, расширение их экономической деятельности и подготовка к самоуправлению; 3) передача управления самим кооперативам.

Термин «кооперирование» означает «работать вместе, объединить свои силы и средства для достижения одной цели». Почему прежние структуры кооперативов не отвечали нуждам населения? Потому, что они не отражали интересы крестьян. В ордонансе № 78—79 от 12 октября 1978 г. о статусе сельскохозяйственных организмов кооперативного и взаимного характера говорится (статья пятая): «Никто не должен быть принуждаем вступать в организацию, имеющую кооперативный характер. Любой человек, свободно взяв на себя обязательство уважать требования, связанные с членством в кооперативной организации, может быть принят в качестве члена без какой бы то ни было дискриминации. Все члены кооперативов равны, имеют одинаковые права и обязанности. В случае голосования каждый имеет один голос. Кооперативные организации являются демократичными организациями, их дела должны управляться выборными или назначенными лицами согласно процедуре, принятой их членами, перед которыми они несут ответственность.

Возможный остаток дохода (после затрат, определяемых уставом) от операций какого-то организма должен быть разделен между членами пропорционально операциям, которые они (члены) реализовали внутри организации.

Каждый кооперативный организм должен создать фонд, чтобы обучать своих членов, руководителей, работников и широкую общественность принципам и методам кооперирования»⁸.

Кооперативные организации имеются и у кочевников. Новые проекты рассматривают пути и методы организации кочевников, которые

⁸ Rapport général de la Commission Nationale de la mise en place de la Société de développement. Niamey, 1981, p. 79.

были бы им распоряжаться своим скотом на базе современного ведения хозяйства. Организационные методы основаны на следующих структурах: взаимное объединение кочевников; создание скотоводческих центров как базы подготовки разного профиля специалистов в скотоводческой зоне, где скотоводы найдут все нужные им предметы первой необходимости.

В этом мероприятии особенно важно активное участие крестьянства. Но для этого оно должно убедиться в целесообразности новых кооперативных организаций, в коренном отличии их от всех предшествовавших форм кооперирования.

29 марта 1983 г. нигерское правительство после глубокого анализа резолюции национального семинара (г. Зиндер, ноябрь 1982 г.) на тему «Стратегия вмешательства в сельской экономике» приняло решение, заключающееся в следующем: 1) возложить на крестьян ответственность за управление своими кооперативами, ослабив этим влияние и даже запретив вмешательство посреднических организаций, таких, как «Нигерский аграрно-кредитный союз», «Национальное управление ирригационными сооружениями» и т. д.; 2) улучшение деятельности центров совершенствования техники и центров развития сельского хозяйства; 3) создание фонда сельскохозяйственного развития; 4) проведение более адаптированной политики продажных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Самария и кооперативы имеют тесные контакты, а зачастую одни и те же люди входят в обе эти организации.

Итак, в прошлом кооперативы были только источниками снабжения колониальных войск и послушных туземных чиновников. Потом те же кооперативы в своих разных формах и с разными названиями («Туземное общество предусмотрительности», «Взаимные общества сельского развития» и т. д.) преследовали цели, противоположные целям крестьян. Сегодня задача заключается не только в уничтожении пережитков колониального прошлого, но и в превращении кооперативов в предприятия производства и продажи в пользу членов кооперативов.

Структуры разных уровней *

Уровень	Структура самарии	Структура развития	Структура кооператива
Нация	Национальный совет самарии	Национальный совет общества развития	Национальный союз кооперативов
Департамент	Региональный совет самарии	Региональный совет развития	Региональный союз кооперативов
Округ	Субрегиональный совет самарии	Субрегиональный совет развития	Субрегиональный союз кооперативов
Местность или группировка	Местный совет самарии	Местный совет развития	Местный союз кооперативов
Деревня, племя или квартал	Самария	Деревенский совет самарии	Взаимное деревенское объединение

* См.: Le Sahel, 1982, № 2558.

Изменения, происходящие в нигерском обществе, затрагивают и «высшее общество» — традиционных вождей, когда-то могущественных.

Традиционные вожди занимают особое место в структуре нигерского общества и политической жизни страны. Но они должны «отказаться от устаревших обычаев в манере управления, должны понять текущие проблемы и способствовать их решению».

Вожди делают очень многое для внедрения в массы идей и задач нового общества развития. Прошло время, когда традиционный вождь, не покидая своего кресла, управлял путем распоряжений и приказов. Высший Военный Совет заменил понятие «королевства длинного кресла» понятием «королевство развития».

Была создана ассоциация традиционных вождей, цель которой — помочь государству в осуществлении социально-экономических преобразований. Вожди вместе с представителями административных властей совершают поездки в разные уголки Нигера, чтобы разъяснить народу суть, задачи и цель новых мероприятий.

Вождь деревни или племени, вождь кантона или кочевой группы автоматически является председателем совета деревни или кантона.

Таким образом, в Нигере стремятся преодолеть отсталость, творчески используя некоторые социально-культурные традиции. Многие наблюдатели задают себе вопрос о природе такого выбора пути развития. Роль, отведенная обществу развития, прежде всего экономическая. Но есть и другая — установление социального мира. Сможет ли общество развития выполнить эту последнюю роль? Слово за будущим. Мы лишь уверены в том, что искреннее, правильное и эффективное осуществление самых главных принципов, на которых базируется философия общества развития, т. е. использование всех полезных социально-культурных традиций страны, позволит Нигеру успешно осуществить социально-экономические преобразования.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков

СЕДЛО И СТРЕМЯ

Спор у Медного Всадника

*И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.*

А. С. Пушкин

...— Завершая нашу встречу с этим выдающимся творением скульптора Фальконе, я хочу еще раз подчеркнуть глубокий реализм образа Петра, необычайно удачную ритмическую связь его фигуры с конем, а всего изваяния — со скалой-постаментом, — громко произнесла молодая девушка-экскурсовод, обращаясь к группе стоявших возле нее людей.

— Скажите, — прервал ее один из присутствующих, — а что — разве Петр I не пользовался стременами? Ведь на статуе их нет!

Этот вопрос не был для экскурсовода неожиданным: ей, как видно, и раньше задавали его.

— В жизни царь, конечно же, пользовался стременами, — отвечала она своим хорошо поставленным голосом, — но талантливый скульптор, стремясь подчеркнуть целеустремленность преобразователя России, счел эту деталь, как, впрочем, и седло, излишней. Напомню вам, что писал по этому поводу Радищев в своем известном «Письме другу, жительствующему в Тобольске» 8 августа 1782 года, то есть на следующий день после открытия монумента: «Узда простая, звериная кожа вместо седла, подпругою придерживаемая, суть вся конская сбруя. Всадник без стремян в полукафтаны, кушаком перепоясан, облеченный багрянницею, имеющ главу, лаврами венчанную, и десницу простертую... Но позволю отгадать мне мысли творца образа Петрова. Крутизна горы суть препятствия, кои Петр имел, производя в действо свои намерения; змея, в пути лежащая, — коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов; древняя одежда, звериная кожа и весь простой убор коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвещение, кои Петр нашел в народе, который он преобразовать вознамерился...»¹

Эрудиция экскурсовода подавила толпу. Но в наступившей тишине неожиданно прозвучал голос какого-то скептика:

— Может быть, дело и не в этом. Ведь Петр изображен в одеянии древних римлян, а у них стремян вроде бы вообще не было. Я где-то читал, что Фальконе использовал в трактовке образа Петра некоторые черты памятника римскому императору Марку Аврелию...

— Верно, верно! — поддержал его сосед. — Об этом еще Адам Мицкевич писал..., — и тут он процитировал на память несколько строк из стихотворения Мицкевича «Памятник Петра Великого», в котором поэт² прямо говорит о «царе-кнутодержце в тоге римлянина»².

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, М.-Л., 1938, с. 149—150.

² Мицкевич А. Собр. соч., т. 3, М., 1952, с. 267, 281—284.

— Ну, знаете ли,— решительно не согласился с этим другой экскурс-ант,— быть того не может, чтобы римляне не знали стремян; чтобы в Риме с его высокой культурой не было такой простой штуки! Стремя — вещь необходимая, уж я-то знаю, сам кавалерист. Попробуйте-ка проскакать часа два без седла и стремян, а потом уж и рассуждайте о Марке Аврелии!

Группе давно уже было пора возвращаться в гостиницу, и шофер автобуса, которого волновало не отсутствие стремян на царском монументе, а барахлившее реле стартера, начал нетерпеливо сигналить гиду. Но теперь уже, казалось, никакая сила не в состоянии была остановить порщиков...

И неудивительно. Даже среди специалистов по истории материальной культуры человечества до сих пор нет единого мнения о том, когда, почему и при каких обстоятельствах возник такой специфический и весьма важный атрибут снаряжения всадника, как седло со стремянами. Между тем изображения всадников и конской упряжи известны с глубокой древности: около трех тысяч лет человека верхом на коне запечатлевали на камне, рисовали на фресках, его фигуру лепили из глины, отливали в металле. Многие древние авторы писали об использовании лошади для верховой езды, а Ксенофонт оставил своим потомкам даже специальный трактат «О коннице», в котором он между прочим подробно описывает требования, предъявляемые к конской упряжи. К этому следует добавить, что сама эта упряжь — нередкая находка в датированных археологических памятниках.

И тем не менее представления ученых о том, когда появились стремяна и жесткое седло, к которому они крепились, расходятся настолько резко, что разрыв в предлагаемых датировках составляет не десятилетия и даже не века, а целое тысячелетие...

Два ассирийских барельефа

Колесницы и конницу взял я с собой...

Ашшурнасирпал II

Вид человека, лихо гарцующего верхом на осле, не может не вызвать у нас сегодня снисходительной улыбки. Другое дело — лошадь! Она словно специально создана для того, чтобы скакать на ней, преодолевая расстояния и преграды.

Однако простая и логичная мысль о том, чтобы сесть на лошадь верхом, почему-то совершенно не приходила в голову человеку на протяжении тысячелетий после того, как это животное впервые было одомашнено. Как показывают новейшие данные, domestикация лошади произошла, вероятнее всего, в IV тысячелетии до н. э. в Северном Причерноморье³. Две тысячи лет спустя на огромных территориях Евразии получает распространение обычай использования легких двухколесных повозок, запряженных парой лошадей. В это время существовали уже развитые приспособления для управления упряжной лошадью (кожаная сбруя с металлическими распределителями ремней, удила с псалиями и др.). В принципе аналогичные по своему устройству колесницы мы находим в раскопках гробниц иньских правителей древнего Китая, на наскальных рисунках Монголии, Тувы, Алтая, Средней Азии, на египетских фресках. И хотя некоторые исследователи трактуют отдельные шумерские тексты, датированные II тысячелетием до н. э., как косвенные свидетельства sporадического использования коня для верховой езды⁴, но изображений всадников в эту эпоху еще нет.

Впрочем, в крайней мере одно исключение из этого правила все-таки существует. В древнеегипетской батальной сцене, датированной XIV в. до н. э., мы видим воина, скачущего верхом. В руках у него поводья, но они слишком длинны, чтобы сдерживать коня. Сидит этот человек в крайне не-

³ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980, с. 231.

⁴ Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М.: Наука, 1977, с. 35—37.

удобной, неустойчивой и напряженной позе, почти на крупе (рис. 1). Не случайно поэтому многие исследователи считают, что перед нами не опытный всадник, а дезертир, решившийся на крайний риск: обрезав постромки и взгромоздившись на упряжную лошадь, он бежал с поля брани⁵.

В IX в. до н. э. верховых лошадей уже использовали в своем войске ассирийцы, но делали они это очень своеобразно. На бронзовом барельефе, относящемся примерно к 850 г., изображена группа всадников, стреляющих из луков. Характерно, что сидят эти лучники примерно так же, как это делал упоминавшийся нами египтянин,—сдвинувшись далеко назад, к крупу лошади. В таком положении контролировать действия коня шенкелями невозможно, а руки у воинов заняты. Поэтому чувствуют они себя на спине лошади явно неуверенно, и в тот момент, когда нужно спускать тетиву, их лошадей придерживают под уздцы пешие солдаты (рис. 2).

Это изображение относится ко времени «второго возвышения» Ассирии, когда Ашшурнасирпал II и Салманасар III предпринимали активные завоевательные походы против Урарту, Вавилона и других соседних государств. Возможно, что рассматриваемый барельеф свидетельствует о применении ассирийцами своеобразной новинки в области военной техники и тактики: севшие на лошадей лучники получали лучший обзор местности и могли поэтому эффективнее поражать врага. Но, произведя залп, они, видимо, тут же спешивались, во всяком случае стрелять на скаку еще не умели.

После временного упадка Ассирийской державы, которым отмечена первая половина VIII в. до н. э., реформы Тиглатпаласара III создали предпосылки к ее новому возвышению. При Ассархаддоне ассирийцы уже широко применяли конницу. Полагают, что с наибольшим успехом она использовалась в пересеченной местности, где традиционным колесницам действовать было трудно. Дошли до нас и изображения ассирийских всадников этого времени.

На каменном барельефе из Ниневии (рис. 3) хорошо видны не только фигуры воинов, скачущих верхом, но и детали их вооружения, конская упряжь, даже выражение их лиц. Какова резкая разница в этих двух изображениях, которые разделяет не более двух столетий! Ассириец VII в. до н. э. сидел на лошади так же, как это принято и в наши дни. В его облике нет ни тени прежней скованности и неуверенности. Он галопирует, бросив поводья и размахивая боевым топором. Пожалуй, никто не усомнится в том, что он — профессиональный наездник. Чем же объяснить столь быстрый прогресс в технике верховой езды у ассирийцев?

Весьма убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые связывают распространение конницы в Ассирии с проникновением в Переднюю Азию кочевников-скифов⁶. Впервые этот народ упоминается в ассирийских текстах около 700 г. до н. э. То было время, когда скифские племена начали стремительно продвигаться из степей Придонья на юг, вдоль побережья Каспийского моря в Закавказье (недаром Эсхил назвал Кавказ «скифской дорогой»). Вскоре кочевники начинают всерьез вмешиваться в большую политику ближневосточных государств. Около 674 г. до н. э. царь скифов женится на дочери Ассархаддона и оказывает «царю царей» важную услугу, вступив с ним в союз. Впрочем, это не помешало скифам позже объединиться с мидийцами и захватить в 612 г. Ниневию, что привело в конечном итоге к падению Ассирийской державы. Вот на каком историческом фоне, надо полагать, и произошли те существенные сдвиги в военной технике, которые зафиксированы двумя ассирийскими барельефами.

⁵ Trippett F. The First Horsemen.—Time-Life International (Nederland) B. V., 1976, г. 62.

⁶ История древнего мира/Под ред. Дьяконова И. М., Нероновой В. Д., Свенцицкой И. С. Т. II. М.: Наука, 1982, с. 7—8.

Рис. 1. Древнеегипетское изображение всадника. XIV в. до н. э. (Trippett F. The First Horseman. 1976, p. 62). Этот и все последующие рисунки — прорисовки художника М. Г. Семашкевич

Рис. 2. Фрагмент ассирийского барельефа. Середина IX в. до н. э. (Trippett F. Ibid, p. 62)

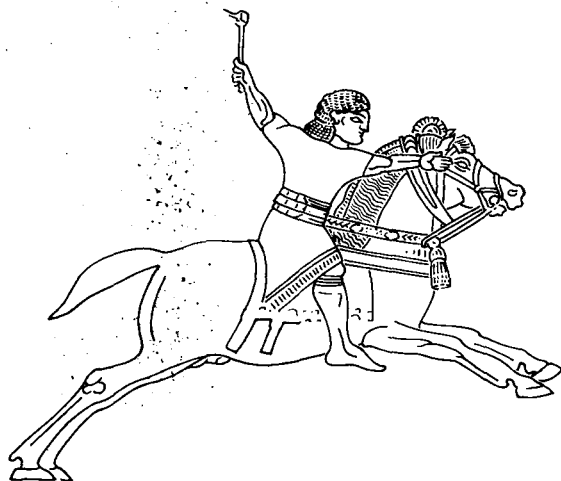

Рис. 3. Ассирийское изображение война в седле. VII в. до н. э. (Trippett F. Ibid, p. 63)

Но взглянем на них еще раз и отметим, что умелые всадники Ассар-хаддона не пользовались стремями: их ноги плотно прижаты к бокам лошади, а носок оттянут вниз. Значит ли это, что, переняв у скифов манеру езды верхом, ассирийцы почему-то воздержались от использования столь важного атрибута конской упряжи, каким является стремя? Или сами скифы еще не знали стремян?

В поисках ответа на эти вопросы нужно обратиться к археологическим памятникам, оставленным племенами «скифского мира».

Все дороги ведут в Эрмитаж

*Взяв коня и сев
на него, скиф
несётся куда хочет...*

Климент Александрийский

Лето 1924 г. Группа археологов, участников экспедиции этнографического отдела Русского музея, приблизилась к большому кургану, сферическая насыпь которого напоминала бесформенную кучу камней. За первым курганом, образуя цепочку, виднелось еще несколько каменных насыпей. Остановившись, исследователи с интересом всматривались в открывающуюся панораму ложбины древнего ледникового происхождения. У местных жителей она носила название Пазырык. Здесь, в Горном Алтае, в 80 км от Телецкого озера, даже в солнечный день было прохладно. Сказывалась высота: 1600 м над уровнем моря. Пологие буровато-зеленые холмы с небольшими рощицами стройных лиственниц уходили в голубую даль, сливаясь с изломанной линией Чулышманского хребта. Что могло здесь ждать ученых, было еще неизвестно, и небольшие рекогносцировочные работы, проведенные в долине руководителем экспедиции С. И. Руденко, казалось, не предвещали ничего особенного.

Но результаты раскопок Пазырыкских курганов буквально потрясли научный мир сенсационностью находок. Под каменной наброской обнаружилась ледяная линза, сохранившая, как в гигантском холодильнике, в течение двух с половиной тысяч лет почти в первозданном виде все то, чего обычно время не щадило, от чего даже порой не оставалось и следа. И хотя курган был еще в древности ограблен, сделанные в нем находки были поразительны. Они воскресили для нас удивительно ярко и образно давно ушедшие черты быта и культуры кочевников скифской эпохи. И среди самых интересных открытий была находка десяти трупов лошадей с полностью сохранившейся упряжью.

В первом Пазырыкском кургане были найдены конские седла. Они состояли из двух набитых шерстью кожаных подушек, соединенных между собой и с двух сторон накладывавшихся на спину коня. Поверх седла закреплялась подпруга, сзади к нему был присоединен подхвостник, спереди — нагрудный ремень. К седлу было привязано несколько ремешков, свешивавшихся вниз, — частью для украшения, частью для приторачивания груза.

Надо сказать, что многочисленные археологические исследования в Великом поясе степей Евразии свидетельствовали о чрезвычайной близости многих элементов материальной и духовной культуры этого «скифского мира». Объяснялось это как господством единого хозяйственно-культурного типа, так и особенностями кочевой жизни скифов, благодаря чему отдельные достижения культуры чрезвычайно быстро распространялись на огромные расстояния. Сравнение седел из Пазырыка с другими, известными по изображениям того же времени, давало основание полагать, что в скифскую эпоху (VIII—III вв. до н. э.) ни у одного народа стремя еще не существовало. К такому убеждению пришел и один из авторов этих строк, когда он в начале 60-х годов занялся специальным исследованием истории конской упряжи⁷.

⁷ Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 62.

Однако в то же время крупный советский археолог — специалист по истории скифской эпохи, касаясь упряжи скифов, утверждал: «По-видимому, с IV в. до н. э. появляются примитивные стремяна в виде ременных петель... Без такого упора всадник, особенно тяжело вооруженный, не мог легко вылезти из седла»⁸.

Эту точку зрения разделяли также и другие исследователи. Единственным основанием для такого вывода обычно служила ссылка на знаменитую Чертомлыкскую вазу: на одном из ее фризів изображена оседланная лошадь со свисающим стремянем в виде петли⁹. Эта ваза хранится в Эрмитаже, но в Государственном историческом музее в Москве экспонируется ее копия. И действительно, на ней можно увидеть скифа, стреноживающего взнузданного и оседланного коня, у которого с седла свисает отчетливо видная петля.

Чертомлыкская ваза путала все карты. Вопреки совокупности фактов, казалось бы, свидетельствовавших о незнакомстве ранних кочевников со стремянами, с одного из скифских седел упрямо свешивалась вниз кожаная петля. Но может быть, при копировании древнего предмета допущена неточность? Нужно было ехать в Ленинград, чтобы ознакомиться с подлинником.

Ваза извлечена из шкафа. Увеличительное стекло позволило различить мельчайшие детали злополучного седла. И что же? Стремени в виде петли... на нем не оказалось! Вниз спустился тонкий и прямой конец подпружного ремня. Да, на московской копии, действительно, была явная неточность¹⁰.

Неисповедимы пути научного исследования. Прошло несколько лет... и когда эта статья была уже в основном написана, авторитетный английский журнал «Antiquity» опубликовал статью М. Литтауер, содержащую сенсационное утверждение, что у одного из двух всадников на известной золотой гривне из скифского кургана Куль-Оба, хранящейся в Эрмитаже, ею обнаружено стремя, укрепленное на цепи, а следовательно, уже скифы его знали¹¹. Это было полной неожиданностью. Что делать? Пришлось нам снова ехать в Ленинград, чтобы проверить и это сообщение.

Мнение Б. Б. Пиотровского, которому мы рассказали о цели нашего посещения, было вполне определенным: «Какие там стремяна, это же, вот, штрипки!». Идем в Особую кладовую Эрмитажа. Гривна лежит на специальном столе. Яркий свет. В руках сильная лупа. Осматривается каждый миллиметр изображения. У одного из всадников в левой руке повод, а правая рука свисает, сжимая в кисти какой-то отсутствующий предмет. Несколько ниже по внутренней стороне правой ноги идут, опускаясь вниз, две узкие золотые пластинки, тщательно сплетенные между собой. Чуть ниже колена плетение заканчивается небольшим узелком и продолжается в виде двух свободно свисающих узких пластин, не достигающих до конца штанов, причем один конец короче другого. Никакой связи со штрипкой. Никакого стремени. Так это же — поразительно реалистично и точно изображенный плетеный ремень. Такие же плети до сих пор можно увидеть в правой руке всадников — тувинцев, алтайцев, киргизов... Рукоятка тоже явно была, но, к сожалению, не сохранилась (отчетливо видно отверстие в кисти правой руки, где она находилась). Левая рука второго всадника держит повод, но его правая свободно опущена, кисть ее плотно сжата.

Таким образом, сейчас можно со всей определенностью говорить, что ни на одном известном изображении скифского времени стремян нет.

⁸ Смирнов А. П. Скифы. М.: Наука, 1966, с. 153.

⁹ Arendt W. W. Sur l'apparation de l'étrier chez les Scythes.— Eurasia septentrionalis antiqua, IX. Helsinki, 1934, p. 206, 208; Minns E. N. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, fig. 48; Кларк Г. Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит., 1953, с. 307, прим. 154.

¹⁰ Вайнштейн С. И., Указ. раб., с. 62.

¹¹ Littauer M. A. Early Stirrups.— Antiquity, LV. Cambridge, 1981, p. 99—105.

Я слышал, что хуся изменяли варваров, но чтобы хуся изменялись под воздействием варваров, такого мне слышать не приходилось.

Мэн-цзи

Улин-вана, правителя древнекитайского царства Чжао, одолевали сомнения. Он прямо так и сказал своим приближенным, желая получить от них совет и поддержку: «Сам-то я уверен в том, что сделать это необходимо, но боюсь, что Поднебесная будет смеяться надо мной»¹².

Большинство сановников Улин-вана было категорически против предлагавшегося нововведения. Да и как мог добропорядочный конфуцианец, свято уверовавший в то, что только древнекитайские Срединные царства являются средоточием мудрости и непорочности нравов, согласиться на заимствование чего бы то ни было у варваров-соседей? Поэтому предложение царя казалось им кощунством над светлой памятью мудрых правителей прошлого: Улин-ван хотел ведь — подумать страшно! — перенять у варваров их одежду и заставить своих воинов надеть штаны.

В V—IV вв. до н. э. не одни только хуся (древние китайцы) с нескрываемым отвращением относились к идее о том, что уважающий себя мужчина может носить штаны. Вспомним хотя бы эллина Еврипида, который порицал Прекрасную Елену не за то, что та изменила своему Менелаю, а за то, что она предпочла ему варвара в пестрых шароварах вокруг чресел! Так что можно понять Улин-вана, желавшего в 305 г. до н. э. сначала тщательно взвесить все «за» и «против», а потом уж решаться на этот шаг.

К важной государственной реформе царя побуждали отнюдь не мода и не желание покрасоваться в столь эксцентрическом наряде. Государство Чжао лежало на границе между плодородным лессовым плато и степными просторами к северу от Ордоса. Улин-ван вознамерился подчинить себе своих ближайших соседей, которые добывали средство к жизни не земледелием, а пасли стада, «переходя с места на место в поисках травы и воды». Соседи были кочевниками, и Улин-ван понимал, что воевать с ними, не имея собственной конницы, бессмысленно. До той поры древние китайцы никогда не сражались верхом, предпочитая полагаться на мощь своих боевых колесниц. Теперь возникла необходимость реформировать войско и посадить воинов в седло. Вот для этого-то и пришлось правителю хуся, закрыв глаза на вековые традиции, ратовать за ношение штанов: без них верхом не очень-то повоюешь!

Как ни сопротивлялись приближенные-конфуцианцы, введение в чжаоском войске варварской одежды было в конце концов санкционировано, а вслед за Чжао стали вводить у себя конницу и другие древнекитайские государства. Но что же представляло из себя то седло, в которое Улин-ван посадил своих одетых в штаны воинов? И было ли оно оснащено стремями?

Один из самых ранних древнекитайских рисунков, воспроизводящих оседланную лошадь, дошел до нас на бронзовом зеркале IV в. до н. э. (рис. 4). Всадник, вооруженный коротким кинжалом, соскакивает с коня, чтобы вступить в единоборство с тигром. Седло изображено здесь в виде подушки, к передней части которой прикреплен ремень со свешивающейся вниз кистью. Стремья на рисунке нет.

Еще более убедительными явились результаты раскопок, производимых с начала 70-х годов по соседству с тем местом, где в 210 г. до н. э. был погребен император Цинь Шихуан, впервые объединивший древний Китай.

В непосредственной близости от грандиозной усыпальницы были открыты рвы, в которых находились терракотовые фигуры воинов-стражей.

¹² *Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 6. Пекин, 1955, с. 2676 (на кит. яз.).*

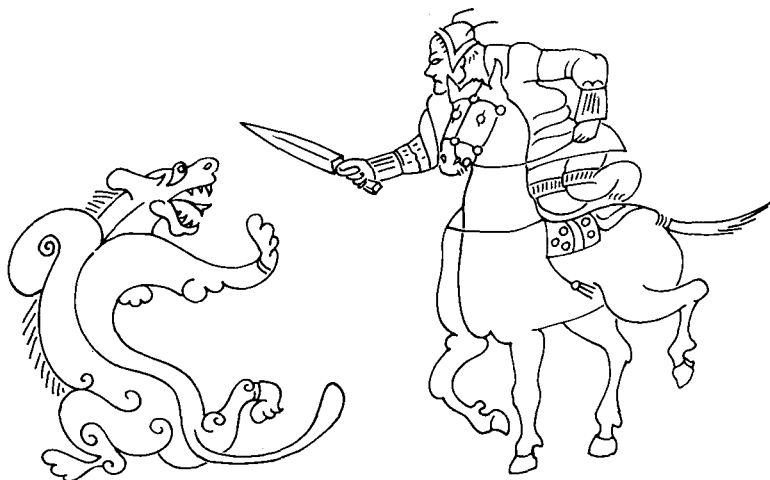

Рис. 4. Схватка с тигром. С древнекитайского зеркала IV в. до н. э. (Хаяси Минао. Китайское оружие в эпоху Инь-Чжоу. Токио, 1972, с. 431, на япон. яз.)

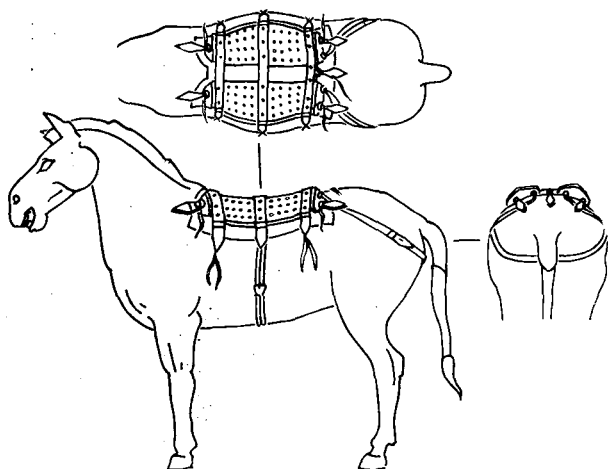

Рис. 5. Боевой конь под седлом. Статуэтка из погребения Цинь Шихуана. III в. до н. э. (Вэньу, 1978, № 5, с. 18. на кит. яз.)

Эти статуи изображали людей в натуральную величину. Тщательнейшим образом переданы детали костюма (в том числе, конечно, штанов), головных уборов, причесок. Реалистичность этих изображений настолько высока, что известный советский антрополог Н. Н. Чебоксаров считал даже возможным использовать их для характеристики расового типа древних китайцев III в. до н. э.¹³ Есть среди этих «гвардейцев Цинь Шихуана» и всадники: их несколько десятков, и у каждого наготове запасная оседланная лошадь. Для нас это особенно большая удача: есть возможность во всех деталях рассмотреть изображенные в натуральную величину седла.

Плоская стеганая подушка с небольшими поперечными утолщениями спереди и сзади; подпружный ремень застегивается слева под брюхом лошади большой металлической пряжкой; параллельно ему с седла спускаются еще два более коротких ремня, украшенных кистями: есть и подхвостный ремень, не позволяющий седлу сбиваться на холку. И никаких признаков стремян (рис. 5).

¹³ Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983, с. 77—80.

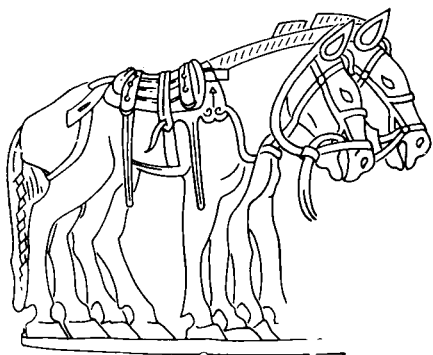

Рис. 6. Фрагмент золотой бляхи из Сибирской коллекции Петра I. Государственный Эрмитаж

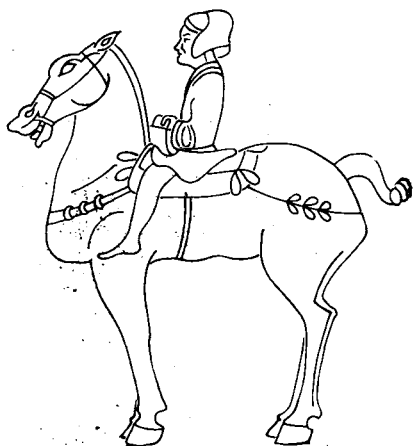

Рис. 7. Терракотовая статуэтка из древнекитайского погребения II в. до н. э. (Вэньу, 1966, № 3, табл. 1, на кит. яз.)

Древнекитайское седло III в. до н. э. обнаруживает, таким образом, явные черты, сближающие его с соответствующим предметом упряжи, употреблявшимся в это время степными кочевниками. Оно почти аналогично седлам, найденным в пазырыкских курганах и изображенным на золотой пластине из Сибирской коллекции Петра I (рис. 6). Этот тип седла употреблялся в древнем Китае и позже — в эпоху Хань.

О том, как выглядели древнекитайские седла во II в. до н. э., мы можем судить по находкам в погребении ханьского полководца, раскопанном близ Сиани. И здесь в специальных ямах рядом с гробницей расставлены глиняные фигурки воинов. Создается впечатление, что за своим начальником в потусторонний мир двинулась вся его армия: общее число изображений превышает 2300 (в том числе более 500 всадников). Плоские «мягкие» седла, представленные на этих статуэтках, в принципе ничем не отличаются от своего прототипа III в. до н. э. (рис. 7).

К сожалению, глиняные раскрашенные фигурки всадников из Сиани выполнены гораздо менее тщательно, чем изображения «гвардейцев Цинь Шихуана». Впрочем, этот недостаток отчасти компенсируется тем, что в нашем распоряжении есть еще одна серия статуэток (на этот раз бронзовых), изображающих всадников и оседланных лошадей. Они датируются I в. н. э. На них четко просматриваются седла в виде подушек, к краю которых пришиты кольца для ремней.

Во всех случаях древнекитайские всадники IV в. до н. э.— I в. н. э. сидят так же, как и скифы. Неслучайно поэтому на каменном барельефе II в. из Шаньдуна мы видим конюшню, где слуга чистит коня; рядом развешана упряжь — уздечка, седло, какие-то другие предметы, но стремян среди них нет.

Подножка из Чанша

Слово «дэн» [стремя] этимологически связано с понятием «подниматься», «садиться в седло».

Толковый словарь китайского языка

Наш читатель наверняка уже проявляет признаки нетерпения. В самом деле, полстатьи прочитано, а до стремян, оказывается, мы так и не добрались. Их не было ни у скифов, ни у ассирийцев, ни у китайцев вплоть до I—II вв.

Тогда, может быть, гунны?

Некоторые исследователи придерживались в свое время именно этой точки зрения. Так, например, Дж. Кларк утверждал, что металлические стремена впервые появились у центральноазиатских гуннов (сюнну) на рубеже нашей эры¹⁴. Жаль только что в подтверждение данной версии он не привел конкретных доказательств.

В Минусинском музее хранятся любопытные экспонаты — миниатюрные модели стремян. Обнаружены они не в инвентаре погребений, подвергнутых археологическим раскопкам, — это случайные находки из района среднего течения Енисея. Полагая, что позднее III в. модели вещей не встречаются в погребениях, Л. Р. Кызласов пришел к выводу: «Миниатюрные стремена следует относить, самое позднее, к уйбатскому этапу» (III в.)¹⁵.

Итак, древнейшие в мире стремена найдены на Енисее? Нет, это мнение вряд ли убедит всех участников спора у постамента Медного Всадника. И не убедит прежде всего потому, что ни в одном археологическом комплексе гунно-сарматского времени ни в Азии, ни в Европе вместе с конской упряжью ни разу не были найдены стремена¹⁶. Что же касается недатированных миниатюрных стремян, то они могут относиться и к гораздо более позднему времени: на верхнем Енисее обычай класть в погребения votивные модели вещей археологически засвидетельствован в различных памятниках вплоть до VI—VIII вв.

Древнейшими в мире предметами, имеющими прямое отношение к изобретению стремян, остаются сегодня находки в погребении № 21 близ Чанша (Центральный Китай). Относительно даты этого захоронения двух мнений быть не может: на кирпичах, использованных при сооружении гробницы, есть текст: «Сделано в десятый день пятой луны второго года Юн-пин». В древнем Китае, как и в большинстве других стран, летосчисление велось по годам правления царей. Достаточно взглянуть в справочник, чтобы убедиться: второй год Юн-пин — это 302 г. н. э.

Среди многочисленных фигурок людей, которые должны были сопровождать погребенного в иной мир, 14 статуэток оседланных лошадей, 13 из них со всадниками. Ноги у всех свободно свисают. Но что это? В трех случаях спереди слева у седла видны какие-то своеобразные приспособления на ремне. Стремена? Эта находка и некоторые другие факты позволили прийти к выводу, что стремя, без которого мы сейчас не можем представить себе верховой езды, началось вот с такого несложного приспособления, что это — прототип будущего стремени, своего рода «подножка», которой пользовались, чтобы легче было сесть в седло. Не случайно помещается она с левой стороны седла: на коня всегда садились слева. Вставил ногу в эту петлю, вскочил верхом, а тут уже можно ногу освободить, потому что сидеть с ногой на «подножке» неудобно: она закреплена слишком высоко. Вот почему всадников из Чанша на первый взгляд не отличишь по их позе ни от скифов, ни от воинов Цинь Шихуана (рис. 8).

Открытие изображений всадников с односторонними «подножками», прикрепленными к седлу, имело принципиальное значение для исследования истории стремян. Оно сразу привлекло к себе пристальное внимание специалистов¹⁷. Но оставались еще и некоторые сомнения: в какой мере такие «подножки» были типичны для своего времени? Ведь вообще-то не исключено, что по тем или иным причинам мастер, изготавливавший статуэтки из Чанша, ограничился изображением одного стремени, хотя в действительности всадники тогда уже пользовались двумя.

¹⁴ Кларк Г. Указ. раб., с. 307.

¹⁵ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960, с. 140, рис. 51, 9, 10.

¹⁶ В этой связи представляет интерес недавняя находка в Анапе надгробия II в. н. э. с изображением всадника и двух оседланных коней: на нем отчетливо видны «мягкие» седла без стремян (находка хранится в Институте археологии АН СССР).

¹⁷ Впервые эти выводы сделаны в 1966 г. С. И. Вайнштейном (Указ. раб. с. 64). См. также: Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.). — Сов. археология, 1973, № 4, с. 83; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979, с. 164—165.

Ответ скептикам был дан фактически еще в 1973 г., когда близ Аньяна, в провинции Хэнань (КНР), было раскопано погребение начала IV в. с многочисленными предметами конской упряжи. К сожалению, опубликованы эти материалы были лишь почти десять лет спустя, но зато теперь они уже не выглядят единичным свидетельством, а прекрасно вписываются в широкий исторический контекст.

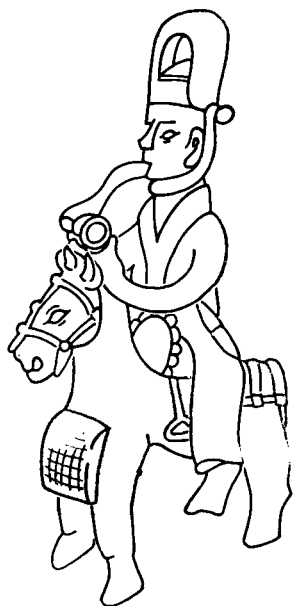

Рис. 8. Седло с левосторонней «подножкой». Погребальная фигурка из Чанша. 302 г. (Каогу сюэбао, 1959, № 3, табл. XII-3, на кит. яз.)

В погребении № 154 близ Аньяна было обнаружено захоронение, принадлежавшее, по всей видимости, знатному сяньбийцу — одному из тех, кто в начале нашей эры на протяжении нескольких столетий чувствовал себя хозяином Северного Китая. В результате «варварского» завоевания здесь возникло несколько государственных образований, основанных бывшими кочевниками. Погребенный лежал на спине, под головой у него было седло. Благодаря этому все детали последнего оказались при раскопках непо потревоженными. У археологов появилась редкая возможность реконструировать весь комплекс конской упряжи IV в.

Аньянское седло имело жесткую деревянную основу, подобную той, которую мы видим, например, на объемном изображении оседланной лошади из Турфана, относящемся примерно к тому же времени¹⁸. Первое, что бросается в глаза, — это вертикальные плоские луки (передняя несколько меньших размеров, задняя более массивна). Седло фиксируется на спине лошади посредством двух подпружных, нагрудного и подхвостного, ремней, украшенных накладными бронзовыми бляшками с позолотой. Слева на коротком ремне с седла свешивается бронзовое позолоченное стремя — та самая «подножка», которую мы видели на статуэтках из Чанша (рис. 9).

Читатель, глядя на эти рисунки, вероятно, согласится с тем, что без подножки тяжеловооруженный всадник вообще не мог бы сесть в седло с такими высокими луками.

А от подножки до настоящего стремени — рукой подать...

У Восточного моря и еще дальше

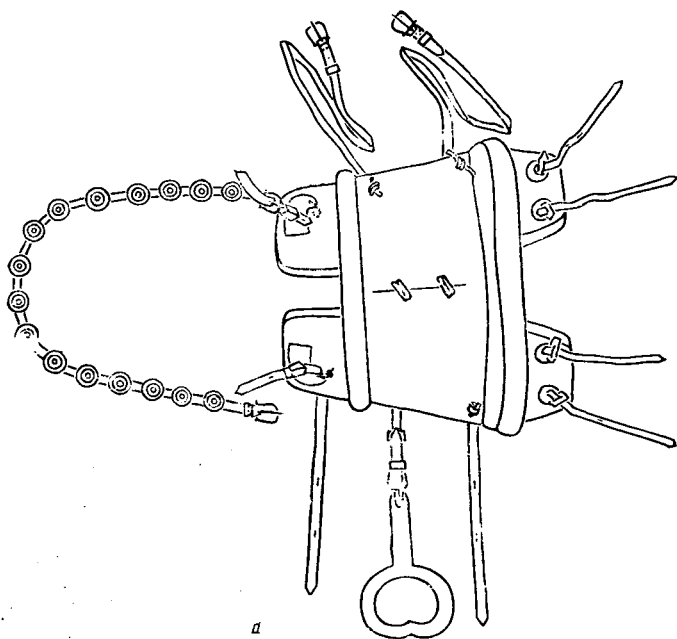
Осенью 15 года правления нашего императора Одзина царь корейского государства Кудара преподнес двух прекрасных коней, содержать которых было решено в Курано-Сакауэ в Ямато.

Древнеяпонское историческое сочинение «Нихон сёки»

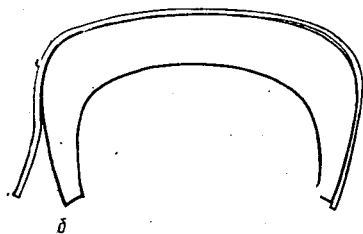
«...И когда луч света через разлом в потолке коридора проник вниз и мы увидели в полумраке гробницы восьмигранную колонну — радости нашей не было конца. Забыв обо всем, мы принялись, как дети, обнимать друг друга и кричать „мансэй!“. Затем по одному через щель стали спускаться вниз...».

Так описывает корейский археолог То Юхо начало раскопок одной из гробниц царства Когурё, ставшего в IV в. одной из могущественных держав Восточной Азии.

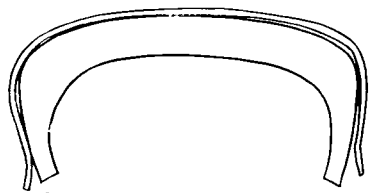
¹⁸ Памятники материальной культуры Синьцзяна. Пекин, 1975, с. 27, № 44 (на кит. яз.).

а

б

в

Рис. 9. Реконструкция седла из Аньяна. Начало IV в. (Каогу, 1983, № 6, с. 557, табл. 1—2, 3, на кит. яз.); а — вид сверху; б — накладка на переднюю луку; в — накладка на заднюю луку

Первоначальная территория формирования когуресской этнической общности лежала в восточной части Маньчжурии и на севере Корейского полуострова, в непосредственной близости к местам обитания кочевников-сяньбийцев. В IV—V вв. когуресцы, как и китайцы, оказались в самой гуще событий, получивших название «восточноазиатского переселения народов». Значительные массы населения пришли в движение, перемещаясь на огромные расстояния и усваивая по дороге новые для них черты культуры и быта, и среди этих черт — комплекс элементов материальной культуры, представлений, привычек, связанных с конем.

Так вот, именно в этот период времени в низовьях Янцзы, в горных долинах Кореи и на далеких Японских островах, в разных точках восточноазиатской ойкумены, на фресках, в погребальной пластике и даже в форме диковинных сосудов появляются изображения всадников. Их очень много, но все они похожи друг на друга и резко отличаются от наездников предшествовавших эпох.

Самое раннее из этих изображений найдено в гробнице древнекитайского аристократа из рода Ван близ Нанкина (рис. 10). По ряду признаков оно может быть датировано первой четвертью IV в., вероятнее всего 322 г. И вот когда смотришь на когуресского всадника с фрески IV в. (рис. 11), то трудно отделаться от мысли, что он скачет на коне, которого оседлали в Нанкине. И уже тем более трудно отличить его от конного воина из знаменитого кургана «Золотых колокольцев» в Силла (рис. 12). Он относится к V в.; несколько более поздним временем датируются японские ханива в виде оседланных лошадей (рис. 13).

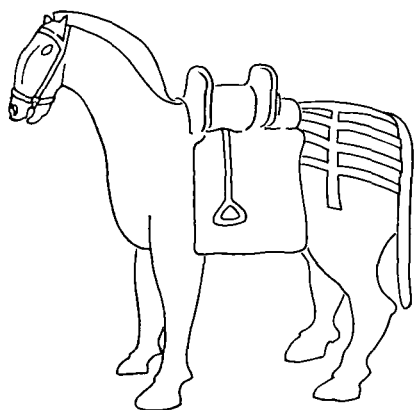

Рис. 10. Терракотовая статуэтка из древнекитайского погребения начала IV в. (Вэньу, 1972, № 11, с. 40, на кит. яз.)

Рис. 11. Фрагмент когуресской фрески. IV в. (Кого минсок, 1966, № 3, с. 12, на кор. яз.)

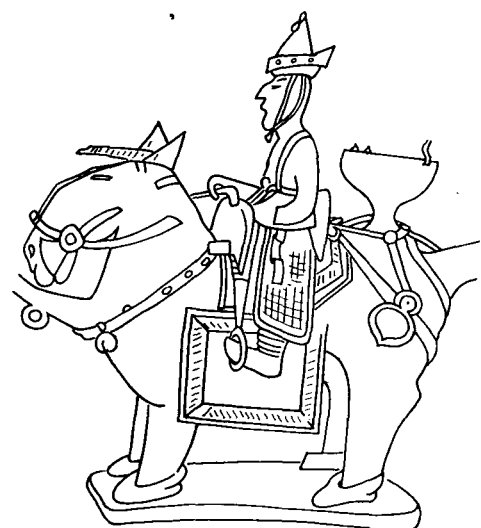

Рис. 12. Сосуд в виде всадника. Силла. V—VI вв. (Каталог выставки «Пять тысяч лет корейского искусства». Токио, 1976, № 64, на япон. яз.)

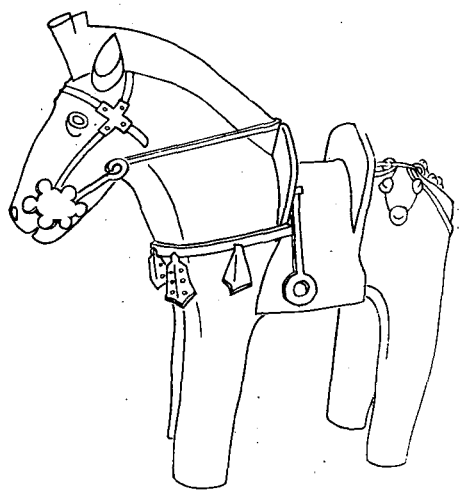

Рис. 13. Ханива. VII в. Национальный Токийский музей

Сравним эти изображения и убедимся, что сходство их заключается не только в идентичности всего набора компонентов сбруи, но и в их специфических особенностях. Совершенно не похоже на прежнюю мягкую подушку седла: оно оснащено теперь двумя высокими вертикальными луками, так что всадник оказывается плотно зажатым между ними. Совершенно очевидно, что такие луки могут быть лишь у жесткого седла с прочной деревянной основой.

Вторая особенность — длинная (кожаная?) лопасть, свешивающаяся ниже уровня ступней всадника. Появление этой детали седла объясняется, надо полагать, тем, что ноги наездника теперь вставлены в стремяна и без лопасти ими можно поранить бока коню.

А вот и стремяна! Это уже не подножка, потому что, сев в седло, человек не вынимает ноги из стремян, а упирается в них, повышая тем самым свою устойчивость и более уверенно управляя конем. Благодаря этому всадник может теперь стрелять на скаку.

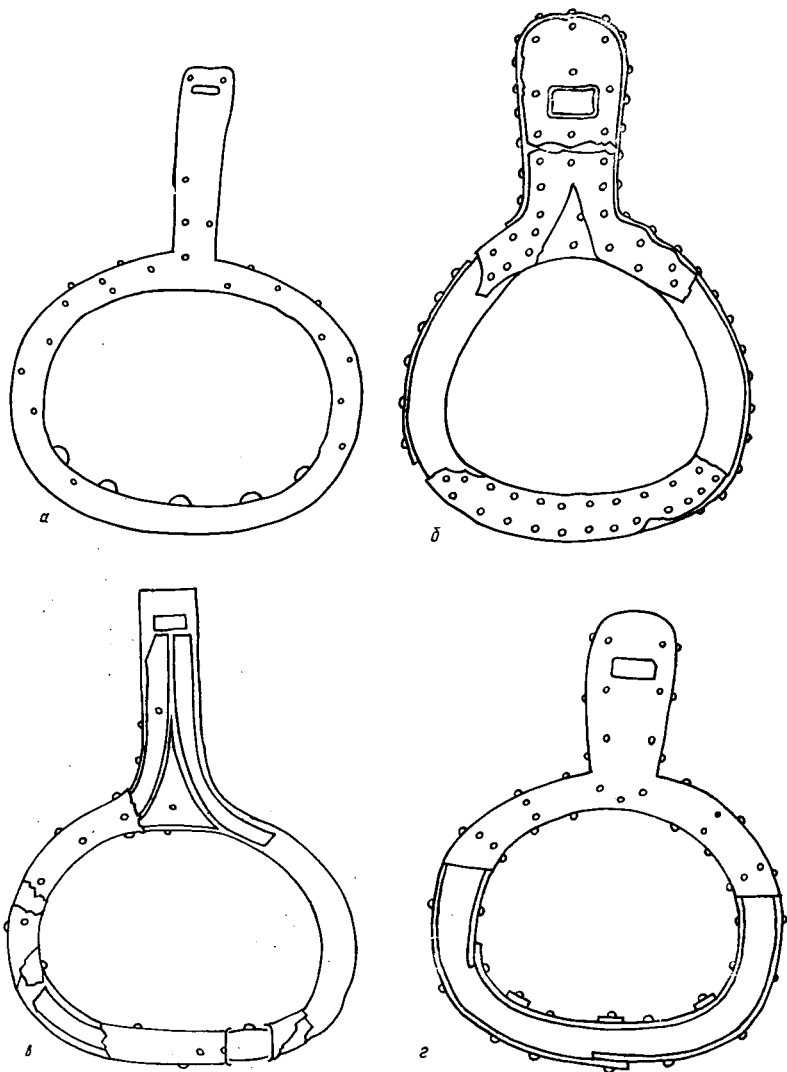

Рис. 14. Стремени V—VI вв.: а — когурёсцы (Каогу, 1977, № 2, с. 124, на кит. яз.); б — сяньбийцы (Вэньу, 1973, № 3, на кит. яз.); в — силласцы (археологическая коллекция Умэхара, Тоёбунка, Токио, № 6503, на япон. яз.); г — древние японцы (*Окадзаки Такаси*. Эпоха Вэй Цзинь, Южных и Северных династий. Токио, 1977, с. 72, на япон. яз.)

На изображениях оседланных лошадей IV—VI вв. стремени переданы довольно условно, и, рассматривая их, трудно даже предположить, что на протяжении этих двух-трех столетий с ними происходили любопытные изменения.

Судить об этом мы можем благодаря находкам в погребениях настоящих стремени вместе с другими компонентами конской сбруи. Вероятно, самыми ранними экземплярами являются два стремени IV в. из когуресских захоронений в Цзиане (провинция Цзилинь). Они деревянные, окованы позолоченной листовой бронзой (рис. 14, а) и как две капли воды похожи на «подножку» из Аньяна. Аналогичные стремени обнаружены также в могиле сяньбийского правителя, умершего в 415 г. Форма их несколько иная: вертикальная планка стала короче (рис. 14, б). Сохранность предметов хуже предыдущих, но это между прочим дает возможность конкретно представить себе способ изготовления таких стремени: их деревянная основа согнута из одного прута. Почти совершенно не отличаются от них стремени из кургана «Золотых колокольцев» в Силла (рис. 14, в), а вот в силланском кургане «Небесной

Лошади» найдены стремена, приближающиеся по форме к более раннему, когуресскому типу.

В конце V в. в Силла начинают изготавливать стремена, применяя для оковки уже не позолоченную бронзу, а листовое железо. Именно такие стремена были завезены в VI в. в Японию (рис. 14, г). Позднее здесь впервые появляются стремена, целиком кованные из железа.

Кокэльский аккорд

*И одел на коня огромное, как перевал,
ярко-красное седло с остовом из сандалового дерева...*

Тувинский эпос

Не менее двухсот лет понадобилось жесткому седлу со стременами, чтобы проделать путь от Северного Китая до Японии. И неудивительно! Двигаться по суше — это еще куда ни шло, а вот как оседланные лошади преодолели морские просторы, отделяющие Корейский полуостров от Японского архипелага, — на этот вопрос в сущности пока еще нет ответа. Добравшись же до этих отдаленных мест само седло еще долго оставалось без изменений. Тем временем в степях Евразии жизнь шла своим чередом. Там возникали и гибли недолговечные подлитические образования, создававшиеся недавними кочевниками, которые передавали своим оседлым соседям способы обращения с конем и приготовления кумыса, усваивая при этом не только навыки земледелия и строительства жилищ, но также чужую письменность и формы стихосложения. Одно из ведущих мест среди этих народов по-прежнему занимали сяньбийцы, переживавшие в VI в. своеобразный «ренессанс» своей традиционной культуры. Как и несколько столетий назад, сяньбийцы вновь стали заплетать косы и ходить в сапогах. Говорить по-сяньбийски стало модой, которая быстро распространялась среди китайского населения Севера. Многие китайцы принимали сяньбийские фамилии, а когда одного из них спросили, почему он вопреки исконному китайскому обычаю носит халат, запахнутый справа налево¹⁹, он ответил фразой, которая наверняка показалась бы конфуцианцу кошунственной: «На какую сторону запахивать одежду — не все ли равно!» Вот в такой своеобразной ситуации с седлом, ставшим неотъемлемым атрибутом конской упряжи, начинают происходить существенные изменения.

За последние годы в Северном Китае раскопано немало погребений VI в. Эпитафии, клавшиеся в могилу, позволяют судить о том, что некоторые из них принадлежат сяньбийцам, другие — китайцам, хотя сопровождающий инвентарь не обнаруживает сколько-нибудь значительных различий. На полихромных фресках нередко изображены всадники и лошади: в потустороннем мире человека должно было окружать все то, к чему он привык при жизни. Если внимательно присмотреться к этим изображениям, то можно обнаружить на них следы трансформации седла и стремян.

Стремя теперь уже не круглое, как раньше: оно состоит как бы из двух частей. Нижняя часть — плоская и прямая, а верхняя — удлиненная и по форме напоминает арочный свод. Нога в таком стремени, бесспорно, более устойчива, а это позволяет надежнее контролировать коня шенкелями. Очень жаль, что в эту эпоху было принято покрывать оседланных лошадей попоной. На изображениях она скрывает от нас детали конструкции седла. Но и по общим контурам его можно с уверенностью утверждать, что луки теперь уже не расположены вертикально, как прежде, а изогнуты и плавно переходят в сиденье. Именно такая конфигурация седла отчетливо видна и на терракотовой статуэтке из погребения, датированного 576 г. (рис. 15).

¹⁹ Такая традиция ношения одежды восходит к эпохе ранних кочевников и была характерна еще для скифов. Следовали ей и древние турки. См. *Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* Об облике древних турков — В кн.: *Туркологический сборник*. М.: Наука, 1966, с. 182—185.

Мы не в состоянии снять с этих скакунов попону, мешающую нам так следует рассмотреть предмет наших изысканий. Выход один — искать материальные остатки седла, выглядевшего весьма изящно на изображениях VI в. Основа его была сделана из дерева, недолговечного материала, увы, столь редко сохранявшегося в погребениях. Однако ведь бывает же на свете везение?..

Путь археолого-этнографического отряда Тувинской экспедиции Института этнографии АН СССР в один из жарких летних дней 1959 г. лежал в долину р. Алды-Ишкин. Почти плоский и однообразный степной пейзаж Западной Тувы, лишь кое-где иссеченный линиями арыков,

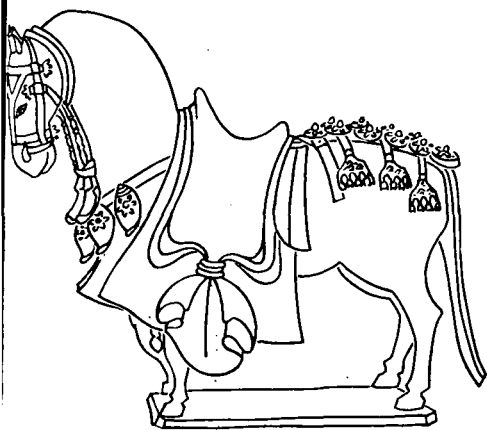

Рис. 15. Оседланный конь. Погребальная статуэтка. Северный Китай. 576 г. (Каогу, 1979, № 3, с. 240, на кит. яз.)

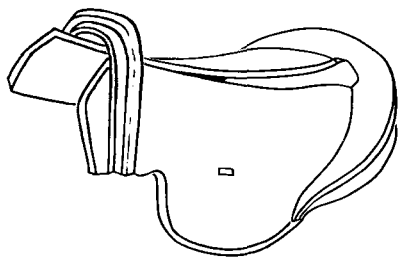

Рис. 16. Седло древнетюркского типа. Кокель VII—VIII вв. (Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— Сов. этнография, 1966, № 3, с. 68)

постепенно сменили холмистые предгорья Западного Саяна. Преодолевая подъем, машина медленно поднималась к урочищу Кокэль. Справа и слева от дороги виднелись невысокие, но огромные по площади каменные насыпи неправильных очертаний, а рядом с ними в нескольких местах — небольшие, поросшие травой округлые курганы. Осматривая этот обширный могильник, исследователи обнаружили здесь помимо курганов древнетюркские оградки и любопытное каменное изваяние тюркского воина в латах, как бы стерегущего вечный покой усопших. Отряд приступил к раскопкам. Результаты исследования могильника Кокэль превзошли все ожидания. Здесь были открыты и тщательно изучены памятники скифского времени, огромные курганы-кладбища племен гуннского мира со многими сотнями неповрежденных погребений, а также древнетюркские курганы, разбросанные в разных частях могильника. Последние были оставлены местными кочевыми племенами во второй половине I тысячелетия, но время их сооружения разделяли многие десятилетия²⁰. И вот в них была впервые открыта уникальная серия хорошо сохранившихся конских седел:

Кокэльские седла (рис. 16) были значительно совершеннее прежних. Изменились формы полков и лук. Последние стали изящнее и намного ниже, они (особенно задняя) теперь слегка наклонены и за счет этого более плавно и органично вписываются в силуэт седла. Были и другие конструктивные новшества. Все это сделало седло более удобным для всадника. Теперь ему было намного легче садиться на коня, поворачиваться на всем скаку, наклоняться вперед или назад, что было особенно важно при использовании нового вида оружия — сабли.

²⁰ Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— В кн.: Тр. Тувин. комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.—Л.: Наука, 1966, с. 292—347.

Как время появления нового типа седла в VI в., так и территория его распространения в это время позволяют предполагать, что это изобретение связано с древнетюркскими кочевыми племенами, передавшими его поздним сяньбийцам, китайцам и другим соседним народам Центральной и Восточной Азии. В VII—VIII вв., по мере распространения влияния древнетюркской культуры, новый тип седла далеко вышел за пределы собственно тюркского мира, став достоянием многих народов Азии и Европы.

Дальнейшая эволюция седла привела к образованию на рубеже I и II тысячелетий новых форм, сохранявшихся у кочевников до этнографической современности, но исходным для них был древнетюркский тип седла.

Очень краткий эпилог

...Если же будем мы знать, что ничто не способно возникнуть из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим наших занятий предмет: и откуда являются вещи...

Лукреций Кар

Перед нашим взором прошло более десяти столетий — начиная с ассирийского барельефа VII в. до н. э. и кончая находками в Кокэле, от мягкого седла без стремян — к жесткому седлу с левосторонней подножкой и, наконец, к седлу с «настоящими» стремянами. Да, прав был автор трактата «О природе вещей»: из ничего ничто не может возникнуть. И хотя мы старались проследить весь ход исторического процесса появления седла и стремени, многие детали этой проблемы еще ждут своего исследователя. Остается пока не известным, каким образом произошел скачок от мягкой подушки к седлу с вертикальными луками, и будущие находки, несомненно, во многом дополнят обрисованную выше картину. И еще одно немаловажное замечание. Хотя появление технически совершенных жестких седел со стремянами было прогрессивным явлением в развитии культуры, но и поныне у некоторых народов всадники нередко пренебрегают предостережением Расула Гамзатова («Стремян не теряйте, друзья!») и, подобно бедуинам Аравии, обходятся без стремян, полагая, что пользуются ими лишь плохие наездники...

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ ПО ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1982—1983 гг.

24—26 мая 1984 г. в г. Черновцы проходила Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг., организованная ордена Дружбы народов Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Черновицким ордена Красного Знамени государственным университетом.

В работе сессии участвовали представители 15 союзных и 18 автономных республик, 240 человек более чем из 45 городов нашей страны, в их числе сотрудники АН СССР и ее филиалов, академий наук союзных республик, научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, этнографических и краеведческих музеев, партийных и общественных организаций.

В Черновцах собрались ученые, занимающиеся исследованием различных аспектов этнической истории, материальной и духовной культуры, хозяйства и быта не только народов СССР, но и зарубежных стран: этнографы, этносоциологи, демографы, историки, философы, этнохореографы, фольклористы.

На оба пленарных заседания было представлено 6 докладов, на 30 заседаниях девяти секций и одной подсекции — 203 доклада.

Открывая сессию, директор Института этнографии АН СССР акад. Ю. В. Бромлей (Москва) подчеркнул, что такие сессии имеют важное значение, позволяя участникам обменяться мнениями по актуальным вопросам науки, обсудить возможности использования последних научных данных в идеологической работе и их применения в практике народного хозяйства.

Секретарь Черновицкого обкома КП Украины М. И. Иваненко охарактеризовал основные этапы развития Северной Буковины за годы Советской власти и рассказал об успехах трудящихся области в развитии экономики и культуры, уделив особое внимание проблеме участия общественников в интернациональном воспитании трудящихся.

С докладом «Основные этапы этнической истории человечества» выступил акад. Ю. В. Бромлей. Подчеркнув особую роль понятийно-терминологического аппарата методологическом арсенале науки, он отметил, что дискуссии, связанные с определением понятия этноса, еще не вполне завершены, однако основные итоги выступают уже достаточно определенно. Этнос (этническая общность) — это особый исторически возникший тип социальной группы, особая форма коллективного существования людей. Напомним, что вопрос о времени возникновения первых этносов до сих пор остается дискуссионным, докладчик подчеркнул, что есть определенные основания утверждать, что на ранних стадиях истории человеческого общества был безэтнический период; прием период весьма длительный, когда этнические общности отсутствовали. А это значит, что подобно классам, частной собственности и государству этнические общности сплунд не вечны. Возникновение их, вероятно, относится лишь к периоду развитого первобытного (бесклассового) общества.

Формированию основного этнического подразделения докапиталистических классовых обществ — народности — обычно предшествовала метаэтническая или историко-этнографическая общность, охватывавшая несколько племен. Аналогичным был один из путей формирования наций, когда происходило объединение нескольких народностей, как правило, входивших в состав одной сложившейся еще в прошлом макрокультурной общности (метаэтнической или историко-этнографического характера).

В условиях социализма у всех этносов складывается однотипная социальная структура, которая еще в рамках зрелого социализма станет в основном бесклассовой. Ответственно, очевидно, исторически новым рубежом их развития будет становление бесклассовых социалистических наций.

В докладе В. С. Зеленчука (Кишинев) и А. В. Орлова (Киев) «Украино-молдавские этнокультурные взаимосвязи. Состояние и перспективы развития» сообщалось о первых итогах коллективного исследования, которое реализуется в плане научного сотрудничества Академий наук УССР, БССР и МССР. Программа работы включает анализ общего и особенного в развитии этнокультурных взаимосвязей населения Украины и Молдавии.

Г. К. Кожолянюк (Черновцы) рассказал о формировании этнического состава населения Северной Буковины. Проанализировав различные источники, автор пришел к выводу о преднамеренной фальсификации этнического состава населения Северной Буковины австро-венгерскими и румынскими буржуазными историками. Северная Буковина — исконно славянская земля, входившая еще в состав Киевской Руси. Гео-

графическое положение Буковины на стыке государств с различным национальным составом и сложность ее исторической судьбы обусловили интернациональный характер населения Северной Буковины. Уже в XVIII в. здесь проживали молдаване, валлахи, немцы, австрийцы, поляки, евреи, армяне, венгры, русские-липоване, турки, цыгане и другие представители национальных меньшинств. Украинцы же всегда составляли этническую основу населения Северной Буковины.

В. П. Алексеев (Москва) выступил с докладом «О протоморфных монголоидах во Внутренней Азии и их роли в заселении Америки», основанном на полевом материале, собранном в 1983 г. в Индии (штат Карнатака). Тибетцы, исследованные докладчиком в этом штате, напоминают смешанные или протоморфные популяции Западной Сибири.

С. А. Арутюнов (Москва), выступивший с докладом «Этносоциальные различия в питании населения Южной Азии», охарактеризовал общую систему питания народов Южной Индии, а также отклонения и вариации, присущие отдельным народам, племенам и этнокастовым группам южных дравидов. В этих отклонениях можно видеть сдвиги в сторону других пищевых систем, в частности австралийской (особенно у малайяли), пережитки питания, связанного с собирательством, у горных племен, различия, обусловленные характерным для данной группы уровнем энергозатрат и строгости религиозных табу, отражающих социальный статус группы. Особенно своеобразно (в смысле своей крайней монотонности) питание сидди — каннаризованных по языку и культуре потомков привозившихся в средние века из Восточной Африки рабов-негров. В целом и структура питания, и его калорийность, и биохимическая полноценность пищи у населения Южной Индии варьируют в довольно широких пределах.

Многогранность задач, решаемых советской этнографической наукой, во многом обусловила и своеобразие организационной структуры сессии, ее деление на секции.

Секция «Современные этнические процессы у народов СССР» работала под председательством Л. М. Дробизевой, М. Н. Губогло (Москва), Я. И. Жупанского (Черновцы). Всего на заседаниях секции было заслушано и обсуждено 20 докладов. В работе секции участвовали около 80, в прениях выступило 11 человек. В докладах был затронут широкий круг проблем, посвященных теоретическим и практическим аспектам современных этнических процессов в СССР. Внимание участников дискуссии сосредоточилось вокруг трех основных групп вопросов. Первая касалась анализа социально-экономических условий протекания современных этнических процессов.

Второй круг вопросов был связан с использованием этнографических и этносоциологических знаний в практике. Так, в ряде докладов ставились проблемы использования производственных традиций коренного населения Севера в народном хозяйстве.

Широко рассматривались этнические аспекты современных миграционных процессов в СССР. Этому во многом содействовало участие в работе секции В. И. Переведенцева (Москва). Раскрытию темы способствовали доклады об этнических особенностях маятниковых миграций в Черновицкой области (Я. И. Жупанский, В. А. Джаман, Черновцы), о миграционных процессах в среде населения средне-русского города (О. Р. Будина, Москва), сходстве и различии в мобильности марийского и русского населения в селах Марийской АССР (К. Н. Сануков, Йошкар-Ола) и др.

Проблемы взаимосвязи этнических процессов и дальнейшего совершенствования социалистического образа жизни, прежде всего его культурно-бытовой сферы, рассматривались в докладах В. М. Батушанского (Черновцы), Н. Я. Бромлей, А. А. Зверевой, К. П. Калиновской, Г. Е. Маркова (Москва), К. Н. Санукова (Йошкар-Ола) и др.

Специальную группу вопросов составили проблемы, связанные с раскрытием направлений этнических процессов, в том числе в этнических микросредах различного типа (А. В. Орлов, Киев), в этноконтактной среде, в трудовых коллективах (Т. Е. Гузенкова, Москва). Оживленный интерес вызвал доклад о культурной ориентации этнодисперсных групп Ленинграда (М. А. Коган). В выступлениях рассматривались влияния особенностей расселения на межнациональные браки (И. В. Табак, Кишинев), отражение межэтнических связей в развитии и взаимодействии материальной культуры (Г. Е. Шербий, Киев), этноязыковая ситуация в отдельных регионах СССР (Р. А. Григорьева, Г. А. Сергеева, Москва), психологические аспекты межнациональных контактов и этнокультурные ориентации (А. И. Климак, Киев). Большое место на секции заняло обсуждение вопросов о направлении этнических процессов у групп, проживающих в инонациональной среде. Они анализировались на примере татар, эстонцев и армян Ленинграда, цахуров Дагестана и Азербайджана, марийцев за пределами Марийской АССР, русского населения в юго-западных районах Молдавии и в Черновицкой области, сету, живущих среди русских, молдаван, в среде украинцев и т. д.

На секции отмечалась необходимость постоянного совершенствования понятийно-терминологического аппарата этнографической науки для адекватного отражения реальных процессов в жизни народов. Это подчеркнули в своих выступлениях С. Т. Каптанов, Н. Я. Бромлей (Москва). Понятия «этносити» и «этничность» в зарубежной литературе были рассмотрены в коллективном докладе А. И. Кузнецова и В. А. Парицкого (Москва). Выступивший на секции Ю. В. Бромлей объяснил многозначность некоторых терминов естественным процессом познания, в ходе которого приходится постоянно углубляться в суть современных этнических процессов.

Задачам советских ученых в связи с фальсификацией за рубежом проблем национальных отношений в СССР был посвящен доклад З. С. Чертиной (Москва).

При объяснении взаимосвязи компонентов этноса немалое внимание уделялось и применению новых методических приемов, в том числе использованию моделей, графиков, связей и т. д., основанных на материалах, полученных при обработке информации на ЭВМ (А. Д. Коростелев, В. С. Кондратьев, Москва). Была высказана мысль о целесообразности построения моделей на примере не одного, а нескольких этносов.

Серьезную дискуссию вызвали проблемы разработки качественно-количественных показателей современных этнических процессов и условий, в которых они протекают. Так, например, при обсуждении проблемы типологии этнической микросреды Л. М. Дробижевой (Москва) был поставлен вопрос о том, каковы должны быть критерии выделения микросреды: нижняя грань территориально-административного подразделения (скажем, сельский населенный пункт) или среда, в которой имеют место непосредственные реальные межличностные контакты разной плотности? Точно так же не вполне ясным остается вопрос о том, что считать «первичным трудовым коллективом», «трудовой микрогруппой», «трудовой микросредой» и т. п.

В работе секции еще раз проявилось стремление к дальнейшему смещению акцента от территориального к проблемному подходу при рассмотрении этнических явлений и процессов. Итоги этносоциологических и этнографических исследований дают основание для некоторых рекомендаций по интернациональному воспитанию трудящихся. По мнению участников секции, необходимо осуществлять мероприятия по интернациональному воспитанию населения с учетом этнического состава поселений и коллективов, а также социально-профессиональной и демографической среды. Признано целесообразным шире изучать процессы адаптации сельского населения в городах и особенно в иноэтнической среде, выявляя при этом объективные последствия взаимодействия сельской и городской, национальной и инонациональной культур. Имеет смысл чаще практиковать повторные исследования с целью более глубокого и полного раскрытия динамических тенденций в развитии современных этнических процессов. Надо усилить практическую и прогностическую направленность этнографических и этносоциологических исследований.

Секция «Этногенез и этническая история народов СССР» работала под председательством И. С. Гурвича (Москва) и П. В. Михайлиной (Черновцы). На ней было заслушано и обсуждено 25 докладов, в которых был затронут широкий круг проблем. Этнической истории народов СССР было посвящено 8 докладов. В них рассматривались основные этапы этнической истории белорусов, армян, узбеков, башкир, украинцев и др. Следует отметить, что докладчики использовали данные не только этнографии, но и смежных наук. В выступлениях были затронуты и общие вопросы этнографии, предприняты попытки более точно определить характер последовательного развития отдельных этнических групп в условиях иноэтнического и иноязычного окружения (В. Я. Бабенко, Уфа). Заслуживают внимания попытки уточнить понятие «буржуазная народность» (Р. Г. Кузеев и Н. Н. Моисеева, Уфа).

Проблемам этногенеза было посвящено 5 докладов. Они касались происхождения украинцев, казахов, бурят, народов Севера. К этому блоку были близки выступления антропологов. Докладчики на основе новых полевых данных охарактеризовали роль антропологических исследований в решении финно-угорской проблемы (И. М. Золотарева, Москва), говорили об участии древних ираноязычных народов в этногенезе населения юго-востока Украины (В. Д. Дьяченко, Киев) и о дифференциации антропологического типа современных курдов (Н. А. Дубова, Москва).

В докладах И. И. Крупника, В. И. Васильева (Москва) было обращено внимание на особенности этнографических источников и работы с ними, в частности на методы использования архивных материалов, статистических документов, поэзийственных книг сельских советов и т. п.

Этнокультурные контакты народов в пределах Западной Украины рассматривались в ряде докладов на основе данных антропологии.

На секции состоялся оживленный обмен мнениями по затронутым проблемам. Выступили 19 человек. Особое внимание привлекли общие проблемы, поднятые на пленарном заседании в докладе В. П. Алексеева (Москва) «О протоморфных монголоидах во Внутренней Азии и их роли в заселении Америки», а также практические вопросы, связанные с охраной и фиксацией этнографических памятников в зонах интенсивного промышленного строительства, затронутые в докладе С. И. Вайнштейна (Москва).

Секция «Материальная культура народов СССР» работала под председательством И. Г. Рабиновича (Москва). На ней было обсуждено 13 докладов. Большинство докладчиков стремились выявить не только традиционные, но и новые черты в поселениях и жилище, одежде, украшениях, пище, показать динамику развития тех или иных явлений, выявить причины консервации традиционных элементов.

Серьезно была поставлена проблема комплектования музейных фондов (С. Б. Фараджев, Ленинград). В августе 1984 г. Музей антропологии и этнографии, являющийся источниковедческой базой Института этнографии и важнейшим культурно-просветительным учреждением, отмечает свое 270-летие. Автор подробно остановился на основных источниках пополнения фондов, выделив в качестве наиболее ценных материалы, собранные экспедициями на территории Советского Союза.

На секции обсуждался доклад С. А. Арутюнова (Москва) «Этносоциальные различия в питании населения Южной Азии», сделанный на пленарном заседании. Живая дискуссия, развернувшаяся при этом, доказала полную целесообразность про-

должения такой практики в будущем. Рассматривая системы питания на примере столь сложной историко-культурного ареала, каким является Южная Азия (п-ов Индостан), где встречаются разнородные этнические компоненты, автор отметил, что основными факторами, которые определяют вариабельность моделей питания, являются материальная обеспеченность, уровень энергозатрат, связанный с родом деятельности, специфика исторических и религиозных традиций и связанные с ними запреты и преференции.

А. С. Давыдов (Душанбе) в докладе «О жилище таджиков верховьев Чирчика» приходит к выводу, что по своей планировке, устройству, терминологии традиционное жилище этой дисперсной группы таджиков, расселенных на территории Узбекистана, представляет собой вариант северотаджикского типа жилища, известного до сих пор на территории древних областей Согда и Ферганы.

Развитие этнокультурных традиций в современном жилище было показано на примере жилища осетин (В. С. Уарзиати, Орджоникидзе), украинцев Карпат (Т. В. Космина, Киев), казахов (А. Б. Калыцкий, Алма-Ата). Жилищу русских горожан IX — первой половины XIX в. и его связи с крестьянским домом был посвящен доклад М. Г. Рабиновича (Москва). Докладчик, проследив эволюцию городского дома, пришел к выводу, что дом горожанина, возникший на основе крестьянского жилища, развивался быстрее и в свою очередь оказал большое влияние на трансформацию крестьянского дома.

С интересом были встречены доклады Л. Ф. Артюх (Киев) об особенностях развития материальной культуры в зонах этнического смешения и Т. А. Невской (Ставрополь) — о традиционном и новом в быту казаков-некрасовцев.

Современное бытование традиционного народного костюма на примере украинцев рассмотрела М. В. Костышина (Черновцы), удмуртов — Л. С. Христюбова (Ижевск). Выяснению этнокультурных связей в развитии народной одежды и украшений был посвящен доклад Г. П. Васильевой (Москва), их роли в народном питании — Р. В. Меркене (Вильнюс).

Секция отметила необходимость издания обобщающих работ по материальной культуре народов СССР и подчеркнула важность проведения совещания по проблемам этнографического картографирования для успешного завершения работы над историко-этнографическими атласами.

Секция «Новое и традиционное в обрядах народов СССР» проходила под председательством Т. А. Жданко (Москва). На трех заседаниях секции было прослушано и обсуждено 26 докладов. Значительная часть их была посвящена научно-практической работе этнографов, характеристике их опыта по созданию новой гражданской обрядности, оценке эффективности этой работы, задачам и средствам совершенствования вводимых в быт новых обрядов и праздников (Ю. Г. Аргун, Сухуми; А. В. Божук, Ужгород; Л. А. Тульцева, Москва; Н. К. Гаврилюк, Киев; З. С. Росинская, Львов; В. Д. Конвай, Киев). Докладчики отмечали количественный и качественный рост новых обрядов за последние годы, их возрастающую «приживаемость» по мере обогащения стандартизированных сценариев компонентами традиционной культуры. Широкое использование лучших народных этнических традиций сейчас признается основным условием создания ярких и красочных социалистических ритуалов, обеспечивающим их устойчивое вживание в быт и превращение в новые советские традиции.

Другая группа докладов содержала материалы о возрождении и модификации ряда традиционных календарных аграрных праздников и обрядов дагестанских весенних праздников девчешек (А. Г. Булатова, Махачкала), ногайского «сабантоя» (Р. Х. Керейтов, Черкесск), праздника первой борозды у аварцев и даргинцев (А. И. Исламмагомедов, Махачкала). К ним примыкал и доклад о народных метеорологических знаниях как компоненте традиционной календарной обрядности (О. Р. Федоров, Львов).

Большое внимание было уделено обсуждению докладов о семейной обрядности. В 8 докладах из 10 (Г. И. Синченко, Черновцы; Л. Ш. Меликишвили, Тбилиси; Л. М. Варданян, Ереван; М. А. Меретуков, Майкоп; И. М. Шаманов, Черкесск; А. Тежзов, Ашхабад) рассматривалась свадебная обрядность.

Все докладчики говорили о необходимости выявления в свадьбе соотношения традиционных и новых компонентов, об успешном внедрении последних в быт. В докладе К. М. Такеева (Карачаевск) говорилось о бытовании у карачаевцев устаревшего и обременительного обычая свадебного дарообмена «ерме» и о путях его изживания. Отмечался положительный опыт Л. Б. Заседательевой (Москва), которая провела анализ свадьбы русского населения Кавказа и отметила, что русские заимствовали значительную часть форм и развлечений кавказского свадебного ритуала. Два доклада касались обрядов детского цикла (М. Хамиджанова, Душанбе; Н. Ф. Беляева, Саранск).

В нескольких докладах характеризовались исчезающие реликтовые обычаи и обряды, заслуживающие особенно тщательной фиксации: рудименты календарных обрядов у ахвазцев (С. А. Лугуев, Махачкала), обряды вызывания дождя и солнца у азербайджанцев (Г. Д. Джавадов, Баку), обычаи выращивания боевых быков и реликты древнейших форм игр с быками — корриды (В. Шамиладзе, Батуми). Отмечались и исчезающие обычаи общественной жизни — возрастные объединения, мужские собрания и трапезы сверстников у народов Средней Азии (Х. Есбергенов, Нукус). К ним примыкали доклады об уходящей обрядности, связанной с жилищем, у молдавского населения Украины (И. Ф. Гребинь, Киев) и с установкой новой юрты — у юго-восточных туркмен (Ч. Язлнев, Ашхабад).

Участники секции признали, что традиционная для этнографической науки тема обрядов и праздников приобретает в современных условиях особую актуальность и возможность широкого выхода в практику. Новая социалистическая обрядность — важный компонент советского образа жизни в сфере семейного и общественного быта, поэтому необходимо всемерно активизировать работу этнографов по созданию и совершенствованию новых обрядов, обычаев, праздников.

Работа секции «Семья у народов СССР» проходила под председательством О. А. Ганцкой и Я. С. Смирновой (Москва). Было заслушано и обсуждено 20 докладов. Привлек к себе внимание доклад Т. А. Жданко (Москва) о координируемых Институтом этнографии АН СССР новых этнографических и этносоциологических исследованиях для подготовки коллективного труда по вопросам советской семьи и семейного быта. Региональный и этнический аспекты изучения этих процессов дают возможность выявить тенденции интернационализации, соотношения общего и национального, нового и традиционного в сфере семьи и семейного быта разных наций и народностей.

На нескольких аспектах этнографического изучения семьи остановилась О. А. Ганцкая. Именно этнография, подчеркнула она, позволяет выявить этническую специфику и этнорегиональные особенности структуры и функций семьи, понятий о родстве, родственных, соседских и локальных связях взаимоотношений семьи и общества, личности и семьи. Однако исследование многих проблем современной семьи, подчеркнула она, невозможно без привлечения социологов, историков, демографов и ученых иных специальностей.

Тематика докладов на заседаниях секции была очень многообразной, включала вопросы структуры семьи, воспитательных функций, типологии сельской семьи, особенностей этнокультурного взаимодействия в различных этнотерриториальных единицах на примере анализа состава семьи (А. Е. Тер-Саркисянц, Москва; Х. А. Кауанова, Алма-Ата; Т. Салимов, Ташкент; А. П. Пономарев, Киев). Традиции и инновации в семейном быту сельского населения у татар и аджарцев посвятили доклады Р. Н. Мусина (Казань) и Т. А. Ачугба (Батуми). Современные семьи русских, киргизов, румын, чечено-ингушей и туркмен, их культура, облик, новые черты в семейно-брачных отношениях рассматривались в докладах И. В. Власовой (Москва), Т. Дж. Баялиевой (Фрунзе), Э. А. Рикмана (Москва), З. И. Хасбулатовой (Грозный), А. Оразова (Ашхабад). Языковой ситуации в семье был посвящен доклад В. П. Иванова (Чебоксары), роли социалистической семьи в формировании высокой культуры межнационального общения — М. И. Пирен (Черновцы), терминологии родства — С. С. Агашириновой (Махачкала), институту уважения старших в семейном быту адыгов — С. Х. Мафедзева (Нальчик), опыту типологизации брака и свадьбы на Кавказе в XIX в. — Я. С. Смирновой (Москва). На секции прозвучали два доклада, посвященных городским семьям: М. Н. Шмелевой (Москва) и М. Г. Кумахова (Нальчик).

Широкий тематический охват сделанных докладов выявил тенденцию к всестороннему этнографическому и этносоциологическому изучению семьи как социальной системы. В то же время работа секции показала необходимость более углубленного обсуждения проблем изучения семьи в СССР.

На секции «История религии и атеизма» (заслушано 16 докладов) председательствовали И. А. Крывелев (Москва), Н. А. Петляков (Черновцы) и Н. А. Алексеев (Якутск). Особое внимание на ее заседаниях было уделено современному состоянию религиозных пережитков, степени их распространения и процессам преодоления. В общетеоретическом плане эту проблему рассмотрела Л. П. Дворниченко (Черновцы). Докладчик подчеркнул, что в социалистическом обществе утрачены корни религии, но сохраняется ряд объективных и субъективных условий, способствующих ее живучести. К числу главных причин воспроизводства и поддержания религиозности докладчик относит религиозное воспитание в семье и в постоянной социальной среде.

Религиозной ситуации в наши дни, состоянию и деятельности церковно-религиозных институтов на территории страны были посвящены 4 доклада (П. А. Петляков, Черновцы; Г. А. Носова, Москва; В. Е. Лешан, Черновцы; Л. З. Кунижева, Черкесск). На секции было отмечено, что имеющие хождение слухи о «нарастающей волне религиозности» среди населения не имеют под собой достаточных оснований.

Интерес вызвала проблематика, связанная с уходящими из быта формами календарно-бытовой обрядности разных народов (К. М. Кутельмах, Львов; З. А. Мадаева, Грозный; С. П. Павлюк, Львов; М. Хийемяз, Тарту; Ю. Д. Климец, Львов), культ семи богов у осетин, истоки которого прослеживаются от «геродотовских скифов» через алан до современных осетин (З. Л. Цховребов, Цхинвали).

Несколько докладов было посвящено вопросам духовного наследия народов. Так, о предпринятой якутскими этнографами работе по собиранию и изданию мифов тюрков Сибири говорил Н. А. Алексеев (Якутск), поэтический лексикон «Слова о полку Игореве» разобрал Ю. Г. Скиба (Черновцы), семантике рисунков на шаманском бубне хакасов посвятил доклад К. М. Патачаков (Абакан).

Участники дискуссии были единодушны во мнении о необходимости усиления разработки научных проблем, касающихся значения религии на разных ступенях исторического развития. Отмечалось также, что по-прежнему остается острой проблема разработки и уточнения понятийного аппарата советского религиоведения.

Секция «Этнографические аспекты изучения современного фольклора» работала под председательством В. К. Соколовой (Москва) и Г. И. Спатару (Кишинев). На ней было заслушано 20 докладов.

Основная проблема, обсуждавшаяся на секции, — состояние фольклора в наши дни, его роль в складывании современной культуры и влияние на разные виды народного искусства. По материалам экспедиций последних лет были охарактеризованы условия и формы бытования фольклора у русского населения Татарии и факторы, определившие формирование жанрового состава и сюжетного репертуара в обследованных районах (Н. И. Савушкина, Москва).

Большое внимание в докладах было уделено обрядовому фольклору, что обусловлено тем значением, которое придается сейчас разработке новой советской обрядности. На примере восточных славян эти вопросы были охарактеризованы М. К. Соколовой, которая подчеркнула, что традиционная обрядовая поэзия является не только ценным художественным и историко-этнографическим наследием, но и фактором современной культуры, выполняющим свои специфические функции. Бытование обрядового фольклора у армян и калмыков рассматривалось в докладах М. А. Назина (Ереван) и Т. Г. Борджанова (Элиста). О традиционных скотоводческих обрядах и обычаях азербайджанцев, сохраняемых частично и сейчас, говорил Ч. А. Гавилов (Баку).

Несколько докладов было посвящено свадебной обрядности. В них авторы анализировали соотношение нового и традиционного в свадебных обрядах русских (А. В. Кулагина и Т. С. Макашина, Москва) и украинцев (В. К. Борисенко, Киев), давали свои рекомендации для использования некоторых традиционных элементов в новой свадебной обрядности. Новые новогодние обряды у молдаван рассматривались в докладе Н. М. Бэешу (Кишинев). Влиянию народной театральной культуры на развитие самодельности и профессионального театра был посвящен доклад Г. И. Спатару (Кишинев), взаимодействию литературы и искусства в современном художественном творчестве ительменов и коряков — доклад Л. Я. Иващенко (Владивосток).

Значение фольклора как источника для изучения этногенеза и этнокультурных исторических связей — одна из серьезнейших проблем современной этнографии. Эти вопросы были рассмотрены на примерах обрядово-фольклорной культуры славян и молдаван (Ч. К. Бостан, Черновцы), народной хореографии долган (М. Я. Жорницкая, Москва) и исык-кульских калмыков (Т. Б. Бадмаева, Элиста). В докладе Е. П. Бусыгина и В. И. Яковлева (Казань) речь шла об изучении духовых музыкальных инструментов Среднего Поволжья, М. Г. Рабинович (Москва) показал значение былин для этнографического изучения города. Затрагивались также проблемы типологии фольклорных явлений, их поэтики и образности. Типологию гуцульского бытового танца представила Л. С. Сабан (Львов); Н. В. Гуйванюк (Черновцы) охарактеризовала синонимии и вариантность изобразительных средств в украинской народной песне; значение этнонима «волох» в украинском фольклоре рассмотрели А. С. Романец (Черновцы), а отражение культа природы в сказках народов карпатского региона — Е. С. Фединишинец (Ужгород).

Следует отметить, что большинство докладчиков рассматривали разные виды фольклора не изолированно, а комплексно, в тесной связи с этнографическими явлениями и бытом. Было обращено внимание на неблагоприятное положение с так называемыми «фольклорными ансамблями», в большом количестве появившимися в последние годы. Многие отмечали, что идейно-художественный репертуар их и качество исполнения находятся на низком уровне и не имеют ничего общего с подлинным народным творчеством.

Выделение на этот раз специальной подсекции «Этнографические аспекты изучения современного народного творчества» — свидетельство повышенного интереса к народным традициям, в том числе к разным видам народного искусства. На подсекции, работавшей под председательством С. Б. Рождественской (Москва), было заслушано и обсуждено 15 докладов.

На основании полевых материалов, собранных по русскому художественному стеклу и фарфору, С. Б. Рождественская сделала доклад «Этнические традиции в современном декоративном искусстве и художественной промышленности». Л. В. Яроцкая (Черновцы) посвятила свое выступление использованию традиций при художественной обработке кожи; А. Н. Жилина (Москва) проследила сохранение традиционных черт в современном сельском строительстве узбеков.

Современному состоянию и развитию художественных промыслов на Украине, в Молдавии, Армении, РСФСР (Ненецкий автономный округ Архангельской обл. и Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской обл.) посвятили доклады Т. И. Бушина (Черновцы), Е. И. Ныкорак-Гоц (Львов), Е. С. Станчу, Е. А. Постолаки (Кишинев), К. Р. Базеян (Ереван), Н. М. Ведерникова (Москва). О собирательской и научной работе музеев страны говорили в докладах Н. М. Калашниковой (Ленинград), Н. В. Зорина и Л. С. Токсубаевой (Казань). Этому вопросу были посвящены сообщения И. С. Негиной и В. П. Бордиян (Черновцы).

Существенным вспомогательным источником при изучении народного художественного творчества является терминология, позволяющая уточнить вклад отдельных наций и народностей в художественно-бытовую культуру на территориях со смешанным в национальном отношении населением. Этнонимы в терминологии народных мастеров украинско-молдавской контактной зоны рассмотрел М. Р. Селивачев (Киев), лексику художественной вышивки в украинских говорах Карпат и Прикарпатья — И. В. Зинченко (Черновцы).

Особое внимание вызвали доклады И. А. Гриценко (Черновцы) — о связях Северной Буковины с Россией и украинскими землями в области этнографии (XIX — на-

цолов ХХ в.) — и В. В. Руднева (Москва) — о некоторых специфических чертах отражения природы в народном искусстве.

Участники подсекции единодушно приняли решение о необходимости дальнейшей разработки и уточнения понятийного аппарата по проблеме народного искусства. Было также высказано предложение о возобновлении регулярных республиканских и всесоюзных выставок изделий народных художественных промыслов.

Участники секции сочли необходимым обратить внимание на положение с традиционными сельскими народными промыслами, которые в силу неблагоприятных условий, создаваемых часто местной администрацией, в ближайшие годы могут прекратить свое существование (Украина, некоторые области РСФСР). В связи с тем что в последние годы наблюдается снижение художественного уровня изделий ряда промыслов из-за отступления при их изготовлении от этнических традиций, необходимо более ответственное участие этнографов в работе художественных промыслов, направленное на то, чтобы в них сохранялись и развивались традиции народного искусства.

На заседаниях секции «Этнические процессы в зарубежных странах» (председатели Л. Е. Куббель, Москва, В. В. Михайленко, Черновцы, А. М. Решетов, Ленинград) было заслушано 25 докладов.

Центральное место в работе секции заняла проблема взаимодействия разных этнических культур на всех уровнях — от повседневного-бытового до общегосударственного в полиэтничных странах. В непосредственной связи с этим рассматривались роль и функционирование этнической культурной традиции в различных исторических условиях и средах: при ее модернизации в пределах ареала формирования этноса, при быстрой его урбанизации, наконец, в эмигрантских группах, живущих в иноэтническом окружении. Это потребовало в свою очередь уточнения понятийно-терминологического аппарата, в частности таких категорий, как «ассимиляция», «бикультура» и «мультикультура», «диаспора» (доклады В. Б. Евтуха, Киев; В. В. Михайленко, Черновцы; Э. Л. Мелконяна, Ереван), и вызвало оживленную дискуссию.

Рассмотрению всего круга перечисленных выше вопросов весьма способствовало то, что оно проходило в основном на примере такой полиэтничной страны, как Канада. Благодаря участию в заседаниях канадских ученых (что по существу превращало секцию в международную рабочую группу), а также богатым материалам полевых исследований в Канаде, имеющимся у ученых УССР, удалось всесторонне обсудить этнические и этнокультурные процессы в рамках англо-канадской и франко-канадской наций и в среде коренного, индейского населения страны (доклады Т. Д. Ивасютина, Черновцы; Ю. И. Макара, Черновцы; Л. Бэррона, Канада). Большое внимание было уделено судьбам украинских эмигрантов и эволюции во времени их культуры, духовной и материальной, в новых условиях (доклады А. Ю. Макара, Киев; И. А. Сыча, Черновцы; Б. Медвидского, Канада; Ю. И. Макара и Г. К. Кожоляно, Черновцы; Р. Биляша, Канада). В выступлениях была подчеркнута желательность такого «монографического» обсуждения отдельных полиэтничных стран или регионов на последующих сессиях.

Значительное место заняли доклады об изменениях этнокультурной ситуации в развивающихся странах Африки (Э. С. Львова, Москва) и Южной Азии (И. М. Семашко, Москва); особенное внимание уделялось проблемам, связанным с проводимыми в таких странах, как Никарагуа и Афганистан, прогрессивными преобразованиями (А. Д. Дридзо, Ленинград; Б. Р. Логашова, Москва), а также со своеобразием этнических процессов в МНР (А. М. Решетов, Ленинград).

Большой интерес вызвали доклады, посвященные этнокультурным процессам в историческом плане на материале стран Балканского региона (Ю. В. Иванова, Москва; М. Ю. Мартынова, Москва; В. И. Наулко, Киев), Центральной Азии и Дальнего Востока (Н. Л. Жуковская, Москва; А. Б. Спевяковский, Ленинград, А. Е. Пахутов, Москва; Г. Батнасан, МНР).

Наконец, на секцию были представлены доклады, посвященные взаимовлиянию разных языков в условиях культурного контакта как одному из важных показателей глубины и действительности таких связей (А. Я. Присяжник и Р. В. Вацеба; А. С. Белая и О. Т. Лукьянюк, В. Н. Кушнирук и С. В. Маковийчук, Черновцы). В этой связи было высказано желание о более широком привлечении этнолингвистов к работе последующих сессий, посвященных результатам полевых этнографических исследований.

Секция «Этнические аспекты народной медицины» работала под председательством А. А. Воронова и А. Н. Седловской (Москва). На ней было заслушано и обсуждено 14 докладов, в которых отражались результаты исследований, ведущихся в различных регионах страны. Большая часть докладов была посвящена конкретному этнографическому изучению традиционной народно-медицинской культуры народов СССР. Они показали, что эмпирический опыт врачевания и профилактики заболеваний был связан с религиозными взглядами, фольклором и другими сторонами традиционной культуры. Ряд докладов содержал сравнительно-этнографический анализ, который показал очень широкую региональную общность некоторых традиционных медицинских средств и культурные связи целого ряда народов. Эти доклады были построены на основе результатов полевых этнографических исследований. Наиболее систематично такие полевые работы проводятся в Грузии (доклад Н. Миндадзе, Тбилиси), Таджикистане (доклады О. М. Муродова, Н. О. Турсунова, Душанбе), Эстонии (доклад М. Кыйва, Таллин) и на Украине (доклад З. Е. Болтаровича, Львов). В связи с тем что единой методики по сбору полевого материала в этой области еще нет, было предложено создать программу и рекомендации для сбора полевых материалов по народной медицине силами этнографов и краеведов. Обсуждалась

также возможность включения этих программ в комплексные этнографические полевые исследования, проводящиеся в нашей стране. Был поставлен вопрос о необходимости совместных полевых исследований этнографов, медиков и фармакоботаников.

На секции было представлено также несколько докладов обобщающего характера, дающих представление о здоровье и здоровом образе жизни у разных народов мира и отмечена роль в этом гигиенических традиций (Ю. А. Шилин, Москва). Об этнических особенностях использования лекарственных растений в народной медицине говорил А. И. Шретер (Москва), о значении традиционной медицинской культуры в процессах этнической адаптации — А. А. Воронцов (Москва), о роли локального фактора в практике народной медицины — В. В. Руднев (Москва) и т. д.

Доклады и их обсуждение показали, что кроме лечебной, собственно врачебной, традиционной культуры у каждого народа существует очень разветвленная система мер по охране физического и психического здоровья. Эти гигиенические меры пронизывают все сферы духовной и материальной культуры народов. Учитывая, что такой подход значительно шире, чем тот, который определяет понятие «народная медицина», на секции было выдвинуто предложение употреблять термин «традиционная медицинская культура» и разработать соответствующую концепцию этого понятия. В выступлениях было выражено мнение о необходимости расширения исследований и образования центра по изучению традиционной медицинской культуры в стране, о составлении соответствующей разъяснительной записки в Минздрав СССР.

Итоги отчетно-экспедиционной сессии подвел в своем заключительном слове Ю. В. Бромлей. От имени всех участников он выразил глубокую благодарность Черновицкому Обкому КПСС и Государственному университету за хорошую организацию работы сессии. Знаменательным, подчеркнул докладчик, следует считать поворот к теоретическим проблемам в изучении современных этнических процессов, в частности, с привлечением социологических методов исследования, которые получили сейчас широкое применение почти во всех регионах страны. Результатом такой деятельности явился выход обобщающего труда «Социально-культурный облик советских наций», ставшего определенным этапом в развитии нашей этносоциологии.

Исходя из пожеланий и рекомендаций участников сессии, которые были высказаны на заседаниях секций, а также из требований развития этнографической науки, Ю. В. Бромлей выделил те направления, которые должны стать перспективными для Института этнографии в ближайшие годы. Прежде всего, это изучение этнодемографических и этно-психологических процессов на территории нашей страны и за рубежом, исследование современной семьи и материальной культуры, участие этнографов в создании новой социалистической обрядности, изучение культурного наследия народов СССР и связанные с ним разработка Атласов и создание сводных работ по жилищу, пище, народным промыслам — по-прежнему остаются актуальной проблемой традиционной этнографии.

В заключение Ю. В. Бромлей подчеркнул важность популяризации этнографических знаний.

А. Н. Жилина, А. Е. Пахутов

ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ Б. О. ДОЛГИХ

5 апреля 1984 г. в Институте этнографии АН СССР состоялись Чтения, посвященные памяти выдающегося сибиревода, этнографа и фольклориста Бориса Осиповича Долгих (1904—1970). В заседании приняли участие сотрудники Ленинградской и Московской частей Института этнографии АН СССР, Московского гос. ун-та, Института истории, языка и литературы Якутского филиала АН СССР и других научных учреждений.

Борис Осипович Долгих принадлежал к замечательной плеяде ученых, работавших на Севере в первые годы социалистического строительства. Еще в 20-е годы, проводя на Таймыре перепись населения, он собирает ценнейшие данные о материальной и духовной культуре аборигенов самого северного полуострова планеты. Последующий путь Б. О. Долгих также связан с Севером: землеустроитель, музейный работник, ученый-этнограф... Последние десятилетия жизни Б. О. Долгих заведовал сектором по изучению социалистического строительства у малых народов Крайнего Севера в Институте этнографии, о создании которого рассказал И. С. Гурвич в докладе «Вклад Бориса Осиповича Долгих в этнографическое североведение». Под руководством Б. О. Долгих сотрудники сектора активно участвовали в разработках важнейших правительственных постановлений по Крайнему Северу, не прекращая исследований по традиционной этнографии. Результаты полевых сборов были использованы им при написании тома «Народы Сибири» (1956) серии «Народы Мира», а также сборников «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Крайнего Севера» (1960) и «Преобразования в хозяйстве и культуре и современные этнические процессы у народов Севера» (1970). В 1960 г. выходит в свет главный труд Б. О. Долгих — «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.», а в 1970 г. издается его фундаментальная монография по этнической истории северных самодийцев.

Б. О. Долгих в течение всей своей научной деятельности стремился связать данные письменных источников и полевых исследований. Метод их сопоставления лег в основу работ всех его учеников. В. И. Васильев (Москва) в докладе «Б. О. Долгих и проблема самодийского этногенеза в этноистории» подчеркнул, что Б. О. Долгих принадлежит также детальная разработка истории формирования северных самодийцев на материале ясачных документов и современных этнографических наблюдений, что позволило проследить эволюцию ряда экзогамных общностей с XVII в. до настоящего времени.

Идеи Б. О. Долгих были успешно использованы многими антропологами при рассмотрении проблем этногенеза и этнической истории других народов. И. М. Золотарева (Москва) в докладе «Значение антропологического изучения коренного населения Таймыра для решения вопросов этногонии Северной Сибири» отметила большое значение работ Б. О. Долгих, посвященных происхождению групп северных самодийцев. Она указала на черты особого антропологического типа нганасан как несомненные признаки одной из древнейших антропологических формаций Северной Сибири. Антропологические данные подтвердили мысль Б. О. Долгих о древних связях самодийского и юкагирского этнических элементов, основанную на этнографическом материале. О привнадельности нганасан к древнейшему северосибирскому типу свидетельствуют и дополнительные данные. Г. А. Аксянова (Москва) в сообщении «Расо-генетические параллели одонтологического типа нганасан» отметила большое своеобразие одонтологического комплекса нганасан на фоне других народов Сибири. Архаический характер этого комплекса выражается сочетанием резкомонголоидных особенностей с «нейтральным» комплексом, связанным с европеоидными признаками. Подобное сочетание можно встретить только у палеоазиатов Крайнего Северо-Востока (чукотско-корякские серии) и в комплексе неолитических серий с территории Прибайкалья. Однако эти интереснейшие параллели, по мнению Г. А. Аксяновой, требуют привлечения новых, более полных данных по другим народам Сибири. Г. М. Афанасьева (Москва), используя исходные данные работы Б. О. Долгих «Происхождение нганасанов» и предложенную им методику, на основе материалов ревизий XVIII и XIX вв., данных I Всероссийской переписи, Приполярной переписи 1924—1926 гг., а также современных демографических источников и собственных полевых материалов проследила эволюцию современных экзогамных общностей нганасан, описала процессы их формирования и определила генеалогии современного населения за четыре столетия.

Выводы Б. О. Долгих о многокомпонентности этнического состава северных народов нашли подтверждение в докладе Г. М. Давыдовой (Москва) «Древнеуральская раса в составе северных манси», рассмотревшей вопрос о древнейшем пласте (древнеуральской расе) в составе угров и восточных финнов, выделяемом в соматологическом материале современных угров. Как известно, древнеуральская раса характеризуется своеобразным сочетанием признаков, которые не имеют аналогий среди существующих антропологических типов. Г. М. Давыдова объяснила уменьшение доли древнеуральского типа в составе современных манси неравной плодотворностью различных частей популяции.

Значению идей Б. О. Долгих для решения проблем дуальной экзогамии угро-самодийцев были посвящены доклады З. П. Соколовой (Москва) — «Церковные метрические книги как исторический источник и методика работы с ними с использованием опыта Б. О. Долгих» — и В. В. Лебедева (Москва) — «Анализ брачных связей тазовских селькупов на основании данных Б. О. Долгих по фратриальному составу населения Тазовско-Туруханского региона в 1926 г.». З. П. Соколова развила методику Б. О. Долгих, разработанную им применительно к кетам. Общий принцип деления хантов и манси каждой волости на две фратрии был показан ею на основе количественного анализа брачных связей, что сообразуется с полевыми данными, полученными ею и В. Н. Чернецовым. З. П. Соколова уточнила предложенную Б. О. Долгих методику использования коэффициентов для реконструкции численности народов Сибири, а также определила различные демографические показатели хантов и манси в XVIII в. В. В. Лебедев (Москва) отметил исключительную ценность работы Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Средней Сибири» (рукопись кандидатской диссертации. М., 1947) для изучения истории северных селькупов. В результате анализа материалов переписи 1782 г. он выявил дуально-экзогамную брачную систему у селькупов XVIII в. и определил территорию расселения отдельных фамилий и фратрий.

А. В. Смоляк (Москва) выступила с докладом «Исследования Б. О. Долгих семья по материалам архивов», где показала численное соотношение больших и малых семей. Разработки Б. О. Долгих касались главным образом образом нганасан, энцев, кетов и некоторых групп эвенков. Используя материалы I Всероссийской переписи 1897 г., А. В. Смоляк реконструировала структуру семьи аборигенов Нижнего Амура на примере найкаев.

Большое место в научном наследии Б. О. Долгих занимают вопросы мировоззрения аборигенов высоких широт. Им были введены в научный оборот фольклорные материалы энцев и нганасан, написаны специальные работы об основных чертах верований этих народов. Некоторые докладчики посвятили свои выступления этой стороне научной деятельности Б. О. Долгих. Л. В. Хомич (Ленинград) проанализировала устные традиции аборигенов Русского Севера и севера Западной Сибири. Отметив большой вклад Б. О. Долгих в собиране и публикацию фольклора самодийцев, Л. В. Хомич обратила внимание на необходимость сопоставительного изучения его, выявления общего, присущего многим народам Сибири, и особенного, помогающего

лучше понять пути формирования той или иной народности, особенности традиционного мировоззрения каждой из них.

Ю. Б. Симченко (Москва) рассказал о последней экспедиции Б. О. Долгих на Таймыр (1961), для которой он составил подробную программу исследования шаманизма у нганасан и других народов Сибири. Ю. Б. Симченко, основываясь на этих разработках, осуществил компонентный анализ шаманских актов у нганасан, выявив обязательные стандартизованные действия, относящиеся к различным стадиям шаманского камлания. Н. А. Алексеев (Якутск) в докладе «Основные черты религиозного сознания окружающего мира у бурят, эвенков и тюрков Сибири» высоко оценил вклад Б. О. Долгих в изучение традиционного мировоззрения аборигенов Северной Азии. Докладчик на примерах показал, что при долговременных этнических контактах и прямом смешении различных по происхождению, народов, в частности бурят, эвенков и якутов, многие аспекты традиционного мировоззрения не вытесняются, а сосуществуют. Г. Н. Грачева (Ленинград) остановилась на нескольких публикациях Б. О. Долгих в области духовной культуры нганасан с 1938 по 1976 г., показав, как по мере накопления этнографических данных о нганасанах все четче выявляется комплекс верований, связанных с материнским началом. Грачева подчеркнула, что благодаря необычайной точности фиксации материала даже комментарии и небольшие примечания Б. О. Долгих служат отправной точкой для новых исследований.

М. Я. Жорницкая (Москва) рассказала о роли Б. О. Долгих в изучении народной хореографии у коренного населения севера Сибири. Именно им была высказана мысль о том, что материалы по хореографическому искусству позволяют выделить определенные области распространения типов основного танца — хоровода, что обусловлено историей формирования этих народов. Рабочая гипотеза Б. О. Долгих послужила отправной точкой для систематики М. Я. Жорницкой.

На Чтениях присутствовала В. Г. Попова, вдова Б. О. Долгих, которая рассказала о красноярском периоде его деятельности.

Все выступавшие особенно подчеркивали высокие человеческие качества Б. О. Долгих, привлекавшие многочисленных учеников и последователей.

Г. М. Афанасьева

СИМПОЗИУМ «ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ»

В Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР 22—23 ноября 1983 г. состоялся симпозиум «Проблемы этнической специфики языка культуры». На симпозиуме, собравшем большую аудиторию из представителей научных и учебных учреждений и музеев Москвы, Ленинграда, Тарту, Воронежа, Томска, обсуждались вопросы о пределах и возможностях применения категории «язык культуры» в комплексных этнографических и культурологических исследованиях.

В круг обсуждаемой тематики симпозиума вошли вопросы методологии языка культуры, его роли как способа знакового отражения жизни этносов, а также характеристика языка культуры как этнического определителя. Особый интерес в связи с этим представили разработка и освещение на конкретном этнографическом материале таких аспектов, как проявление этнической специфики материальных и духовных форм культурной деятельности, методика ее выявления, разные варианты отражения этнической специфики в сфере профессионального и традиционного художественного творчества.

Основные задачи симпозиума были сформулированы во вступительном докладе А. С. Мыльниковой (Ленинград) «Язык культуры и проблемы этнической специфики систем знаковой коммуникации». Находящаяся в центре внимания этнографов и фольклористов этнокультурная проблематика привлекает также внимание историков, филологов, искусствоведов и представителей ряда других дисциплин. Это способствует расширению не только тематики, но и методического инструментария подобных исследований, что влечет в свою очередь обогащение традиционных приемов анализа за счет использования данных различных дисциплин, в том числе семиотики.

Докладчик отметил, что, хотя понятие «язык культуры» появилось сравнительно недавно и связано с развитием семиотики, многие идеи в связи с этой проблемой высказывались и раньше, получив интересное, не утратившее до сего времени своего значения обобщение в трактате Лессинга «Лаокоон».

Прямое отношение к рассматриваемой проблеме имеет выдвинутое К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» положение о «языке реальной жизни», выражающем способы общения людей в процессе материального и духовного производства¹.

Большой интерес вызвал доклад А. К. Байбурина (Ленинград) «О языке ритуала». Докладчик понимает ритуал как «программу поведения человека и коллектива в переломных, кризисных ситуациях». Он предлагает различать коммуникативный и семиотический подход при изучении ритуала. В первом случае ритуал — особый тип

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 24.

коммуникации, во втором — текст (в семиотическом смысле). С коммуникативной точки зрения всякий ритуал может быть рассмотрен как своего рода обмен, диалог, а с позиции семиотики этот диалог и будет текстом. Характерной особенностью такого текста является субстанциональная разнородность его элементов. Текст ритуала, как правило, содержит знаки всех семиотических систем, используемых коллективом (слова, жесты, мимика, пение, хореография, вещи, состояния, образы, поступки и др.). Субстанциональная разнородность элементов ритуала снимается тем, что все они функционируют в ритуале как знаки. Это и дает возможность применять понятие «язык» по отношению к ритуалу. Ритуал может рассматриваться как единый текст с единым кодом и как совокупность текстов с соответствующей совокупностью кодов. С точки зрения докладчика предпочтителен первый подход, так как разные средства выражения реализуют одну и ту же глубинную смысловую парадигму.

Особое внимание А. К. Байбуриной уделил проблеме семантики ритуальных символов. Как правило, они многозначны, но в зависимости от того, в какой части ритуала (или в каком ритуале) используется данный символ, актуализируется одно из присущих ему значений. В первую очередь это относится к символам, которые автор называет «символьными», т. е. используемыми в разных ритуалах. К их числу относятся элементы одежды, пищи, некоторые растения, животные и т. п., которые составляют основу символического фонда культуры.

О сложности понимания этнических особенностей языка культуры говорила в докладе Г. Н. Грачева (Ленинград). На нескольких примерах из своей полевой работы и из литературных источников по культуре нганасан она наглядно показала трудность фиксации и интерпретации материала по мифологии и верованиям. Знания языка не всегда достаточно, чтобы вовремя обратить внимание на особое поведение во время выполнения обрядов, понять и правильно объяснить тот или иной семиотически значимый элемент. Только по мере накопления данных, иногда выявляющихся случайно при полевой работе, такие символы находят место в описании культуры, им может быть найдено соответствие в системе языка иной культуры. После этого символы становятся переводимыми.

В докладе Ю. В. Ионовой (Ленинград) рассматривались природные знаксимволы (горы, деревья, камни) в ритуалах корейцев. Различная степень сохранности этих символов в годичном сельскохозяйственном цикле, по мнению докладчика, свидетельствует о сложных иерархических отношениях в социальной и религиозной жизни общества.

Знаково-символической специфике свадебной обрядности был посвящен доклад Л. В. Марковой (Москва). Свадебный обряд как ритуализированная форма брачно-родственных отношений рассмотрен во взаимоотношении с формами и структурой семьи. Текст свадебного ритуала — слова, песни, жесты, музыка и танцы, специальный реквизит, костюмы — отражают особенности мышления данного народа, его систему ценностей. Докладчица показала особенности эволюции свадебной обрядности, сопоставив традиционный и современный ритуал у болгар. Она обратила внимание на перекодировку значений образных средств в соответствии с меняющимися условиями жизни народа.

«Реализация традиций и инноваций в поведенческих стереотипах на примере обряда примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе» — тема доклада Ю. В. Ивановой (Москва). Кровная месть, по мнению докладчицы, отражает определенное видение мира переходного периода от доклассового общества к классовому (эпоха господства обычного права). В средние века этот институт, включенный в «кодекс чести», приобрел значение мистическое, почти сакральное. По отношению к институту кровной мести значаема возможность примирения — замена человеческой жизни ее материальным эквивалентом — является инновацией. Церемония примирения разработана до мельчайших подробностей как сценарий театрального представления, где действия и реплики участников заранее известны (но от этого не теряют своего эмоционального воздействия). Применяется особый язык жестов, речевых клише, символов. Кровная месть и примирение ее участников причисляются к культурному фонду эпоса. Таким образом, они входят в этнокультурный стереотип и служат объективизации этнического самосознания.

А. Н. Анфертьев (Ленинград) в докладе «Лингвистические аналогии и метафоры в теории культуры» показал, что перенос лингвистических понятий и терминов в другие культурологические дисциплины не только приносит ощутимые выгоды, но и таит в себе определенную опасность. Докладчик считает, что терминологический взаимообмен между различными отраслями науки неизбежен там, где налицо общность процедур или сходство объектов. Но перенос термина влечет за собой и перенос связанного с ним понятийного образа, а это ведет к моделированию в сознании исследователя «своего» объекта по образцу «чужого» и, следовательно, может существенно исказить представление о «своем» объекте. Подобные искажения, в частности, характерны для адептов так называемого «общесемиотического» подхода.

В докладе А. Д. Дуличенко (Тарту) «Этнокультурные функции славянских литературных микроязыков» язык рассматривается как высокоорганизованная и эффективная семиотическая система, скрепляющая этносоциальную общность и являющаяся ее выразителем. Основное внимание обращено на анализ взаимосвязи этнического и языкового в период так называемых «малых возрождений» у югославских русин, градишанских хорватов, банатских болгар и др. Докладчик отметил, что создание литературного языка для микроэтносов является наиболее действенным фактором самосохранения. В докладе предлагается этническое «прочтение» грамматик и лексикографических кодификаций: у югославских русин тяга к украинскому этносу —

корню, у градицанских хорватов — к общехорватскому и т. д. Литературный микро-язык является надежным мостом, который связывает островной микроэтнос с этносом-ориентиром или этносом-корнем.

Я. В. Чеснов (Москва) выступил с докладом «О символике человеческого тела», написанном на материале ряда мифологических традиций и развитых натурфилософских учений. Он показал тесное переплетение народных представлений об антропогенезе, смысле жизни и ценности человеческого тела. Докладчик прослеживает структурные взаимозависимости представлений о факторах жизнедеятельности: материальная субстанция тела, оживляющий принцип, творческий целополагающий дух. Особая роль в этих структурах отводится сознанию, олицетворенному собакой, позиция которой, как правило, двойственна: она и друг, и враг человека. Далее в докладе анализировались две линии представлений о человеческом теле: 1) тело как носитель космического света («тело — свет») и 2) тело как оболочка, скрывающая систему внутренних органов («тело — оболочка»). Правила гигиены, пищевые обычаи, система поведенческих жестов и т. д. по разному представлены в локально-этнических культурах.

Идея Шакти в индо-непальской храмовой архитектуре как развившаяся из собственного мифопоэтического сознанию представления о женском энергетическом начале рассматривалась П. Д. Сахаровым (Москва). Докладчик рассмотрел две основные формы выражения идеи Шакти в индуистской и джайнской храмовой архитектуре: 1) основывающуюся непосредственно на идеологеме Шакти (храмовые изображения богини-матери, супружеских пар великих богов, эротических сцен); 2) обнаруживающую архаические представления о женском энергетическом начале (группы женских божеств — часть скульптурной декорировки храма, рассматриваемые как образ мирового древа).

В докладе Л. Л. Викторовой (Ленинград) «Традиционная культура народов Центральной Азии как этнический разграничитель» выделяется и исследуется культурный комплекс монгольских народов. Докладчица отмечает, что несмотря на длительные межэтнические контакты, культурный комплекс монголов отличается от такового у тюркских, иранских и тунгусоязычных народов. В процессе развития монголов культурный комплекс имел важнейшее значение в сохранении их этнической общности.

Е. С. Новик (Москва) рассмотрела характер коммуникации, возникающей в обрядовых акциях шаманов, отражение в этих акциях традиционной мифологической картины мира. Она продемонстрировала уникальный кинофильм о камланиях якутских и эвенкийских шаманов. Фильм имеет исключительное значение для исследователей, он сохраняет уходящие обряды, костюмы, различные атрибуты шаманской практики, потеря этих материалов была бы невозможной уже через несколько лет.

В представленных докладах язык культуры рассматривался как системное единство, как комплекс элементов культуры в ее историческом развитии. В последние годы как в Советском Союзе, так и за рубежом наметилась тенденция к расширению самого понятия «язык» за счет включения различного рода семиотических знаковых систем как способа передачи информации. Такой подход получил отражение в той или иной форме и в докладах, он оказался продуктивным и в комплексных этнографических исследованиях, и в конкретных изучениях отдельных элементов культуры, таких, как архитектура, театр и др.

И. А. Осницкая

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Очередная экспедиция Мышкинского народного музея (июнь 1982 г.) была посвящена сбору предметов народного быта, главным образом прялок, для создающейся в музее коллекции. Экспедиция (12 чел.) была организована Советом музея. В нее вошли учащиеся старших классов средней школы райцентра и молодые рабочие местных предприятий. Все они с детства занимаются в музее и имеют определенные навыки собирательской работы.

Работу экспедиции направляли общественные сотрудники музея, сотрудники редакции местной газеты, районного отдела народного образования, спортивно-технического клуба ДОСААФ.

Две недели экспедиция работала в Верховажском и Сямженском районах Вологодской области, преимущественно в селениях, расположенных по р. Вага.

Начав с районного центра Верховажье, экспедиция двинулась вверх по течению реки к селениям Двиница, Режа, Гора, Сондуга, Монастырщина. Каждое из них объединяет большую группу мелких селений, сложившихся вокруг наиболее значительного, давшего свое название целой местности.

За время работы было собрано более 90 предметов старого крестьянского быта: прялки, деревянная посуда, образцы крестьянской одежды, росписи по дереву, плетения из бересты.

Деревянной посуды в этих местах меньше, чем, например, в Кировской области или в более южных Междуреченском и Грязовецком районах Вологодской области, и резана она упрощенно, зачастую примитивно. Сейчас из такой посуды кормят домашнюю птицу и поросят; иног-

да в ней «затваривают» тесто или готовят болтушку для домашних животных.

Сплетенные из бересты вещи в селениях на Ваге разнообразны. Наиболее совершенными выглядят солонки. По форме они всегда напоминают штоф со сдвинутым к одной стороне горлышком. Впрочем, попадаются и солонки с горлышком посередине. Размеры их различны: от 20×12×5 до 8×4×2 см. Плетение чистое, аккуратное. Особенно совершенно оно на маленьких солонках из узеньких полос мягкой бересты. Все образцы, по словам местных жителей, относятся к 1890—1910 гг.

Расписных вещей собрано шесть: это дверцы шкафчиков и суденок, стенки голбцов. Встречались также расписные переборки, но роспись их была маловыразительной: повторяющиеся кривые черные мазки, прямые и волнистые черные линии на синевато-сером фоне. Декор голбцов, шкафчиков и суденок интересней: на ярко-красном фоне — цветы, напоминающие розы, цветовая гамма — зеленый, красный, немного белого и голубого.

Наибольшим успехом увенчался поиск прялок. Для музея их приобрели более 40. Возле пос. Верховажье, как правило, встречались широкие, присадистые прялки — «лопаты», либо лишенные окраски и росписи, либо окрашенные в один цвет, изредка с полоской орнамента. Из 16 таких прялок лишь одна (наиболее старая, конца XIX в.) имеет цветочную роспись из крупных красных цветов.

Прялки Сямженского района, как правило, почти в 2 раза меньше верховажских. Лопастка у них удлиненная, стояк высокий (равен высоте лопастки или це-

много превосходит ее). Лопастка сверху украшена рядом простых «городков», внизу — двумя крупными рогаобразными «серьгами», в центре чаще всего резная вихревая розетка.

В прибрежных селениях р. Вага, особенно в местностях Гора и Режа, прялки прорезные, украшенные сквозными изображениями. Чаще всего это одно или два «окна». Размеры и формы их различны: от полуциркульного «фронтонного» до тройного итальянского. В старину в «окна» вставлялись стекла, иногда цветные.

Мы попытались проследить распространение этого типа прялки. Оказалось, что бытует он не только на берегах Ваги, но и в селениях, расположенных в 20—30 км от нее. Однако прялки, наиболее чисто исполненные, имеющие яркую, многоцветную окраску, встречаются только в Коробицынском сельсовете (в деревнях Гора и Коробицыно с прилегающими селениями). Там даже в одном доме часто встречаются по три-четыре хороших прорезных прялки. Из бесед с жителями выяснилось, что все имеющиеся у них прялки-«окна» изготовлены в этих селениях. Наиболее ранние экземпляры датируются 70—80-ми годами XIX в. В остальных же обследованных нами селениях прялки подобного типа грубы, резьба примитивная и неумелая, видно явное подражание. Раскраска одноцветная или отсутствует совсем.

Можно думать, что деревни Гора и Коробицыно с прилегающими к ним малыми селениями и были в свое время районом изготовления своеобразного подвиды прялок — прялок-«окон».

В. А. Гречухин

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

М. В. Кроков

КИТАЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ ЭТНОСА

Нынешний этап развития этнографической науки в Китае характеризуется резким возрастанием интереса к ее фундаментальным методологическим аспектам, в том числе к вопросам теории этноса. Некоторые из них были подвергнуты обсуждению в ходе дискуссии, развернувшейся на I Всекитайской этнографической конференции¹ и продолженной затем на страницах научной печати.

Ряд китайских исследователей полагают, что теория этноса представляет собой этнографическую субдисциплину. Чжоу Гуанда, в частности, высказывал точку зрения, согласно которой этнографическая наука должна включать три основных раздела: описательный, исторический и теоретический². По его мнению, есть серьезные основания считать теорию этноса составной частью этнографии: предмет этнографии и теории этноса в основном совпадает; главное внимание, как в первом, так и во втором случае должно быть обращено на этносы и этнические отношения современного исторического этапа; исследователь в области теории этноса, подобно этнографу-полевнику, не может быть кабинетным ученым и должен располагать данными, полученными из первых рук; в классификации наук, принятой во многих странах, теория этноса давно уже рассматривается как часть этнографии и т. д. Особо подчеркивает Чжоу Гуанда то обстоятельство, что марксистская этнография не может ограничиваться описанием наблюдаемых фактов, она должна не только фиксировать, но и анализировать их, а значит, непременно включать теоретический аспект. На практике же среди китайских этнографов до сих пор имеет хождение взгляд, согласно которому описание представляет конечную цель этнографической науки³. Решительно выступая против этого, Чжоу Гуанда ссылается на слова С. П. Толстова: «Такое понимание сущности этнографических исследований представляет собой пережиток представлений, господствовавших в дореволюционной этнографии»⁴. Иная точка зрения была сформулирована Лю Боцянем. «Этнос,— пишет этот исследователь,— представляет собой определенную систему, и изучать ее необходимо в целом, как таковую (примером подобного комплексного исследования может служить определение этнического состава населения). Но если иметь в виду лишь общую сущность явления, то окажется невозможным выяснить детали составляющих его компонентов, а это скажется на конкретности и глубине понимания явления в целом. Именно поэтому среди наук, изучающих этнос, выделяются теория этноса, этнолингвистика, этническая история, этногеография, этноэкономика, этноискусствоведение и т. д.; по мере их развития это деление может стать еще более дробным»⁵. На сходных позициях стоит и Лю Сяоюй, полагающий, что теория этноса — одна из марксистских наук, изучающих этнос; что же касается этнографии, то она, руководствуясь положениями теории этноса, изучает конкретные этнические общности⁶. Рассматривая теорию этноса как «самостоятельную науку, имеющую объективную основу своего существования и специфический предмет исследования»⁷, Ли Цзясю считает ее составной частью не этнографии, а научного социа-

¹ См. об этом Кроков М. В. Китайские ученые о предмете этнографической науки.— Сов. этнография, 1983, № 5.

² Чжоу Гуанда. Некоторые вопросы создания и развития марксистской этнографии, соответствующей условиям Китая.— Миньцзусюэ яньцзю (далее — МЯ), 1981, I, с. 149. (на кит. яз. Далее при ссылках на работы китайских авторов, написанных на китайском языке, язык публикации специально не оговаривается).

³ Там же, с. 151.

⁴ Там же.

⁵ Лю Боцянь. По поводу создания системы этнографической науки в Китае.— МЯ, I, с. 54.

⁶ Лю Сяоюй. Коротко об определении и предмете этнографии.— МЯ, I, с. 133—134.

⁷ Ли Цзясю. О предмете исследований в области теории этноса.— Миньцзусюэ яньцзю, 1982, № 4, с. 8.

лизм⁸. В свете такого подхода к пониманию соотношения между теорией этноса и этнографией странной выглядит позиция Ши Чжэнъи, критикующего советских этнографов за то, что они не включают теорию этноса в предметную область этнографии⁹. Подобное утверждение может объясниться лишь недостаточным знакомством с работами советских этнографов, уделявших в последние десятилетия особенно много внимания проблемам теории этноса.

Необходимо отметить, что исследования в данной области осложнены в Китае некоторыми специфическими трудностями, связанными с особенностями научной терминологии. Китайские ученые начинают сейчас особенно остро ощущать ту потребность в уточнении ранее установившихся значений этнографических терминов в силу их многозначности и введения дополнительной терминологии для вновь выявленных аспектов этнических понятий, на которую неоднократно указывал Ю. В. Бромлей¹⁰.

Как показывают исследования по этнической истории китайцев, еще в первых веках нашей эры в Китае употреблялось слово *миньцзу* в значении «этнос», «народ». Так, в исторических источниках до нас дошли отголоски споров о сущности различий между китайцами и «варварами», которые велись в V в. Один из участников диспута, Гу Хуань, утверждал: «Ныне китайцы — и мужчины и женщины — не изменили принадлежности к своему народу (*миньцзу*.— М. К.), но бездумно следуют варварским обычаям»¹¹. Однако в качестве научного термина слово *миньцзу* вошло в современный китайский язык как заимствование из японского лишь в конце XIX — начале XX в. Один из первых случаев его употребления зафиксирован в дневнике путешественника в Японию китайского ученого У Жудуя в 1902 г.: автор использует его, характеризую этнические особенности рюкюсцев и японцев¹². Производный от *миньцзу* термин *миньцзусюэ* («наука о миньцзу», т. е. этнография) получил распространение в Китае много позднее. Так, в 1903 г. Линь Шу и Вэй И предлагали называть данную область знания *миньчжунсюэ* («наука о расах народа»)¹³; в 1904 г. Цзян Чжию — *жэньчжунсюэ* («расоведение»)¹⁴; в 1916 г. Сунь Сюэу — *жэньляйсюэ* («антропология»)¹⁵ и лишь в 1926 г. Цай Юаньпэй впервые ввел в научный оборот термин *миньцзусюэ* («этнография»), ставший затем общепотребительным¹⁶.

Высказывалось мнение о том, что «в китайском языке нет и не было термина для обозначения этноса»¹⁷, но это утверждение верно лишь отчасти. Речь идет о том, что, как было убедительно показано еще в 1963 г. Линь Яохуа¹⁸, термин *миньцзу*, употреблявшийся для выражения понятия «этнос», является многозначным.

Многие китайские ученые считают, что данный термин употребляется в двух основных значениях. Первое из них — широкое, связано с обозначением любых этнических общностей, существовавших когда-либо в прошлом или существующих в настоящее время. Второе — узкое значение термина соответствует марксистскому понятию «нация» как особому типу этнических общностей, складывающемуся в эпоху капитализма¹⁹. Но кроме этого, термин *миньцзу* в современной китайской научной литературе имеет и еще одно значение, связанное с сочетанием *чжунхуа миньцзу* («китайская нация»). В данном случае речь идет не о собственно китайском этносе, а о совокупности всех народов Китая как некоего единства; отсюда формулировка о «всех народах, входящих в состав китайской нации»²⁰. В определенном смысле понятие *чжунхуа миньцзу* может быть истолковано в духе концепции «метаэтнических общностей», выдвинутой С. И. Бруком и Н. Н. Чебоксаровым. Однако ее авторы подчеркивают, что метаэтнические общности, представляя совокупность этносов, находятся в процессе перехода, изменения состояния²¹. Между тем вторая сторона данного определения отнюдь не свойственна *чжунхуа миньцзу*, которая рассматривается как общность, сложившаяся в далеком прошлом и существующая без каких-либо качественных изменений вплоть до настоящего времени. Поэтому в соответствующей глоссе энциклопедического словаря «Цыхай» прямо говорится о ее «почти четырехтысячелетней истории, запечатленной памятниками письменности», хотя и указывается, что «на протяжении более двух тысяч лет непрерывная интенсификация экономических связей и

⁸ Там же, с. 13.

⁹ Ши Чжэнъи. О некоторых вопросах развития этнографии в Китае.— МЯ, I, с. 174.

¹⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 7.

¹¹ Крюков М. В., Малаяин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979, с. 272.

¹² Линь Яохуа. Вопрос об использовании и переводе термина миньцзу.— Лиши яньцзю, 1963, № 2, с. 175.

¹³ Линь Шу, Вэй И. Наука о расах народа. Пекин, 1903.

¹⁴ Цзян Чжию. Расоведение в Китае. Пекин, 1904.

¹⁵ Сунь Сюэу. Заметки об антропологии.— Кэсюэ, 1916, т. 2, № 4.

¹⁶ Цай Юаньпэй. Что такое этнография.— Избр. соч. Шанхай, 1959, с. 255.

¹⁷ Решетов А. М. Некоторые соображения о переводе и значении термина «нация» в китайском языке.— XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. II. М.: 1981, с. 165.

¹⁸ Линь Яохуа. Указ. раб., с. 171—190. Подробнее об этом см. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983, с. 10—11.

¹⁹ Тан Чжэнфан. Прежде всего о наименовании этнографии.— МЯ, I, с. 191.

²⁰ И Моюань. Формирование и развитие этнических общностей в древнем Китае.— МЯ, 1981, III, с. 12.

²¹ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности.— Расы и народы, 6. М.: Наука, 1976, с. 17.

культурных контактов между всеми народами (входящими в ее состав.— М. К.) характеризовалась некоторыми различиями в уровне и продолжительности»²². Надо полагать, что не случайно среди всех рассмотренных Линь Яохуа значений термина *миньцзу* это последнее вообще не упоминается. Оно не получило до сих пор научного обоснования и употребляется преимущественно в общественно-публицистической, а не в этнографической литературе.

Нетрудно представить себе, сколь значительные трудности возникают в связи с этим в тех случаях, когда необходимо употребить термин *миньцзу* в том или ином специфическом значении. Линь Яохуа, например, почти при каждом упоминании этого термина ставит над ним цифру, указывающую на категорию смысла²³. Иначе поступают некоторые переводчики: употребив слово *миньцзу*, они приводят после него в скобках иноязычный эквивалент, что, по мнению Тан Чжэнфан, может в лучшем случае свидетельствовать лишь о бессилии передать мысль оригинала средствами родного языка²⁴. Поэтому он полагает, что предпочтительнее замена слова *миньцзу* в его широком значении («этнос») каким-либо новым термином, например *цзулэй* или *цзуги* («этническая общность»)²⁵. Это предложение, насколько можно судить по имеющейся литературе вопроса, было поддержано некоторыми этнографами. Так, Лю Сяоюй использует в своих работах термин *цзуги*, противопоставляя его *миньцзу*²⁶. Однако в этой связи встает проблема изменения наименования этнографии²⁷. Трудно сказать, привьется ли в будущем это нововведение. Пока что раздаются голоса, призывающие к сохранению за этнографией ее традиционного названия *миньцзусюз*²⁸.

Центральное место в совокупности теоретических проблем, обсуждаемых в настоящее время китайскими этнографами, занимает определение понятия «этнос». Приходится констатировать, что все авторы, так или иначе затрагивающие эту тему, оперируют определением нации, сформулированным в свое время И. В. Сталиным и распространяемым ими теперь на этнические общности вообще²⁹. «Определение Сталина,— пишут, например, Фань Жунчунь, Ли Чжижэнь и Цзян Юнсин,— на высоком уровне абстракции обобщило все существенные особенности, которыми обладают этнические общности начиная с последнего этапа первобытности до эпохи социализма. Этот огромный вклад Сталина в теорию формирования этноса не может быть оспорен»³⁰. Хоу Шаочжуан и У Сыцин замечают при этом: «Хотя за рубежом (главным образом в СССР) неоднократно утверждалось, что это определение недостаточно совершенно или в известном смысле уже устарело, в действительности побудительными мотивами стремления заменить или дополнить его являются либо соображения политического характера, либо нечеткость теоретических посылок. Так или иначе, дело сводится в лучшем случае к бесплодным попыткам „подрисовать ноги змее“, что отнюдь не может умалить научное значение этого определения»³¹.

Однако даже ряд конкретных соображений, высказываемых в связи с этой проблемой самими китайскими исследователями, совершенно недвусмысленно указывает на объективную необходимость существенной корректировки этого определения.

Ван Годун напоминает, что принадлежащее И. В. Сталину определение нации состоит по существу из двух частей: в первой сформулированы четыре признака этой исторической общности людей, во второй утверждается, что только наличие всех признаков, вместе взятых, дает нам нацию. Этот последний тезис, по мнению Ван Годуна, требует определенных комментариев, потому что «в реальной жизни объективно существуют нации, уже утратившие один или несколько своих признаков»³². Конкретным примером такого рода могут служить маньчжуры, некогда говорившие по-маньчжурски и имевшие компактную территорию проживания. После создания в 1644 г. империи Цин маньчжуры расселились по всему Китаю и за 300 лет интенсивных контактов с китайцами в подавляющем большинстве утратили свой родной язык и единство территории. Почему же и сейчас маньчжуры по-прежнему представляют собой самостоятельную нацию? Причина этого, отвечает Ван Годун, заключается в необходимости учитывать не только современное состояние той или иной общности, но и ее историю. Некогда маньчжуры как этнос обладали всеми четырьмя указанными признаками, а сейчас по-прежнему сохраняют свои традиции, культуру и искусство, праздники и особенности психического склада; поэтому можно считать существование маньчжуров как самостоятельной нации объективной реальностью³³. Сказанное в сущ-

²² Цыхай. Шанхай, 1961, т. 6, с. 7.

²³ Линь Яохуа. Указ. раб., с. 189, 190.

²⁴ Тан Чжэнфан. Указ. раб., с. 191.

²⁵ Там же, с. 192.

²⁶ Лю Сяоюй. Указ. раб., с. 127, 129, 130, 133 и др.

²⁷ Тан Чжэнфан. Указ. раб., с. 193.

²⁸ Цзинь Тяньмин, Ян Цинчжэнь. Особенности и задачи этнографии в Китае на современном этапе.— МЯ, I, с. 74; Хуан Шупин. Развивать этнографию в нашей стране — требование социалистического строительства.— МЯ, I, с. 86 и др.

²⁹ Лю Сяоюй. Указ. раб., с. 130; У Цунчжун. О предмете, задачах и методе этнографии.— МЯ, I, с. 136; Чжан Яин. О соотношении этнографии и географии.— МЯ, I, с. 233—235; Я Ханьжан. О понятии «этнос».— Миньцзу яньцзю, 1982, № 5, с. 1 и др.

³⁰ Фань Жунчунь, Ли Чжижэнь, Цзян Юнсин. О формировании и развитии этноса.— МЯ, III, с. 109.

³¹ Хоу Шаочжуан, У Сыцин. Как формируется этнос.— МЯ, III, с. 100.

³² Ван Годун. Несколько соображений о проблемах теории этноса.— Миньцзу яньцзю, 1983, № 4, с. 10.

³³ Там же.

ности отвергает тезис о том, что достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы «нация перестала быть нацией».

Еще дальше идет в этом направлении Сюн Сиюань. Он признает реальной не только ситуацию, когда некогда сформировавшаяся нация затем утрачивает некоторые свои признаки, продолжая оставаться нацией. По его мнению, «исторические факты свидетельствуют, что по тем или иным причинам у некоторых наций такие их особенности, как единая территория, язык или общность экономической жизни... с самого начала отсутствовали или не получили достаточного развития»³⁴.

Сюн Сиюань приходит к выводу, что признаки нации отнюдь не обязательно должны быть именно четыре. В частности, в практике национального строительства в Китае всегда уделялось большое внимание вопросу о нравах и обычаях народов. Поэтому, по мнению этого автора, «нравы и обычаи могут рассматриваться как один из признаков, составляющих нацию; таким образом, нация имеет пять основных признаков»³⁵. Итак, число «четыре» в системе признаков нации (шире — этнической общности вообще) не является раз навсегда данным, составляющим некую «закрытую систему».

Но дело не только в этом. Органическим недостатком сформулированного И. В. Сталиным определения нации является то, что все ее признаки (будь их четыре, пять или более) рассматриваются как однопорядковые и равнозначные, перечисляемые через запятую. Против этого фактически выступают Ма Сюэлян и Дай Цинся, полагающие, что место и роль отдельных признаков в их общей системе не идентичны. «Самым важным среди признаков нации» он считает язык: во-первых, язык способен относительно полно и глубоко воплощать особенности этноса, тогда как другие этнические признаки зачастую проявляются через средство языка; во-вторых, язык отражает не только современные, но и исторические особенности этноса; в-третьих, язык является наиболее устойчивым среди всех признаков этноса; в-четвертых, язык является одним из признаков этноса и в то же время необходимым «инструментом» его развития. Таким образом, «язык занимает специфическое место среди всех этнических признаков»³⁶. Не будем здесь спорить по поводу того, действительно ли язык представляет собой главный признак этноса³⁷. В данной связи важнее высказанная здесь мысль об определенной иерархии признаков этноса.

Одним из важнейших достижений советских ученых в области изучения свойств этноса является вывод о том, что так называемые «этнические признаки» неравноценны как такономически, так и функционально. «Если рассматривать этнические общности диалектически и стремиться выявить сущность данного явления общественной жизни, — отмечал В. Ф. Генинг, — то, очевидно, признаки, определяющие этническую общность, должны быть подразделены по своему происхождению и роли в этническом процессе»³⁸. К одной группе признаков должны быть причислены «те объективные факторы, которые обуславливают само зарождение этнических отношений», к другой — признаки, «возникающие в процессе развития этнических отношений и формирования этнических общностей»³⁹. Другими словами, необходимо различать этнообразующие факторы, представляющие собой условия формирования этноса, и этнические признаки в узком смысле, отражающие реальные различия между отдельными этническими общностями и выделяющие каждую из них среди других общностей того же рода.

К числу этнообразующих факторов следует отнести прежде всего единство территории. Для того чтобы у группы людей появились какие-то специфические черты их общности, они должны систематически общаться друг с другом, а это возможно лишь при условии их компактного расселения⁴⁰. Поэтому любая из этнических общностей словесно «уникальна»: нет и не может быть примеров того, когда бы один и тот же этнос возник в разных частях ойкумены. Точно так же к числу этнообразующих факторов относятся экономические связи внутри формирующейся этнической общности, отяни территориальные, ни экономические отношения сами по себе не являются этническими категориями.

В результате действия этнообразующих факторов, в процессе формирования конкретной этнической общности начинают складываться собственно этнические признаки, имеющие этническое содержание и отличающие данный этнос от других ему подобных. Поэтому важная особенность этнических общностей состоит в их взаимном различии⁴¹. При этом все основные отличительные особенности этносов сосредоточены в сфере культуры⁴².

Идея противопоставления этнообразующих факторов и этнических признаков не была сформулирована китайскими этнографами. Однако фактически многие из них, продолжая формально следовать традиционному четырехчастному определению эт-

³⁴ Сюн Сиюань. Коротко о единстве психического склада нации. — Миньцзу яньцзю, 1983, № 4, с. 6.

³⁵ Сюн Сиюань. Следует ли включать нравы и обычаи в число признаков нации? — Миньцзу яньцзю, 1983, № 1, с. 44.

³⁶ Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. — Миньцзу яньцзю, 1983, № 1, с. 7—9.

³⁷ Об этом см. Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 55—56.

³⁸ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 23.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 57.

⁴¹ Там же, с. 49.

⁴² Там же, с. 54.

носа, вплотную подошли к признанию того факта, что «условия формирования этноса» и «этнические признаки» относятся к различным таксономическим уровням. Так Ян Ханьчжан обращает внимание на условия, необходимые для возникновения этнической общности, но утрачивающие свое значение после того, как этнос сформировался⁴³, тогда как Ян Хэшу и Лю Сяоюй обсуждают вопрос о специфических признаках, позволяющих отличать один этнос от других⁴⁴.

Однако анализ структуры характеристик этноса не сводится к разграничению этнообразующих факторов и этнических признаков. Среди последних особое место занимает этническое самосознание, возникающее в результате действия основных дифференцирующих особенностей этнической общности. Как совершенно правильно указывал Н. Н. Чебоксаров, «взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности»⁴⁵. Таким образом, если этнические признаки в узком смысле вторичны по отношению к этнообразующим факторам⁴⁶, то этническое самосознание является производным от этих признаков, составляющих в своей совокупности особое, неповторимое лицо каждого этноса. Этническое самосознание, выражающееся в осознании своего единства представителями данной этнической общности, формируется как отражение всех основных признаков этноса, хотя отражение это никогда не бывает вполне адекватным и всегда имеет условно-избирательный характер⁴⁷.

Такое понимание сущности и роли этнического самосознания, еще недавно встречавшее возражения, сейчас прочно вошло в советскую этнографическую науку. Весьма симптоматично, что значение этнического самосознания имплицитно признается некоторыми китайскими исследователями. Лю Боцзянь особо указывает на «самоидентифицирующую» роль «психических черт этноса»⁴⁸, а Фэй Сяотун видит в общности психического склада «признание людьми данного народа такого факта, что все они принадлежат к одной общности»⁴⁹. По мнению Фэй Сяотуна, представители той или иной этнической общности «всегда склонны подчеркивать некоторые особенности нравов, обычаев и образа жизни, отличающие их от других этносов, и, придавая им ярко выраженную эмоциональную окраску, возвышать их до уровня символа данного этноса»⁵⁰. Нетрудно видеть, что здесь дана, по существу, сжатая, но достаточно полная характеристика сущности этнического самосознания, и поэтому прав Сюн Сиюань, обративший внимание на то, что формулировка Фэй Сяотуна «аналогична или сходна с понятием этнического самосознания, о котором говорят некоторые советские этнографы»⁵¹.

К сожалению, сам Сюн Сиюань недостаточно четко противопоставляет этническое самосознание как осознание этносом своего единства и «национальный характер», рассматривая их в качестве отдельных аспектов общности психологического склада этноса. Вместе с тем он совершенно правильно отмечает их особое место среди других этнических признаков. «После того как формирование этнической общности завершилось, — пишет он, — в процессе существования и развития этноса его признаки оказываются неравнозначными по своей важности и роли. Углубленное исследование показывает, что такой признак, как общность психического склада, является не только важным внешним проявлением различий между отдельными этносами, но также самым активным и самым устойчивым среди всех признаков этноса, играющим в существовании, развитии и функционировании этноса чрезвычайно важную роль»⁵².

Автор имеет здесь в виду, разумеется, не такие аспекты общности психического склада, как пресловутая флегматичность финнов и экспансивность итальянцев, а именно этническое самосознание, которое возникает в результате осознания этносом объективных особенностей своей культуры и языка, но в отличие от этих этнических признаков само по себе активно влияет на самосохранение и консолидацию этноса. Как справедливо отмечает Сюн Сиюань, этническое самосознание оказывается в процессе трансформации этноса самым устойчивым среди всех других признаков и поэтому «исчезновение его происходит в момент, когда дни этноса уже сочтены»⁵³.

Важнейшим внешним проявлением этнического самосознания советские этнографы считают этническое самоназвание. Поэтому обращение китайских ученых к углубленному исследованию проблем этнонимии также представляет для нас несомненный ин

⁴³ Я Ханьчжан. Указ. раб., с. 1.

⁴⁴ Ян Хэшу. О месте исследований социально-экономических формаций в марксистской этнографии. — МЯ. I, с. 102; Лю Сяоюй. Указ. раб., с. 130.

⁴⁵ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — Сов. этнография, 1967, № 4, с. 99.

⁴⁶ Генинг В. Ф. Указ. раб., с. 23.

⁴⁷ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. Расы и народы, 6, 1976, с. 58; Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 181—182.

⁴⁸ Лю Боцзянь. Указ. раб., с. 60—61.

⁴⁹ Фэй Сяотун. Об идентификации этнических общностей. — Чжунго шэхэй кюэцзе, 1980, № 1.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Сюн Сиюань. Коротко о единстве психического склада нации, с. 2.

⁵² Там же, с. 5—6.

⁵³ Там же, с. 7.

перс⁵⁴. Наряду с конкретными вопросами происхождения тех или иных этнонимов⁵⁵ за последние годы в китайской научной печати стали появляться работы, посвященные теоретическим аспектам этнонимии⁵⁶.

Большое внимание уделяют сейчас китайские этнографы проблеме исторических типов этнических общностей. Обсуждая ее, некоторые авторы говорят о роде, племени, народности и нации⁵⁷, как это иногда имело место раньше и в советской литературе⁵⁸. Между тем Ю. В. Бромлеем было показано, что интегрирующий механизм этноса связан с функционированием эндогамии — преимущественного заключения браков внутри своей общности, тогда как непрременным признаком рода является экзогамия, в силу чего род в известном смысле представляет собой «антиэтнос»⁵⁹.

Длительную историю имеет в Китае дискуссия о понятии «нация». Еще в 1957 г. видный китайский историк Фань Вэньлань выдвинул концепцию, согласно которой этническая общность древних китайцев начиная с последних веков до нашей эры не может рассматриваться ни как народность эпохи государственной раздробленности, ни как буржуазная нация эпохи капитализма; она была нацией особого типа, возникшей в особых исторических условиях⁶⁰. В обсуждении этой проблемы, начавшемся вскоре после публикации книги Фань Вэньлани, большинство участников высказалось против теории «нации особого типа». Отмечалось, что в марксистской теории понятие «нация» связывается исключительно с эпохой капитализма, а также с последующей историей человеческого общества⁶¹. Гипотеза Фань Вэньлани вновь привлекла к себе внимание около четверти века спустя; но теперь она оценивается во многом иначе.

Некоторые китайские ученые полагают в настоящее время, что К. Маркс и Ф. Энгельс, с одной стороны, и В. И. Ленин — с другой, вкладывали различное содержание в понятие «нация»⁶²; если, согласно ленинскому определению, нация суть неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития⁶³, то основоположники марксизма считали нацию результатом трансформации племени⁶⁴. В то же время другие китайские ученые обращают внимание на употребление В. И. Лениным термина «современные нации»⁶⁵. По их мнению, различие в понимании «нации» у Маркса и Ленина мнимо, ибо речь в первом случае идет о «древних нациях», во втором — о «современных»⁶⁶. Это означает, что Ленин, подобно Марксу, не отрицал первоначального формирования древних наций в процессе разложения племенной организации⁶⁷.

Противопоставляя понятия «племя» и «нация», сторонники этой точки зрения предлагают различать четыре типа наций: 1) первобытные нации, складывающиеся на последнем этапе доклассового общества; 2) древние нации, соответствующие эпохам рабства и феодализма; 3) нации нового времени, которые возникают по мере развития капиталистических отношений; 4) современные, или социалистические, нации⁶⁸. В этой связи нельзя не отметить, что исторические типы этноса — явление стадияльно-типологическое, а понятия «древний», «современный» связаны с выделением периодов истории, исчисляемых в относительно-хронологических величинах. Поэтому в силу неравномерности этнического развития человечества в современном мире могут в принципе существовать «первобытные», а там более «древние» народы. Таким образом, например, ицзу, сохранивших до середины XX в. пережитки рабовладельческих отношений, мы должны будем характеризовать как «современную древнюю нацию», что терминологически вряд ли может быть признано удачным.

Представление о том, что племя и нация — общности людей, исторически сменяющие одна другую⁶⁹, логически связано с отрицанием народности как определен-

⁵⁴ Отмечу попутно оживление в Китае исследовательской работы в области изучения других разделов ономастики, в частности антропонимики (см., например: *Фань Оймэй*. Личные имена у национальных меньшинств Китая. — Миньцзу яньцзю, 1981, № 5, с. 63—75; *Сюй Гуйжэнь*. Фамилии и имена у цзинпо. — Там же, с. 80; *Ли Кэю*. Предварительное исследование фамильных имен у народности ту. — Там же, 1982, № 6, с. 71—74; *Лю Цинхуа*. Коротко о маньчжурских фамилиях. — Там же, 1983, № 1, с. 64—71, и др.).

⁵⁵ *Чэнь Вэйган*. Исследование об этноиме дун. — Миньцзу яньцзю, 1981, № 5, с. 49; *Ижан Шоуци*. О происхождении этнонима дун. — Там же, 1982, № 3, с. 56—59, и др.

⁵⁶ *Вэнь Ю*. Этнонимические этюды. — Чжунъян миньцзусюэань сюэбао, 1981, № 3, с. 56; *Цзи Пэйхуа*. Об этнонимах. — МЯ, III, с. 1—7, и др.

⁵⁷ *Тан Чжэнфан*. Указ. раб., с. 192; *Ши Чжэнъи*. Указ. раб., с. 169, и др.

⁵⁸ *Алексеев В. В.* Род, племя, народность, нация (Исторические формы общности людей). М.: 1962.

⁵⁹ *Бромлей Ю. В.* Указ. раб., с. 129.

⁶⁰ *Фань Вэньлань*. Причины того, что начиная с эпохи Цинь — Хань Китай стал централизованным государством. — Сб. статей по проблемам формирования китайской нации. Пекин, 1957. См. об этом также *Решетов А. М.* Указ. раб., с. 163.

⁶¹ Подробнее см. *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Указ. раб., с. 9—10.

⁶² *Ван Годун*. Указ. раб., с. 8.

⁶³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

⁶⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. М., 1981, т. 3, с. 292.

⁶⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

⁶⁶ *Ван Годун*. Указ. раб., с. 9.

⁶⁷ *Хоу Шаочжуан, У Сыцин*. Указ. раб., с. 99.

⁶⁸ *Фань Жунчунь, Ли Чжэжэнь, Цзян Юнсин*. Указ. раб., с. 113—115.

⁶⁹ *Чэнь Гоцян*. О предмете этнографических исследований. — МЯ, I, с. 79.

ного исторического типа этнических общностей. Действительно, хотя термин *Völkerschaft* (народность) употреблялся классиками марксизма, он отнюдь не рассматривался ими в контексте типологии этносов. В сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса нет понятия, адекватного «народности» как особого исторического типа этнической общности, занимающего промежуточное положение между племенем и нацией⁷⁰. Не находимы каких-либо указаний на выделение «народности» как типа этнических общностей и в трудах В. И. Ленина, который нередко пользовался терминами «народ», «народность», «национальность» как синонимами «нации». Не случайно советские исследователи 20—30-х годов писали лишь о двух исторических типах этноса — «племени» и «нации». Быть может, — отмечал в 1932 г. С. Н. Быковский, — детальное изучение этого вопроса откроет и новую форму объединения, не являющуюся ни племенем, ни нацией. Название этой предполагаемой формы отсутствует⁷¹. Лишь с начала 50-х годов в советской исторической науке получает распространение триада «племя — народность — нация». Несмотря на то что в эти годы были предприняты многочисленные попытки на материале этнической истории конкретных народов доказать реальность «народности» как донациональной формы общности людей, теоретически это понятие продолжает оставаться недостаточно обоснованным. Это обстоятельство справедливо отмечается сейчас китайскими исследователями⁷².

Внимания в этом отношении заслуживает высказываемый многими участниками дискуссии тезис о том, что в социалистическом обществе все этносы, вне зависимости от уровня их развития, достигнутого в предшествующий период, должны рассматриваться как нации. Одним из первых этот вопрос был поднят Линь Яохуа два десятилетия тому назад. Он отмечал, что традиционное употребление в Китае термина *миньцзю* по отношению ко всем без исключения народам этой страны объективно могло благоприятствовать осуществлению принципа равенства этносов, совместно осуществлявших демократические преобразования, а затем вступивших на путь строительства социализма⁷³. Развивая эту мысль, Ван Годун отмечает, что в дореволюционном Китае существовало немало народов, находившихся на стадии рабовладельческого и феодального общества или сохранивших даже значительные пережитки первобытнообщинных отношений. Однако после преобразований, осуществленных в ходе социалистического строительства, различия в уровне социально-экономического развития этих народов были преодолены. Национальная политика и этнографическая теория в социалистических странах имеют общее единое основание⁷⁴. Действительно, в теории этноса типологические различия нации и народности, существующих в социалистическом обществе, до сих пор не получили удовлетворительного обоснования.

Говоря о задачах этнографии, большинство современных китайских ученых определяют их как выявление закономерностей возникновения, развития и исчезновения этнических общностей. Именно эти проблемы интенсивно разрабатываются и в советской этнографической науке. Однако в толковании самого предмета исследований между советскими и китайскими этнографами существуют определенные расхождения. Понятие «этническая история» обычно ассоциируется у нас с процессами исторических изменений этнических общностей, или этническими процессами. В китайской литературе этническая история рассматривается чаще всего как социально-экономическая история народа⁷⁵, поэтому проблематика, связанная с закономерностями собственно этнических процессов в истории человечества, в современной китайской этнографии оказывается разработанной несравненно слабее, чем другие разделы теории этноса.

В основе китайской научной терминологии, используемой для анализа процессов трансформации этнической сущности народов мира, лежат два фундаментальных понятия: *тунхуа* — ассимиляция (от *тун* — «идентичный, одинаковый, общий; совпадать»⁷⁶) и *фэньхуа* — диссимилиция (от *фэнь* — «делить, различать; выделившийся»⁷⁷). Гораздо менее четким и однозначным является термин *жунхэ* (от первоначального «сплавать, амальгамировать, смешивать, сливаться»)⁷⁸. Среди китайских ученых обрисовалось два различных подхода к употреблению этого термина. Согласно одной точке зрения, этническое слияние представляет собой процесс естественной ассимиляции, свойственный человечеству на всем протяжении его истории; сторонники второй точки зрения были склонны понимать под ассимиляцией утрату той или иной этнической общностью ее особенностей и переход в другую общность, тогда как слияние наций означает полное уничтожение национальных различий в будущем коммунисти-

⁷⁰ Козлов В. И. О разработке теоретических основ национального вопроса. — Народы Азии и Африки, 1967, № 4, с. 80.

⁷¹ Быковский С. Н. Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма. — Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, с. 14.

⁷² Чэнь Цзинь. О предмете, содержании, методе и задачах этнографии. — МЯ, I, с. 111; Хоу Шаочжуан, У Сыцин. Указ. раб., с. 98—100, и др.

⁷³ Линь Яохуа. Указ. раб., с. 190.

⁷⁴ Ван Годун. Указ. раб., с. 10—11.

⁷⁵ В этом отношении особенно характерно содержание опубликованных томов серии исследований по этнической истории народов Китая (Краткая история хуэй. Иньчуань, 1978; Краткая история маньчжуров. Пекин, 1979; Краткая история чжуан. Наньнин, 1980; Краткая история шэ. Фучжоу, 1980, и др.).

⁷⁶ Китайско-русский словарь/Под ред. проф. Ошанина И. М. М.: 1952, с. 373, № 3778.

⁷⁷ Там же, с. 412, № 4191.

⁷⁸ Там же, с. 841 № 8704.

ческом обществе⁷⁹. В 60-х годах господствующей стала вторая точка зрения, и это нашло отражение в соответствующих глоссах энциклопедического словаря «Цыхай»⁸⁰. Однако в статье «Миңьцзу», написанной для подготавливаемой сейчас к изданию «Большой китайской энциклопедии», Я Ханьчжан считает возможным говорить об «этническом слиянии» как синониме естественной ассимиляции в истории человечества, проводя при этом различие между этим понятием и «слиянием наций» в том смысле, в каком его употребляли классики марксизма⁸¹. Использование этого термина для характеристики этнотрансформационных процессов в историческом прошлом современных народов получило сейчас широкое распространение в китайской этнографической и исторической литературе.

В плане типологического исследования ассимилятивных и диссимилятивных этнических процессов вполне правомерна попытка рассмотреть механизм их действия в «чистом виде». Примером исследования такого рода может служить работа Ю. Чжуна, проследившего процесс разделения этнической общности ляо (лао)⁸² в VII—XII вв. Расселяясь с территории своего первоначального обитания, ляо оказывались в неоднородной экологической среде, что и привело к разделению их общности на несколько самостоятельных этносов — чжуан, буи, гэлао, шуй, дун⁸³. В реальной исторической действительности диссимиляция этнической общности ляо, несомненно, была сопряжена также с процессами ассимилятивного характера. Наиболее наглядно это прослеживается на примере формирования народа гэлао: обнаруживая близость к чжуан и буи в области грамматики, язык гэлао фонетически и лексически содержит черты сходства с мяо⁸⁴ (последнее обстоятельство служило даже основанием для отнесения гэлао к народам группы мяо-яо)⁸⁵, что может быть объяснено лишь этническим смещением гэлао с какими-то группами мяо. Тезис о том, что диссимилятивные процессы в большинстве случаев тесно связаны с ассимиляцией отделяющимися частями некогда единого этноса инородных компонентов, был сформулирован И Моуюанем, проанализировавшим закономерности сложения и развития древнекитайской этнической общности⁸⁶. Это положение непосредственно перекликается с выводом Ю. В. Бромлей о том, что процессы этнического разделения редко выступают в «чистом» виде и чаще всего сочетаются с процессами миксации⁸⁷.

Замечу, впрочем, что, поскольку соответствующая терминология разработана сейчас в советской этнографической науке несравненно более детально, китайские ученые фактически не проводят различия между ассимиляцией (исчезновением одного из взаимодействующих этносов) и миксацией (возникновением нового этноса)⁸⁸, а также между этнической парциацией (делением прежде единого этноса на более или менее равные части, ни одна из которых не отождествляет себя полностью со старым этносом) и этнической сепарацией (отделением от этноса его части, которая со временем превращается в самостоятельный этнос)⁸⁹. Однако отмечу одновременно, что по мере разрывания китайскими этнографами углубленных исследований в области закономерностей исторической трансформации этнических общностей их понятийно-терминологический аппарат совершенствуется. Проявлением этого является, в частности, использование И Моуюанем понятий этнической дивергенции и конвергенции⁹⁰ и пр.

Анализ этнографических публикаций, появившихся в Китае за последние несколько лет, показывает, сколь широк и разнообразен круг теоретических проблем, обсуждаемых сейчас китайскими этнографами. Их внимание привлекают и прикладные аспекты этнографической науки⁹¹, но это уже тема для специального обзора.

⁷⁹ Чжан Лу. К вопросу о различии понятий этнической ассимиляции и этнического слияния. — Сянь цзяньшэ, 1962, № 6, с. 37.

⁸⁰ Цыхай, т. 6, с. 2.

⁸¹ Я Ханьчжан. Указ. раб., с. 3.

⁸² Подробнее об этом народе см. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков, с. 74, 84.

⁸³ Ю Чжуан. Ляо в эпоху Тан — Сун. — Миңьцзу яньцзю, 1983, № 4, с. 12—21.

⁸⁴ Хэ Цзяшань. Место языка гэлао в лингвистической классификации. — Миңьцзу юйвэнь, 1982, № 5, с. 43—49.

⁸⁵ Народы Восточной Азии. М., 1965, с. 480.

⁸⁶ И Моуюань. Указ. раб., с. 8—12.

⁸⁷ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 308.

⁸⁸ Там же, с. 240.

⁸⁹ Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании. Основные проблемы: Автореф. дис. М.: 1976, с. 21; Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 235—236.

⁹⁰ И. Моуюань. Указ. раб., с. 8—14.

⁹¹ Они явились главным предметом обсуждения на проходившей в г. Синине в сентябре 1982 г. II Всекитайской этнографической конференции, а также нашли свое отражение в докладе «Этнография и модернизация современного Китая», представленном на XI МКАЭН (Квебек—Ванкувер, август 1983 г.) президентом Китайского этнографического общества проф. Цю Пу.

Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе/Под ред. Бромлея Ю. В., Куббеля Л. Е., Першица А. И. М.: Наука, 1982. 253 с.

За последние два десятилетия отечественная историческая наука, занимающаяся изучением первичной формации и переходом ко вторичной, достигла заметных успехов. Были глубже изучены многие узловые проблемы развития первобытного общества; во многом по-новому рассмотрены вопросы о соотношении экономического и социального в этом развитии; обращено особое внимание на такой универсальный для доклассовых и раннеклассовых обществ институт, как община, и на ее место в процессах классового и политогенеза; установлена и во многом исследована специфика последних применительно к обществам Азии и Африки; вскрыты закономерности разнообразного воздействия сложившихся классовых обществ на доклассовую периферию¹. При этом проблемы этнического развития в названных обществах до недавнего времени, пожалуй, несколько терялись в тени фундаментальных вопросов их социально-экономической и социально-политической эволюции.

Только что вышедшая коллективная монография на эту тему, продолжая разработку вопросов теории этноса, ведущуюся в советской науке, вносит в нее весьма значительный вклад.

В предисловии к книге отмечается, что вошедшие в нее исследования можно сгруппировать по двум направлениям: 1) изучение разнообразных предпосылок этнического развития; 2) рассмотрение проблемы соотношения этнического и постстарно-политического факторов общественной эволюции. Думается, не будет преувеличением сказать, что при нынешнем общем уровне изученности этнических проблем древности уже само объединение в рамках одного издания исследований, посвященных самым различным вопросам этнического развития доклассовых и раннеклассовых обществ, по существу является попыткой создания более или менее целостной картины такого развития. Разумеется, в книге охватываются лишь те аспекты эволюции этнических общностей, которые исследователь в состоянии реконструировать по имеющимся в его распоряжении источникам. При этом нет нужды лишней раз напоминать, что источниковая база изучения первобытного общества, какую бы сторону его развития мы ни брали, чрезвычайно узка. Тем не менее, на мой взгляд, правомерно сказать, что в рецензируемой книге предпринята попытка теоретически осмыслить общие закономерности формирования этнических общностей начиная со времен верхнего палеолита и вплоть до эпохи становления раннеклассовых обществ.

Что касается верхней хронологической границы этногенеза, то у авторов нет по этому вопросу единой точки зрения. Пытаясь реконструировать самый ранний этап этногенеза, В. П. Алексеев выдвигает предположение, что он был связан с наиболее ранним периодом расообразования и происходил в рамках обитавших в нижнем палеолите «исходных» популяций — малочисленных, эндогамных, относительно оседлых. В ходе диалектически связанных процессов интеграции и дифференциации таких популяций складывались, как полагает В. П. Алексеев, общности популяций, характеризовавшиеся распространением в них единых антропологических характеристик (расообразование), а также «первичного языка» и единых культурных традиций (этногенез) (с. 49—51).

Иной точки зрения придерживается С. А. Арутюнов. В древнейших коллективах, по его мнению, еще не могло быть этнических различий: последние в итоге определяются различиями в культуре (понимаемой в самом широком смысле), но именно их-то у преантропов и архантропов не было. Важнейший элемент культуры — язык существовал у них в форме сигналов; формы их деятельности были слишком однородными, а орудия труда — слишком неразвитыми. Поэтому, пишет С. А. Арутюнов, вплоть до эпохи верхнего палеолита существовали «доэтнические» формы социальной организации; отсутствие этнических делений было обусловлено здесь диффузностью, непрерывностью культурных связей (с. 62). Такое несовпадение взглядов в отношении столь сложных вопросов вполне объяснимо; кроме того, сами авторы прямо указывают на известную гипотетичность своих построений касательно древнейшей эпохи.

Какова же была стадияльная типология этнических общностей начиная с верхнего палеолита, с эпохи сапиентации человека, которую С. А. Арутюнов и считает временем появления первых этнических единиц? Ему удалось разработать, на мой взгляд, убедительную гипотезу стадияльной типологии этнических общностей вплоть до появления раннеклассового общества. При этом наиболее общим критерием этнической специфики служит для него понятие культуры в интерпретации Э. С. Маркаряна: «совокупность способов, которыми институционализируются различные виды человеческой деятельности» (с. 57), т. е. прежде всего язык и социально-хозяйственная специфика. Построения С. А. Арутюнова делает особенно убедительным то, что он, соотнося появление и развитие культурной специфики с эволюцией социальной организации, опирается при

¹ Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968; Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968; Социальные структуры доколониальной Африки. М.: Наука, 1970; Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975; Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975; Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978; Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. Проблемы исторических контактов. М.: Наука, 1978, и др.

реконструкции конкретных ее форм на примат материального производства (т. е. производства орудий и воспроизводства человека). Поэтому логичным представляется поиск этнической специфики сначала на уровне *предплемена* — дуальной организации экзогамных матрилинейных родов, развившейся в верхнем палеолите на основе охоты на крупных животных и относительно оседлого образа жизни, и далее — на уровне *соплеменности* — общности мелких племен, состоявших из патрилинейных локальных групп, занимавшихся в мезолите охотой на мелкую дичь и ведших поэтому бродячий образ жизни. Следствием неолитической революции и, в частности, резкого численного роста населения было укрупнение таких соплеменностей за счет включения в них мелких соседских коллективов, сопровождавшееся гомогенизацией культуры и языка. Поскольку этот процесс развивался на фоне усложнения родового состава поселений земледельцев, постепенного вытеснения кровнородственных связей соседскими и исчезновения в итоге племенной структуры как формы социальной организации, этническая специфика в эту эпоху реализовывалась вновь в форме некой культурной непрерывности, популяционная структура которой состояла из отдельных земледельческих общин. Однако это была уже не всеобщая непрерывность: она существовала в рамках крупных этнокультурных ареалов, в которых, подчеркивает исследователь, и начала формироваться основная масса ныне существующих языковых семей.

Весьма показательно, что такие теоретические положения в целом подтверждаются материалами конкретных региональных исследований. Так, изучение В. А. Шнирельманом австралийских охотников и собирателей новейшего времени свидетельствует, что в этническом отношении они образовывали как раз такого рода «вторичную» непрерывность, о которой писал С. А. Арутюнов, говоря о неолите. В. А. Шнирельман убедительно показывает этнокультурную аморфность коллективов австралийцев, имевших слабо выраженное этническое самосознание, условные территориальные границы, не совпадавшие с лингвистическими и социокультурными. Вводимое автором относительно таких коллективов понятие «протоэтнос», т. е. этнос, находящийся в процессе становления (с. 102), представляется полезным, поскольку оно отражает незавершенность этноконсолидационных процессов именно с точки зрения «культуры в самом широком смысле».

В статье Я. В. Чеснова, исследовавшего воздействие разных хозяйственно-культурных типов (ХКТ) на ранние типы этнических общностей, найдено подтверждение предположению о существенной роли хозяйственно-культурной дифференциации в ходе развития и взаимодействия «протоэтносов». Разрабатывая это положение, Я. В. Чеснов отметил, что на ранних и поздних стадиях формирования ХКТ этническая специфика проявляется по-разному: от тесного сопряжения ХКТ с этническими общностями в период их формирования до «деэтнизации» ХКТ в сформировавшихся и давно существующих центрах производящего хозяйства.

В неолите, как известно, появляются первые классовые общества. Для марксистской исторической науки это — рубеж первостепенной важности, знаменующий переход общества ко вторичной, классово-антагонистической формации, когда в обществе доминируют уже политические отношения. Важен также предшествующий период, когда в доклассовом обществе отношения властвования, уже в полной мере регулируя его социальную и хозяйственную жизнь, еще не стали политическими. Как отразилось в этих важнейших социальных процессах формирование этнических общностей? Исследуя этот комплекс вопросов, Л. Е. Куббель приходит к выводу, что «роль потестарной или раннеполитической надстройки в этнических процессах была относительно более важна, чем позднее, поскольку потестарно-политические структуры такого общества служили как этноконсолидационными, так и этнодифференцирующими факторами первостепенной важности» (с. 126). Аргументы автора представляются убедительными: действительно, на примере доколониальной Тропической Африки можно видеть, что именно складывающаяся и тем более уже сложившаяся политическая власть организует производство всего общества, в частности, регулируя сферу материального производства, социально-территориальную организацию общества, культы и ритуалы. Все это обуславливает первостепенную этноконсолидирующую роль власти, что проявляется в социально более раннем появлении потестарно-политического самосознания по сравнению с этническим. Вопросу о соотношении этих форм самосознания, отраженных в этнонимии, посвящена статья О. С. Томаповской. На богатом материале Нижнего Конго автор весьма аргументированно показывает происхождение большинства важнейших этнонимов этого региона как раз от самоназваний по потестарным и раннеполитическим объединениям.

Весьма интересной представляется попытка Л. Е. Куббеля связать этническую и потестарно-политическую линии развития на уровне понятия «культура» (как и С. А. Арутюнов, Л. Е. Куббель опирается здесь на трактовку этого понятия, предложенную Э. С. Маркаряном). На мой взгляд, плодотворна и мысль исследователя о том, что потестарно-политическая организация общества, объективно выражаясь в параметрах потестарно-политической культуры, в то же время формирует и культуру общества в целом. Последняя же, как говорилось выше, является одним из основных критериев этнической специфики.

Интересно, что такая подмеченная Л. Е. Куббелем особенность потестарно-политической культуры, как ее сравнительно легкая усвояемость соседями и сложение в результате этого «своего рода макропотестарных или даже ранних макрополитических... общностей без прямого подчинения какому-либо одному центральному ЭСО» (с. 138)², также в известной мере подтверждает идею С. А. Арутюнова о, возможно, существо-

² Л. Е. Куббель называет такие общности «потестарно-культурными регионами» или — вслед за африканским ученым П. Дианем — «политическими пространствами».

вавшей в позднем доклассовом обществе своеобразной культурной и, следовательно, этнической непрерывности, ограниченной рамками крупных историко-культурных ареалов.

Вопросы соотношения этнического и политического развития получают дальнейшее освещение в статье М. В. Крюкова, интересной привлечением фактического материала по таким важным историческим центрам, как Китай и Греция. Китайский материал дал автору возможность выделить три этапа, характеризующихся по типу взаимодействия этнической и политической общностей. На первом этапе объединение племен в рамках потестарных образований способствовало их этническому сближению. На втором, когда процесс сложения этнической общности древних китайцев уже завершился, а политические связи, напротив, были нарушены, проявилась тенденция к совмещению этнических и политических границ, существенно стимулировавшая объединение нескольких государств в единую империю. На третьем же этапе империя, объединившая несколько этносов, выступила уже в роли этнополитической общности, в которой господствующий древнекитайский этнос постепенно ассимилировал другие.

А. И. Першиц также посвятил свое исследование этническим процессам в раннеклассовом обществе. Основное внимание, однако, перемещается здесь на проблемы стадияльной типологии этноса у кочевников: эти вопросы исследуются на примере кочевнико-оседлых обществ Сахары и Аравии в ходе формирования в них единого этносоциального организма. А. И. Першицу удалось аргументированно обосновать закономерности эволюции этнических общностей от соплеменности (с ее возможной иерархией этникосов) к народности через промежуточную стадию — протонародность — особенностям этносоциального развития названных обществ от соплеменности ЭСО к раннему государству.

Итак, перед читателями была развернута целостная панорама этнического развития, охватившая поистине огромный период истории человечества. Уже одно это обстоятельство позволяет оценить рецензируемую книгу как значительный вклад в отечественную науку об этносе. Такая оценка тем более справедлива, что открывают и завершают книгу статьи, без которых любая работа подобного рода выглядела бы явно обедненной. В самом деле, статья В. И. Козлова является своего рода демографическим введением, предвещающим исследование этнических проблем, напоминающим, что население первобытной ойкумены постоянно, хотя и медленно, росло и что темпы этого роста особенно возросли в результате неолитической революции и при переходе к классовому обществу. Этот вывод существенно важен для исследования взаимодействия демографических и социально-экономических факторов в этническом развитии. Закрывающая сборник статья В. А. Шнирельмана посвящена истории и состоянию изучения проблем исторического развития этноса в западной, преимущественно англоязычной литературе. Особый интерес представляет здесь подробный обзор концепций племени, традиционно считавшегося основным типом этнической и этносоциальной общности в первобытную эпоху, но в настоящее время, как отмечают авторы рецензируемой книги, не всегда отвечающего новым эмпирическим данным. Обзор этот, несомненно, поможет отечественным специалистам ориентироваться в весьма обширной литературе по этому комплексу вопросов, во многом еще остающихся не разрешенными современной наукой.

Именно в связи с проблемой племени в целостной панораме, о которой шла речь выше, можно отметить известную неясность, которая представляется неизбежной из-за наличия определенных лагун в наших знаниях и сложного характера затрагиваемых вопросов. Такая неясность возникает оттого, что ни в предложенной авторами типологии этнических общностей, ни в упоминаемых ими типах социальной (потестарной) организации племени, определяемому как «этносоциальная абстракция довольно высокого уровня» (с. 8), фактически не нашлось места. Так, С. А. Арутюнов, как мы видели, выделяет в стадияльной типологии этноса предплемя для верхнего палеолита, соплеменность для мезолита и укрупненную соплеменность для неолита. Ясно, что эти общности были лишь «протоэтническими», но никак не этносоциальными. В то же время Л. Е. Куббель, говоря о сопряженности этнического и потестарно-политического развития, выделил в качестве потестарных структур, служивших важнейшими этноконсолидационными и этнодифференцирующими факторами, сегментный линидж, конический клан и, наконец, вождество. Прежде всего это были потестарные, т. е. властные, структуры; по мысли Л. Е. Куббеля, они выступали в качестве механизма стабилизации этнической специфики, причем вождество, исходя из авторской логики, можно считать уже этносоциальным организмом.

Таким образом, проблема содержания понятия «племя», с 1950-х годов дискутируемая в американской литературе, пока еще не может считаться в надлежащей мере разработанной и в отечественной этнографии (что, впрочем, отметили редакторы книги в предисловии к ней).

Разумеется, задавать вопросы легче, чем отвечать на них. Но, думается, авторы книги «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе» — издания чрезвычайно содержательного, соответствующего самым серьезным требованиям современной науки, в дальнейшем найдут ответ и на этот пока еще не решенный полностью вопрос.

Г. С. Киселев

Н. А. Томилов. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Томского университета, 1981. 274 с.

Монография Н. А. Томилова — первое исследование, обобщающее обширные материалы по различным группам татарского населения Западной Сибири. Работа написана на основе широкого круга источников — главным образом историко-архивных, литературных и полевых сборов автора 1969—1979 гг.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении (с. 3—14) автор дает общее представление о тюркоязычном населении Западной Сибири, уделяя особое внимание термину «сибирские татары», формулирует задачи и методы исследования, характеризует его источники.

Н. А. Томилов поставил перед собой интересные задачи: 1) выделение этнических и этнографических групп тюркоязычного населения; 2) выявление изменений в их численности и расселении в XVI—XIX вв., их миграций, этнических связей и контактов между собой и с соседями; 3) выявление этнических компонентов в составе выделенных групп в связи с их происхождением; 4) определение степени взаимосвязанности этнических групп населения на данной территории.

Книга Н. А. Томилова написана по единой схеме: каждая глава посвящена территориальному объединению из нескольких тюркских этнических групп, каждой из которых отведен специальный раздел. Как правило, автор придерживается единообразной схемы изложения материалов: историческая часть, характеристика выделенных им локальных групп, изменения в их расселении и численности. Такая в целом стройная композиция работы, так же как и наличие указателя этнонимов, родовых, племенных, патронимических и территориальных названий, значительно облегчает пользование книгой.

Все главы книги содержат много новых ценных материалов, особенно по вопросам расселения исследуемых групп татар, динамики численности каждой из них в XVII — первой четверти XIX в., а также их происхождения. Интересна попытка автора определить общую численность всех татар на 1816 г. (с. 252). Сделать это было нелегко, так как Н. А. Томилов не располагал полными данными о численности в указанное время некоторых групп татарского населения. Однако автор мог бы не ограничиваться 1816 г. и попытаться проследить динамику численности всего татарского населения (а не только этнических и локальных групп) в различные периоды, например в конце XVII, начале XVIII, конце XVIII в.

Большую ценность представляют данные автора о степени эндогамности рассматриваемых локальных групп, статистические сведения о направленности межгрупповых (брачных) связей, а также вычисленный автором коэффициент для определения численности татар по числу мужского трудоспособного населения (с. 42—43 и др). Весьма убедительны выводы Н. А. Томилова о том, что в рассматриваемый период численность тюркского населения Западной Сибири не снизилась. Пожалуй, лучшими по полноте, многообразию материалов, характеру исследования являются разделы «Ясколбинские (заболотные) татары» и «Барабинцы».

Приходится только сожалеть об отсутствии заключительных разделов в каждой главе, где могли быть помещены выводы автора об описанных в них территориально-этнических группах в целом, динамике их численности, изменениях в расселении и их происхождении. Нет такого обобщающего раздела и в конце книги.

Н. А. Томиловым проделана большая работа по выделению различных групп татарского населения и обоснованию принципов такой дифференциации. Автор выявляет территориально-этнические и локальные группы (или подразделения этнографического порядка). Отметим некоторую расплывчатость и нечеткость определений подразделений и их основных признаков. В общей части, где автор дает определение подобным группам, им названы не все признаки (с. 10), не выделены даже те, на которые он сам ссылается при изложении конкретных материалов по отдельным группам. Хотелось бы, чтобы автор на своих материалах показал, чем отличаются друг от друга критерии для выделения различных категорий татарского населения. Автор следовало быть более четким в терминологии: к объединениям одной и той же категории он применяет термины «группа» и «подгруппа» (ср. с. 136 и 247, 119 и 247).

Первая, самая большая глава — «Тюркское население Тоболо-Иртышского междуречья» (с. 15—109) — состоит из трех разделов, в которых дано описание отдельных этнических групп тюркского населения этого региона — тюменско-туринских, тобольских и ясколбинских. В ней Н. А. Томилов прослеживает древние связи тюркского и угорского населения на данной территории, аргументированно обосновывает терминологию, принятую им по отношению к выделенным локальным группам, изменения в их расселении и численности. Однако не совсем ясна этническая принадлежность верхотурских татар (с. 30—33); непонятно, почему туринских татар правильнее включать в состав тюменских (с. 19). Вероятно, можно было проследить среди туринских, тюменских, ялutorовских и верхотурских татар угорский компонент. Автор сам пишет о распространении на этой территории терминов «остяк», «иштек», «эштек». Думается, он неправ, утверждая, что в Туринском уезде «ханты... не проживали» (с. 22). В XVII в. по р. Тура жили также не только татары и манси, но и отатарившиеся манси, поскольку здесь интенсивно шли процессы ассимиляции манси татарами.

Заметим также, что общепринятый термин «заболотные татары» более устойчив, чем предложенный автором — «ясколбинские татары», тем более, что точно этот же термин он предлагает и для одной из локальных групп заболотных татар. Слабо аргу-

ментированным остается предположение автора о вхождении в состав заболотных татар самодийского компонента (с. 97, 104, 190).

В трех разделах второй главы — «Тюркские группы Среднего Прииртышья и Барабинской низменности» (с. 111—180) — характеризуются три территориально-этнические группы тюрков — каурдакско-саргатские (тевризские), тарские и барабинцы. Н. А. Томилов убедительно обосновывает неправомочность термина «тевризские татары» (с. 116—117). В разделе, посвященном барабинским татарам, интересна попытка выделить локальные группы барабинцев. Несмотря на то что современные лингвисты считают барабинский диалект единым и не выделяют в нем говоров, Н. А. Томилов на основании изучения их хозяйства, культуры, обычаев, брачных связей (по данным семейных родословных) правомерно разделяет барабинских татар на три локальные группы — барабинско-турашскую, любейско-тунусскую и теренинско-чойскую (с. 158, 159, 164, 166, 247).

Думается, что в происхождении барабинцев предки обских угров и селькупов сыграли более значительную роль, чем полагает автор (с. 163—164). Уже из материалов данной книги видно, что барабинцы по своей социальной структуре (наличие родственных генеалогических групп, называемых по наименованию животных, птиц, особенностям характера людей) отличаются от других групп сибирских татар (кроме, пожалуй, ясколинских, у которых, видимо, также присутствует угорский компонент) и весьма близки к обским уграм и селькупам, особенно первым.

В этой связи интересно было бы провести лингвистический анализ ряда племенных названий барабинцев (с. 157) и наименований их селений (с. 159), тугумов (с. 160), сравнив их с обско-угорскими и селькупскими антропонимами и топонимами.

Противоречит материалам автора вывод о связи названия Каргалинской волости с термином *кара гала* — журавлиные люди (с. 163). Ранее Н. А. Томилов приводит значение татарского термина *карга* — ворон (с. 161), от которого, возможно, и произошло название данной волости.

Интересны приведенные автором параллели в этнонимах и культуре барабинских татар, с одной стороны, и якутов, долган, хакасов — с другой (с. 165—166). Отметим лишь, что этот общий для них пласт культуры может быть связан не с тюрками, а с более древними кочевниками, пришедшими с юга и вошедшими в состав как этих народов, так и, например, обских угров.

Третья глава — «Тюркоязычные группы Томского Приобья» (с. 181—245) — состоит из четырех разделов, посвященных томским татарам (зуштинцам), чатам, обским татарам и калмакам.

Не совсем ясны отличительные признаки и происхождение басандайских и евагинских (тегильдеевских) татар. По-видимому, это связано с недостаточностью материалов. Также условно пока, видимо, выделение локальных групп обских татар — темерчинских, шегарских, провско-соргулинских и черномысских. В основе их выделения лежат лишь данные об их происхождении, далеко не всегда достаточно полные и ясные. Некритично, на наш взгляд, подходит Н. А. Томилов к выводу Г. И. Пелих о генетической связи между томскими и саянскими карагасами (с. 221). Материалы Г. И. Пелих о прямых аналогиях в культуре тех и других неубедительны¹.

Как отмечалось, одним из источников рецензируемого труда являются этнонимические и топонимические материалы. Н. А. Томилов в целом успешно использует их. Тем не менее по поводу отдельных интерпретаций автора хотелось бы высказать замечания или сделать дополнения. Так, при рассмотрении этнического состава саргатско-угуской группы татар Среднего Прииртышья автор высказал предположение, что *ктайи* (потомки киданей) попали на Иртыш «скорее всего после XII в. со стороны Саян и Алтая либо могли появиться в составе переселенцев-казахов или каракалпаков, у которых этот этноним также отмечен» (с. 122). Возможно и третье предположение, не исключающее двух предыдущих: отдельные группы киданей (видимо, уже смешавшихся с тюрками²) могли проникнуть в Прииртышье и с юга — из Семиречья и Присырдарьинских районов — как в период монгольского нашествия, так и несколько позже. Об этом свидетельствует тот факт, что в первой четверти XV в. в Восточном Дашти-Кыпчаке *ктайи* (хитайи) были известны как одно из племен кочевых узбеков; глава этого племени участвовал в возведении на престол Абулхайр-хана в г. Таре³.

Среди племен кочевых узбеков источники называют и чатов (*чат/джат*). Это отмечает и автор, справедливо связывая с ними одноименную группу тюркского населения Томского Приобья (с. 207). Остается непонятным, почему автору понадобились весьма неубедительные, основанные лишь на сомнительном созвучии сопоставления этнонима *чат* с наименованиями *джетиру* и *джета* (с. 207). Наименованием *джетиру* обозначалась группа из семи казахских родов Младшего жуза (казах. *жеті* — семь, *ру* — род), а *джета* — уничижительное прозвище (в значении «разбойник», «бродяга»), данное чагатаями населению Моголистана.

Что касается этногенетических корней чатов, то Н. А. Томилов ищет их «в племени *шад* (или *шато*) XI в. которое являлось кимакским по происхождению и проживало на Иртыше» (с. 207). Однако в одном из последних специальных исследований о кимаках

¹ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск. 1972, с. 238—257.

² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 2. Алма-Ата: Наука, 1979, с. 38.

³ Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков. — Материалы по истории таджиков и составу узбеков Шейбани-хана Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1954, с. 24.

отмечается, что слово *шад* не этноним, а титул главы кимаков⁴. Тем не менее участие кимакских племен в этногенезе прииртышских групп сибирских татар несомненно.

В составе татар с VIII в. известны и тогуз-татары, поддерживающие постоянные политические связи с огузскими племенами⁵. Следовательно, этноним *тогуз/тогуз* сибирских татар может восходить как к тогуз-огузам (таково мнение автора — с. 73), так и к татарам, упоминаемым в древнетюркских надписях.

Использование этнонимов и топонимов в качестве источника для изучения этногенеза таит в себе опасность принять простое созвучие за действительную близость. Как отмечалось, несмотря на серьезность подхода Н. А. Томилова к указанному виду источников, все же его порой можно упрекнуть в недостаточной обоснованности некоторых сопоставлений. Так, вызывает сомнение сопоставление *торна*, *тырна* — названий объединений родственных групп барабинцев — с башкирскими *тырнаклы* (с. 137), ибо эти наименования происходят от слов разного значения: два первых — «журавль», третье — «когтистый» (*тырнак* — ноготь, коготь, *лы* — словообразующий аффикс), вернее (по аналогии с другими этнонимами с аффиксом обладания), «имеющий [тамгу] в виде когтя».

Вряд ли есть основания столь категорично связывать этноним *кулеба* барабинцев и топоним *Куляба* с таджиками *кулобӣ* (с. 163, 165). Думается, что выходцы из Куляба вне пределов Бухарского ханства стали бы называть себя, как и другие группы из Среднеазиатского междуречья, скорее бухарцами (*бухарӣ*, *бухарлык*). Этноним *курама* у барабинцев (с. 161) мог появиться вне связи с одноименной группой узбеков, ибо этим термином (букв. «лоскутный») у многих тюркских народов обозначались группы, сложившиеся из различных этнических компонентов. Среди топонимов обращают на себя внимание названия селений, содержащие слово *тамак* — «устье» (Уштамакские юрты, Ишим-тамак, Тар-тамак, Лаймы-тамак и др.). Автору следовало бы обратить на это внимание как на свидетельство наличия речного типа заселения.

Сделанные замечания не снижают ценности работы Н. А. Томилова. Это капитальное, интересное исследование. В целом отметим, что Н. А. Томилов проделал огромную работу по обобщению комплекса разнообразных источников — литературных, архивных, полевых, выявлению различных компонентов в составе тюркских групп, их дифференциации, установлению динамики их численности, изменений в расселении на протяжении XVI — первой четверти XIX в. В этом несомненная ценность книги, которая будет полезна не только сибиреведам, но и широкому кругу историков и этнографов.

Б. Х. Кармышева, З. П. Соколова

⁴ Кумеков. Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 113.

⁵ Там же, с. 41.

ДВЕ КНИГИ О НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР/Автор-сост. Молотова Л. Н. Л.: Художник РСФСР, 1981. 203 с.; Калмыкова Л. Э. Народная вышивка Тверской земли. Вторая половина XVIII — начало XX в. Л.: Художник РСФСР, 1981. 204 с.

Альбомы стали сейчас одним из основных видов публикаций по народному искусству. Их выпускают главным образом музеи, публикуя накопленные богатства по народному искусству. Принцип подбора материала разный: тематический, региональный, этнический.

В последнее пятилетие изданы альбомы: «Русское искусство XVII — начала XX в.» (Л., 1978) — по материалам коллекций Государственного Эрмитажа; М. А. Некрасова — «Современное народное искусство» (Л., 1980) — по материалам выставок 1977—1978 гг.; Л. Н. Молотова — «Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР» (Л., 1981); Л. Э. Калмыкова — «Народная вышивка Тверской земли (вторая половина XVIII — начало XX в. Из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника» (Л., 1981) и др. Все они выпущены издательством «Художник РСФСР».

Остановимся на двух последних альбомах.

В альбоме А. Н. Молотовой представлены лучшие образцы прикладного искусства народов РСФСР из собрания ГМЭ. Иллюстрациям предпослан небольшой текст (35 с.), в котором очень кратко охарактеризованы народная культура и искусство русского и других народов северо-запада РСФСР, Поволжья и Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, Северного Кавказа. Книга превосходно оформлена, листы с иллюстрациями не перегружены, и предметы даны на спокойном цветовом фоне. Здесь представлены великолепная вышивка, резьба по дереву, деревянная скульптура и игрушки, изделия из глины (посуда, игрушки), бересты, художественный металл, одежда из рыбьей кожи, украшения из бисера, кораллов и жемчуга. Все иллюстрации хорошо документированы, и альбом может быть рекомендован широкому кругу читателей. Хотелось бы сделать только два замечания. Думается, что раздел «Искусство народов северо-запада» лучше было бы назвать «Искусство народов Европейского Севера», поскольку коми все же

нельзя отнести к западным народам. На с. 6 вкралась, по-видимому, опечатка. Музей народов СССР в Москве был расформирован не в начале 1930-х годов, а в 1948 г., когда и были переданы его экспонаты в Ленинград в ГМЭ.

Альбом «Народное искусство Российской Федерации...» — первая публикация тех сокровищ, которые хранит Музей этнографии народов СССР, и хочется надеяться, что за ней последуют другие издания.

Л. Э. Калмыкова выбрала очень интересную тему — «Вышивка Тверской земли». Край, находившийся на стыке различных колонизационных потоков, представляет большой интерес разнообразием народного искусства, в частности вышивки. В книге-альбоме Л. Э. Калмыковой довольно обширный текст и 174 прекрасных образца тверской вышивки. Альбом как бы подводит итог многолетней, кропотливой работы Л. Э. Калмыковой, собравшей и систематизировавшей тверскую вышивку, и издание его, несомненно, должно быть оценено положительно. Здесь выражена точка зрения автора на семантику орнамента. Дается искусствоведческий анализ вышивки, материал расположен по географическому признаку — охвачены почти все уезды б. Тверской губернии. Л. Э. Калмыкова справедливо отмечает связь многих сюжетов вышивки с древними мифологическими образами славян, что надо считать доказательным (работы В. В. Стасова, В. А. Гордцова, Б. А. Рыбакова, А. К. Амброза и мн. др.). Однако в некоторых случаях Л. Э. Калмыкова сильно архаизирует вышивку. Так, на рис. 98 в поздней вышивке тамбуром с искаженным двуглавым орлом в центре, две женские фигуры по бокам его изображены на городской манер с тонкими талиями в широких юбках (причем в профиль, что нехарактерно для архаического типа вышивки), но по традиции «дамы» держат в руках ветки. Вряд ли есть основания отождествлять этих женщин с кикиморами — мелкими злыми существами, по воззрению крестьян особенно опасными для кур. В вышивке, по нашему мнению, в основном изображались благожелательные существа. Навыки вышивания передавались от матери к дочери в течение столетий и вместе с тем непрерывно изменялись. Многие зависело от вкуса вышивальщицы. Два дерева, изображенных с корнями, автор считает многоголовым драконом (рис. 188). Народный термин «оборотень» автор употребляет для обозначения обернувшихся назад животных (рис. 84) и связывает их с волками-оборотнями. Надо заметить, что эта композиция имеется еще в церковном шитье середины XVI в., хранящемся в Загорском музее.

Жаль, что карельские и русские вышивки, имеющие не только много общего, но и свою специфику, не отделены одна от другой.

Кроме вступительной вводной статьи, характеризующей тверскую вышивку в целом, каждому разделу предпосылаются специальные заметки. В работе приведены ценные сведения о назначении вышивки и связях ее с традиционными обычаями (с. 174—176), помещен указатель разных видов швов. Резюме и подписи к иллюстрациям даны на русском и на английском языках.

Нельзя не упомянуть и об издании каталога «Тверская вышивка в Загорском музее» (М., 1982. 247 с., 112 илл.), составленном тем же автором — Л. Э. Калмыковой. Каталог является как бы дополнением к альбому. Аннотации к вышивкам в нем более полные, чем в альбоме. В основу каталога положена тематическая классификация: автор попытался выделить группы орнамента по сюжету, что представляет значительные трудности. Каталог изящно оформлен, вышивки (черно-белые и цветные) даны очень четко.

Работа Э. Л. Калмыковой имеет большую познавательную ценность и в дальнейшем может быть использована при составлении историко-этнографического атласа, посвященного русской народной вышивке.

Г. С. Маслова

Былины. Русский музыкальный эпос/Сост. Добровольский Б. М., Коргузлов В. В./Ред. Лебединский Л. Н. М.: Сов. композитор, 1981. 615 с. с нот., факс. (Собрание русских народных песен. Издание основано Д. Д. Шостаковичем)

В 1960-х годах музыковед Л. Н. Лебединский, в то время возглавлявший Фольклорную комиссию Союза советских композиторов РСФСР, выдвинул идею создания свода памятников русского народного музыкального творчества. Мысль эта встретила благоприятный отклик не только у специалистов по музыкальному фольклору, но и в широких кругах композиторов и музыковедов, в частности у Д. Д. Шостаковича, ставшего главным редактором свода.

Свод мыслится как ряд антологий, не связанных последовательностью публикации и даже единством взглядов по некоторым до сих пор спорным проблемам музыкальной фольклористики. Рассматривать его как нечто внутреннее целое позволяет проходящая через все издание мысль о том, что народное музыкальное творчество — это неразрывное, органическое слияние ряда неоднородных начал народного искусства — обрядового, поэтического, игрового, хореографического (а в некоторых случаях зрелищного) с музыкальным. В каких бы комбинациях ни сочетались в разных жанрах народного музыкального творчества эти начала, в итоге они создают однородные, слитные произведения, изучение которых в отрыве одного от другого нарушает целостное представление и о жанре, и об отдельном произведении. Так, былины Русского Севера в том виде, в каком они сложились ко времени, когда исследователи впервые приступили к их научному

изучению, представляли сплав поэтической и музыкальной стихий. Тем не менее еще в недалеком прошлом наиболее крупные собиратели и исследователи рассматривали былины прежде всего как памятники древнего устного поэтического творчества и либо вовсе игнорировали их музыкальную природу, либо считали музыку производным от их литературного текста. Многие фундаментальные собрания былин вовсе не содержат музыкальных записей (П. В. Киреевский, В. Ф. Миллер, А. И. Соболевский, Н. С. Тихонравов); в некоторых эти записи приведены крайне скудно, в виде единичных примеров, источников которых не всегда известны (П. А. Бессонов, А. Ф. Гильфердинг, Н. С. Тихонравов, В. Ф. Миллер, Е. А. Ляцкий). В ряде других публикаций былины, таких, как трехтомный труд А. Д. Григорьева¹, издания фольклорного сектора Института этнографии², Государственного литературного музея³, музыка представлена значительно шире. Пожалуй, больше всего места занимают музыкальные примеры в изданиях ИРЛИ⁴ и сборниках серии «Литературные памятники»⁵, но и в них они носят иллюстративный характер, и музыка даже здесь не всегда рассматривается как неотъемлемый компонент произведения, а по охвату материала музыкальные тексты значительно уступают литературным.

Равноправное положение музыка и слово чаще занимают в изданиях, не претендующих на научное значение, таких, например, как «Песни уральских казаков» А. В. и В. Ф. Железновых (Спб., 1899). Музыканты и композиторы, в творчестве которых записи и обработки народных песен играли заметную роль, обычно недооценивали важность сохранения в целостности литературных текстов. Некоторые из них при записи произведений эпического жанра отдавали предпочтение духовным стихам («апокрифические песни»), возможно, вследствие большего сравнительно с былинами мелодического богатства этих «песен» (М. А. Балакирев, Ф. М. Истомин-С. М. Ляпунов, Ф. М. Истомин-Г. О. Дютш, О. Х. Агренева-Славянская, В. П. Гудков-Н. Н. Леви, отдельные издания Песенной комиссии РГО). Некоторые композиторы, например Н. А. Римский-Корсаков, вообще, по-видимому, не ставили перед собой задачи полного воспроизведения литературных текстов, а музыковеды-исследователи, например А. Л. Маслов, и музыкальные и поэтические тексты часто приводили фрагментарно, лишь в той полноте, какая была необходима для рассмотрения стоявших перед ними творческих проблем.

Рассматриваемое нами собрание былин выгодно отличается от более ранних сборников этого рода тем, что в нем музыкальные и литературные тексты занимают равноправное положение, а в комментариях и вспомогательном научном аппарате в равной мере представлены исследования поэтики и музыкального склада эпических произведений. В отобранных образцах наиболее типичных эпических произведений⁶ музыкальные тексты даны в той полноте, какая необходима для получения цельного впечатления о напевах и их особенностях, характерных для разных исполнителей. Поэтические тексты представлены в том объеме, в каком они сохранились в памяти сказителя (иногда с исправлениями в заведомо искаженных текстах), а в тех редких случаях, когда текст полностью утрачен, — в реконструкции.

Второе и едва ли не главное достоинство труда покойного Б. М. Добровольского и В. В. Коргузлова — это последовательно проведенная классификация эпических произведений.

Поскольку русский народный эпос представляет собой сплав слова и музыки, его классификация должна быть основана на признаках, равно характеризующих эпическое произведение как продукт поэтического и музыкального творчества.

На первый взгляд в классификации, принятой в рассматриваемом томе, нет ничего нового. В нем сохранено давно уже ставшее привычным расположение эпических произведений в соответствии с ареалом их бытования. Вследствие особенностей этнического состава населения, природных и исторических условий развития региона эпические произведения в разных географических зонах резко различаются и по своему стилю, и по характеру исполнения. В антологии былины разделены на северные, южные, бытующие в Поволжье, на Урале и в Сибири. Нет ничего необычного и в том, что эпос наиболее крупных регионов в свою очередь разделен на группы в соответствии с границами — очень, конечно, размытыми — их распространения. Принятая составителями

¹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. I. Спб., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III. Спб., 1910.

² Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора/Записи, вступ. статья и коммент. Астахов А. М. М.—Л., 1938.

³ Былины М. С. Крюковой/Записали и коммент. Бородина Э. и Липец Р. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 6). Т. I. М., 1939; т. 2. М., 1941.

⁴ См., например: *Колпакова Н. П.* Новые записи былин на Печоре; *Добровольский Б. М.* Новая запись былины в Горьковской области.— В кн.: *Русский фольклор. Материалы и исследования. II. М.—Л., 1957; Былины Печоры и Зимнего Берега (Новые аписи)/Издание подготовили Астахова А. М., Бородина-Морозова Э. Г., Колпакова Н. П., Митропольская Н. К. и Соколов Ф. В. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961.*

⁵ *Добрыня Никитич и Алеша Попович/Издание подготовили Смирнов Ю. И., Смоицкий В. Г. М.: Наука, 1974, с. 361—363. (АН СССР. Лит. памятники).*

⁶ В издании представлены 101 былина и 39 близких к ним эпических произведений — аллад, апокрифических песен-притч, скоморошин и небылиц. 24 из них ранее не публиковались.

классификация северных былин с поправкой на изменение административной структуры края почти не отличается от классификации А. Д. Григорьева⁷.

Новизна работы заключается в последовательном применении на последних, т. е. определяющих, ступенях классификационной схемы принципа деления эпических произведений в соответствии с их метrorитмической структурой. Иначе говоря, классификация разрабатывается исходя из признаков, в равной мере приложимых к былинам как поэтическим и музыкальным произведениям. В рамках каждого региона былины делятся по напеву и поэтическому тексту на строфические и одностиховые. Былины Севера, лучше других сохранившие старинную форму полупесни, полуречитативов декламационного стиля, в свою очередь дробятся по группам метрического времени — нечетным, смешанным и четным.

Классификация эта была подготовлена как предыдущими изысканиями самих авторов, так и другими исследователями, в частности А. Л. Масловым, занимавшимся проблемами ритма и музыкального склада былин. Главная заслуга составителей былинного тома «Собрания» — выработка стройной системы классификации и последовательное применение ее к конкретному материалу, содержащемуся в томе.

Как уже упоминалось, в приложении к тому даны напевы и полные тексты 39 произведений, по мелодической и поэтической структуре близких к эпическому жанру. Среди них выделены произведения, имеющие и строфическую, и стиховую формы (баллады, апокрифические песни), а также бытующие только в стиховой форме (песни-припевы, скороморошины, небылицы).

Можно оспаривать конкретные случаи приложения принципов этой классификации, но нельзя отрицать ее методологической и эвристической ценности. На наш взгляд, она, в частности, облегчает анализ собранного материала и позволяет установить родственность мелодических истоков таких, казалось бы, вполне самостоятельных и независимых друг от друга произведений, как северные одностиховые «старинные» и южнорусские «былинны песни». Представление о якобы полной самостоятельности напевов северной сольной былинной традиции и многоголосной южной, укоренившееся в широких музыкальных кругах, весьма живуче и, безусловно, нуждается в уточнении. Поэтому чрезвычайно актуальны приведенные в статье Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова примеры, доказывающие, что, «несмотря на все многообразие былинных напевов различных стилистических зон, в них так или иначе проступают черты сказительского мелоса — традиции напевного повествования» (с. 25—26).

Несомненную ценность придает изданию вступительная статья такого знатока былинного эпоса, как покойная А. М. Астахова, и небольшие по объему, но очень содержательные статьи Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова, дающие как общую характеристику отдельных жанров народного эпического творчества, так и его особенностей в разных регионах страны.

Чрезвычайно разнообразен и интересен вспомогательный научный аппарат издания: библиография и нотография былин, сюжетный указатель и словарь устаревших и малоизвестных слов, дающий не только их толкование, но и примеры словоупотребления. Нельзя, наконец, не отметить исключительно тщательно выполненные комментарии, содержащие кроме необходимых паспортных данных детальный анализ поэтики и мелодического склада каждого комментируемого произведения, сопоставление вариантов, обзор литературы, а в ряде случаев и характеристику особенностей исполнения.

Выход в свет рецензируемого тома — крупное событие в истории советской фольклористики. Следует думать, что не меньший резонанс будут иметь и тома «Собрания», относящиеся к другим жанрам русской народной музыки.

Д. М. Бацер, Н. М. Владыкина-Бачинская

⁷ Следует, впрочем, оговориться, что вне поля зрения А. Д. Григорьева, как и других дореволюционных собирателей и исследователей, оказался бассейн Печоры.

И. В. Дубов. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 248 с.

Книга И. В. Дубова посвящена древнейшей истории Северо-Восточной Руси IX—XI вв., впоследствии ставшей ядром формирования русской народности и государственности. В период переходный от первобытно-общинного строя к ранней государственности территория Древней Руси была населена различными этносами, отличавшимися по направленности и темпу экономического и социального развития, и поэтому многие процессы и возникавшие институты носили подчеркнута этносоциальный характер. И хотя книга И. В. Дубова охарактеризована им как «историко-археологические очерки», она по сути своей затрагивает и важнейшие этнические аспекты проблемы становления единой этносоциальной системы древнерусской государственности и народности.

К безусловным заслугам автора следует отнести тщательное исследование Тимеревского поселения (ценное само по себе, а также тем, что оно привело к открытию клада арабских монет) и новые раскопки круганов Тимеревского могильника, считавшегося окончательно доследованным. Бесценным открытием (сделанным И. В. Дубовым, И. Г. Добровольским и Ю. К. Кузьменко) ¹ является обнаружение граффити на арабских монетах, среди которых особо следует отметить скандинавские рунические и грузинскую надписи и изображения знаков Рюриковичей. Автором монографии добыты и суммированы археологические материалы, подчеркивающие важную роль изучаемого региона и его полиэтничного населения в системе евразийских торговых связей на волго-балтийском пути.

В настоящей рецензии внимание концентрируется на вопросе, ключевом для решения всех этносоциальных проблем русской истории IX—X вв., — на хронологии и соотносимости археологических и письменных источников.

Убедительно выявив материалы второй половины IX в. в составе Тимеревского комплекса, И. В. Дубов упорно относит их ко всему IX в., удревая Тимерево по крайней мере на полстолетия. Так же до IX в. удреваются и Клешицкий комплекс на Плещеевом озере (с. 93), хотя материалы плещеевских (да и всех владимирских) курганов не позволяют пока датировать их ранее второй четверти X в. В связи с таким удреванием археологический материал слился для автора в слабо расчлененное хронологически целое, и, как следствие, не вполне удалась и попытка сопоставить археологические памятники с данными письменных источников, которые тоже рассмотрены недифференцированно.

Этап этносоциальной истории Северной Руси, предшествовавший возникновению Тимеревского комплекса и всей системы ярославских поселений и могильников, освещен в монографии наиболее выразительно. На Верхней Волге он охватывает IX в., до 850-х гг., и представлен культурными отложениями на Сарском городище и, возможно, Угодичском селище, содержащими вещи западно-европейского и монеты афразийского происхождения, а также 6 кладами (2 сарских, 1 угодичский и др.), датируемыми по последней монете 811—832 гг. (к ним примыкает Элмедский клад 821 г. на Средней Волге). Этот круг древности в целом синхронен ранним слоям Ладоги (E₃ и E₂) и Холмогорского городка на Волхове, связанных с волховскими кладами 786, 808—810 гг. (к ним примыкает петергофский клад 804 г.), хотя хронологический сгусток древнейших волховских кладов (786—810 гг.) — несколько древнее сгустка верхневолжского (811—832 гг.). Продуктивным представляется сопоставление северных волго-балтийских кладов с хронологическим сгустком южных кладов, вытянувшихся цепочкой от Северного Кавказа и Нижнего Дона через Поднепровье — до верховьев Немана (805—824 гг.); продолжением этой цепочки в Прибалтике могут считаться прусские клады 808—818 гг. Хронология неизятых кладов этой цепочки в пределах южной части восточно-славянской территории (810—824 гг.) чрезвычайно близка к хронологии волжских кладов (811—832 гг.). Между южной и северной группами кладов находится хронологически близкая им группа кладов — на Средней Оке и Верхнем Дону (811—817 гг.).

Две цепочки кладов первой трети IX в., вытянувшихся с юго-востока на северо-запад к побережью Балтики, одна — по Волго-Балту, другая — по донецко-днепровско-неманскому пути (соединенные сгустком кладов на волоках, ведущих с Оки к Дону), соблазнительно связать с теми двумя сферами социально-экономической активности, которые отражены в летописи в виде рассказа о варяжской и хазарской данях, тем более что на монетах волжской группы обнаружены бесспорно (Элмед, 821 г.) или предположительно (Угодичи, 813 г.) скандинавские руны, свидетельствующие о появлении скандинавов в Поволжье уже в начале IX в. Однако отметим, что между датой последнего клада ранней группы на севере (832 г.) и «варяжской» дани по летописи (859 г.) существует период, когда клады на Верхней Волге отсутствовали (833—861 гг.). На юге также в течение полувека (825—875 гг.) клады не оставались в земле. Создается впечатление, что начальный в истории Руси период (конец VIII в.—862 г.) делится на две части событиями, приведшими к массовому зарытию и неизятию кладов в Верхнем Поволжье, на Средней Оке и в Поднепровье в 820—830 гг. Как давно предположил П. П. Смирнов ², этим событием могло быть первое появление ургов к западу от Волги в 820—830 гг. отраженное в византийских источниках, в венгерской хронике XI в. и, возможно, в скупом сообщении русской летописи о нашествии белых ургов.

С очерченным кругом волго-волховских археологических памятников первой половины IX в. наиболее близко соотносится сообщение Бертинских анналов о послах правителя народа *Rhos*, именуемого *chakan*, явившихся в 838 г. к византийскому императору, отправившему их домой, на север, через Германию, поскольку путь, которым они пришли, был занят «варварским», чрезвычайно дикими и могучими народами» (как полагают, — уграми). Русское протогосударство, направившее послов в Византию, располагалось на севере будущей Древней Руси, где и позднее восточные источники знают «Русь», управляющуюся хаканом, с центром скорее всего в Ладоге. Возможно, к 840-м гг. относятся и сведения писавшего в 880-х гг. Ибн Хордадбега о русах («вид славян»), которые вывозили меха бобров и черных лисиц, а также мечи «из самых отдаленных частей страны славян» на рынки Черноморья и Переднего Востока. И. В. Дубов почему-то ошибочно называет Ибн Хордадбега среди авторов, сохранивших возникший

¹ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах. — Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XXI. Л., 1891, с. 51—78.

² Смирнов П. П. Волзький шлях і стародавні русі. Київ, 1928, с. 138—149.

в X в. рассказ о «трех группах Руси» (с. 116) и не привлекает его подлинное свидетельство для осмысления древностей IX в.

Вся сумма археологических и письменных данных заставляет предполагать, что Верхнее Поволжье уже в начале IX в. вошло в сферу интересов складывавшегося на Волхове русского протогосударства, и хотя между Волгой и Клязьмой жила преимущественно меря, здесь стали появляться выходцы с запада (славяне, скандинавы, возможно, балты и балтийские финны).

Второй этап в истории Северной Руси лучше всего отражен в книге и статьях И. В. Дубова. Он начинается в Поволжье с возникновения в третьей четверти IX в. гнезда ярославских поселений и курганных могильников, и в частности Тимеревского комплекса. Начало этапа отмечено в Верхнем Поволжье четырьмя кладами 863—870 гг. В это же время на северо-западе в 860 г. произошел пожар в Ладоге и отложился территориально-хронологический ступок из пяти кладов, в бассейнах озер Ильмень и Чудское (862—871 гг.). Видимо, неизъятые девяти кладов на Волго-Балтийском торговом пути в этот период обусловлено единой причиной — бурными событиями, сопутствовавшими возникновению полиэтничного русского протогосударства (его начало отнесено летописью к 862 г.; в дальнейшем оно сыграло решающую роль в сложении Древнерусского государства, столицей которого с 882 г. стал Киев).

Этап, датируемый для севера Руси 860—920-ми гг., также не может быть, вопреки мнению И. В. Дубова, сопоставлен с появившимся позднее рассказом о «трех группах Руси». К этому этапу должен быть приурочен возникший во второй половине IX в. и сохраненный у Ибн-Русте (начало X в.) рассказ о русах, живущих на острове среди озера или около озера и возглавляемых хаханом, хотя территориально остров следует искать в Приильменье (как предполагал еще А. А. Шахматов) или в Приладожье³, где обнаружено древнейшее (конец IX в.) из русских камерных погребений, весьма напоминающее описание погребения руса «на острове». К Поволжской Руси этого времени может быть отнесен рассказ летописи о том, как Рюрик посадил своих мужей в Белоозере, Ростове и Муроме, об участии Ростова в походе на греков, а также сохраненный у ал-Истахри и Ибн Хаукаля (и, по А. П. Новосельцеву, возможно, восходящий к труду ал-Балхи, 920—921 гг.)⁴ рассказ о богатой мехами Руси, еще отличаемой от Куйабы (Карваны), позднее рассматривавшейся как одна из трех «групп Руси».

Исследованный И. В. Дубовым Тимеревский комплекс и представляет наиболее полно этот важный этап в этнической истории Руси на северо-востоке. Автор признает полиэтничный характер ярославских памятников, однако собрав все материалы и аргументы в пользу участия славян в формировании Тимеревского комплекса, он преувеличил роль местного мерянского населения за счет недооценки балтийского (балто-славянского?), скандинавского, западно-финского и иных этнических компонентов, а также недооценил общерусские культурные инновации, возникшие на полиэтнической основе. Так, ни в коей мере не могут быть мерянским наследием глиняные бровровые лапы из курганов; более древние аналоги им (с VII в.) имеются лишь на Аландских островах и исчезают там примерно тогда же, когда появляются в Поволжье (вторая половина IX—X в.). Ярославские подкурганые трупосожжения с деревянными плахами на костре не имеют (вопреки утверждению И. В. Дубова) ничего общего с «домиками мертвых», известными в Поволжье в середине I тысячелетия н. э. Странно, что И. В. Дубов никак не интерпретирует тот факт, что, как явствует из приложенной к монографии статьи В. Д. Седых, большинство древнейших типов лепной посуды Тимерева имеет аналоги в славяно-балтийской и скандинавской посуде северо-запада (с. 192—197, рис. 48—50).

Думается, что И. В. Дубов несколько преувеличивает значение Тимеревского комплекса как центра ремесла и торговли и недооценивает роль промыслов и сельского хозяйства в жизни его обитателей. В частности, резкое преобладание костей бобров среди костей диких животных, найденных на поселении (с. 149), находки глиняных бобровых лап в курганах в сопоставлении со свидетельствами Ибн Хордадбега (IX в.) о бобровом мехе как первой статье русского экспорта и ал-Балхи (начало X в.) о высоком качестве русских мехов позволяют предполагать, что бобровый промысел здесь был весьма развит. Вероятно, сбыт бобровых мехов из Восточной Европы развивался первоначально (VII—VIII вв.) в направлении на юго-запад, в Западную Европу, через Аланды, что и вызвало там возникновение культа (глиняные бровровые лапы) не водившегося на этих островах бобра; позднее, с открытием путей по Волге, Дону и Днепру, мех стал сбываться в Византию и Халифат (IX—X вв.), причем какая-то часть аландских жителей, начиная с 860-х гг., переселяется в Верхнее Поволжье.

Только с третьим этапом в развитии русских древностей Волго-Клязьминского междуречья может быть сопоставлен знаменитый арабский рассказ «о трех группах Руси». Несомненной заслугой И. В. Дубова является то, что, приняв верхневолжскую локализацию одной из групп (Артании с городом Арса/Арта/Артаб), он нашел дополнительные аргументы в пользу этого положения. Автор присоединился также к точке зрения П. П. Смирнова, Г. Ф. Корзухиной и Д. А. Мачинского⁵, состоящей в том, что Куйаба

³ Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности.— В кн.: Проблемы археологического изучения Новгородской земли. Л., 1984, с. 3—20.

⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—X вв.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 403—404.

⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л., 1954, с. 34; *её же*. Путь Абу Хамида ал-Гарнати из Булкара в Венгрию.— В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, с. 190;

марана (Кокиана) арабских источников не может быть отождествлена с Киевом; И. В. Дубов в тексте предложил искать ее «в районах Верхнего и Среднего Поднепровья» (с. 116), а на карте поместил в Верхнем Поднепровье, видимо, составив Куйябу с Гнездовым (Смоленском?) — см. рис. 4, с. 202). Только недостаточно системное исследование письменных источников не позволило автору сделать следующий шаг и признать, что все «три группы Руси» локализируются в Верхнем Поволжье, а группа с центром в городе Куйяба/Куана расположена еще ближе к Волжской Болгарии, чем Славия и Артания. И. В. Дубов ошибается, утверждая, что Артания описывается в сочинениях Ибн Хордадбеха и ал-Балхи. В действительности древнейшее описание «трех групп» содержится в сочинении ал-Истахри, написанном около 930—933 гг. и известном во второй редакции 950—951 гг.

Сочинение Ибн Фадлана, побывавшего в 922 г. в Болгарии, убеждает в том, что в это время ни система из «трех групп и трех городов Руси», ни город Булгар еще не представляли собой заметные реалии. Безусловной реальностью они стали к 950, а может быть, и к 930 г. Таким образом, возникновение социально-экономической системы из «трех групп Руси» (расстояния между центрами которых составляет, по Идриси, 4 дня пути) относится ко второй четверти X в. (или к 922—930 гг.). Но именно этим временем датируется и возникновение в Верхнем Поволжье трех новых групп курганных могильников⁶ и поселений вокруг озер Неро, Клещина и в бассейне Нерли Клязьминской. Эти три центра освоения Волго-Клязьминского междуречья появились уже в рамках единого Древнерусского государства со столицей Киевом; об относительно стабильной ситуации говорит отсутствие кладов X в. в Верхнем Поволжье. Близким временем (920—940-е гг.) датируются древнейшие культурные отложения в Новгороде.

Центрами двух первых групп являлись г. Ростов (Арса/Арта, позднее—Артаб арабopersидских текстов) и, видимо, крепость на Александровой горе с расположенным рядом открытым поселением и могильниками (скорее всего, Переяславль Старый; корень «слав» в этом топониме соответствует Славе/Салабе восточных текстов). Центром третьей группы — Куана/Куйяба/Кокиана, возможно, был комплекс из городища, селища и могильников у с. Васильки, самый южный и выразительный в группе. По Истахри и Ибн Хаукалю, группа Славия являлась «самой отдаленной» от Болгарии и «самой главной», т. е. там, видимо, сидел князь (воевода?), подчинившийся непосредственно киевскому князю; группа Артания (вобравшая и Тимеревский комплекс) — самый мощный источник экспорта северных (меха) и западных (мечи) товаров. Третья группа контролировала выдвинутое на юго-восток торжище на берегу Нерли, сообщающееся удобными речными и сухопутными путями с Волжской Болгарией. В конце X в. центром третьей группы, видимо, становится Суздаль (скандинавское Sudrdalr, Суздаль, т. е. «южная долина»), где, по данным В. Н. Татищева, в 982 г. Владимир закладывает крепость, остатки которой, возможно, и были обнаружены недавно М. В. Седовой. И. В. Дубов практически игнорировал памятники Суздальского ополья.

Жаль, что И. В. Дубов лишь подошел к очерченным сопоставлениям и проблемам, проверка которых на археологическом материале необходима и перспективна. С другой стороны, безусловно, важна для изучения очерченного круга явлений постановка им многих проблем и частичное решение некоторых вопросов. Труды И. В. Дубова, стимулировавшие работу его коллег и учеников, помогают перевести старинный диалог письменных и археологических источников на новый уровень и подойти вплотную к основательному взаимопроверяющему пересмотру всех источников, имеющих отношение к проблеме зарождения русской государственности и народности.

Д. А. Мачинский

Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах появления славян на северо-западе Восточной Европы.— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 23—24.

⁶ Лапшин В. А. Ранняя дата владимирских курганов.— Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1981, № 166, с. 45—48, карта на с. 47.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Bo Lönnqvist. Suomenruotsäläiset. Kansatieteellinen tutkielma kieliryhmästä. Jyväskylä. 1981, 174 s.

Книга Бу Лённqvиста «Финляндские шведы. Этнографическое исследование языковой группы» посвящена одной из современных этнокультурных проблем Финляндии, особенностям положения шведского населения этой страны. Одной из задач, которые ставил перед собой автор, было установить, существовала ли у шведского сельского населения страны особая традиционная культура, которая отличала их от финнов. О том, что этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, свидетельствует, в частности, то, что в работе «Проблемы культурной идентификации», опубликованной в 1978 г. Финляндским комитетом ЮНЕСКО, шведы Финляндии определены именно как «культурное меньшинство» (с. 10).

В начале книги автор обращает внимание читателей на некоторые особенности

шведоязычного меньшинства страны. Прежде всего, сельское шведское население имело территорию компактного расселения, сложившуюся еще в XIII—XIV вв. Далее шведский язык со времен завоевания Финляндии шведами с XII в. и до второй половины XIX в. (т. е. и после вхождения ее в состав России) был единственным официальным языком страны, и поэтому шведское население в прошлом не рассматривало себя как «меньшинство». Существенно также то, что шведский язык и теперь продолжает оставаться вторым государственным языком страны.

В 1980 г. шведоязычное население составляло 300 тыс. человек или 6% населения Финляндии. Большая часть его (52%) живет в городах и поселках городского типа, остальные 48% расселены в приморских районах провинций Похьянмаа (шв. Эстерботния) и Уусимаа (шв. Нюланд), а также на Аляндских островах и Туркуском архипелаге.

За последние сто лет доля шведского населения, — при некотором абсолютном его росте — снизилась вдвое — с 14,3% до 6%. Это объясняется, в известной мере, эмиграцией в Швецию и ассимиляционными процессами, в которых существенную роль играют смешанные браки (11%) (с. 30). В смешанных семьях на выбор детьми основного языка влияют, в первую очередь, родной язык матери, а также окружающая среда и школа. Характерно, что до недавнего времени шведки реже вступали в брак с финнами, чем шведы с финками, что объясняется стремлением женщины не терять в браке более высокий социальный статус шведоязычного населения.

В первых двух главах Б. Лённkvист излагает историю расселения шведов в Финляндии, природные условия этих мест, социальный состав шведского населения, проблемы развития шведского языка и связанное с этим законодательство. Затем он переходит к чисто этнографическим проблемам. В третьей главе «Старые черты культуры» автор рассматривает те ее элементы, которые восходят к средневековью и были принесены переселенцами из Швеции. В четвертой главе «Хозяйство и общественная жизнь» автор показывает, что именно у шведского населения Финляндии наряду с сельскохозяйственными занятиями и рыболовством долго сохранялись старинные промыслы (сбор птичьих яиц и пуха, охота на тюленя), а также более устойчиво держались общинные традиции, в том числе и такие, которые у финнов вообще исчезли. Так, в некоторых местностях (в частности, на о. Чёкар) вплоть до 1918 г. всеми землями распоряжалась община — деревенский сход, во главе которого стоял выбравшийся на год староста (alderman). Почти повсеместно сохранялись неразделенные общинные покосы или ежегодно проводилось перераспределение покосных полос. Также ежегодно менялись участки, которыми пользовался крестьянский двор для сбора птичьих яиц и пуха, и рыболовные тони (во внутренних водах).

Особенно устойчиво общинные традиции держались в Похьянмаа, некоторые их пережитки сохранились вплоть до наших дней.

При известной консервативности общественного быта финляндским шведам были свойственны оживленные внешние контакты, чему способствовало хорошо развитое фрахтовое, так называемое крестьянское судоходство (bondeseglation). Этой отрасли хозяйства Б. Лённkvист посвятил пятую главу. В качестве торговых грузов «крестьянский флот» вывозил из Финляндии в основном рыбу, меха, скот, деготь, лес; в страну же ввозил, в первую очередь, рожь и соль. На южном побережье, в Уусимаа, наибольшего развития такого рода торговля достигла в XIV—XVII вв., а главным партнером в торговых связях был Таллин. У похьянмааских шведов расцвет крестьянского мореходства приходится на XVII—XVIII вв., причем предметом вывоза был преимущественно деготь, на который в то время на европейском рынке был большой спрос. Крестьянское мореходство просуществовало на Аляндских островах до 1920-х гг., когда парусный флот вытесняется из торгового судоходства. Именно аляндские суда играли большую роль в доставке из Швеции железа на заводы Финляндии.

Интенсивные торговые связи шведского населения Финляндии со Швецией, частое посещение шведских городов способствовали проникновению в быт крестьянства различных элементов шведской городской культуры. Особенно ощутимо это сказывалось на формах и декоре мебели. В жилищах крестьян Уусимаа вплоть до XIX в. сохранялись стилистические влияния готики и Ренессанса, проникшие сюда еще в XVI в., в период оживленной морской торговли. В крестьянской культуре Похьянмаа проникновение шведского влияния относится в основном к XVII—XVIII вв. Здесь особое развитие получили резная и расписная мебель с мотивами барокко и рококо.

Но в целом наибольшее воздействие шведской культуры, в том числе традиционной, испытали Аляндские острова и Туркуский архипелаг. Во многом шведское влияние далее на материк не проникло, так что финляндские этнографы рассматривают эти острова как особую этнографическую подобласть.

Уже в прошлом значительная часть шведского населения Финляндии жила в городах. Б. Лённkvист считает возможным объяснить это тем, что города в Финляндии до XVIII в. возникали преимущественно на морском побережье, в районах расселения шведов (с. 15). Шведское городское население не только пополнялось новыми выходцами из сельской местности, при этом, как показывает автор, ушедшие в город шведские крестьяне сохраняли устойчивые связи с родной деревней. Это с одной стороны, способствовало дальнейшему процессу миграции в город, с другой — распространению городского влияния в шведской деревне. Кроме того, контакты шведского населения города и деревни развивались благодаря так называемой партнерской торговле. Крестьянин постоянно бывал свою продукцию одному и тому же лицу, при этом, приезжая в город, он останавливался в его доме, часто брал необходимый товар в долг и таким образом оказывался прочно связанным с определенным скупщиком своего рода патронажными отношениями.

Влияние города проявлялось в сельской местности в распространении новых строительных навыков, архитектурных деталей, моды в одежде, новых элементов в обрядности и т. д. Воздействие поместной дворянской культуры по сравнению с непосредственным влиянием города было меньшим, а в Похьянмаа, где не было поместий, и вовсе отсутствовало.

С начала XVII в. в приморских районах, в первую очередь в местностях, заселенных шведами, возникают небольшие, преимущественно железодельные и стекольные заводы, текстильные фабрики. Они основывались в первую очередь, предпринимателями шведского происхождения, которые выпыскивали обычно управляющих, инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих из Швеции, Германии, Нидерландов. Неквалифицированные рабочие набирались из местной бедноты: рыбаков, торпарей, батраков. Таким образом, уже в XVII в. какая-то часть шведского населения Финляндии превращается в промышленных рабочих, попадая в принципиально новые трудовые и бытовые условия, с иным ритмом рабочего дня, отличными от прежних трудовыми навыками, формами оплаты и снабжения.

Характеризуя быт такого населения, автор пишет о «патриархальных отношениях» между рабочими и работодателями. Однако давно и хорошо известно, что они были призваны лишь маскировать жестокую эксплуатацию рабочих. С индустриализацией страны часть рабочих стала уходить с сельских заводов в города, прежде всего в столицу. Благодаря имеющимся уже профессиональным навыкам и знанию шведского языка они получали обычно лучшую работу, чем финны, шедшие в город прямо «от сохи». При том, что руководящие посты на предприятиях в то время обычно занимали шведы, шведоязычные рабочие могли рассчитывать и на продвижение вверх по социальной лестнице. Они оказывались в лучшем положении, чем финны — выходцы из деревень, для которых поле деятельности в городе было крайне узким не только в силу приниженого положения в общественной иерархии, но и из-за незнания шведского языка.

Автор отмечает также, что привилегированное положение большинства шведских рабочих, а также несомненное влияние националистически настроенной Шведской партии, сказывалось на том, что они в массе оставались в период революционного подъема в России в стороне от рабочего движения (с. 127).

Рассмотрев основные особенности быта шведского трудового населения Финляндии, автор в главе «Культурная область, культурная граница и языковая граница» возвращается к той проблеме, которая была названа им в начале книги — можно ли говорить об особой, отличной от финской, народной культуре шведского крестьянского населения — и дает на это отрицательный ответ. Во всех местностях расселения шведов в Финляндии их традиционная культура не отличалась от культуры местного финского населения, разделяла их только языковая граница. Шведское население сельских областей страны выступало лишь как посредник в распространении новшеств, идущих с Запада, причем эта роль сохраняется за ним в известной мере и по сей день.

Заключительные разделы книги посвящены вопросам формирования у финляндских шведов национального самосознания и символов их этнической идентификации. Этот процесс сложения — по выражению автора — «групповой идеологии» и «символов национальной культуры» (с. 10) шел в течение последних ста лет.

В настоящее время сложился определенный круг этнокультурных явлений, которые рассматриваются шведами Финляндии как символы их национальной культуры. Так, например, еще в начале века «Союз шведского народа» и «Общество Пера Браге» стали проводить спектакли-инсценировки шведской крестьянской свадьбы, воспроизводя старинную обрядность, с исполнением народных песен и танцев. Они стали традиционными в репертуаре различных молодежных обществ и служат символической демонстрацией народной культуры шведов. В форме общественного праздника проводит шведское население поднятие «майского шеста» на Иванов день, церемония сопровождается исполнением народных песен и танцев. Еще одним «символом» культуры шведского меньшинства стал день св. Люции (13.XII), который превратился при этом из старинного семейного праздника в общественный. Характерно также возрождение народного костюма, который сначала стали использовать при своих выступлениях певческие хоры и танцевальные ансамбли, а затем он получил и более широкое распространение как одежда для торжественных случаев.

К сожалению, в рамках рецензий нет возможности остановиться на всех интересных фактах и деталях, которые приводит и анализирует автор. Книга, несомненно, будет пользоваться большим спросом в Финляндии, так как касается весьма актуальной и теперь, а недавно и очень острой, проблемы взаимоотношения и соотношения финноязычных и шведоязычных граждан Финляндии.

При всей нашей высокой оценке книги мы не можем не высказать некоторых критических замечаний, которые начинаются с того, что книга ориентирована все же на читателя, хорошо знающего историю и этнографию страны. Но для широких слоев и особенно зарубежных читателей следовало бы дать краткую общую характеристику этнографии Финляндии, деление ее на западную и восточную этнографические подобласти, в первой из которых влияние шведской культуры во всех областях быта было особенно велико.

На наш взгляд, работе следовало бы предпослать и более широкое историческое введение. Современное положение шведского меньшинства в Финляндии должно быть показано на общем историческом фоне. Нельзя обойти то обстоятельство, что завоевание Финляндии Швецией в XII в. поставило финнов в их собственной стране на семь веков в неравноправное по сравнению со шведами положение. Национальное угнетение финнов проявлялось в значительной мере в том, что единственным официальным языком

страны до II половины XIX вв. был шведский. Острота языковых конфликтов, которым уделено автором немало места (в 1, 2 главе и далее), и которая была характерна для конца XIX — начала XX вв., определялась не только стремлением шведов сохранить права своего языка, но и тем, что это был период борьбы финнов за утверждение финского языка во всех сферах жизни.

Более широкое историческое введение сделало бы понятнее также вопросы большей социальной мобильности шведов, о которой неоднократно говорит автор (с. 10, 101 и др.). Однако при этом им опускается вопрос о том, что эта особенность шведского крестьянства была связана со знанием шведского языка, языка привилегированных слоев страны, что ставило их в лучшее положение по сравнению с финским крестьянством, возможности социального развития которого сдерживались помимо прочего и языковым барьером. Вероятно, автору следовало после рассмотрения механизма проникновения в культуру шведских крестьян Финляндии различных новшеств шведского происхождения (благодаря крестьянскому мореходству, контактам с городами, возникновению сельских заводов и т. д.) дать раздел, суммирующий все результаты этих воздействий, аналогичный тому, что посвящен средневековым чертам культуры шведского населения. Это дало бы более полную картину развития народной культуры и избавило бы книгу от имеющихся повторов.

В целом же работа Б. Лёнkvиста представляется нам не только интересной, но и весьма важной и актуальной. Хотелось бы, чтобы автор опубликовал свою работу на одном из более доступных широкому кругу читателей европейских языков. При этом ее можно было бы расширить в плане сделанных нами, именно с точки зрения зарубежного читателя, замечаний.

Н. В. Шлыгина

НАРОДЫ АМЕРИКИ

L. Carlson. *Indians, Bureaucrats and Land. The Dawes Act and the Decline of Indian Farming.* Westport — London, 1981, XII+211 p.

В ходе бурного развития экономики США после Гражданской войны 1861—1865 гг. резко сократился фонд общественных (государственных) земель. Это обстоятельство оказало решающее влияние на судьбы индейского населения Соединенных Штатов. Земельная база аборигенов, составлявшая к 1890 г. 121 млн. акров (1 акр=0,4 га)¹, в условиях интенсивного вовлечения в капиталистическую экономику новых регионов приобрела в глазах представителей правящих кругов США значение дополнительного территориального резерва.

Для того чтобы получить возможность захвата общинных земель, имевших официально зафиксированный статус коллективного владения, конгресс после длительных дискуссий в 1887 г. принял закон Дауэса, согласно которому земли резерваций, являвшиеся собственностью соответствующей общины, делились на участки-аллоты площадью 160 акров и отдавались в индивидуальное владение каждой индейской семье (ст. 1). Оставшиеся после аллотирования (раздела) земельные «излишки» изымались из собственности племени и продавались с аукциона всем желающим (ст. 5)². В результате действия закона Дауэса, отмененного в 1934 г. президентом Ф. Рузвельтом, общая площадь индейских земель сократилась более чем в два раза, составив к моменту отмены закона 56 млн. акров³.

К сожалению, тот факт, что закон Дауэса стал причиной кризиса хозяйства резерваций, не получил должного освещения в трудах большинства американских ученых. В этой связи монография специалиста по экономической истории США Л. Карлсона, в которой рассматриваются последствия закона о разделе общинных земель для сельского хозяйства индейских резерваций, заслуживает серьезного внимания.

Центральной проблемой книги, пишет автор, является «изучение закона Дауэса как способа передачи индейских земель белому населению, которому сопутствовала попытка реформы правовых норм общин и изменение социально-экономических условий существования аборигенов» (с. 22). Детально проанализировав эти сложные проблемы в разделе «Индейский вопрос и политика аллотирования» (с. 3—26), Л. Карлсон исходит из совершенно справедливой посылки, что индейская политика федерального правительства конца прошлого века может быть объяснена только в широком контексте изучения экономического развития американского государства и его аграрной истории в целом (с. 4). Объективной ее целью стала попытка разрешить потребности в землях белого населения, используя в качестве общественного фонда территории индейских резерваций одновременно с насильственным вовлечением их жителей в американское общество (с. 7—9).

В американской исторической литературе идет длительный, но вместе с тем риторический спор относительно того, было ли принятие закона Дауэса трагической для

¹ U. S. Department of the Interior. Office of Indian Affairs. Annual Report of the Commissioner on Indian Affairs (ARCIA) 1880—1917. Wash., 1891—1917. For 1890, p. 488.

² U. S. Statutes at Large. Wash., 1887, v. 24, p. 388—391.

³ U. S. Bureau of Indian Affairs. (BIA) Annual Report for 1953. Wash., 1953, p. 29.

индейцев ошибкой законодателей или же целенаправленной дискриминацией коренного населения⁴. Предложенный автором подход к рассмотрению данного вопроса в главе «Осуществление закона — политика и практика» (с. 27—77) в известном смысле проясняет ситуацию. Прежде всего, считает Л. Карлсон, закон Дауэса был характерным проявлением идеологии крайнего индивидуализма, господствовавшей в умах американцев в то время, и за рамки этих представлений не выходили ни друзья, ни недоброжелатели индейцев (с. 77). Однако каковы бы ни были взгляды на индейский вопрос у тех или иных законодателей, отмечает он далее, принимая закон о разделе общинных земель, американские политики руководствовались все же не интересами индейцев, пусть неверно понятыми, а выгодами заинтересованных в новых территориях представителей белого населения. Хотя на основании широкого круга источников, касающихся резерваций Небраски, Северной и Южной Дакоты, автор устанавливает, что среди индейцев, живших в этом районе, имелись сторонники выхода из общины и раздела племенных владений, в первую очередь аллотированию были подвергнуты как раз не те резервации, где подобные настроения были сильнее распространены, а те, земли которых представляли больший интерес для окрестного белого населения (с. 43, 60—64). Поэтому нельзя не согласиться с заключением Л. Карлсона: в конечном счете политика раздела индейских земель проводилась в интересах различных групп белого населения, и главным образом, земельных «спекулянтов» (с. 43).

Последствия раздела земель оказались плачевными для основной отрасли экономики резерваций — сельского хозяйства, в котором, согласно данным Управления по делам индейцев (УДИ) на 1887 г., было занято более 90% индейских семей. Оставшихся после изъятия «излишков» угодий, как выяснилось, не всегда хватало на выделение для каждой семьи аллота в 160 акров, гарантированного законом Дауэса. Введение рентабельного хозяйства в подобных условиях было практически невозможным. Поэтому документы УДИ не могли не отметить существенного ухудшения условий жизни аборигенов⁵. Все это рассматривается Л. Карлсоном в разделе «Влияние аллотирования на сельское хозяйство индейцев» (с. 77—162). Применяя математические методы обработки обширного массива статистических данных, автор составил 26 подробных таблиц (приводятся полностью в приложении), характеризующих застой земледелия и животноводства в индейских землях, продолжавшийся до отмены закона Дауэса в 1934 г. Этот материал, несомненно, представляет большую ценность. Однако не менее важной заслугой Л. Карлсона является то, что он не ограничивается констатацией факта бедственного состояния экономики резерваций в период 1887—1934 гг., а анализирует причины его, рассматривает социально-экономические последствия раздела земель.

В этой связи хочется обратить внимание на три важные положения, выдвигаемые Л. Карлсоном. Во-первых, это бесспорный вывод о том, что ущерб сельскому хозяйству аборигенов наносило не только изъятие у индейцев большого количества земли, но и появление в резервациях индивидуальных индейских хозяйств, не способных конкурировать с хозяйствами белых фермеров (с. 89—91). Это положение, кстати сказать, разделяет в настоящее время ряд представителей индейского населения⁶.

Во-вторых, нельзя не согласиться с мнением автора о социальных последствиях политики Федерального правительства. Предоставляя индейской семье вести свое хозяйство самостоятельно, закон Дауэса тем самым наносил удар по таким полезным традициям общин, как экономическая взаимопомощь или практика совместной обработки земли. Одновременно индейцы не получали возможности приобрести к техническим достижениям белого фермерства, ибо, проводя раздел племенных владений, правительство нисколько не заботилось, чтобы их жители приобрели более передовую технику и методы обработки земли и разведения скота. Поэтому не удивительно, что, вопреки желанию тех законодателей, которые хотели видеть индейцев преуспевающими сельскохозяйственными производителями, появление в резервациях индивидуальных хозяйств не только не улучшило, но, наоборот, понизило доходы и уровень жизни их владельцев (с. 104—111).

Наконец, заслуживают внимания мысли автора об изменениях в сфере трудовой деятельности аборигенов, которые произошли под влиянием кризиса сельского хозяйства резерваций. Невозможность адекватного жизнеобеспечения за счет своей земельной базы послужила причиной того, что все большее число индейцев приходилось на более или менее длительный срок покидать резервации с тем, чтобы обеспечить себя какой-либо работой по найму. Этот процесс приобрел довольно интенсивный характер: если в 1900 г. лишь 2,9 тыс. индейцев работали в различных секторах экономики страны, то к 1917 г. их число увеличилось в 8 раз, достигнув 24,9 тыс. (около 30% самодеятельного индейского населения). Заключение Л. Карлсона о том, что последствия аллотирования выходили за рамки кризиса основной хозяйственной отрасли резерваций, таким образом, полностью справедливы (с. 155—158). Эти аргументированные выводы, которые автор монографии суммирует в заключительном разделе (с. 165—178), составляют главную ценность его исследования.

Книга Л. Карлсона имеет и недостатки. Наиболее существенным из них является неверное представление автора о характере земельных отношений внутри индейских

⁴ *Wilkinson Ch. Shall the Islands be Preserved.—Amer. West, 1979, v. XVI, № 3, p. 69.*

⁵ *ARCIA for 1887, p. X; for 1890, p. 448; for 1893, p. 732; for 1898, p. 218, p. 219; for 1902, p. 667; for 1906, p. 224—228; for 1916, p. 178.*

⁶ *Indian Economic Development Programs. Oversight Hearings Before the Commission on Interior and Insular Affairs. House of Representatives, 96 Congress, 1 Sess. Wash., 1980, pt III, p. 110—112.*

общин накануне принятия закона Дауэса. Он явно преувеличивает индивидуальный характер землепользования у аборигенов. Из его описания следует, что уже в 80-е годы прошлого века индейские поселения представляли собой совокупность малозависимых друг от друга ферм (с. 86—88). Здесь налицо явное несоответствие с его дальнейшими выводами, ибо в подобном случае юридический раздел племенных земель никак не мог бы нанести столь серьезный ущерб сельскому хозяйству индейцев. И тем более непонятно, почему же тогда индейское население стойко сопротивлялось аллотированию и вплоть до отмены закона Дауэса сохранило племенную собственность на почти 70% оставшихся у него земель⁷, что, кстати, явствует из оставленных Л. Карлсоном таблиц А-1 и А-2 (с. 183, 184). Причина этого противоречия, на наш взгляд, заключается в том, что автор, относящий себя к школе «новой экономической истории», оперирует главным образом статистическими источниками. Хотя он пишет, что «где возможно, он старался дополнить их источниками традиционными» (с. 22), недостаток последних, и в особенности этнографических материалов, оказался в данном случае особенно ощутимым, ибо исследования американских этнографов, в частности М. Смита, М. Оплера, Х. Элкина, Р. Липтона, доказали, что, несмотря на процесс разложения индейских общин, вследствие которого многие коллективные нормы в тот период уже не соответствовали своему первоначальному содержанию, в целом общинные традиции, в том числе и в сфере хозяйства, в 80-е годы прошлого века были еще достаточно сильными⁸.

Впрочем, в конечном счете, это не снижает ценности книги Л. Карлсона, которая проливает свет на мало изученные в американской литературе стороны жизни коренного населения и позволяет в новом ракурсе рассмотреть известные факты федеральной индейской политики.

В. Г. Стельмах

⁷ BIA, Annual Report for 1953, p. 30.

⁸ См. работы названных авторов в книге: *Acculturation in Seven American Indian Tribes*/Ed. *Linton R. Glaiester*, 1963.

Статьи

	№ стр.
Александров В. А. Эволюция земельного обычного права в русской позднефеодальной крепостной деревне (XVIII—начало XIX в.)	2 27
Алексеев В. П. Формирование взглядов Чарлза Дарвина на происхождение человека в период подготовки эволюционной теории	5 3
Артемова О. Ю. Индивидуальная специализация в обществе аборигенов Австралии	3 40
Афанасьев Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII—начале X века	4 28
Березкин Ю. Е. Культурная преемственность на северном побережье Перу в V—XV вв. (по данным мифологии и изобразительного искусства)	2 50
Бородатова А. А. Прорицатели и жрецы у древних майя	1 72
Бромлей Ю. В., Тишков В. А. XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук	1 15
Будина О. Р. О соотношении общих и локальных традиций (на примере балканских этнических групп на Украине и в Молдавии)	2 15
Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы	6 16
Гиренко Н. М. Восточноафриканские культуры в процессе формационных изменений (XIX—XX вв.)	2 38
Губогло М. Н. Ленинская национально-языковая политика КПСС — интернационализм в действии	1 3
Гуревич А. Я. Этнология и история в современной французской медиевистике	5 36
Дараган Н. Я. Соотношение этнических и конфессиональных общностей в США	1 60
Денисова Р. Я. Опыт реконструкции структуры общества (по данным могильника эпохи бронзы)	6 29
Зубов А. А.—См.: Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хить Г. Л., Зубов А. А.	4 53
Золотарева И. М., Лебединская Г. В., Морозова Н. К. Опыт сопоставления краниологического материала и современного населения по некоторым признакам соматологической характеристики	5 59
Итина М. А. Охранные археологические работы в Хорезме: итоги и перспективы	1 42
Карагодин А. И. Дуальная организация у приволжских калмыков	5 25
Козлов В. И. Этнографический подход к изучению феномена долгожительства	1 29
Лебединская Г. В.—См.: Золотарева И. М., Лебединская Г. В., Морозова Н. К.	5 59
Линдер И. М. Шахматные реалии в былинах	3 29
Лобачева Н. П. Из истории каракалпакского женского костюма (К проблемам Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана)	4 14
Морозова Н. К.—См.: Золотарева И. М., Лебединская Г. В., Морозова Н. К.	5 59
Наумкин В. В.—См.: Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хить Г. Л., Зубов А. А.	4 53
Николаева Т. А. Народные конструктивно-художественные приемы в традиционной и современной весенне-осенней верхней одежде украинцев	3 14
Островский А. Б. Анализ мифов Леви-Стросса: первобытное мышление и этнографический контекст	5 48
Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. Город и этнические процессы (из опыта этнографического изучения восточнославянских городов)	2 3
Соколов Б. В. Иммигрантское население Южно-Африканской республики	6 41
Стельмах В. Г. Хозяйство индейцев США на рубеже XIX—XX столетий	4 41
Тер-Акопян Н. Б. Труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и некоторые вопросы теории исторического процесса	4 3
Тишков В. А.—См.: Бромлей Ю. В., Тишков В. А.	1 15
Тульцева Л. А. О некоторых социально-этнических аспектах развития обрядово-праздничной культуры в Узбекистане	5 15
Хить Г. Л.—См.: Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хить Г. Л., Зубов А. А.	4 53
Чижикова Л. Н. Особенности этнокультурного развития населения Воронежской области	3 3
Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хить Г. Л., Зубов А. А. Антропологические исследования на о. Сокотра	4 53
Шкаратан О. И. О принципах изучения функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности	6 3
Шмелева М. Н.—См.: Рабинович М. Г., Шмелева М. Н.	2 3

Дискуссии и обсуждения

Александров В. А. [Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций»]	6	51
Байбурин А. К. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры»]	3	55
Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций	5	70
Гура А. В.—См.: Терновская О. А. и Гура А. В.	4	70
Гусев В. Е. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	3	57
Дзэндзелевский И. А. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	4	72
Зубов Н. И.—См.: Смольская А. К., Зубов Н. И.	4	69
Иванов В. В. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	4	64
Маркова Л. В. [Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины...»]	6	53
От редакции [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	4	79
Путилов Б. Н. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	3	53
Рождественская С. Б. [Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины...»]	6	57
Рикман Э. А. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	3	62
Седов В. В. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	4	67
Смирнов Ю. И. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	3	59
Смольская А. К., Зубов Н. И. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	4	69
Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры	3	51
Терновская О. А., Гура А. В. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	4	70
Толстые Н. И. и С. М. Ответы на вопросы [Дискуссия «Теоретические проблемы реконструкции...»]	4	74
Тульцева Л. А. [Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины...»]	6	60
Чеснов Я. В. [Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины...»]	6	61

Из истории науки

Алексеев В. П. М. Г. Левин — антрополог, этнограф и организатор науки (К 80-летию со дня рождения)	6	65
Анчабадзе Ю. Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф. И. Леонтовича	4	81
Земцовский И. И. Академик Б. В. Асафьев как этномузыковед (К 100-летию со дня рождения)	5	81
Лебедев С. Б. А. Н. Пыпин и его проект историко-этнографической экспедиции на Балканы	3	83
Рикман Э. А. Этнографические аспекты работ Бухарестской социологической школы между первой и второй мировыми войнами	3	92
Федосеева Е. П. А. Л. Троицкая и ее архив	2	67

Сообщения

Агаширинова С. С. Традиция керамического производства у лезгин Дагестана (по материалам с. Кахуль)	1	110
Асанканов А. Изменения в культурной жизни сельского населения Киргизской ССР (1960—1980 гг.)	1	90
Борzych Н. П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов	3	101
Букари А. О творческом использовании социально-культурных традиций в Нигере	6	107
Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье	1	98
Гайсин Г. А. Гармоника в музыкальном быту казахов (XIX—начало XX в.)	2	77
Грацианская Н. Н., Токарев С. А. Этнографическое районирование Европы (К истории изучения)	4	103
Давыдова Г. М. Подход к изучению популяций в антропологии	3	112
Джавадова Э. Ю., Джавадов Г. Д. Народный земледельческий календарь и метеорология азербайджанцев в XIX — начале XX в.	3	128
Калоев Б. А. Поездка к венгерским ясам	6	98
Калышев А. Б. Межнациональные браки в сельских районах Казахстана (по материалам Павлодарской области. 1966—1979 гг.)	2	71

Ковалевская В. Б. Древние традиции в домостроительстве горцев Северного Кавказа	6	88
Кхонг Зиен. Социалистическая Республика Вьетнам: этнический состав и размещение населения	1	116
Мардонова А. Обычай и обряды детского цикла у таджиков верховьев Зеравшана в прошлом и настоящем	3	120
Османов М. О. О формах и типах скотоводства (По материалам Дагестана. XIX в.)	6	77
Ризванов Р. З. Из ономастики лезгин	5	97
Сажин В. В. Определение компактности расселения этносов	5	94
Староверов В. А. Типы скотоводческого хозяйства у киргизов Памиро-Алая и Каратегина в конце XIX — начале XX в.	4	111
Токарев С. А.—См.: Грацианская Н. Н., Токарев С. А.	4	103
Тумаркин Д. Д. К истории топонима Берег Маклая	5	102
Файнберг Л. А. Судьбы коренного населения Бразилии	2	79
Фам Куанг Хоан. Этнический состав горных мон-кхмеров Юга Вьетнама	1	122
Чакхнев Д. Ю.—См.: Виноградов В. Б., Чакхнев Д. Ю.	1	98
Чигринский М. Ф. О негритосах Тайваня	5	107
Ярушкин А. А. Языковая ситуация в Народной Республике Ангола	4	116

Этнография в музеях

Бикбулатов Н. В.—См.: Кузеев Р. Г., Пшеничнюк А. Х., Бикбулатов Н. В.	3	75
Окладникова Е. А. Калифорнийская коллекция И. Г. Вознесенского в МАЭ	4	92
Кузеев Р. Г., Пшеничнюк А. Х., Бикбулатов Н. В. Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР	3	75
Пшеничнюк А. Х.—См.: Кузеев Р. Г., Пшеничнюк А. Х., Бикбулатов Н. В.	3	75
Станюкович Т. В. Музеи Болгарии	3	64
Фишман О. М. Каталоги этнографических музеев (опыт и проблемы)	1	130

Поиски, факты, гипотезы

Альбедиль М. Ф. Протоиндийское письмо: итоги и перспективы исследования	4	122
Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Седло и стремя	6	114
Жельвис В. И. Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях)	3	135
Зубко Г. В. Ближневосточные предки фульбе: факт или легенда?	1	135
Крюков М. В.—См.: Вайнштейн С. И., Крюков М. В.	6	114
Осорина М. В.—См.: Покшишевский В. В., Осорина М. В.	5	114
Покшишевский В. В., Осорина М. В. Рисуют дети разных народов	5	114
Смирнова Я. С. Усыновление покровителя	2	87

У нас в гостях зарубежные этнографические журналы

Мусят З. Ежегодник «Летопись» (серия «С») и этнография лужицан (К 30-летию «Летописи»)	5	125
--	---	-----

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук В. И. Козлова (К 60-летию со дня рождения)	5	132
Список основных работ доктора исторических наук Гали Семеновны Масловой (к 60-летию научной деятельности)	4	135

Хроника

Заринов И. Ю.—См.: Тер-Саркисянц А. Е., Заринов И. Ю.	3	144
Тер-Саркисянц А. Е., Заринов И. Ю. Работа Ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР в 1983 году	3	144

Научная жизнь

Афанасьева Г. М. Чтения, посвященные памяти Б. О. Долгих	6	138
Бадамхатан С., Решетов А. М. Первый советско-монгольский этнографический симпозиум	3	153
Байкова М. В., Кузнецов И. М. Всесоюзная научно-практическая конференция «Диалектика национального и интернационального в духовном мире советского человека»	5	141
Васильев В. И., Томилев Н. А. Всесоюзная конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов»	3	157
Гурвич И. С., Мастюгина Т. М. Киноэпопея, посвященная эскимосам	2	95
Джарылгасинова Р. Ш. Выставка «Искусство Корейской Народно-Демократической Республики»	4	139

Жилина А. Н., Пахутов А. Е. Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг.	6	137
Коротко об экспедициях	1	152
Коротко об экспедициях	2	97
Коротко об экспедициях	3	161
Коротко об экспедициях	4	143
Коротко об экспедициях	5	146
Коротко об экспедициях	6	142
Кузнецов И. М.—См.: Байкова М. В., Кузнецов И. М.	5	141
Мастюгина Т. М.—См.: Гурвич И. С., Мастюгина Т. М.	2	95
Мыльников А. С. Расширенное заседание Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики	1	148
Осницкая И. А. Симпозиум «Проблемы этнической специфики языка культуры»	6	140
Пахутов А. Е.—См.: Жилина А. Н., Пахутов А. Е.	6	131
Полищук Н. С. II фольклорный фестиваль ГДР и Международный коллоквиум по проблемам использования фольклорного наследия	1	147
Решетов А. М.—См.: Бадамхатан С., Решетов А. М.	3	153
Стельмах В. Г. Совещание, посвященное формированию паниндийской общности в США	3	160
Томилов Н. А. Всероссийская студенческая научная этнографическая конференция	4	138
Флоренц В. Работа Международной Комиссии по изучению народной культуры в области Карпат и Балкан (К 25-летию Комиссии)	5	139
Чистов К. В. Конференция «Новые методы и концепции в изучении народной культуры Европы»	2	93
Юхнева Н. В. Конференция «Этнография Петербурга — Ленинграда»	5	144

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Акимова Т. М. Русская устная народная драма и русский народный театр в исследованиях советских фольклористов конца 70-х годов	5	154
Арутюнов С. А. [Обсуждение книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса»]	4	148
Барг М. А. [Обсуждение книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса»]	4	146
Гордон Л. А. [Обсуждение книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса»]	4	152
Дридзо А. Д. Новая литература об индийцах Тринидада	5	160
Дубянский А. М. Исследования советских ученых по дешифровке протоиндийских текстов	5	148
Кан А. С. Шведская этнография в 70-х годах (Родинведение)	1	155
Крюков М. В. Китайские ученые о проблемах теории этноса	6	144
Ломов Б. Ф. [Обсуждение книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса»]	4	151
Маретина С. А. Важное международное издание	2	113
Машбиц Я. Г. [Обсуждение книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса»]	4	154
Мыльников А. С. Проблемы формирования наций в Восточной Европе в оценке современной венгерской историографии	3	164
Розенфельд А. З. Новые работы по этнографии Средней Азии	5	152
Степанов Г. В. [Обсуждение книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса»]	4	156
Шлыгина Н. В. Современные исследования свадебной обрядности в Финляндии (новые работы М.-Л. Хейкинмяки)	2	125
Шнирельман В. А. Этноархеология — 70-е годы	2	100
Юхнева Н. В. Изучение пражских рабочих в Институте этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук	2	118

Общая этнография

Васильева Е. Е., Фишман О. М. Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXXVIII)	1	164
Исламов Т. М. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья/ред. В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин	4	157
Киселев Г. С. Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе	6	152
Леонтьев А. А. И. Л. Андреев. Происхождение человека и общества	2	132
Миرونцов Б. Н. А. Г. Вишневецкий. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее	1	162
Пушкарев Л. Н. Фольклор и историческая этнография	2	135
Фишман О. М.—См.: Васильева Е. Е., Фишман О. М.	1	164

Народы СССР

Алиева А. И. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов	1	172
Анчабадзе Ю. Д. Л. И. Лавров. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.)	2	142

Бацер Д. М., Владыкина-Бачинская Н. М. <i>Былины. Русский музыкальный эпос</i>	3	170
Браим И. Н. М. Ф. <i>Пилипенко. Этнография Белоруссии</i>	6	158
Владыкина-Бачинская Н. М.—См.: Бацер Д. М., Владыкина-Бачинская Н. М.	2	141
Зуева Т. В. А. М. <i>Новикова, С. И. Пушкина. Свадебные песни Тульской области</i>	6	158
Итоишвили В. Дж. Н. Г. <i>Волкова, Г. Н. Джавахишвили. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации</i>	2	150
Кармышева Б. Х., Соколова З. П. Н. А. <i>Томилов. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX в.</i>	4	161
Кожин П. М. С. А. <i>Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. «Китовая аллея»: древности островов пролива Сенявина</i>	6	155
Козинцев А. Г. Л. И. <i>Тегакко, И. И. Саливон, А. И. Микулич. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья)</i>	5	168
Корепова К. Е. Н. В. <i>Зорин. Русская свадьба в Среднем Поволжье</i>	3	172
Кулемзин В. М., Томилов Н. А. <i>Этническая история народов Севера</i>	2	147
Лазарев А. И. В. И. <i>Игнатов. История и народная поэзия села Плодовитого Малодербетовского района Калмыцкой АССР</i>	3	168
Маслов А. Ф. Л. П. <i>Шабалина. Этнография в школьном краеведении</i>	2	151
Маслова Г. С. <i>Две книги о народном искусстве</i>	2	144
Мачинский Д. А. И. В. <i>Дубов. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья</i>	6	157
Наильская Т. Н. В. В. <i>Седов. Восточные славяне в VI—XIII вв.</i>	6	160
Паин Э. А. <i>Сельские поселения Удмуртии в XIX—XX вв.</i>	2	137
Смирнова Я. С. <i>Семейно-бытовая обрядность вайнахов</i>	2	145
Соколова В. К. <i>Календарно-обрядовая поэзия сибиряков</i>	4	164
Соколова З. П.—См.: Кармышева Б. Х., Соколова З. П.	1	170
Томилов Н. А.—См.: Кулемзин В. М., Томилов Н. А.	6	155
Чеснов Я. В. В. П. <i>Кобычев. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.</i>	3	168
Чеснов Я. В. Е. М. <i>Малия, Л. Х. Акаба. Одежда и жилище абхазов (Материалы для историко-этнографического атласа Грузии)</i>	1	167
	5	166

Народы зарубежной Европы

Вийрес А., Шлыгина Н. В. I. <i>Talve. Suomen kansankulttuuri. Historialisia päälinjoja</i>	2	155
Козлов В. И., Соколов Б. В. Н. А. <i>Ерофеев. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских</i>	4	166
Соколов Б. В.—См.: Козлов В. И., Соколов Б. В.	4	166
Шлыгина Н. В. <i>Bo Lönnqvist. Suomenruotsalaiset. Kansatieteellinen tutkimus kieliryhmästä</i>	6	163
Шлыгина Н. В.—См.: Вийрес А., Шлыгина Н. В.	2	155
Филимонова Т. Д. <i>Bauer und Landarbeiter im Kapitalismus in der Magdeburger Börde</i>	2	153

Народы зарубежной Азии

Гусева Н. Р. Е. С. <i>Юрлова. Социальное положение женщин и женское движение в Индии</i>	4	171
Литвинский Б. А., Чவர்ь Л. А. <i>Janata A. Schmuck in Afghanistan</i>	2	157
Чவர்ь Л. А.—См.: Литвинский Б. А., Чவர்ь Л. А.	2	157

Народы Америки

Куббель Л. Е. <i>Этнические процессы в странах Южной Америки</i>	2	159
Пименов В. В., Стельмах В. Г. <i>Этнические процессы в странах Карибского моря</i>	2	162
Стельмах В. Г.—См.: Пименов В. В., Стельмах В. Г.	2	162
Стельмах В. Г. <i>L. Carlson; Indians, Bureaucrats Land. The Dawes Act and the Decline of Indian Farming</i>	6	166

Народы Африки

Платонов В. М. С. Б. <i>Чернецов. Эфиопская феодальная монархия в XIII—XVI вв./Отв. ред. Д. А. Ольдерогге</i>	5	170
Семенов Ю. И. Э. С. <i>Годинёр. Возникновение и эволюция государства в Буганде</i>	2	163

Народы Океании

Кабо В. Р. Б. Н. <i>Пётров. Песни южных морей; Миф — обряд — песня Новой Гвинеи; Человек с Луны. Дневники, письма, статьи Миклухо-Маклая, и др. работы</i>	2	167
Токарев С. А. П. И. <i>Пучков. Этническая ситуация в Океании</i>	2	171

On the Principles Underlying the Study of the Functions, Content and Structure of Activities outside Working Time

The article is aimed at elucidating the functions, content and structure of activities carried on outside working time as a sphere in the way of life. The relation between such categories as «activities outside working time», «way of life», «culture» is examined in its connexion with the purpose of the study. The functions of activities outside working time are classified in accordance with their place in the socio-demographic reproduction system of the primary territorial community. A description is given of the content and the structure of activities outside working time; it is based on the criterion of the «measure of diversity». The selection of branches of activity (pursuits) for further analysis is based on singling out the most essential features of this activity, those which reflect what is typical in the way of life of the object undergoing study. Information meeting the requirements of the above-stated methodological principles consists of data on the degree of differentiation of the population's pursuits in the sphere of activities outside working time. Starting from the idea that the diversity of these activities is on the increase a typology of their character is drawn up with the aid of mathematical modeling.

The author hopes that this approach will contribute to further research into the common and the ethnically specific features of the socialist way of life of individual peoples and ethnosocial groups.

O. I. Shkaratan

The Family: Its Structure, Functions, Types

An attempt is made to present a general idea of the family as a system and also to develop various ways of classifying it and to elaborate a typology based on structural criteria.

The family is defined as a social system with a characteristic structure in each of its different typological variants its main functions being: the procreation of human beings, the reproduction of ethnic groups in monoethnic and polyethnic environments, the satisfaction of the need of conjugal partners for a protracted life of intimacy, economic functions and those of self-expression and recreation. It is stressed that the family differs from other social systems and subsystems in being based, in its origins, upon marriage and kinship.

The author reaches the conclusion that the study of the family's structure and functions, the elaboration of its typology are not only of a scientific but also of a practical value. The question is more and more often heard in our days whether the modern family of one or another structural type is capable of performing its main functions. By distinguishing the main types of the modern family we are enabled to differentiate our approach to this question according to the various types. The future will show which types of family are best adapted to resolve the vital family problems of different generations. The task of the researcher is to elicit the tendencies governing the evolution of the family. Thus he may take an active part in creating favourable conditions for realizing the most progressive solutions of these problems in different ethnosocial environments.

O. A. Gantskaya

An Attempt at Reconstructing a Society's Structure (Based on Data from a Bronze Age Burial Ground)

The Kivutkaln burial ground dating from the 2nd millenium B. C. is situated on Dole Island in the lower reaches of the Daugava River (Latvian SSR). It has been completely investigated, about 240 burials have been disinterred. An attempt has been made to reconstruct the social structure of an early agricultural society with the aid of these materials. By analyzing the relationships between the anthropological traits, the sex and age of the buried people with the topography of the burials and with archaeological data a number of regularities have been elicited. This served as a basis for uncovering the social structure of the population. The society thus reconstructed lived in a patriarchal clan community with patrilineal reckoning of kinship, patrilocal marriage, the pairing type of family.

R. Ya. Denisova

The Immigrant Population of the Republic of South Africa

The south African population of European and Asian descent is described. The problem of the ethnic-national identification of the Anglo-Africans is analyzed. Ethnic-national processes in South Africa are examined in their connexion with the reform of the constitution. The author notes the rise of a common «self-identification» among the Asiatic, coloured and African population. The main groups of European-origin and Asian-origin population are described. The history of the relations between the Afrikaners and the Anglo-Africans is examined as well as the interracial relations in South Africa. The ethnic composition of the Republic's population (in the author's evaluation for 1980) is shown in the appended table.

B. V. Sokolov

Discussion of M. M. Gromyko's Article «The Place of the Village (Territorial) Community in the Social Machinery by Which Tradition is Formed, Preserved and Changed» «*Sovetskaya Etnografiya*», 1984, № 5]

The importance of the problem raised by M. M. Gromyko is noted. Her main achievement, according to V. A. Alexandrov, lies in uncovering the processes by which traditions are reproduced in rural society (in the community and the family); these promote the stability of the chief elements of the peasantry's material and spiritual culture. In following up this problem the author draws attention to the changes that traditions undergo in the course of centuries under the impact of social factors as well as to the differences in the character and processes of these changes between different regions and different groups of the peasantry.

V. A. Alexandrov

The author stresses the typological importance of the regularities (demonstrated in M. M. Gromyko's paper) under which traditions become formed, firmly set and transmitted; she develops this subject mainly on Bulgarian material. She notes the role of the ethnic factor in various historical situations, that of social and occupational stratification (in the latter-day community) and of ritual forms of social control. On the other hand, the processes by which tradition is transmitted are conditioned by the type of culture, by the specificity of its content and form. Certain traits of the way tradition functions in the village community are reflected in the popular culture of the modern village.

L. V. Markova

In studying the processes by which culture is transmitted it is advisable to examine and compare the development of the various traditions giving particular consideration to the conditions that influence their destinies — favourably or adversely. A graphic example is examined: the development of the Russians' common law is compared to that of their artistic traditions.

S. B. Rozhdestvenskaya

It is noted that in the functioning of the structural variables of the community (particularly, of agrarian ritual), among the Eastern Slavs in the 19th century traces of sex-and-age division may be fairly clearly observed. Among other things, communication forms of social significance to the community have become internalized in ritual communication between coevals within sex-and-age groups.

L. A. Tultseva

The author stresses the importance of traditions for a viable peasant society, for its adaptation to the changing environment. Problems connected with the perception of the inner and the outer world, with egalitarianism are examined. As a working hypothesis it is proposed to distinguish ethnographic and ethnic culture.

Ya. V. Tchesnov

CONTENTS

O. I. Shkaratan (Moscow). On the Principles Underlying the Study of the Functions, Content and Structure of Activities outside Working Time. *O. A. Gantskaya* (Moscow). The Family: Its Structure, Functions, Types. *R. Ya. Denisova* (Riga). An Attempt at Reconstructing a Society's Structure (Based on Data from a Bronze Age Burial Ground). *B. V. Sokolov* (Moscow). The Immigrant Population of the Republic of South Africa.

Discussions

Discussion of M. M. Gromyko's Article «The Place of the Village (Territorial) Community in the Social Machinery by Which Tradition is Formed, Preserved and Changed» («*Sovetskaya Etnografija*» 1984, N 5). Contributions by *V. A. Alexandrov*, *L. V. Markova*, *S. B. Rozhdestvenskaya*, *L. A. Tultseva*, *Ya. V. Tchesnov*.

From the History of Ethnography

V. P. Alexeyev (Moscow). M. G. Levin, Anthropologist, Ethnographer and Research Organizer (to His 80th Birth Anniversary).

Communications

M. O. Osmanov. On the Forms and Types of Animal Husbandry (19th Century Daghestan Materials). *V. B. Kovalevskaya* (Moscow). Early Traditions in House Construction among the Highland Peoples of Northern Caucasus. *B. A. Kaloyev* (Moscow). A Visit to the Hungarian Yas. *A. Bukari* (Niamey, Niger). On the Creative Adaptation of Sociocultural Traditions in Niger.

Searchings, Facts, Hypotheses

S. I. Vainshtein, *M. V. Kriukov*. The Saddle and the Stirrup.

Academic Life

A. N. Zhilina, *A. Ye. Pakhutov* (Moscow). An All-Union Conference on the Results of 1983 Field Studies. *G. M. Afanasyeva* (Moscow). Readings in Memory of B. O. Dolgikh. *I. A. Osnitskaya* (Leningrad). Problems of the Ethnic Specificity of the Language of Culture: a Symposium.
Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *M. V. Kriukov* (Moscow). Chinese Scholars on Problems in the Theory of Ethnos. General Ethnography. *G. S. Kiseliov* (Moscow). The Ethnos in Pre-Class and Early Class Society. Eds. Yu. V. Bromley, L. Ye. Kubbel, A. I. Pershits. Peoples of the USSR. *B. Kh. Karmysheva*, *Z. P. Sokolova* (Moscow). *N. A. Tomilov*. The Turkic-Speaking Population of the West-Siberian Plain from the Close of the 16th to the First Quarter of the 19th Century. *G. S. Maslova* (Moscow). Two Books on Folk Art. *D. M. Batser*, *N. M. Vladykina-Batchinskaya* (Moscow). The *Bylinas*. Russian Musical Epos. Compiled by B. M. Dobrovolski, V. V. Korguzalov. *D. A. Matchinski* (Leningrad). I. V. Dubov. North-Eastern Russia in the Early Middle Ages (Historico-archaeological Studies). Peoples of Europe outside the USSR. *N. V. Shlygina* (Moscow). Bo Löngqvist. Suomenruotsalaiset. Kansatieteellinen tutkielma kieliryhmästä. Peoples of America. *V. G. Stelmakh* (Moscow). L. Carlson. Indians, Bureaucrats and Land. The Dawes Act and the Decline of Indian Farming.

Index for 1984.

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.09.84 Подписано к печати 28.11.84 Т-23201 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 476 тыс. Уч.-изд. л. 19,2 Бум. л. 5,5
Тираж 2845 экз. Зак. 4179

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

**В магазинах «Академкнига»
имеются в продаже:**

Андреева Ж. В. ПРИМОРЬЕ В ЭПОХУ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК. 1977. 240 с. 2 р. 02 к.

Монография написана на основании археологических материалов и вводит в научный оборот большое количество новых данных. Значительное внимание в книге уделено показу изменений, происшедших на протяжении железного века в различных сферах деятельности древнейшего населения края, обосновывается периодизация культур рассматриваемого времени, а также дается их характеристика. Автор выявляет особенности исторического процесса в Приморье и рассматривает предпосылки формирования раннефеодальных государств в южной части Дальнего Востока.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, историков, географов.

Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. БРАК И СЕМЬЯ У НАРОДОВ ЮГОСЛАВИИ. ОПЫТ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИИ. 1982. 239 с. 95 к.

Книга является первым советским историко-этнографическим исследованием, посвященным проблемам брака и семьи у народов Югославии: традиционному и новому в семейно-брачных отношениях многонационального государства. Авторами привлечен богатый фактический материал смежных наук — социологии, демографии, статистики, экономики, а также анкетные обследования и полевые наблюдения.

Работа предназначена для этнографов, социологов, историков, юристов, работников культурно-просветительных учреждений.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.